

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

В десяти томах




ТОМ
II



МОСКВА
«Детская литература»
1987



И. БИЛБЕННЗ .1877.



СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

в
десяти
томах

—◆—

ТОМ

II

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

◉

РФ
Р89

Редакционный совет издания
«СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА»

Аникин В. П.	Никулин Н. И.
Ващенко А. В.	Ольдерогге Д. А.
Кор-оглы Х. Г.	Путилов Б. Н.
Михалков С. В.	Рифтин Б. Л.
Налепин А. Л.	Шатунова Т. М.



Научный руководитель издания, составитель тома,
автор вступительных статей и примечаний

В. П. АНИКИН



Оформление серии

Б. А. ДИОДОРОВА



Иллюстрации

ИВАНА БИЛИБИНА

Р 480300000—412 Подписн. изд.
М101(03)87

© Состав. Вступительные статьи. Примечания. Оформление.
Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г.

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА



Всемирная сказка

В фольклоре народов мира сказки являются самым удивительным созданием. Их начало затерялось во мраке первобытных времен. Достоверная писаная история уже застала сказку у всех народов в стадии полного развития поэтического вымысла. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас памятники древней письменности индийцев, египтян, китайцев.

Сказке было тесно в манускриптах, ее настоящая жизнь была в устах народа, в несконанном творчестве рассказчиков, но и творчество сказочников держится своих правил.

Не всякая выдумка становилась сказкой. По традиции от поколений к поколениям передавалось только то, что заключало в себе важное для людей. Сказочники выражали мудрость своих народов, их стремления и мечты. Отсюда происходит своеобразие и неповторимость сказок у каждого народа. Но у народов существует и общее, что делает их жизнь похожей. Всюду простые люди работают, строят жилища, чтобы укрыться от холода, дождей, борются с теми, кто посягает на их покой, любят и растят детей, передают им свои знания, смеются над очевидной глупостью, мечтают о лучшей доле. Много еще найдется общего у народов, хотя одни из них живут под палящим солнцем, а другие — в холодных

❧ снегах или высоко в горах, в низменных долинах рек. В общественном устройстве у народов тоже много сходного в установлениях, законах, каким бы своеобразным ни был общий уклад их жизни. Изо всего этого возникает сходство сказок в идеях, в вымысле.

Специалисты, изучавшие сказки во всемирном масштабе, сначала держались убеждения: сказки похожи потому, что были придуманы в одном месте, а потом распространились по всему земному шару. Первоначальной, общей для всех сказок родиной считали Древнюю Индию. Но очень скоро были записаны сказки в Южной Америке и в других отдаленных от Азии и Европы странах, и оказалось, что народы, никогда не находившиеся в культурных связях с народами Индии и Центральной Азии, рассказывают похожие сказки. Мысль о распространении сказок из одного источника пришлось признать неправильной. Конечно, случаются и заимствования, и сказки народов бывают похожими потому, что один народ передал свои сказки другому, но сказки у народов мира сходны прежде всего потому, что сходны условия жизни, сходны стремления народов, их желания, чаяния и надежды. Будь вымысел сказок независимым от людской жизни, он не обнаружил бы сходства. Это сходство, близкое и всестороннее, касается многих сказок.

У всех народов есть сказки, в которых говорится о том, как наивность ставит глупца в смешное положение. Такова русская сказка о раке и лисе. Рак поспорил, что перегонит лису. Бросилась лиса бежать, а рак уцепился за ее хвост, добежала лиса до места, повернулась — вильнула хвостом, чтобы поглядеть, где там рак, а он отцепился и говорит:

— А я уже давно тут тебя жду.

Сказка известна немцам, финнам, эстонцам, французам, испанцам, итальянцам, венграм, полякам и многим другим народам. Существуют ее многочисленные вариации: состязаются в беге заяц и черепаха, еж и заяц, волк и пчела, лягушка и улитка, и всегда хитрец посрамляет глупого соперника. В валлонской сказке (Бельгия) лягушка не может перепрыгнуть через препятствие, встретившееся на дороге, а улитка переползает и первой приходит к цели. В сказке у индейцев тупи, живущих в тропических лесах и саваннах Южной Америки, состязаются гриф и черепаха. На небе праздник; черепаха сказала грифу:

— Давай поспорим, кто придет на небо первым.

7

Согласился гриф и стал с вечера собираться в дорогу. Покончил он с приготовлениями, заснул, а черепаха влезла в его корзину с едой и притаилась там. На рассвете гриф поставил корзину на плечи, расправил крылья и полетел. Долетел до неба — пошел посмотреть, что нового. А черепаха выползла из корзины и тоже пошла поглядеть, что делается вокруг. Уверенный в победе, гриф уже не ждал черепаху и тут увидел ее.

— А,— говорит он.— Доползла наконец?

— А как же! — отвечает черепаха.— Я ведь уже целый день здесь.

Индийская сказка и похожа и не похожа на остальные такие же сказки. Иначе и быть не могло — сказочники воспроизводят представления и понятия своих народов.

Было немало попыток систематизировать сходные сказки народов мира. Составлены специальные каталоги похожих сказочных сюжетов и тем. Польза каталогов несомненна, но у них тот недостаток, что они отождествляют сказки разных народов, не делают между ними разницы — упускают из виду подробности, в которых заключен смысл сказки как художественного творчества. В сказке важно не только действие, но и кто, как и при каких обстоятельствах их свершает. От этого сказка существенно меняется.

Всем известна история о волке и козлятах: волк съедает козлят, один из них прячется и все рассказывает матери: коза спасает козлят — распарывает волку брюхо. Сказка известна в фольклоре многих европейских, азиатских, американских и африканских народов. Не исключено, что сходству сказки во многом способствовало знание о том, как ее рассказывали у соседних народов. Но у каждого народа меняется облик персонажей, меняется настолько, что нельзя не признать все национальные варианты самостоятельным искусством.

В украинской сказке волк подслушал, как коза поет, и решил обмануть козлят, но его голос то оказывается слишком грубым, то он не так «спива» — поет. Волк хочет научиться петь по-козьему, за этим занятием его застаёт лиса. Она советует ему сбежать в кузницу у края села. Волк просит кузнеца перековать голос. Кузнец соглашается и велит волку подойти к наковальне, высунуть язык и закрыть глаза. Волк слушается, и кузнец его убивает. Как видим, сказка сильно отличается от русской — изменился не только облик персонажей, но и действие.

У немцев сказку о козлятах и волке рассказывали с

новыми подробностями. В сборнике братьев Grimm козлята не отпирают двери волку, узнают его по голосу.

— Не откроемся,— закричали они,— ты не матушка наша; у той голос добрый и тонкий, а твой голос толстый: ты — волк.

Спустя время волк снова у двери — запел на этот раз тонко, но положил черную лапу на окошко — козлята ее увидели и закричали:

— Не откроемся, у матушки нашей не черные лапы: ты — волк!

Волк побывал у мельника, вымазал лапы в тесте, вывалял их в муке. Козлята открыли дверь, спасся только один козленок — младший: спрятался в часы. Коза нашла спящего волка, разрешила ему брюхо ножницами, выпустила козлят, а в брюхо положила камни и зашила. Волк проснулся, захотел пить. В брюхе камни стучат, закричал волк:

— Что урчит и стучит,
В моем брюхе бурчит?
Думал я — шесть козлят,
А то камни гремят.

Подошел волк к колодцу — хотел напиться, камни потянули его вниз, и волк утонул.

В немецкой сказке волк не отступает от цели и добивается своего, но и в ней злодея ждет возмездие.

У памирских таджиков (язгулямцев) сказку рассказывают не так, как в Европе. У козлят есть имена: Кулюль, Булюль, Хоксырмахак-зольник, Вызамак-потолочник, Деволяк-стенник. Волк съедает Кулюля и Булюля, а остальные прячутся — в золу очага, за балку на потолке, в стене (отсюда имена козлят). Коза сначала ищет пропавших козлят у лисы — взобралась на крышу ее дома, потом — у волка, спрашивает его, и он признается:

— Я взял твоего Кулюля, я съел твоего Булюля!

— Пойдем сразимся! — зовет коза волка на поединок-бой.

Коза дала мастеру молока, и он заострил ей рога, а волку мастер посоветовал поесть кислых яблок — набил волк оскомину, зубы у него притупились. Пошел волк на козу сверху с горы, а коза встала внизу. Волк только лязгнул зубами, не причинил вреда козе, а коза распорол волку брюхо и вызволила Кулюля и Булюля.

Персонажи действуют в сходных сказках у каждого народа по-разному. Сказка всякий раз воспроизводит на свой лад их поведение. Оно соответствует разным представлениям об уме, находчивости, целесообразности, об отваге и хитрости.

Национальное и народное варьирование вместе с тем демонстрирует единство: все народы мира единоклюсы в том, что считать истиной и неправдой, справедливостью и обманом, преступлением и наказанием, геройством и трусостью, что считать достоинством человека, а что — низостью.

В особенности устойчиво повторяются нравственно-этические понятия, выраженные волшебными сказками. Они воссоздают народный кодекс понятий о чести и достоинстве людей в сочетании с передачей древних историй первобытной эпохи. Переработанное мифологическое наследие мы узнаем в волшебных сказках всех континентов. Так, в одной южноамериканской сказке поведано о том, как на помощь огнеземельцам пришел герой Тайин. Люди пропадали из-за недостатка воды: взрослые уже едва держались на ногах, а дети умирали. Воду не давала злобная Таита, она закрыла шкурами все источники и озера, все пруды и болота. По совету филина Кауха, умного и всеми почитаемого старика, огнеземельцы послали за его внуком — Тайином. Это чилийский колибри — птица, редко залетающая на Огненную Землю. Человек-птица умел ловко обращаться с пращой. Он метал камни и, когда злая женщина выглянула из хижины, попал в нее и убил. Но кровь Таиты широко брызнула и испортила воду в источниках. Тогда Тайин зачерпнул грязную воду и выплеснул ее далеко на север; там и теперь, рассказывается в сказке, вода в озерах как кровь — солоноватая и темная. А остальная вода чистая и пригодная для питья. Много еще доброго сделал Тайин для людей...

Героиня этой сказки, при всей ее очевидной связи с мифами, сходна в главной мысли с волшебными историями других народов. Их герои тоже убивают чудовищ, дарят людям огонь, учат ремеслам, освобождают из плена несчастных жертв. Таковы русские сказки о бое Ивана — третьего сына с чудовищным змеем; чувашская сказка о Качикруше-патаре, богатыре, который убил шайтана-вихря и спас свою сестру Кулине; эстонская сказка о юноше, победившем чудовище, опустошавшее все вокруг; такова и английская сказка о Джеке — победителе великанов... Нет народа, у которого не было бы подобных сказок.

Сказки народов мира во всех разновидностях составляют

Бесценную сокровищницу демократической культуры человечества. Это искусство создано в веках на исторических путях народов в борьбе за жизнь и счастье. Изящество поэтических форм, ясность сказочного стиля и его простота отмечены безупречным вкусом творцов этой великой художественной культуры. Свое восхищение сказкой свидетельствовали самые взыскательные, самые тонкие художники мира. М. Горький писал о «цветистой фантазии» народов — шелковые нити ее, по словам писателя, «простерлись по всей земле, покрыв ее словесным ковром изумительной красоты», а у А. С. Пушкина в письме к брату под свежим впечатлением сказок, услышанных в селе Михайловском, вырвались слова: «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

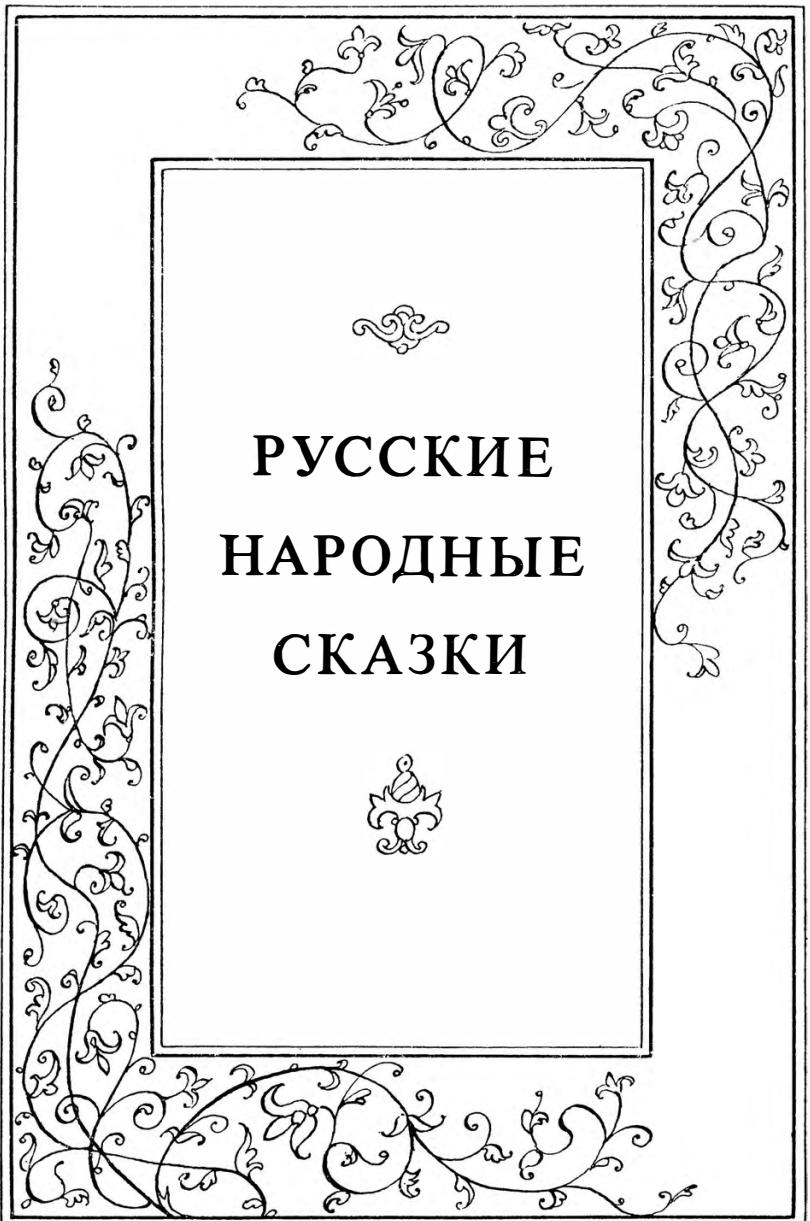
* * *

Десятитомное собрание сказок, открывающееся русскими сказками, включает в себя сказки всех стран и континентов. Это сказки народов СССР, Европы и Азии, Африки, Америки, Австралии. Сказки публикуются по лучшим в текстологическом отношении изданиям и в соответствии с традицией детских книг. Сказочный фольклор представлен в подлинных записях и в редакции известных писателей, не заменявших фольклора собственным творчеством. Получившие всемирную известность сказки А. С. Пушкина, братьев В. и Я. Гримм, Ш. Перро, Х.-К. Андерсена и других знаменитых писателей прошлого, а равно сказки писателей нашего времени составят особые тома серии.

Каждый том открывает статья, в которой приводятся самые необходимые сведения о публикуемых сказках. В примечаниях поясняются местные и устаревшие слова, включены географические и исторические данные, важные для понимания отдельных мест текста.

Сводная публикация такого масштаба, как настоящая, предпринимается в нашей стране впервые. На полки школьных библиотек, в семьи попадут сказки, про которые М. Горький говорил, что они «были сочинены для детей, рассказаны детям и воспитывали из детей Спартаков, Фра-Дольчино и других революционеров». Всемирная сказка в лучших образцах займет свое место в кругу читательских интересов подростков и юношей.

В. П. АНИКИН

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the central text. The border is composed of a double-line frame with ornate scrollwork and leaf motifs extending inwards from the corners and sides.

**РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**



РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ



Русская фольклорная сказка

Тысячелетия отделяют нас от времени, когда повелось рассказывать сказки. Уже в XII веке церковные деятели осуждали обычай «баять басни» («баять» — говорить, сказывать). Сказочников называли бахарями. В одном древнем документе представлена бытовая сцена: отходящего ко сну боярина забавляет рассказыванием сказок такой бахарь. Сказкой тешились и цари. Иван Грозный держал при себе слепцов-рассказчиков. У царя Михаила были сказочники Клим Орефин, Петр Сапогов и Богдан Путята. За умение им было пожаловано по четыре аршина сукна и по кафтану.

Обыкновение рассказывать сказки перед сном сохранилось и до наших дней. В самих сказках встречаются эпизоды, когда сказывают сказки — такова северорусская история о Барме. Сказочники развлекали, смешили, поражали и учили своих слушателей, но боялись гнева господ и меняли смысл историй, а среди своих давали волю остроумию и воображению — рассказывали, как давно велось в народе. Сказывание сказок церковь порицала, приравнивала к тяжелому греху, к преступлению против веры. О сказочниках и о тех, кто их слушает, писали: «Сказки сказывают небылые, и празднословием, и смехотворением, и кощунанием души свои губят



такими помраченными делами». Однако никакие гонения, никакие преследования не помешали сказке жить среди народа. Искусство веселое, затейливое и пленительное, сказки донесли до нас народное свободомыслие.

В каждой сказочной истории при откровенном вымысле всегда было нечто истинное, реальное, во имя чего, собственно, и сказывалась сказка. И это касается всех сказок — в том числе и так называемых волшебных, как бы затейливы ни были их чудеса. А в этих сказках есть чем увлечься! Иван-царевич попадает на берег моря и видит из-за куста, как прилетают на взморье двенадцать голубиц — ударились о сырую землю и сделались девицами, все до единой красоты несказанной; играют девицы, плещутся, смеются, песни поют... Прилетает в царский сад в полночь Жар-птица. Весь сад осветило, клюет птица золотые яблоки... Идет через чистые поля, темные леса, высокие горы невеста Финиста — ясного сокола, и не трогает ее ни волк, ни медведь — все ей помогают... Найденная в болоте Иваном-царевичем лягушка оказывается прекрасной царевной... Едет царевич по зеленым лугам, каменным горам в той стороне, куда и ворон костей не заносит, едет за живой водой... Скорый гонец на бегу превращается в быстроногого оленя, потом — в зайца, в птицу — золотую головку... Чудовищного змея побеждает Никита Кожемяка, запрягает в соху и пропахивает борозду до самого Черного моря...

В иной сказке чудо следует за чудом и нет предела вымыслу. В сказке об Андрее-стрельце («Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что») горлица оказывается Марьей-царевной. Андрей попадает «на тот свет» и узнаёт, как поживает там отец царя, — а на покойном царе черти возят дрова. Кот Баюн урчанием за три версты наводит на всю окрестность сон. В незнаемое царство ведет стрельца чудесный клубочек. Побывал Андрей и в избушке на курьих ножках у бабы-яги. Чудовищная лягушка-скакушка переносит стрельца через огненную реку. В тереме он встречает мужичка с ноготок, борода с локоток... Еще о многих иных чудесах говорится в сказке, но сквозь вымысел, как и в любой другой, постепенно обрисовываются черты реального мира. У царя власть, и она — источник страданий стрельца и Марьи. Своеволие, прихоть власть имущего и муки несчастных подчиненных составляют основу сказочной истории. Сказочники не мирились со злом. Злого царя убила чудесная дубинка, стрелец стал править государством. Непоправимых

бед и несчастий сказка не знает. Народ мечтал о справедливости. Стало возможным невозможное. Чудо служит добру.

Вымысел в сказках может состоять и в нарочитом выворачивании наизнанку обыденных явлений. Барин лаает в церкви. Дурачок на похоронах пляшет, а на свадьбе плачет. Поп верит, что лошадь завязла в болоте, тащит ее за хвост — хвост обрывается, поп думает, что лошадь ушла вглубь. «Знахарь» Жучок по стечению случайных обстоятельств оказался провидцем. Матрос навел на генерала мороку. Стоит река вся из молока, а берега — кисельные. Это лишь немного из того, что происходит в так называемых «бытовых» сказках. Фантазия и в них не плод досужего занятия.

В сказке «Топанье и ляганье» в невероятном виде представлена церковная служба. Поп учит прихожан-верующих:

— Что делает поп, то и приход.

По оплошности из кадила выпал горячий уголек и попал попу за голенище. Уголек жжет. Поп стучит ногами — и прихожане топочут. Уголек все дальше забирается. Кинулся поп на пол, ноги кверху и лягается. И все прихожане хлопнулись на пол и залягались.

Вышедший из церкви мужик оповестил другого:

— Топанье-то прошло, а теперь — ляганье.

В другой сказке барин плотнику сказал:

— Иван, ты совсем плохо работаешь.

— Как, барин, плохо?

Барин показал на щели. Плотник усмехнулся:

— Э-эй, барин! Придет клин, так все замажет.

Барин ничего не понял — решил, что работу плотника поправит какой-то помощник. И захотелось барину увидеть клина. Ждал-ждал, а клин не идет. Не стал плотник при барине вставлять клинья. Решил барин сходить домой, а плотник тем временем заделал щели — так заклинил, что стало все пригнуто. Вернулся барин — плотник сказал:

— Вы только, барин, ушли, и клин пришел.

Пожалел барин, что не повидал клина. Сказал еще Иван:

— Клин плотнику — товарищ. Плотник мох закладает, да клин вбивает — вон оно и чисто выходит.

Барин не понял и этих слов.

В смешной сцене вышучивается незнание баринком простого дела: ведь сам он не работает и ничего не смыслит в плотницком деле. Барское незнание преувеличено, но сказочная ирония очень метка: чуждый работе, барин не ведает дела, а судит о нем.



В другой сказке рассказывается: барин поверил, что овца у мужика ловит волков, и упросил продать ее ему. И вот повез барин овцу домой и погнались за санями волки. Барин глянул на овцу, а она испугалась и стала дергаться в санях. Барин решил дать овце раззадориться, а потом крикнул кучеру:

— Надо пускать!

Выпустили овцу. И случилось то, что должно быть. Задрали волки овцу.

Кучер сказал барину:

— Ах, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкам не поддалась.

И в этой сказке, в сущности, высмеяно то же барское незнание обыденной, простой жизни.

В сказках-сатирах нередко выводятся хитрые солдаты и воры-пройдохи. Сами по себе эти герои редко бывают положительными. Они нужны сказочникам по большей части для того, чтобы сделать из них свершителей социальной мести. Солдат наказывает барина, а подобный солдату лихой матрос посягает генерала, вор берет верх над судьей, обкрадывает корыстного попа. Сказочники ставили своих врагов в смешное положение.

Но есть и такие сказки, в которых солдат наказывает и просто жадных или глупых людей, верящих всяким небылицам. В сказке «С того света выходец» солдат, как бывалый воин, прикинулся прибывшим на этот свет от самого бога. Старуха хозяйка поверила хитрецу: он взял у нее деньги, окорок, сапоги, чтобы передать ее покойному сыну. «Твой сын,— сказал ей солдат,— у бога коров пасет, да коровушку потерял: вот бог у него двадцать пять рублей требует, а где он возьмет?» В сказках явлены здравый смысл и та трезвость ума, которая всегда отличала русский народ.

Народные сказки привычно представляют людские поступки и как действия зверей и птиц. От этого сказка не становится только иносказанием, но под звериной и птичьей личиной-маской выступают со всеми качествами люди.

Персонажи таких сказок общеизвестны: лиса, волк, медведь, заяц, петух, курица, кот, свинья, рак, паук-мизгирь, Ерш Ершович, зубастая щука, коза, козел, журавль, цапля, дрозд и другие звери, птицы, рыбы, насекомые. С каждым из них связаны свои истории. Чаще других в сказках выведена лиса. Она хитрит, строит козни, губит других зверей, но и сама попадает в опасные положения — даже гибнет. Ее обманывает петух, она тонет с кувшином, в который засунула

голову. Юмор этих сказок не безмятежен — в них сверкает острая мысль, не чуждая и сатиры.



Плохо жилось лисе, говорится в одной такой сказке («Лиса-странница»), и надумала она идти на богомолье. Пошла — попался ей навстречу медведь, уговорила лиса и его идти. Потом повстречала волка, зайца, и те пошли. Шли-шли — дошли до широкой и глубокой ямы. Лиса положила жердочку и говорит медведю:

— У тебя ноги толстенные, лапы широкие: пойдешь — не упадешь.

Медведь пошел и упал, убился. Убились и волк с зайцем. И каждого лиса по-своему уговаривала идти:

— Ты, куманек-волченоч, иди. У тебя лапки хорошенькие, когти остренькие — ты удержишься.

— Ты, зайчик-боботунчик, иди. У тебя ножки тоненькие, сам маленький. Скорёхонько пробежишь...

Много мяса стало у лисы. Лиса-богомолка — ханжа, ласковый враг, мнимый благожелатель. Ей верить нельзя: корысть и эгоизм — нередкий спутник показной набожности.

В томе представлены самые разные виды сказочного творчества: сказки — волшебные истории, сказки о животных, сказки-сатиры, пересмешные сказки-прибаутки, сказки-анекдоты, докучные сказки, сказки-небылицы, сказки-предания, сказки-легенды, сказки-пустобайки, сказки с цепевидным сюжетом типа «Репка» или сказки о кочетке-петухе и курице и другие разновидности. Среди них немало общеизвестных — таких, как сказка о колобке, но есть и сказка о волке, перепелке и дергуне, они редкие, знают их немногие. Том представляет русскую фольклорную сказку в полноте, превосходящей все детские книги.

Читая сказку, надо следить не только за ее действием. Прелесть и художественность сказки в тонком искусстве слова, которым дорожили настоящие народные рассказчики. Композиция сказок очень искусна, хотя народ-творец не прибегал к сложным приемам рассказывания. Таковы сказки с цепевидной композицией. Действие в них от эпизода к эпизоду вяжется как цепочка — от звена к звену. В сказке «Нет козы с орехами» говорится: козел пришел с лыками, а коза пошла за орехами — и нет ее. Козел насылает на козу волка, но волк не идет гнать козу. Тогда на волка насылается медведь, но и медведь не хочет идти на волка. Приходится насылать на медведя людей. Не идут люди — им грозят дубьем, а дубье отказывается бить людей. Тогда насылают на



дубье топор, а на топор — камень, чтобы затупить его, а на камень — огонь, а на огонь — воду, а на воду — ветер. Послушался ветер — и цепь действий развернулась в обратном порядке. Ветер пошел воду гнать, вода — заливать огонь, огонь пошел камень палить, камень — топор тупить, топор — дубье рубить, дубье — людей бить, люди пошли на медведя, медведь — на волка, а волк — на козу. И вот пришла коза с орехами, пришла с калеными!

Что за мысль стоит за этой композицией? Все в жизни связано — одно зависит от другого, и надо соблюсти много условий, чтобы добиться чего-то. При простоте в сказке передана довольно сложная мысль о всеобщей связи явлений.

Рассказчики любят повторения эпизодов: так лучше оттеняется мысль в сказочной истории. Повздорил волк ходить к одной избушке — то одного требует, то другого. Сначала отдал ему старик петушка с курочкой, потом — овечек, потом — жеребца. И вот, когда кончилось терпение у старика, а волк захотел съесть паренька и девушку, схватил старик кочергу, давай бить волка. Лопнуло брюхо у злодея, и выскочили оттуда и жеребец, и овцы, и петушок с курочкой. Вымогатель наказан.

Композиция сказок, основанная на повторении эпизодов, свойственна и большим по объему волшебным сказкам — в ней иногда повторяются целые группы эпизодов. Трижды ходят стеречь сад братья: сначала — старший, потом — средний, а потом — и младший. Младший действует не так, как старшие, — и это ведет его к удаче. Но и третий брат порой бывает неудачлив. Дважды в сказке о сером волке он не может свершить того, что необходимо. На третий раз за дело берется сам волк и делает все, как надо. Прием повторения с противопоставлением героев преобладает в волшебных сказках над остальными, но в каждом отдельном случае у него свой смысл. Родная дочь старика, добрая и работающая, противостоит падчерице, злой и ленивой. Сестрица спасает братца от гусей-лебедей, когда соглашается исполнить требования печки, речки и яблоньки: нужда заставит подчиниться обстоятельствам.

Своя композиция и у анекдотических сказок. Дурень грозит тем, кто его ночью побил:

— Молите бога, что ночь была светлая, а то я выкинул бы вам штуку!

— Какую, скажи, пожалуй!

— Я бы спрятался!



Такие сказки рассчитаны на неожиданность в концовках и неизменно вызывают смех.

Рассказчики любят слово, любят его звучанием, его игрой в сказке. Это можно сразу заметить, если обратить внимание на то, как говорят герои сказок. Старик рубит дерево — тят-тят по нему топором, и тут выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

Звукоподражание птичьему щебету не только в словах «чивы, чивы, чивычок», но и в тех, которые за ними следуют, — в них тоже выделен звук «ч»: «чего», «старичок». Через всю фразу идет: чи-чи-чи-чо-че-чо!

Вылепленный из глины парень просит:

— Дай, бабка, молока кадушечку да хлеба мякушечку.

А когда поел все в доме, вышел на улицу и каждому встречному сначала хвастает, что съел, а потом — грозит. Быку сказал:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой — и тебя, бык, съем!

В этой складной речи рифмуются слова (кадушка — мякушка, кадушечка — мякушечка). Фраза четко делится на части: «бабку с прялкой» — «дедку с клюшкой» и прочее.

Изобразительность в сказочной речи достигается точным отбором слов и таким их расположением во фразе, что мы ясно видим персонажей. Вот мужик из сказки о вершках и корешках отвечает на расспросы медведя, куда везет репу-«корешки»:

— Мужик, куда ты едешь?

— Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

— Дай-ка попробовать — каков корешок?

Мужик дал ему репу. Медведь как съел:

— А-а! — заревел. — Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

Это живая речь: тут и вопрос, и просьба, и удивление, и угроза. Мужик внешне простоват, а в действительности — умен. Немного слов потребовалось сказочнику, чтобы рассказать обо всем. И в сказке нельзя переставить или как-то заменить слова без риска утратить живость сцены.

Писатели, бравшиеся за подготовку текста сказок для опубликования в детских сборниках, очень дорожили народным языком. Алексей Николаевич Толстой, в редакции которого взяты многие сказки для этого тома, писал, что в сказке важно сохранять «народный язык, остроумие, све-

Жест, своеобразие, самую манеру рассказа, беседы» — «народный стиль». При неосторожном обращении он пропадает так же, «как дивный и хрупкий рисунок крыльев бабочки исчезает при неуклюжем прикосновении человеческих пальцев».

* * *

Все публикуемые сказки взяты из классических и современных сборников сказок. Их редактирование производилось только в самых необходимых случаях. Отдельные слова и обороты поясняются в примечаниях. Литературная редакция текста способствует передаче общерусского сказочного фольклора во всем блеске его идей, образности и языка.

В. П. АНИКИН



Присказка



Без присказки сказки — что без полозьев салазки.

Начинается сказка, начинается побаска — сказка добрая, повесть долгая, не от сивки, не от бурки, не от вещега каурки, не от молодецкого посвисту, не от бабьего покрику.

Вот диво — так диво! На море, на океане, на острове Буяне стоит древо — золотые маковки. По этому древу ходит кот Баюн: вверх идет — песню заводит, вниз идет — сказки сказывает.

Были тут две избушки, печки муравленые, толки черных соболей, жили тут двенадцать богатырей.

Сидели Ермаки — высокие колпаки, сидели Ермошки — длинные ножки.

Стоял столб точеный, золоченый, на столбе птица — синяя синица, красные перышки.

Летела сова — веселая голова. Вот она летала,

летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала, летала и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела, летала, летала...

Далеко от нас было — не видать, а только лишь от стариков было слышать.

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве снег горел, соломой тушили, много народу покрушили, тем дела не порешили.

Жил царь на царстве как сыр на скатерти.

Реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки.

Разодрались комар с мухой. Комар укусил муху, а муха-то — слепня, а слепень-то — шершня, а шершень-то — воробья. И пошел тут бой — не разлить бойцов водой.

Это еще не сказка, а присказка, сказка вся впереди.





МОРСКОЙ
ЦАРЬ
И ВАСИЛИСА
ПРЕМУДРАЯ



а тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам; долгое время дома не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает.

Стал он держать путь в свое государство, стал подъезжать к своей земле, а день-то был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилег на брюхо и давай глотать студеною воду. Пьет и не чуёт беды; а царь морской ухватил его за бороду.

— Пусти! — просит царь.

— Не пущу, не смей пить без моего ведома!



— Какой хочешь возьми откуп — только отпусти!

— Давай то, чего дома не знаешь.

Царь подумал-подумал — чего он дома не знает? Кажись, все знает, все ему ведомо, — и согласился. Попробовал — бороду никто не держит; встал с земли, сел на коня и поехал восвояси.

Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь.

Стали они жить по-старому; а царевич растет себе да растет, словно тесто на опаре — не по дням, а по часам, и вырос большой.

«Сколько ни держать при себе, — думает царь, — а отдавать надобно: дело неминуемое!» Взял Ивана-царевича за руку, привел прямо к озеру.

— Поищи здесь, — говорит, — мой перстень; я ненароком вчера обронил.

Оставил одного царевича, а сам повернул домой.

Стал царевич искать перстень, идет по берегу, и попадается ему навстречу старушка.

— Куда идешь, Иван-царевич?

— Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно.

— Ну, оставайся... — И пошла старушка в сторону.

А Иван-царевич пораздумался: «За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет». И стал ворочать старушку:

— Воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстень искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!

— Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмет тебя с собою в подводное царство.

Горько заплакал царевич.

— Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старуху. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц — всё красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки; у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!

Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждет поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанной: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют.

Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее!

Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на нее заглядывался, да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался и унес сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась — нет сорочки, унес кто-то; бросились все искать, искали, искали — не видать нигде.

— Не ищите, милые сестрицы! Улетайте домой;

Я сама виновата — недосмотрела, сама и отвечать буду.

Сестрицы — красные девицы ударились о сыру землю, сделались голубицами, взмахнули крыльями и полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила:

— Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек — будешь мне родной батюшка, коли средних лет — будешь братец любимый, коли ровня мне — будешь милый друг!

Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит:

— Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича.

А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит — и там свет такой же, как у нас, и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет.

Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь:

— Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать верст и в длину и поперек — одни рвы, буераки да каменье остро! Чтoб к завтраму было там как ладонь гладко, и была бы рожь посеяна, и выросла б к раннему утру так высока, чтобы в ней галка могла схорониться. Если того не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

Идет Иван-царевич от морского царя, сам слезами обливается. Увидала его в окно из своего

терама высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

— Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами обливаешься?

— Как же мне не плакать? — отвечает царевич. — Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменье острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться.

— Это не беда, беда впереди будет. Ложись с богом спать; утро вечера мудренее, все будет готово!

Лег спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом:

— Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменье острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело.

Проснулся на заре Иван-царевич, глянул — все готово: нет ни рвов, ни буераков, стоит поле как ладонь гладкое, и красуется на нем рожь — столь высока, что галка схоронится.

Пошел к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, — говорит морской царь, — что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копен — все пшеница белоярая; обмолоти мне к завтраму всю пшеницу чисто-начисто, до единого зернышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

— Слушаю, ваше величество! — сказал Иван-царевич; опять идет по двору да слезами обливается.

— О чем горько плачешь? — спрашивает его Василиса Премудрая.

— Как же мне не плакать? Приказал мне царь

Морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать.

— Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с богом, утро вечера мудренее.

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть — все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто.

Поутру зовет морской царь Ивана-царевича:

— Сослужил ли службу?

— Сослужил, ваше величество!

— Пойдем посмотрим.

Пришли на гумно — все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы — все закрома полнехоньки зерном.

— Спасибо тебе, брат! — сказал морской царь. — Сделай мне еще церковь из чистого воску, чтобы к рассвету была готова: это будет твоя последняя служба.

Опять идет Иван-царевич по двору, слезами умывается.

— О чем горько плачешь? — спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая.

— Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску.

— Ну, это еще не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать, утро вечера мудренее.

Царевич улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, пчелы работающие! Сколько вас на белом свете ни есть — все летите сюда и слепите из чистого воску церковь божию, чтоб к утру была готова!

Поутру встал Иван-царевич, глянул — стоит церковь из чистого воску, и пошел к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня ни было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства оберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жены.

Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

— Что так грустен, Иван-царевич?

— Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь.

— Вот это беда пришла! Если уйдем мы, будет за нами погоня великая; царь морской разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитриться!

Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранехонько приходят посланные от морского царя — молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери:

— Проснитесь, пробудитесь! Вас батюшка зовет.

— Еще рано, мы не выспались, приходите после! — отвечает одна слюнка.

Вот посланные ушли, обождали час-другой и опять стучатся:

— Не пора-время спать, пора-время вставать!

— Погодите немного: встанем, оденемся! — отвечает вторая слюнка.

В третий раз приходят посланные: царь-де

Морской гневается, зачем так долго они прохлаждаются.

— Сейчас будем! — отвечает третья слюнка.

Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться: нет отклика, нет отзова! Выломали двери, а в тереме пусто.

Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху.

— Ну-ка, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ!

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зеленым лугом, Ивана-царевича — старым пастухом, а сама сделалась смирную овечкою.

Наезжает погоня:

— Эй, старичок! Не видал ли ты — не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

— Нет, люди добрые, не видал, — отвечает Иван-царевич. — Сорок лет, как пасу на этом месте — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Воротилась погоня назад:

— Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видали только: пастух овечку пасет.

— Что ж не хватали? Ведь это они были! — закричал морской царь и послал новую погоню.

А Иван-царевич с Василисою Премудрой давным-давно скачут на борзых конях.

— Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ.

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церковью, Ивана-царевича обратила стареньким попом, а лошадей — деревьями.

Наезжает погоня:

— Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкою?

— Нет, люди добрые, не видал. Сорок лет тружусь в этой церкви — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Повернула погоня назад:

— Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попа-старика.

— Что же вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были! — закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном-царевичем и Василисою Премудрою.

А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая:

— Иван-царевич! Припади к сырой земле — не слышать ли погони?

Слез Иван-царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ пуще прежнего.

— Это сам царь скачет.

Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана-царевича — селезнем, а сама сделалась уткою.

Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень, ударился о сырую землю и обернулся орлом. Хочет орел убить их

До смерти, да не тут-то было: что ни разлетится сверху... вот-вот ударит селезень, а селезень в воду нырнет; вот-вот ударит утка, а утка в воду нырнет! Бился, бился, так ничего и не смог сделать. Поскакал царь морской в свое подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридцатое царство.

— Подожди меня в этом лесочке,— говорит Иван-царевич Василисе Премудрой,— я пойду доложусь наперед отцу, матери.

— Ты меня забудешь, Иван-царевич!

— Нет, не забуду.

— Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, когда станут два голубка в окна биться!

Пришел Иван-царевич во дворец; увидели его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его. На радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую.

Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься к какой-то королевне.

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвиrne в работницы. Стали просвиры готовить, она взяла два кусочка теста, слепила пару голубков и посадила в печь.

— Разгадай, хозяйюшка, что будет из этих голубков!

— А что будет? Съедем их — вот и все!

— Нет, не угадала!

Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и в ту же минуту голуби встрепенулись, полетели прямо во дворец и начали биться в окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать их прочь.

Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашел ее у просвирни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить да поживать да добра наживать.



ПОДИ ТУДА —
НЕ ЗНАЮ КУДА,
ПРИНЕСИ ТО —
НЕ ЗНАЮ ЧТО



некотором государстве жил-был царь, холост — не женат. Был у него на службе стрелок по имени Андрей.

Пошел раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу — не посчастливилось, не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идет он обратно — кручинится. Видит — сидит на дереве горлица.

«Дай, — думает, — стрельну хоть эту».

Стрельнул и ранил ее — свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял ее Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри, как найдет на меня дремота — в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду

Совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принес он горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, ударил ее правой рукой наотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

— Сумел меня взять, умей и удержать — неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да веселой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живет с молодой женой, потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идет в лес, настреляет дичи и несет на царскую кухню.

Пожили они так недолго, Марья-царевна говорит:

— Бедно живешь ты, Андрей!

— Да, как сама видишь.

— Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шелку, я все дело поправлю.

Послушался Андрей, пошел к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шелку и принес жене. Марья-царевна взяла шелк и говорит:

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковер, какого в целом свете не видывали: на нем все царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...



Наутро Марья-царевна отдает ковер мужу:

— Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри — своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковер, повесил на руку и пошел по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

— Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

— Ты торговый человек, ты и цену давай.

Вот купец думал, думал — не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним — еще. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилу пропихался через великую толпу и спрашивает:

— Здравствуйте, купцы, заморские гости! О чем речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковер и сам дался диву:

— Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковер?

— Так и так, моя жена вышила.

— Сколько же тебе дать за него?

— А я и сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

— Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковер и пошел домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковер.

Царь взглянул — на ковре все его царство как на ладони. Он так и ахнул:

— Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам!



Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдает советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, еще лучше, закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занес, а другую не переносит, замолчал и про свое дело забыл: стоит перед ним такая красавица, век бы глаз от нее не отвел, все бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился, нехотя поплелся домой. И с той поры и ест — не заест и пьет — не запьет: все ему представляется стрелкова жена.

Заметил это царь и стал выпрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

— Ах, видел я у одного стрелка жену, все о ней думаю! И не запить это, не заесть, никаким зельем не заворожить.

Пришла царю охота самому посмотреть стрелкову жену. Оделся он в простое платье, поехал в слободу, нашел избенку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занес, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Защемила царя сердечная зазноба. «Чего,— думает,— хожу холост, не женат? Вот бы жениться на этой красавице! Не стрельчихой ей быть, на роду ей написано быть царицей».

Воротился царь во дворец и задумал думу не-

хорошую — отбить жену от живого мужа. Призывает он советника и говорит:

— Надумай, как извести Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь — награжу городами и деревнями и золотой казной, не придумаешь — сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошел и нос повесил. Как извести стрелка, не придумает. Да с горы и завернул в кабак винца испить.

Подбегает к нему кабацкая теребень в рваном кафтанишке:

— О чем, царский советник, пригорюнился, за чем нос повесил?

— Поди прочь, кабацкая теребень!

— А ты меня не гони, лучше стаканчик винца поднеси, я тебя на ум наведу.

Поднес ему царский советник стаканчик винца и рассказал про свое горе.

Кабацкая теребень и говорит ему:

— Извести Андрея-стрелка дело нехитрое — сам-то он прост, да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись к царю и скажи: пускай он пошлет Андрея-стрелка на тот свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка. Андрей уйдет и назад не вернется.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень — и бегом к царю:

— Так и так, можно стрелка извести.

И рассказал, куда нужно его послать и за чем. Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

— Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи еще службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч — твоя голова с плеч.



Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил. Марья-царевна его спрашивает:

— Что невесел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу.

Марья-царевна говорит:

— Есть о чем горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна дает ему мешок сухарей и золотое колечко.

— Поди к царю и проси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведет.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался с женой и пошел к царю просить себе дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику идти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоем и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко — оно катится, Андрей идет за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озерами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут идти, поедят сухарей — и опять в путь.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой, дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось.

Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо их на старом-престаром царе два черта дрова везут — большущий воз — и погоняют царя дубинками, один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорит:

— Смотри: никак, это наш покойный царь-батюшка?

— Твоя правда, это он самый дрова везет.

Андрей и закричал чертям:

— Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чем его расспросить.

Черти отвечают:

— Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезем?

— А вы возьмите у меня свежего человека на смену.

Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впрягли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками — тот гнется, а везет.

Андрей стал спрашивать старого царя про его житье-бытье.

— Ах, Андрей-стрелок,— отвечает царь,— плохое мое житье на том свете! Поклонись от меня сыну да скажи, что я накрепко заказываю людей не обижать, а то и с ним то же станется.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут с порожней телегой. Андрей попрощался со старым царем, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в свое царство, являются во дворец.

Царь увидал стрелка и в сердцах накинулся на него:

— Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

— Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живет он плохо, велел вам кланяться да накрепко наказывал людей не обижать.

— А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

— А тем я докажу, что у вашего советника на спине и теперь еще знаки видны, как его черти дубинками погоняли.



Тут царь уверился, делать нечего — отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику:

— Вздумай, как извести стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошел царский советник, еще ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

— Что, царский советник, пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднес ему стаканчик винца и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень ему и говорит:

— Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу — ее не то что выполнить, трудно и выдумать: послал бы его за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота Баюна...

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся. Царь посылает за Андреем.

— Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятое царство и добудь мне кота Баюна. Не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошел Андрей домой, ниже плеч голову повесил и рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

— Есть о чем кручиниться! — Марья-царевна говорит. — Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, железные клещи и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея:

— Вот тебе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое царство. Трех верст не дойдешь, станет одолевать тебя

сильный сон — кот Баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком катись. А если уснешь, кот Баюн убьет тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — пришел Андрей-стрелок в тридешатое царство. За три версты стал его одолевать сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногу волочит — идет, а где и катком катится.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот Баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову — один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок на-земь и давай оглаживать прутьями. Наперво сек железным прутом; изломал железный, принялся угощать медным — и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнется, не ломится, вокруг хребта обвивается. Андрей бьет, а кот Баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочерей. Андрей его не слушает, знай охаживает прутом.

Невмоготу стало коту, видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

— Покинь меня, добрый человек! Что надо, все тебе сделаю.

— А пойдешь со мной?

— Куда хочешь пойду.

Андрей пошел в обратный путь и кота за собой повел. Добрался до своего царства, приходит с котом во дворец и говорит царю:



— Так и так, службу выполнил, добыл вам кота Баюна.

Царь удивился и говорит:

— А ну, кот Баюн, покажи большую страсть.

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у него белую грудь раздирать, из живого сердца вынимать.

Царь испугался:

— Андрей-стрелок, уйми кота Баюна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошел домой, к Марье-царевне. Живет-поживает, тешится с молодой женой. А царя еще пуще знобит зазноба сердечная. Опять призвал он советника:

— Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Царский советник идет прямо в кабак, нашел там кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер.

— Ступай,— говорит,— к царю и скажи: пусть пошлет Андрея-стрелка туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не выполнит и назад не вернется.

Советник побежал к царю и все ему доложил. Царь посылает за Андреем.

— Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: сходи туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Сослужишь — награжу по-царски, а не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пришел Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

— Что, милый, невесел? Или еще невзгода какая?

— Эх,— говорит,— через твою красу все напасти несу! Велел мне царь идти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Вот это служба так служба! Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась: про цареву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

— Звери лесные, птицы поднебесные, вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете,— не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Звери и птицы ответили:

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слышали.

Марья-царевна махнула платочком — звери и птицы пропали, как не бывали. Махнула в другой раз — появились перед ней два великана:

— Что угодно? Что надобно?

— Слуги мои верные, отнесите меня на середину Океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на Океан-море и стали на середине, на самой пучине,— сами стоят, как столбы, а ее на руках держат. Марья-царевна махнула платочком и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

— Вы, гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете, не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слышали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили ее, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширинку.



— Брось клубок перед собой — куда он покажется, туда и ты иди. Да смотри, куда бы ни пришел, будешь умываться, чужой ширинкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на четыре стороны и пошел за заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покатился — катится да катится, Андрей идет за ним следом.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Много царств и земель прошел Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется. Стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге. Дошел Андрей до леса, видит — стоит избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась, Андрей вошел и видит — на лавке сидит седая старуха, прядет кудель.

— Фу, фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел! Вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь.

Андрей отвечает старухе:

— Что ты, старая баба-яга, станешь есть дорожного человека! Дорожный человек костоват и черен, ты наперед баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширинку и стал ею утираться.

Баба-яга спрашивает:

— Откуда у тебя ширинка? Ее моя дочь вышивала.

— Твоя дочь мне жена, мне и ширинку дала.

— Ах, зять возлюбленный, чем же мне тебя потчевать?

Тут баба-яга собрала ужин, наставила всяких кушаньев и медов. Андрей не чванится — сел за стол, давай уплетать. Баба-яга села рядом. Он ест, она выспрашивает: как он на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо? Андрей все рассказал: как женился и как царь послал его туда — не знаю куда, добыть то — не знаю что.

— Вот бы ты помогла мне, бабушка!

— Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхивала. Знает про это одна старая лягушка, живет она в болоте триста лет... Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а баба-яга взяла два голика, полетела на болото и стала звать:

— Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

— Жива.

— Выдь ко мне из болота.

Старая лягушка вышла из болота, баба-яга ее спрашивает:

— Знаешь ли, где то — не знаю что?

— Знаю.

— Укажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: пойти туда — не знаю куда, взять то — не знаю что.

Лягушка отвечает:

— Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесет твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба-яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой, надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея:

— Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке — лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезет до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.



Андрей оделся, взял горшок, сел на коня бабы-яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

— Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил наземь.

— Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

— Что ты, бабушка, эка маленькая, чай, я тебя задавлю.

— Не бойся, не задавишь. Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась, дулась — сделалась словно копна сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась, дулась — сделалась еще больше, словно стог сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять она дулась, дулась — стала выше темного леса, да как скакнет — и перепрыгнула через огненную реку, перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

— Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем — не терем, избу — не избу, сарай — не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то — не знаю что.

Андрей пошел по тропинке, видит: старая изба — не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он туда вошел и спрятался за печью.

Вот немного погода застучало, загремело по

лесу, и входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток, да как крикнет:

— Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул, откуда ни возьмись, появляется стол накрытый, на нем бочонок пива да бык печеный, в боку нож точеный. Мужичок с ноготок, борода с локоток, сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать.

Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

— Эй, сват Наум, убери обедки!

И вдруг стол пропал, как и не бывало, — ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдет мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

— Сват Наум, покорми меня...

Только позвал, откуда ни возьмись, появился стол, на нем разные кушанья, закуски и заедки, и меды.

Андрей сел за стол и говорит:

— Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

— Спасибо тебе, добрый человек! Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает, пиво и меды сами в ковш наливаются — и скок, скок да скок.

Андрей просит:

— Сват Наум, покажись мне!

— Нет, меня никто не может видеть, я то — не знаю что.

— Сват Наум, хочешь у меня служить?



— Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый.

Вот они поели. Андрей и говорит:

— Ну, прибирай все да пойдем со мной.

Пошел Андрей из избенки, оглянулся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Дошел Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка:

— Добрый молодец, нашел то — не знаю что?

— Нашел, бабушка.

— Садись на меня.

Андрей опять сел на нее, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-скакушку поблагодарил и пошел путем-дорогой в свое царство. Идет, идет, обернется:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Шел, шел Андрей, дорога далека — прибились его резвые ноги, опустились его белые руки.

— Эх,— говорит,— до чего же я умурился!

А сват Наум ему:

— Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.

Подхватил Андрея буйный вихрь и понес — горы и леса, города и деревни так вниз и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.

— Сват Наум, передохнуть бы!

Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит — где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный... Сват Наум говорит Андрею:

— Отдыхай, ешь, пей да на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенько — у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки; не бойся, я к тебе назад вернусь.

Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидели остров, на нем дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.

— Что за чудо? — говорят. — Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем!

Три корабля бросили якоря, три купца-корабельщика сели на легкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:

— Пожалуйте, дорогие гости.

Купцы-корабельщики идут дивуются: на тереме крыша как жар горит, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.

— Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо чудное?

— Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил. Андрей повел гостей в терем:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить, поесть!

Откуда ни возьмись, явился накрытый стол, на нем — кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.

— Давай, — говорят, — добрый человек, меняться: уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

— Отчего ж не поменяться? А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи дубинку. Ей только скажи: «Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку!» — дубинка сама начнет колотить, как-то хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху — топор сам начал тпаться: тп да ляп — вышел корабль; тп да ляп — еще корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбры моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз — сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, задудел — войско появилось: и конница, и пехота, с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамена развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают.

Купец задудел с другого конца в дудку — нет ничего, все пропало.

Андрей-стрелок говорит:

— Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже. Хотите меняться — отдавайте мне за моего слугу, свата Наума, все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: «На что нам дубинка, топор да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом будем безо всякой заботы день и ночь и сыты и пьяны».

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, топор и дудку и кричат:

— Эй, сват Наум, мы тебя берем с собой! Будешь нам служить верой-правдой?

Отвечает им невидимый голос:

— Отчего не служить? Мне все равно, у кого ни жить.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и давай пировать — пьют, едят, знай покривают:

— Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай этого!



Перепились все допьяна, где сидели, там и спать повалились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился. «Эх, — думает, — где-то теперь мой верный слуга, сват Наум?»

— Я здесь. Чего надобно?

Андрей обрадовался:

— Сват Наум, не пора ли нам на родную сторонушку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понес в его царство, на родную сторону.

А купцы проснулись, и захотелось им опохмелиться:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поесть, живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, все нет толку. Глядят, и острова нет: на месте его шумят одни синие волны.

Погоревали купцы-корабельщики: «Эх, надул нас недобрый человек!» — да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустился возле своего домишки, смотрит: вместо домишки обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошел из города на синее море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетает сизая горлица, ударилась об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать.

Марья-царевна рассказала:

— С той поры как ты из дому ушел, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам. Царь три раза за мной посылал, да меня не нашли и домишко сожгли.



Андрей говорит:

— Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец поставить?

— Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться — и дворец поспел, да такой славный, лучше царского, кругом зеленый сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут.

Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на друга любят. Живут, горя не знают, и день, и другой, и третий.

А царь в то время поехал на охоту, на синее море, и видит — на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

— Какой это невежа без спросу вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, все разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен Андреем-стрелком и живет он в нем с молодой женой, Марьей-царевной.

Еще пуще разгневался царь, посылает узнать, ходил ли Андрей туда — не знаю куда, принес ли то — не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

— Андрей-стрелок ходил туда — не знаю куда и добыл то — не знаю что.

Тут царь и совсем осерчал, приказал собрать войско, идти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти.

Увидал Андрей, что идет на него сильное войско, скорее схватил топор, повернул его обухом кверху. Топор тяп да ляп — стоит на море корабль, опять тяп да ляп — стоит другой корабль. Сто раз тяпнул, сто кораблей поплыло по синему морю.

Андрей вынул дудку, задудел — появилось войско: и конница, и пехота, с пушками, со знаменами.

Начальники приказа ждут. Андрей приказал начинать сражение. Музыка заиграла, барабаны ударили, полки двинулись. Пехота ломит царских солдат, конница скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки так и бьют по столичному городу.

Царь видит, войско его бежит, кинулся сам к войску — останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

— Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец перекидывается по чистому полю; нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

Тут и сражению конец пришел. Повалил из города народ и стал просить Андрея-стрелка, чтобы взял он в свои руки все государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир и вместе с Марьей-царевной правил он этим царством до глубокой старости.



ИВАН —
КОРОВИЙ
СЫН



некотором царстве жил царь с царицей, и не было у них детей. Сколько ни горевали, сколько знахарей ни звали — нет и нет у них детей.

Раз приходит к ним бабушка-задворенка.

— Пустите, — говорит, — невода в море, выло-

Вится рыбка — золотое перо. Сварите ее в семи водах, пусть царица поест, тогда и понесет.

Царь велел сплести невода, спустить в море, выловить рыбку — золотое перо. Рыбаки опустили невода в синее море — в первый раз ничего не попало; опустили в другой раз — опять ничего не попало; опустили в третий и выловили рыбку — золотое перо.

Взяли ее и принесли к царю. Он наградил рыбаков и приказал рыбку отнести в поварню, сварить в семи водах и подать царице. Повара рыбку вычистили, вымыли, сварили, а помои на двор выплеснули. Проходила мимо корова, помои полизала. Девка-чернавка положила рыбку на блюдо — отнести царице — да дорóгой оторвала золотое перышко и попробовала. А царица рыбку съела.

И все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и царица. И разрешились они в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у девки-чернавки Иван — девкин сын; и корова родила человека, назвали его Иван — коровий сын.

Ребята уродились в одно лицо, голос в голос, волос в волос. Растут они не по дням, а по часам, как тесто на опаре поднимается, так и они растут.

Долго ли, коротко ли, стало им годков по десяти. Стали они с ребятами гулять, шутить шутки нехорошие. Какого парня возьмут за руку — рука прочь, возьмут за голову — голова прочь. Стал добрый народ на них жаловаться.

Вот Иван — коровий сын и говорит братьям:
— Чем нам у бабушки-царя жить, народ смущать, поедем лучше в чужие края.

Иван-царевич, Иван — девкин сын и Иван — коровий сын пришли к царю и просят, чтобы велел он сковать им три железные палицы и дал бы им

благословеньице — ехать в чужие края, искать себе поединщиков.

Царь приказал сковать три железные палицы. Кузнецы неделю ковали, сделали три палицы; никто их за один конец приподнять не может, а Иван-царевич, Иван — девкин сын и Иван — коровий сын их между пальцами поворачивают, словно перо гусиное.

Вышли братья на широкий двор.

— Ну, братаны,— говорит Иван-царевич,— давайте силу пробовать, кому быть на́большим. Кто выше палицу забросит, тот и больший брат.

— Ладно, бросай ты первый.

Иван-царевич бросил, улетела палица высоко, едва видать, через час только назад упала. После него бросил Иван — девкин сын, улетела палица еще выше, совсем не видать, через два часа назад упала. А Иван — коровий сын стал бросать палицу, улетела она за облако, назад упала через три часа.

— Ну, Иван — коровий сын, быть тебе бóльшим братом.

Оседлали братья коней, попросили у батюшки благословеньице и поехали в чистое поле — куда глаза глядят.

Ехали они по горам, по долам, по зеленым лугам, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается,— подъезжают они к реке Смородине. Через реку стоит калиновый мост, по берегам кости человеческие валяются, по колену будет навалено.

Увидали братья избушку, вошли в нее — пустехонька, и вздумали тут остановиться. Коней расседлали, сами поели, попили. Пришло дело к вечеру, Иван — коровий сын говорит братьям:

— Давайте каждую ночь поочередно ходить в дозор, не будет ли кто проезжать по этому мосту.



Бросили жребий: в первую ночь досталось идти в дозор Ивану-царевичу, во вторую ночь Ивану — девкину сыну, в третью Ивану — коровьему сыну.

Иван-царевич обулся, оделся и пошел в дозор на реку Смородину, на калиновый мост. Походил, походил да и заснул. А Ивану — коровьему сыну в избушке не спится, в головах подушечка вертится. Встал он, обулся, оделся, взял палицу и пошел на мост. А там Иван-царевич спит. Взял его Иван — коровий сын под плечи и снес под мост, а сам стал караулить.

Вдруг на реке вóды взволновались, на дубах орлы раскричались, мост загудел — выезжает чудо-юдо змей шестиглавый; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился.

Говорит им чудо-юдо:

— Что ты, волчья сыть, спотыкаешься? Ты, воронье перо, трепещешься? А ты, песья шерсть, ошетинилась? Слышите друга аль недруга?

— Слышим недруга.

— Врешы! Нет мне во всем свете ни спорщика, ни наговорщика, есть один только Иван — коровий сын. Так его костей сюда и ворон не занашивал, не только ему самому быть.

Тут Иван — коровий сын выскочил из-под моста:

— Я здесь!

Чудо-юдо его спрашивает:

— Зачем приехал, Иван — коровий сын? Сватать моих сестер али дочерей?

— Ох ты, чудо-юдо змей шестиглавый, в поле съезжаться — родней не считаться. Давай поспорим!

Вот они сошлись, поравнялись, жестоко ударились.

Чудо-юду не посчастливилось: Иван — коровий сын с одного размаху снес ему три головы.

— Стой, Иван — коровий сын, дай мне роздыху.

— Нет тебе роздыху, чудо-юдо! По-нашему: бей да руби, себя не береги.

Тут они снова сошлись. Чудо-юдо ударил, вогнал Ивана — коровьего сына по колена в сырую землю, а Иван — коровий сын ударил, снес ему остальные три головы; туловище разрубил и в речку побросал, а шесть голов сложил под калиновый мост. Сам вернулся в избушку и лег спать.

Поутру возвращается Иван-царевич.

— Что, брат, не видал ли: кто ходил, кто ездил по калиновому мосту? — спрашивают братья.

— Никто, братцы, не ходил, не ездил. Мимо меня и муха не пролетывала.

На другую ночь пошел в дозор Иван — девкин сын. Походил, походил, забрался в кусты и заснул.

А Ивану — коровьему сыну не спится, в головах подушечка вертится. Как пошло время за полночь, он обулся, оделся, взял палицу, вышел и стал под калиновый мост.

На реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались, мост загудел — выезжает чудо-юдо змей девятиглавый. У коня дым из ушей валит, из ноздрей пламя пышет. Вдруг конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился.

— Что ты, волчья сыть, спотыкаешься? Ты, воронье перо, трепещешься? А ты, песья шерсть, ошетинилась? Слышите друга аль недруга?

— Слышим недруга. Не Иван ли здесь — коровий сын?

— Его костей сюда и ворон не занашивал, не только ему самому быть.

Тут Иван — коровий сын выскочил из-под моста:

— Врешь ты! Я здесь.

Чудо-юдо говорит ему:

— Зачем приехал? Сватать моих сестер аль дочерей?

— Ох ты, чудо-юдо девятиглавое, в поле съезжаться — родней не считаться. Давай биться!

Вот они сошлись, поравнялись, жестоко ударились, кругом земля простонала. Иван — коровий сын размахнулся палицей — три головы чуду-юду, как кочки, снес; в другой раз размахнулся — еще три головы снес. А чудо-юдо ударил — по пояс вогнал его в сырую землю.

Иван — коровий сын захватил земли горсть и бросил ему в очи. Чудо-юдо схватился протирать глазища, Иван — коровий сын сбил ему остальные головы, туловище рассек на части, покидал в реку Смородину, а девять голов сложил под калиновый мост. Сам пошел в избушку и лег спать.

Наутро возвращается Иван — девкин сын.

— Что, брат, не видал ли: кто ходил, кто ездил по калиновому мосту?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетывала и комар не пропискивал.

Иван — коровий сын повел братьев под калиновый мост, показал змеевы головы и давай стыдить:

— Эх вы, богатыри! Где вам воевать — вам дома на печи лежать!

На третью ночь собирается Иван — коровий сын идти на дозор. Воткнул он нож в стену, повесил на него белое полотенце, а под ним на полу миску поставил.

— Я на страшный бой иду. А вы, братья, всю ночь не спите, присматривайте, как будет с поло-

тенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полная миска набежит — все ничего, а если через край польется — тогда спешите мне на помощь.

Вот стоит Иван — коровий сын под калиновым мостом; пошло время за полночь. На реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались, мост загудел — выезжает чудо-юдо змей двенадцатиглавый. У коня его дым из ушей валит, из ноздрей пламя пышет, из-под копыт ископоть по копне летит.

Вдруг конь под ним споткнулся, на плече ворон встрепенулся, позади хорт ощетинился.

— Что ты, волчья сыть, спотыкаешься? Ты, воронье перо, трепещешься? А ты, песья шерсть, ощетинилась? Слышите друга аль недруга?

— Слышим недруга: здесь Иван — коровий сын.

— Врешь! Его костей сюда и ворон не занасивал.

— Ах ты, чудо-юдо двенадцатиглавое! — Иван — коровий сын отозвался, из-под моста выскочил. — Ворон моих костей не занасивал, я сам здесь погуливаю.

— Зачем пришел?

— Пришел на тебя, нечистая сила, поглядеть, твоей крепости испробовать.

— Так ты моих братьев убил? И меня думаешь победить? Я дуну только — от тебя и праху не останется.

— Я пришел с тобой не сказки сказывать, давай биться насмерть!

Иван — коровий сын размахнулся палицей, сбил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним огненным пальцем — головы приросли, будто и с плеч не падали. Да в свой черед

Ударил Ивана — коровьего сына и вбил его по колена в сырую землю.

Тут ему плохо пришлось.

— Стой, нечистая сила, дай мне роздыху!

Чудо-юдо дал ему роздыху. Иван — коровий сын снял правую рукавицу и кинул в избушку. Рукавица двери-окна вышибла, а братья его спят, ничего не слышат.

Иван — коровий сын размахнулся в другой раз, сильнее прежнего, снес чуду-юду шесть голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — и опять все головы на местах, ударил в свой черед и вбил Ивана — коровьего сына по пояс в сырую землю.

— Стой, нечистая сила, дай мне роздыху!

Иван — коровий сын снял левую рукавицу, кинул — рукавица крышу у избушки снесла, а братья всё спят, ничего не слышат.

Размахнулся он палицей в третий раз, еще сильнее того, и сбил чуду-юду девять голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — головы опять приросли; а Ивана — коровьего сына вбил на этот раз по плечи в сырую землю.

— Стой, нечистая сила, дай мне третий раз роздыху!

Снял Иван — коровий сын шапку и кинул в избушку, от того удара избушка развалилась, вся по бревнам раскатилась.

Тут братья проснулись, глянули — все полотенце в крови, из миски кровь через край льется.

Испугались они, палицы взяли, поспешили на помощь старшему брату. А он тем временем приловчился и отсек чуду-юду огненный палец. Да вместе с братьями давай сбивать ему головы... Бились они день до вечера и одолели чудо-юдо змея двенадцатиглавого, посшибали ему головы все до

единой, туловище на части разрубили, побросали в реку Смородину. Утром ранешенько братья оседлали коней и поехали в путь-дорогу. Вдруг Иван — коровий сын говорит:

— Стой, рукавицы забыл! Поезжайте, братья, шажком, я вас скоро догоню.

Он отъехал от них, слез с коня, пустил его в зеленые луга, сам обернулся воробушком и полетел через калиновый мост, через реку Смородину к белокаменным палатам, сел у открытого окошка и слушает.

А в палатах белокаменных сидела старая змеиха и три ее снохи, чудо-юдовы жены, и говорили между собой, как бы им злодея Ивана — коровьего сына с братьями погубить.

— Я напушу на них голод, — младшая сноха говорит, — а сама обернусь яблоней с наливными яблоками. Они съедят по яблочку — их на части разорвет.

Средняя сноха говорит:

— Я напушу на них жажду, сама обернусь колодцем — пусть попробуют из меня выпить.

А старшая сноха:

— Я напушу на них сон, сама перекинусь мягкой постелью. Кто на меня ляжет — огнем сгорит.

А старая змеиха, чудо-юдова мать, говорит:

— Я обернусь свиньей, разину пасть от земли до неба, всех троих сожру.

Иван — коровий сын выслушал эти речи, полетел назад в зеленые луга, ударился об землю и стал по-прежнему добрым молодцем. Догнал братьев, и едут они дальше путем-дорогой. Ехали долго ли, коротко ли, стал их мучить голод, а есть нечего. Глядят, у дороги стоит яблоня, на ветвях — наливные яблоки. Иван-царевич и Иван — девкин сын пустились было яблоки рвать, а Иван — коровий

Сын вперед их заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест, из нее только кровь брызжет.

— Видите, братья, какая это яблоня!

Едут они дальше по степям, по лугам, а день все жарче, терпения нет. Стала их мучить жажда. Вдруг видят — колодец, холодный ключ. Младшие братья кинулись к нему, а Иван — коровий сын вперед их соскочил с коня и давай этот колодец рубить, только кровь брызжет.

— Видите, братья, какой это колодец!

Вдруг день затуманился, жара спала, и пить не хочется. Поехали они дальше путем-дорогой. Настигает их темная ночь, стал их одолевать сон — мочи нет. Видят они — избенка, свет в окошке, в избенке стоит тесовая кровать, пуховая постель.

— Иван — коровий сын, давай здесь заночуем.

Он выскочил вперед братьев и давай рубить кровать вдоль и поперек, только кровь брызжет.

— Видите, братья, какая это пуховая постель!

Тут у них и сон прошел. Едут они дальше путем-дорогой и слышат — за ними погоня: летит старая змеиха, разинула рот от земли до неба. Иван — коровий сын видит, что им коротко придется. Как спастись? И бросил он ей в пасть три пуда соли. Змеиха сожрала, пить захотела и побежала к синему морю.

Покуда она пила, братья далеко уехали; змеиха напилась и опять кинулась за ними. Они припустили коней и наезжают в лесу на кузницу. Иван — коровий сын с братьями зашел туда.

— Кузнецы, кузнецы, скуйте двенадцать прутьев железных да накалите клещи докрасна. Прибежит большая свинья и скажет: «Отдайте виноватого». А вы ей говорите: «Пролижи языком двенадцать железных дверей да бери сама».

Вдруг прибегают старая змеиха, обернулась большой свиньей и кричит:

— Кузнецы, кузнецы, отдайте виноватого!

Кузнецы ей ответили, как научил их Иван — коровий сын:

— Пролижи языком двенадцать железных дверей да бери сама.

Змеиха начала лизать железные двери, пролизала все двенадцать дверей, язык просунула.

Иван — коровий сын ухватил ее калеными щипцами за язык, а братья начали бить ее железными прутьями, пробили шкуру до костей. Убили змеиху, сожгли и пепел по ветру развеяли.

И поехали Иван — коровий сын, Иван — девкин сын и Иван-царевич домой.

Стали жить да поживать, гулять да пировать. На том пиру и я был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало. Тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока. Я не пил, не ел, вздумал упираться, стали со мной драться. Я надел колпак, стали в шею толкать...



ИВАН-
ЦАРЕВИЧ
И СЕРЫЙ
ВОЛК



ил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошел средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепелась и улетела, осталось у него в руке одно перо от ее хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

— Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принес. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поехали бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошел его искать, ходил, ходил и нашел своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

«Ну что же, — думает, — взялся — делать нечего».

И пошел пеший.

Шел, шел, устал до смерточки. Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит.

Откуда ни возьмись, бежит к нему серый волк:

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел...

Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поездить по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своем добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живет. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, серый волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошел по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын да пошел воровать.

— А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришел ко мне, по совести попросил, я бы ее так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пушу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идет к серому волку. А волк ему:

— Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

— Ну прости же ты меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашел на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку — она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошел звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я Иван-царевич.

— Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена

Прекрасная. Похить ее, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Еще пуще пригорюнился Иван-царевич, пошел к серому волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну прости же меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

— В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путем-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошел обратно путем-дорогой, а серый волк перемахнул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину — и наутек.

Иван-царевич идет путем-дорогой, вдруг настигает его серый волк, на нем сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а серый волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз пропускает, реки, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

— Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

— Да как же мне, серый волк, не печалиться?

Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем ее где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повел его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял ее, посадил на коня, и едут они путем-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повел он Елену Прекрасную в спальню, да только лег с ней на кровать, глядит — волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

Нагоняет серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

— О чем задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем — конем златогривым, менять его на Жар-птицу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

— Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конем златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через

спину, обернулся златогривым конем. Иван-царевич повел его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пешком в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путем-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дареного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а серый волк пустился наутек и скоро догнал Ивана-царевича:

— Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил серого волка. А тот говорит:

— Не навек прощайся со мной, я еще тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты еще пригодишься? Все желанья мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краев, вздумалось ему пополднеть. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят — у Ивана-царевича все добыто. Вот они и сговорились:

— Давай убьем брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устроили ее:

— Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мертвый, над ним уже вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с вороненком:

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой. Принесешь мне живой и мертвой воды, тогда отпущу твоего вороненка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его вороненка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принес он живой и мертвой воды. Серый волк sprыснул мертвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; sprыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!..

— Крепко ты спал,— говорит серый волк.— Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей!

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привез отцу своему Жар-птицу, а себе — невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему серый волк достать добычу, да как братья убили его, сонного, да как серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.



ФИНИСТ —
ЯСНЫЙ
СОКОЛ



ил да был крестьянин. Умерла у него жена, осталось три дочки. Хотел старик нанять работницу — в хозяйстве помогать. Но меньшая дочь, Марьюшка, сказала:

— Не надо, батюшка, нанимать работницу, сама я буду хозяйство вести.

Ладно. Стала дочка Марьюшка хозяйство вести. Все-то она умеет, все-то у нее ладится. Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работающая дочка растет. Из себя-то Марьюшка красавица писаная. А сестры ее завидующие да жадные; из себя-то они некрасивые, а модницы-перемодницы — весь день сидят да белятся, да румянятся, да в обновки наряжаются, платье им — не платье, сапожки — не сапожки, платок — не платок.

Поехал отец на базар и спрашивает дочек:

— Что вам, дочки, купить, чем порадовать?

И говорят старшая и средняя дочки:

— Купи по полушалку, да такому, чтоб цветы покрупнее, золотом расписанные.

А Марьюшка стоит да молчит. Спрашивает ее отец:

— А что тебе, доченька, купить?

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — ясна сокола.

Приезжает отец, привозит дочкам полушалки, а перышка не нашел.

Поехал отец в другой раз на базар.

— Ну,— говорит,— дочки, заказывайте подарки.



Обрадовались старшая и средняя дочери:

— Купи нам по сапожкам с серебряными подковками.

А Марьюшка опять заказывает:

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, сапожки купил, а перышка не нашел. Приехал без перышка.

Ладно. Поехал старик в третий раз на базар, а старшая и средняя дочери говорят:

— Купи нам по платью.

А Марьюшка опять просит:

— Батюшка, купи перышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, а перышка не нашел. Выехал из города, а навстречу старенький старичок.

— Здорово, дедушка!

— Здравствуй, милый! Куда путь-дорогу держишь?

— К себе, дедушка, в деревню. Да вот горе у меня: меньшая дочка наказывала купить перышко Финиста — ясна сокола, а я не нашел.

— Есть у меня такое перышко, да оно заветное; но для доброго человека, куда ни шло, отдам.

Вынул дедушка перышко и подает, а оно самое обыкновенное. Едет крестьянин и думает: «Что в нем Марьюшка нашла хорошего!»

Привез старик подарки дочкам; старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой смеются:

— Как была ты дурочка, так и есть. Нацепи свое перышко в волоса да красуйся!

Промолчала Марьюшка, отошла в сторону; а когда все спать полегли, бросила Марьюшка перышко на пол и проговорила:

— Любезный Финист — ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених!



И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом. Отворила ему Марьюшка окно, и улетел сокол к синему небу.

Три дня Марьюшка привечала к себе молодца; днем он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем.

На четвертый день сестры злые заметили — наговорили отцу на сестру.

— Милые дочки,— говорит отец,— смотрите лучше за собой.

«Ладно,— думают сестры,— посмотрим, как будет дальше».

Натыкали они в раму острых ножей, а сами притаились, смотрят.

Вот летит ясный сокол. Долетел до окна и не может попасть в комнату Марьюшки. Бился-бился, всю грудь изрезал, а Марьюшка спит и не слышит. И сказал тогда сокол:

— Кому я нужен, тот меня найдет. Но это будет нелегко. Тогда меня найдешь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвешь.

Услышала это Марьюшка, вскочила с кровати, посмотрела в окно, а сокола нет, и только кровавый след на окне остался. Заплакала Марьюшка горькими слезами — смыла слезками кровавый след и стала еще краше.

Пошла она к отцу и проговорила:

— Не брани меня, батюшка, отпусти в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, умру — так, знать, на роду написано.

Жалко было отцу отпускать любимую дочку, но отпустил.

Заказала Марьюшка трое башмаков железных, трое посохов железных, трое колпаков железных и отправилась в путь-дорогу дальнюю, искать желанного Финиста — ясна сокола. Шла она чистым полем, шла темным лесом, высокими горами. Птички веселыми песнями ей сердце радовали, ручейки лицо белое умывали, леса темные привечали. И никто не мог Марьюшку тронуть: волки серые, медведи, лисицы — все звери к ней сбегались. Износила она башмаки железные, посох железный изломала и колпак железный порвала.

И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках — вертится. Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— О красавица, долго тебе искать! Твой ясный сокол за тридевять земель, в тридевятом государстве. Опоила его зельем царица-волшебница и женила на себе. Но я тебе помогу. Вот тебе серебряное блюдечко и золотое яичко. Когда придешь в тридевятое царство, наймись работницей к царице. Покончишь работу — бери блюдечко, клади золотое яичко, само будет кататься. Станут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. Потемнел лес, страшно стало Марьюшке, боится

и шагнуть, а навстречу кот. Прыгнул к Марьюшке и замурлыкал:

— Не бойся, Марьюшка, иди вперед. Будет еще страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся.

Потерся кот спинкой и был таков, а Марьюшка пошла дальше. А лес стал еще темней. Шла, шла Марьюшка, сапоги железные износила, посох поломала, колпак порвала и пришла к избушке на курьих ножках. Вокруг тын, на кольях черепа, и каждый череп огнем горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— А у моей сестры была?

— Была, бабушка.

— Ладно, красавица, помогу тебе. Бери серебряные пяльцы, золотую иголочку. Иголочка сама будет вышивать серебром и золотом по малиновому бархату. Будут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. А в лесу стук, гром, свист, черепа лес освещают. Страшно стало Марьюшке. Глядь, собака бежит:

— Ав, ав, Марьюшка, не бойся, родная, иди! Будет еще страшнее, не оглядывайся.

Сказала и была такова. Пошла Марьюшка, а лес стал еще темнее. За ноги ее цепляет, за рукава хватает... Идет Марьюшка, идет и назад не оглянется.

Долго ли, коротко ли шла — башмаки железные износила, посох железный поломала, колпак железный порвала. Вышла на полянку, а на полянке избушка на курьих ножках, вокруг тын, а на кольях лошадиные черепа; каждый череп огнем горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка к лесу задом, а к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Сама черная, а во рту один клык торчит.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— Трудно, красавица, тебе будет его отыскать, да я помогу. Вот тебе серебряное донце, золотое веретенце. Бери в руки, само прясть будет, потянется нитка не простая, а золотая.

— Спасибо тебе, бабушка.

— Ладно, спасибо после скажешь, а теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретенце покупать — не продавай, а просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла, а лес зашумел, загудел; поднялся свист, совы закружились, мыши из нор повылезли — да все на Марьюшку. И видит Марьюшка — бежит навстречу серый волк.

— Не горюй, — говорит он, — а садись на меня и не оглядывайся.

Села Марьюшка на серого волка, и только ее и видели. Впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака

упираются. А Марьюшка скачет и скачет. И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит.

— Ну,— говорит волк,— слезай, Марьюшка, иди и нанимайся в прислуги.

Слезла Марьюшка, узелок взяла, поблагодарила волка и пошла к хрустальному дворцу. Поклонилась Марьюшка царице и говорит:

— Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужна ли вам будет работница?

Отвечает царица:

— Давно я ищу работницу, но такую, которая могла бы пряхть, ткать, вышивать.

— Все это я могу делать.

— Тогда проходи и садись за работу.

И стала Марьюшка работницей. День работает, а наступит ночь — возьмет Марьюшка серебряное блюдечко и золотое яичко и скажет:

— Катись, катись, золотое яичко, по серебряному блюдечку, покажи мне моего милого.

Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист — ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливается:

— Финист мой, Финист — ясный сокол, зачем ты меня оставил одну, горькую, о тебе плакать!

Подслушала царица ее слова и говорит:

— Продай ты мне, Марьюшка, серебряное блюдечко и золотое яичко.

— Нет,— говорит Марьюшка,— они непродажные. Могу я тебе их отдать, если позволишь на Финиста — ясна сокола поглядеть.

Подумала царица, подумала.

— Ладно,— говорит,— так и быть. Ночью, как он уснет, я тебе его покажу.

Наступила ночь, и идет Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу. Видит она — спит ее

сердечный друг сном непробудным. Смотрит Марьюшка — не насмотрится, целует в уста сахарные, прижимает к груди белой,— спит, не пробудится сердечный друг.

Наступило утро, а Марьюшка не добудилась милого...

Целый день работала Марьюшка, а вечером взяла серебряные пальцы да золотую иголочку. Сидит вышивает, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, узор, для Финиста — ясна сокола. Было бы чем ему по утрам вытираться.

Подслушала царица и говорит:

— Продай, Марьюшка, серебряные пальцы, золотую иголочку.

— Я не продам,— говорит Марьюшка,— а так отдам, разреши только с Финистом — ясным соколом свидеться.

Подумала та, подумала.

— Ладно,— говорит,— так и быть, приходи ночью.

Наступает ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист — ясный сокол крепким сном. Будила его Марьюшка — не добудилась.

Наступает день.

Сидит Марьюшка за работой, берет в руки серебряное донце, золотое веретенце. А царица увидала:

— Продай да продай!

— Продать не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом — ясным соколом хоть часок побыть.



— Ладно,— говорит та.

А сама думает: «Все равно не разбудит».

Настала ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист, не просыпается.

Будила, будила — никак не может добудиться, а рассвет близко.

Заплакала Марьюшка:

— Любезный ты мой Финист — ясный сокол, встань, пробудись, на Марьюшку свою погляди, к сердцу своему ее прижми!

Упала Марьюшкина слеза на голое плечо Финиста — ясна сокола и обожгла. Очнулся Финист — ясный сокол, осмотрелся и видит Марьюшку. Обнял ее, поцеловал:

— Неужели это ты, Марьюшка! Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала и меня нашла? Поедем же теперь на родину.

Стали они домой собираться, а царица увидела и приказала в трубы трубить, об измене своего мужа оповестить.

Собрались князья да купцы, стали совет держать, как Финиста — ясна сокола наказать.

Тогда Финист — ясный сокол говорит:

— Которая, по-вашему, настоящая жена: та ли, что крепко любит, или та, что продает да обманывает?

Согласились все, что жена Финиста — ясна сокола — Марьюшка.

И стали они жить-поживать да добра наживать. Поехали в свое государство, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят.

ЦАРЕВНА- ЛЯГУШКА



старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

— Сынки мои любезные, покуда я еще не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

— Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

— Вот что, сынки, возьмите по стреле, выйдите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили. У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла ее купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела, сам не знает куда. Вот он шел, шел, дошел до болота, видит — сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

— Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

— Возьми меня замуж!

— Что ты, как я возьму себе в жены лягушку?

— Бери, знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принес домой. Царь сыграл три

свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего — на купеческой, а несчастного Ивана-царевича — на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

— Хочу посмотреть, которая из ваших жен лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

— Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

— Батюшка велел тебе к завтраму рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лег спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понес к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял ее и сказал:

— Эту рубашку в черной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

— В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашен-

ную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

— Ну, вот это рубашка — в праздник ее надевать.

Пошли братья по домам — те двое — и судят между собой:

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра...

Царь опять позвал сыновей:

— Пускай ваши жены испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришел домой. Лягушка его спрашивает:

— Что закручинился?

Он отвечает:

— Надо к завтраму испечь царю хлеб.

— Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, все рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ши-

Фринку, понес к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жены-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

— Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трем своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с женами.

Опять воротился Иван-царевич домой не весел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

— Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от батюшки слово неприветливое?

— Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Батюшка наказал, чтобы я пришел с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошел один. Вот старшие братья приехали с женами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурьмленными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные — пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье — частые звезды, на голове — месяц ясный, такая красавица — ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берет она Ивана-царевича за руку и ведет за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жены больших царевичей увидали ее хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась — всем на диво. Махнула левым рукавом — вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом — только гостей забрызгали, махнули другим — только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побегал домой, нашел там лягушечью кожу и бросил ее в печь, сжег на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась — нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошел куда глаза глядят — искать жену, Василису Премудрую. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истер, шапчонку дождик иссек. Попадается ему навстречу старый старичок:

— Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про свое несчастье. Старый старичок говорит ему:

— Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на нее и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошел за клубочком. Клубок катится, он за ним идет. В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошел дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошел дальше. Бежит косою заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошел дальше. Подходит к синему морю и видит — на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

— Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошел дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

— Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич взошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга, костяная нога, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Зачем, добрый молодёц, ко мне пожаловал? — говорит ему баба-яга.— Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

— Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю,— говорит ему баба-яга,— твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно ее будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный как свой глаз бережет.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растет высокий дуб. Долго ли,

Коротко ли, дошел туда Иван-царевич, видит — стоит, шумит высокий дуб, на нем каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц — и наутек во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на нее селезень кинулся, как ударит ее — утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами — где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у нее конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьется, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощейю помереть.

Иван-царевич пошел в Кошечьи палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.



БАБА-ЯГА



или-были муж с женой, и была у них дочка. Заболела жена и умерла. Погоревал-погоревал мужик да и женился на другой.

Невзлюбила злая баба девочку, била ее, ругала, только и думала, как бы совсем извести, погубить.

Вот раз уехал отец куда-то, а мачеха и говорит девочке:

— Поди к моей сестре, твоей тетке, попроси у нее иголку да нитку — тебе рубашку сшить.

А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Не посмела девочка отказаться, пошла, да прежде зашла к своей родной тетке.

— Здравствуй, тетушка!

— Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

— Послала меня мачеха к своей сестре попросить иголку и нитку — хочет мне рубашку сшить.

— Хорошо, племянница, что ты прежде ко мне зашла, — говорит тетка. — Вот тебе ленточка, масло, хлебец да мяса кусок. Будет там тебя березка в глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; будут ворота скрипеть да хлопать, тебя удерживать — ты подлей им под пяточки маслица; будут тебя собаки рвать — ты им хлеба брось; будет тебе кот глаза драть — ты ему мяса дай.

Поблагодарила девочка свою тетку и пошла.

Шла она, шла и пришла в лес. Стоит в лесу за высоким тыном избушка на курьих ножках, на бараньих рожках, а в избушке сидит баба-яга, костяная нога — холст ткёт.

— Здравствуй, тетушка! — говорит девочка.

— Здравствуй, племянница! — говорит баба-яга. — Что тебе надобно?

— Меня мачеха послала попросить у тебя иголку и ниточку — мне рубашку сшить.

— Хорошо, племяннушка, дам тебе иголочку да ниточку, а ты садись покуда поработай!

Вот девочка села у окна и стала ткать.

А баба-яга вышла из избушки и говорит своей работнице:



— Я сейчас спать лягу, а ты ступай, истопи баню и вымой племянницу. Да смотри, хорошенько вымой: проснусь — съем ее!

Девочка услышала эти слова — сидит ни жива ни мертва. Как ушла баба-яга, она стала просить работницу:

— Родимая моя! Ты не столько дрова в печи поджигай, сколько водой заливай, а воду решетом носи! — И ей подарила платочек.

Работница баню топит, а баба-яга проснулась, подошла к окошку и спрашивает:

— Ткешь ли ты, племяннушка, ткешь ли, милая?

— Тку, тетушка, тку, милая!

Баба-яга опять спать легла, а девочка дала коту мясца и спрашивает:

— Котик-братик, научи, как мне убежать отсюда.

Кот говорит:

— Вон на столе лежит полотенце да гребешок, возьми их и беги поскорее: не то баба-яга съест! Будет за тобой гнаться баба-яга — ты приложи ухо к земле. Как услышишь, что она близко, брось гребешок — вырастет густой дремучий лес. Пока она будет сквозь лес продираться, ты далеко убежишь. А опять услышишь погоню — брось полотенце: разольется широкая да глубокая река.

— Спасибо тебе, котик-братик! — говорит девочка.

Поблагодарила она кота, взяла полотенце и гребешок и побежала.

Бросились на нее собаки, хотели ее рвать, кусать, — она им хлеба дала. Собаки ее и пропустили.

Ворота заскрипели, хотели было захлопнуться — а девочка подлила им под пяточки маслица. Они ее и пропустили.

Березка зашумела, хотела ей глаза выстегать,—
девочка ее ленточкой перевязала. Березка ее и про-
пустила. Выбежала девочка и побежала что было
мочи. Бежит и не оглядывается.

А кот тем временем сел у окна и принялся
ткать. Не столько ткет, сколько путает!

Проснулась баба-яга и спрашивает:

— Ткешь ли, племяннушка, ткешь ли, милая?

А кот ей в ответ:

— Тку, тетка, тку, милая.

Бросилась баба-яга в избушку и видит — де-
вочки нету, а кот сидит, ткет.

Принялась баба-яга бить да ругать кота:

— Ах ты, старый плут! Ах ты, злодей! Зачем
выпустил девочку? Почему глаза ей не выдрал?
Почему лицо не поцарапал?..

А кот ей в ответ:

— Я тебе столько лет служу, ты мне косточки
обглоданной не бросила, а она мне мясца дала!

Выбежала баба-яга из избушки, накинута на
собак:

— Почему девочку не рвали, почему не ку-
сали?..

Собаки ей говорят:

— Мы тебе столько лет служим, ты нам горе-
лой корочки не бросила, а она нам хлеба дала!

Подбежала баба-яга к воротам:

— Почему не скрипели, почему не хлопали? За-
чем девочку со двора выпустили?..

Ворота говорят:

— Мы тебе столько лет служим, ты нам и во-
дицы под пяточки не подлила, а она нам маслица
не пожалела!

Подскочила баба-яга к березке:

— Почему девочке глаза не выстегала?

Березка ей отвечает:

— Я тебе столько лет служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она мне ленточку подарила!

Стала баба-яга ругать работницу:

— Что же ты, такая-сякая, меня не разбудила, не позвала? Почему ее выпустила?..

Работница говорит:

— Я тебе столько лет служу — никогда слова доброго от тебя не слыхала, а она платочек мне подарила, хорошо да ласково со мной разговаривала!

Покричала баба-яга, пошумела, потом села в ступу и помчалась в погоню. Пестом погоняет, помелом след замечает...

А девочка бежала-бежала, остановилась, приложила ухо к земле и слышит: земля дрожит, трясется — баба-яга гонится, и уж совсем близко...

Достала девочка гребень и бросила через правое плечо. Вырос тут лес, дремучий да высокий: корни у деревьев на три сажени под землю уходят, вершины облака подпирают.

Примчалась баба-яга, стала грызть да ломать лес. Она грызет да ломает, а девочка дальше бежит.

Много ли, мало ли времени прошло, приложила девочка ухо к земле и слышит: земля дрожит, трясется — баба-яга гонится, и уж совсем близко.

Взяла девочка полотенце и бросила через правое плечо. В тот же миг разлилась река — широкая-преширокая, глубокая-преглубокая!


Подскочила баба-яга к реке, от злости зубами закрипела — не может через реку перебраться.

Воротилась она домой, собрала своих быков и погнала к реке:

— Пейте, мои быки! Выпейте всю реку до дна!

Стали быки пить, а вода в реке не убывает.

Рассердилась баба-яга, легла на берег, сама стала воду пить. Пила, пила, пила, пила, до тех пор пила, пока не лопнула.

А девочка тем временем знай бежит да бежит. 
Вечером вернулся домой отец и спрашивает у жены:

— А где же моя дочка?

Баба говорит:

— Она к тетушке пошла — иголочку да ниточку попросить, да вот задержалась что-то.

Забеспокоился отец, хотел было идти дочку искать, а дочка домой прибежала, запыхалась, отдышаться не может.

— Где ты была, дочка? — спрашивает отец.

— Ах, батюшка! — отвечает девочка. — Меня мачеха послала к своей сестре, а сестра ее — баба-яга, костяная нога. Она меня съесть хотела. Насилу я от нее убежала!

Как узнал все это отец, рассердился он на злую бабу и выгнал ее грязным помелом вон из дому. И стал он жить вдвоем с дочкой, дружно да хорошо.

Здесь и сказке конец.



СКАЗКА
О МОЛОДИЛЬНЫХ
ЯБЛОКАХ
И ЖИВОЙ ВОДЕ



некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Федором, второго Василием, а младшего Иваном.



Царь очень устарел и глазами обнищал, а слышал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съест старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовет на пир князей и бояр и говорит им:

— Кто бы, ребяташки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привез бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут бóльший стал хорониться за среднего, а средний за меньшóго, а от меньшóго ответу нет.

Выходит царевич Федор и говорит:

— Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Пошел Федор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неезженного, уздает узду неузданную, берет плетку нехлестанную, кладет двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, а ради крепости... Отправился Федор-царевич в дорожку. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечеру — красна солнышка до заката. И доезжает до росстаней, до трех дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Поразмыслил Федор-царевич: «Давай поеду, где женату быть».

И повернул на ту дорожку, где женатому быть. Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

— Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откушать и спать-почивать.

— Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги не скоротать. Мне надо вперед двигаться.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лег Федор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокоую...

Долго ли, коротко ли — царь опять собирает пир, зовет князей и бояр и говорит им:

— Вот, ребяташки, кто бы выбрался из охотников — привезти мне молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять ббольший хоронится за среднего, а средний за меньшбго, а от меньшбго ответу нет.

Выходит второй сын, Василий-царевич:

— Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идет Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженного, уздает узду неузданную, берет плетку нехлестанную, кладет двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, как садился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:



«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женатому быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откусать хлеба-соли и лечь поживать.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лег к стенке, она опять повернула кровать, и он полетел в подполье.

А там спрашивают:

— Кто летит?

— Василий-царевич. А кто сидит?

— Федор-царевич.

— Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли — в третий раз царь собирает пир, зовет князей и бояр:

— Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять бóльший хоронится за среднего, средний за меньшóго, а от меньшóго ответу нет.

Выходит Иван-царевич и говорит:

— Дай мне, батюшка, благословеньице, с буйной головы до резвых ног, ехать в тридцатое царство — поискать тебе молодильных яблок и живой воды да поискать еще моих братьевцев.

Дал ему царь благословеньице. Пошел Иван-царевич в конюший двор — выбрать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит — тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму.

Идет, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка:

— Здравствуй, дитяtko Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

— Как же мне, бабушка, не печалиться — не могу найти коня по разуму.

— Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять — будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погребца. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич — не шелохнется. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погребца и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздою неузданной, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до расстаней и поразмыслил:

«Направо ехать — коня потерять. Куда мне без коня-то? Прямо ехать — женату быть. Не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать — коня спасти. Эта дорога самая лучшая для меня».

И поворотил он по той дороге, где коня спасти — себя потерять. Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зеленым лугам, по каменным горам, ехал день до вечера — красна солнышка до заката — и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-

Царевичу передом. Зашел он в нее, а там сидит баба-яга, старых лет, шелковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

— Фу, фу,— говорит,— русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга — костяная нога, не поймавши птицу — теребишь, не узнавши молодца — хулишь. Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постелю собрала. Я бы улегся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать — чей да откуда.

Вот баба-яга это дело все справила — Ивана-царевича накормила, напоила и на постелю уложила; села к изголовью и стала спрашивать:

— Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озер, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

— Ну, дитя мое милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки — у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезет он тебя до моей средней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встает ранехонько, умы-

вается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне.



Вдруг он и говорит коню:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уже двести верст проскакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далеко ли. День до ночи коротается. И завидел он впереди избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно — конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся.

Кони-то были одностадные.

Услышала это баба-яга — еще старее той — и говорит:

— Приехала ко мне, видно, сестрица в гости.

И выходит на крыльцо:

— Фу-фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга — костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила...

Баба-яга это дело все справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постель уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...



— Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добратся до девицы Синеглазки!

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня научит, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встает ранехонько, умывается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне. А этот конь еще бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уж триста верст проскакал.

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера — красна солнышка до заката. Наезжает на избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликнулся. Выходит на крыльцо баба-яга, старых лет, еще старее той. Поглядела — конь ее сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят — ночлег каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба-яга все дело справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спра-

шивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, такого-то царства, такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к средней, а средняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

— Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница,— сильная и могучая богатырка. Вокруг ее царства — стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража — тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моем добром коне. Доедешь до стены — бей коня по бокам плетью нехлестанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесет.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на ее доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озера хвостом заметаает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит — тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьет его плетью нехлестанной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит — стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней

колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. И захотелось ему самую увидеть сильную, могучую богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят: по одну сторону шесть полениц — девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посередине разметалась девица Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал ее и вышел... Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

— Не послушался ты, Иван-царевич, вошел в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить.

Иван-царевич бьет коня плетью нехлестанной.

— Ах ты конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночь ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об нее одной подковой — на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девица Синеглазка проснулась да увидала по-кражу:

— Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девица Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей бабы-яги, а у нее уже конь выведенный, готовый. Он — со своего коня да на этого и опять вперед погнал... Иван-то царевич за дверь, а девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги:

— Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

— Нет, дитятко.

— Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

— Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь молочка.

— Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

— Что ты, дитятко, живо справлюсь...

Пошла баба-яга доить корову — доит, не торопится. Поела девица Синеглазка молочка и опять погнала за Иваном-царевичем.

Доезжает Иван-царевич до средней бабы-яги, коня сменил и опять погнал. Он — за дверь, а девица Синеглазка — в дверь:

— Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

— Да ты долго печь будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Напекла баба-яга блинков — печет, не торопится. Девица Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей бабы-яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнал. Он — за дверь, девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

— Да ты долго топить будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Истопила баба-яга баньку, все изготовила. Девица Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала в сугон. Конь ее с горки на горку подскакивает, реки, озера хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой — девицей Синеглазкой — ладят



на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девица Синеглазка наскакивает и кричит ему:

— Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

— Что же, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девица Синеглазка заскакали на три прыска лошадиных, брали палицы боевые, копыя долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза, палицы поломали, копыя-сабли исцербили — не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охачку.

Боролись с утра до вечера — красна солнышка до заката. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девица Синеглазка стала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный — пороть ему белу грудь.

Иван-царевич и говорит ей:

— Не губи ты меня, девица Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девица Синеглазка подняла Ивана-царевича со сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатер в чистом поле, на широком раздолье, на зеленых лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они и обручились и нерстнями обменялись.

Девица Синеглазка ему говорит:

— Я поеду домой — и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди меня в своем царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, не скоро дело делается, скоро сказ-

ка сказывается — доезжает Иван-царевич до росстаней, до трех дорог, где плита-камень, и думает:

«Вот нехорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушался он девицы Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьевы кони откликнулись. Кони-то были одностадные...

Иван-царевич взошел на крыльцо, стукнул кольцом — маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девица.

— Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьет, сколько под стол льет. Повела его прекрасная девица в спальню.

— Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич толкнул ее на кровать, живо кровать повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

— Кто там живой?

А из ямы отвечают:

— Федор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул — они лицом черны, землей уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой — стали они опять прежними.

Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до росстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

— Покарауйте моего коня, а я лягу отдохну. Лег он на шелковую траву и богатырским сном

заснул. А Федор-царевич и говорит Василию-царевичу:

— Вернемся мы без живой воды, без молодильных яблок — будет нам мало чести, нас отец пошлет гусей пасти.

Василий-царевич отвечает:

— Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмем и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самое взморье, опамятовался и видит: только небо и вода, и под старым дубом у моря птенцы пищат — бьет их погода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов покрыл, а сам укрылся под дуб.

Унялась погода, летит большая птица Нагай.

Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

— Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-ненастье?

— Не кричи, мать, нас сберег русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

— Для чего ты сюда попал, милый человек?


— Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

— Ты моих детей сберег, спрашивай у меня, чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

— Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

— Достань мне два чана — пудов по двенадцати — мяса.



Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана поклал, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой чан — на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подает да подает... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

— Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей и показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три куска вырыгнула:

— Приставь на место.

Иван-царевич приставил — мясо и приросло к костям.

— Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошел путем-дорогой на родную сторону.

Пришел он в столицу и узнаёт, что Федор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровьем крепок и глазами зорок.

Не пошел Иван-царевич к отцу, к матери...

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — про-

Шло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зеленых лугах раскинула шатер белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами цветными. И посылает в столицу царю сказать:

— Царь, отдай царевича. Не отдашь — все царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посылает старшего — Федора-царевича. Идет Федор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

— Матушка, это не наш ли батюшка идет?

— Нет, детушки, это ваш дяденька.

— А что прикажешь с ним делать?

— А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трости и давай хлестать Федора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унес.

А Синеглазка опять посылает к царю:

— Отдай царевича...

Пуще испугался царь и посылает среднего — Василия-царевича. Он приходит к шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, это не наш ли батюшка идет?

— Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унес. Синеглазка в третий раз посылает к царю:

— Ступайте, ищите третьего сына, Ивана-царевича. Не найдете — все царство потопчу, пожгу.

Царь еще пуще испугался, посылает за Федором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали

отцу в ноги и во всем повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идет к Синеглазке...

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, к нам кто-то идет...

А Синеглазка им:

— Возьмите его за белые руки, ведите в шатер. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатер. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на нем сменила и спать уложила...

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир — честным пирком да и за свадебку. Федору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора — ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в ее девичье царство.

Тут и сказке конец.



ДЕРЕВЯННЫЙ ОРЕЛ



некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. И было у царя множество слуг. Да не простых прислужни-



ков, а разных мастеров: и столяров, и гончаров, и портных. Любил царь, чтобы и платье у него лучше, чем у других, было сшито, и посуда хитрее расписана, и дворец резьбою украшен.

Мастеров в царском дворце видимо-невидимо было. Все они по утрам собирались к царскому выходу и ждали, кому какое дело царь на сегодня назначит.

И вот случилось раз, что столкнулись у царского порога золотых дел мастер и столяр. Стокнулись и заспорили — кто из них свое ремесло лучше знает и чья работа труднее.

Золотых дел мастер и говорит:

— Твое мастерство невелико, ты над деревом сидишь, деревянные вещи режешь. То ли дело моя работа: я все из чистого золота делаю — любо-дорого поглядеть.

А столяр и отвечает:

— Не хитро дорогую вещь сделать, коли золото само в цене. Ты вот из простого дерева сделай такую штучку, чтобы все кругом диву дались. Вот тогда я поверю, что ты мастер.

Спорили они, спорили, чуть до драки не дошло, да в это время царь входит. Услыхал он этот разговор, усмехнулся и приказал:

— Сделайте вы мне оба по диковинке: один — из золота, другой — из дерева. Погляжу на них и решу, кто из вас лучший мастер.

С царем не поспоришь, коли жизнь дорога. Пошли мастера из дворца каждый к себе, оба крепкую думу думают, как бы друг друга перегнуть в мастерстве.

Дал им царь неделю сроку.

Через неделю приходят оба мастера во дворец, становятся в ряд с другими, ждут царского выхода. И у каждого по свертку в руках.



Вышел царь и говорит:

— Ну, молодцы, показывайте ваше искусство,— а сам в бороду усмехается.

Приказал он позвать в палату и царицу, и молодого сына-царевича.

— Пусть и они на вашу работу поглядят.

Сели царь с царицей на лавку, а царевич рядом встал. Вышел вперед золотых дел мастер:

— Прикажи, царь-батюшка, большой чан воды принести.

Принесли большой чан, воды налили.

Развязал мастер свой узелок, вынул оттуда золотую утку и пустил ее на воду. Поплыла утка, словно живая: головой вертит, крикает, носиком перышки обчищает.

Открыл царь рот от удивления, а царица кричит:

— Да это живая утка, а не золотая! Он, видно, живую утку золотом покрыл!

Обиделся мастер:

— Какая же она живая? Прикажите мне ее разобрать по частям и опять на винтики собрать.

Вынул он утку из чана, сначала ей крылышки отвинтил, потом голову, а после и всю на кусочки разобрал. Разложил на столе, да и давай снова свинчивать.

Свинтил, пустил на воду. И поплыла утка лучше прежнего.

Захлопали все придворные в ладоши:

— Ну и мастер! Ну и чудо сделал! Век такого не видывали!

Обернулся царь к столяру:

— Теперь ты свое искусство показывай.

Поклонился столяр:

— Прикажи, ваше царское величество, окошко в этой горнице отворить.

Отворили окошко. Развернул столяр свой свер-

Ток, вынимает из него орла деревянного. Да так этот орел хорошо сделан был, что от живого не отличить. А столяр и говорит:

— Утка-то золотая только по воде плавает, а мой орел в облака подымается.

Сел столяр на орла и повернул винтик. Поднял его орел и мигом вылетел по воздуху из царской палаты. Кинулись все к окнам, смотрят, рты разинули, а столяр над царским двором в воздухе разные круги делает. Влево повернет винтик — орел книзу летит, вправо повернет — подымается. У царя от удивления корона на затылок съехала, глядит он в окошко, оторваться не может. А все кругом словно замерли. Такого мастерства никто не видывал.

Покружил столяр по воздуху и обратно в палату влетел. Поставил орла в сторонку и к царю подходит:

— Ну как, царь-батюшка, доволен ли ты моим искусством?

— Слов не нахожу, так доволен,— царь отвечает.— Да как же ты этак умудрился? Да как же ты ему этот винтик пристроил?

Начал столяр царю объяснять, а в это время царица как ахнет, как закричит:

— Куда ты? Куда? Ах, ловите, остановите!

Обернулись все на ее голос — и видят: пока царь столяра расспрашивал, царевич молодой вскочил на орла, повернул винтик — и вылетел из окна на двор.

— Вернись скорей! Куда ты? Убьешься! — кричат ему царь с царицей.

А царевич махнул рукой, да и полетел через забор серебряный, которым дворец огорожен был. Повернул он винтик вправо — поднялся орел за облака и скрылся из глаз.

Царица без памяти лежит, а царь на столяра гневается.

— Это,— говорит,— ты нарочно такую штуку придумал, чтобы нашего сына единственного сгубить. Эй, стражники! Схватить его и бросить в темницу. А если через две недели царевич не вернется, вздернуть столяра на виселицу.

Схватили стражники столяра и кинули в темное подземелье.

А царевич на деревянном орле все дальше и дальше летит.

Любо царевичу. Просторно, вольно кругом. В ушах ветер свистит, кудри развеваются, под ногами облака проносятся, и сам царевич — словно птица крылатая. Куда хочет, туда в небе и поворачивает.

К вечеру прилетел он в неведомое царство, опустился на край города. Видит — стоит избушка маленькая.

Постучал царевич в дверь. Выглянула старушка.

— Пусти, бабушка, переночевать. Я тут чужой человек, никого не знаю, остановиться не у кого.

— Отчего не пустить, сынок. Входи, места много. Я одна живу.

Развинтил царевич орла, связал в сверток, входит к старушке в избушку.

Стала старушка его ужином кормить, а царевич спрашивает: что за город, да кто в нем живет, да какие в городе диковинки.

Вот и говорит старушка:

— Есть у нас, сынок, одно чудо в государстве. Стоит посреди города царский дворец, а подле дворца — высокая башня. Заперта та башня тридцатью замками, и охраняют ее ворота тридцать сторожей. Никого в ту башню не пускают. А живет там царская дочь. Как родилась она, так ее с

Нянькой в той башне и заперли, чтобы никто не видел. Боятся царь с царицей, что полюбит царевна кого-нибудь и придется ее замуж на чужую сторону отдавать. А им с ней расставаться жалко: она у них единственная. Вот и живет девушка в башне, словно в темнице.

— А что, и верно хороша царевна? — спрашивает царевич.

— Не знаю, сынок, сама не видала, а люди сказывали — такой красоты во всем свете не сыщется.

Захотелось царевичу в запретную башню пробраться. Лег он спать, а сам все раздумывает, как бы ему царевну увидеть.

На другой день, как стемнело, сел он на своего деревянного орла, взвился в облака и полетел к башне с той стороны, где окошко в тереме было.

Подлетел и стучит в стекло.

Удивилась царевна. Видит — молодец красоты неописанной.

— Кто ты, добрый молодец? — спрашивает.

— Отвори окно. Сейчас все тебе расскажу.

Открыла девушка окно, влетел деревянный орел в комнату. Слез с него царевич, поздоровался, рассказал девушке, кто он таков и как попал сюда.

Сидят они, друг на друга глядят — наглядеться не могут.

Спрашивает царевич, согласна ли она его женой стать.

— Я-то согласна, — говорит царевна, — да боюсь, батюшка с матушкой не отпустят.

А злая нянька, которая царевну сторожила, все выследила. Побежала она во дворец и донесла, что так, мол, и так, к царевне кто-то прилетал, а теперь этот молодец в доме старушки скрывается.

Прибежала тут стража, схватила царевича и по-

тащила во дворец. А там царь на троне сидит, гне-
вается, дубинкой о пол стучит.

— Как ты, такой-сякой, разбойник, осмелился
мой царский запрет нарушить? Завтра казнить тебя
прикажу!

Повели царевича в темницу, бросили одного
и крепкими замками заперли.

Наутро весь народ на площадь согнали. Объяв-
лено было, что казнить станут дерзкого молодца,
который в башню к царевне проник.

Вот уж и палач пришел, и виселицу поставили,
и сам царь с царицей на казнь глядеть приехали.

Вывели царевича на площадь. А он обернулся
к царю и говорит:

— Ваше величество, разрешите мне последнюю
просьбу высказать.

Нахмурился царь, а отказать нельзя.

— Ну, говори.

— Прикажите гонцу сбегать в дом, к старушке,
где я жил, сверток мой принести.

Не мог отказать царь, послал гонца. Принесли
сверток.

А царевича в это время уже к виселице подвели,
на лесенку поставили. Подал ему гонец сверток.

Развернул его царевич, вскочил на деревянного
орла — да и был таков. Взвился он над виселицей,
над царем, над всей толпой.

Ахнул царь:

— Лови его! Держи! Улетит!

А царевич направил орла к башне, полетел
к знакомому окошку, царевну подхватил и перед
собой на орла посадил.

— Ну,— говорит,— теперь нам с тобой никакая
погоня не страшна.

И помчал их орел в государство царевича. А там
бедный столяр в подземелье сидит, глаз с неба не

сводит — не летит ли царевич обратно? Завтра две недели кончаются, висеть столяру на веревке, коли царский сын не воротится.

И вдруг видит — летит по небу орел деревянный, а на нем царевич, да не один, а с девушкой-красавицей.

Опустился орел посреди царского двора. Снял царевич с него невесту, к отцу с матерью повел. Рассказал им, где он пропадал две недели. Те от радости тревогу свою ему простили, а столяра из подземелья выпустили.

Великий пир царь устроил. Три месяца свадьбу праздновали.



ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ



или-были старик да старуха. У них было три сына — два старших умниками слыли, а младшего все дурачком звали. Старших старуха любила — одевала чисто, кормила вкусно. А младший в дырявой рубашке ходил, черную корку жевал.

— Ему, дурачку, все равно: он ничего не смыслит, ничего не понимает!

Вот однажды дошла до той деревни весть: кто построит царю такой корабль, чтоб и по морям ходил и под облаками летал,— за того царь свою дочку выдаст.

Решили старшие братья счастья попытать.

— Отпустите нас, батюшка и матушка! Авось который-нибудь из нас царским зятем станет!

Снарядила мать старших сыновей, напекла им в дорогу пирогов белых, нажарила-наварила курятины да гусятины:

— Ступайте, сыночки!

Отправились братья в лес, стали деревья рубить да пилить. Много нарубили-напилили. А что дальше делать — не знают. Стали они спорить да браниться, того и гляди, друг дружке в волосы вцепятся.

Подошел тут к ним старичок и спрашивает:

— Из-за чего у вас, молодцы, спор да брань? Может, и я вам какое слово на пользу скажу?

Накинулись оба брата на старичка — слушать его не стали, нехорошими словами обругали и прочь прогнали. Ушел старичок.

Поругались еще братья, съели все свои припасы, что им мать дала, и возвратились домой ни с чем...

Как пришли они, начал проситься младший:

— Отпустите теперь меня!

Стали мать и отец отговаривать его да удерживать:

— Куда тебе, дурню,— тебя волки по дороге съедят!

А дурень знай свое твердит:

— Отпустите — пойду, и не отпустите — пойду!

Видят мать и отец — никак с ним не сладишь. Дали ему на дорогу краюху черного сухого хлеба и выпроводили вон из дому.

Взял дурень с собой топор и отправился в лес. Ходил-ходил по лесу и высмотрел высокую сосну: верхушкой в облака эта сосна упирается, обхватить ее в пору только троим.

Срубил он сосну, стал ее от сучьев очищать. Подошел к нему старичок.

— Здравствуй,— говорит,— дитяtko!

— Здравствуй, дедушка!



— Что это, дитяtko, ты делаешь, на что такое большое дерево срубил?

— А вот, дедушка, царь обещал выдать свою дочку за того, кто ему летучий корабль построит, я и строю.

— А разве ты сможешь такой корабль смастерить? Это дело мудреное, пожалуй, и не сладишь.

— Мудреное не мудреное, а попытаться надо: глядишь, и слажу! Вот и ты кстати пришел: старые люди бывалые, сведущие. Может, ты мне что и присоветуешь.

Старичок говорит:

— Ну, коли просишь совет тебе подать, слушай: возьми-ка ты свой топор и отеши эту сосну с боков: вот этак!

И показал, как надо обтесывать.

Послушался дурень старичка — обтесал сосну так, как он показывал. Обтесывает он, диву дается: топор так сам и ходит, так и ходит!

— Теперь,— говорит старичок,— обдeldывай сосну с концов: вот так и вот этак!

Дурень старичковы слова мимо ушей не пропускает: как старичок показывает, так он и делает.

Закончил он работу, старичок похвалил его и говорит:

— Ну, теперь не грех передохнуть да закусить малость.

— Эх, дедушка,— говорит дурень,— для меня-то еда найдется, вот эта краюха черствая. А тебя-то чем угостить? Ты небось и не угрызешь мое угощение?

— А ну-ка, дитяtko,— говорит старичок,— дай сюда свою краюху!

Дурень подал ему краюху. Старичок взял ее в руки, осмотрел, пощупал да и говорит:

— Не такая уж черствая твоя краюха!

И подал ее дурню. Взял дурень краюху — глазам своим не верит: превратилась краюха в мягкий да белый каравай.

Как поели они, старик и говорит:

— Ну, теперь станем паруса прилаживать!

И достал из-за пазухи кусок холста.

Старичок показывает, дурень старается, на совесть все делает — и паруса готовы, прилажены.

— Садись теперь в свой корабль, — говорит старичок, — и лети, куда тебе надобно. Да смотри, помни мой наказ: по пути сажай в свой корабль всякого встречного!

Тут они и распрощались. Старичок своей дорогой пошел, а дурень на летучий корабль сел, паруса расправил. Надулись паруса, взмыл корабль в небо, полетел быстрее сокола. Летит чуть пониже облаков ходячих, чуть повыше лесов стоячих...

Летел-летел дурень и видит: лежит на дороге человек — ухом к сырой земле припал. Спустился он и говорит:

— Здорóво, дядюшка!

— Здорóво, молодец!

— Что это ты делаешь?

— Слушаю я, что на том конце земли делается.

— А что же там делается, дядюшка?

— Поют-заливаются там пташки голосистые, одна другой лучше!

— Экой ты, какой слухменный! Садись ко мне на корабль, полетим вместе.

Слухало не стал отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше.

Летели-летели, видят — идет по дороге человек, идет на одной ноге, а другая нога к уху привязана.

— Здорóво, дядюшка!

— Здорóво, молодец!

— Что это ты на одной ноге скачешь?

— Да если я другую ногу отвяжу, так за три шага весь свет перешагну!

— Вот ты какой быстрый! Садись к нам.

Скороход отказываться не стал, взобрался на корабль, и полетели они дальше.

Много ли, мало ли пролетели, глядь — стоит человек с ружьем, целится. А во что целится — неведомо.

— Здорово, дядюшка! В кого это ты целишься — ни зверя, ни птицы кругом не видно.

— Экие вы! Да я и не стану близко стрелять. Целюсь я в тетерку, что сидит на дереве верст за тысячу отсюда. Вот такая стрельба по мне.

— Садись с нами, полетим вместе!

Сел и Стреляло, и полетели все они дальше.

Летели они, летели и видят: идет человек, несет за спиною большущий мешок хлеба.

— Здорово, дядюшка! Куда идешь?

— Иду добывать хлеба себе на обед.

— На что тебе еще хлеб? У тебя и так полон мешок!

— Что тут! Этот хлеб мне в рот положить да проглотить. А чтобы досыта наестся, мне надобно сто раз по столько!

— Ишь ты какой! Садись к нам в корабль, полетим вместе.

Сел и Обьедало на корабль, полетели они дальше.

Над лесами летят, над полями летят, над реками летят, над селами да деревнями летят.

Глядь: ходит человек возле большого озера, головой качает.

— Здорово, дядюшка! Что это ты ищешь?

— Пить хочется, вот и ищу, где бы напиться.

— Да перед тобой целое озеро. Пей в свое удовольствие!



— Да этой воды мне всего на один глоточек станет.

Подивился дурень, подивились его товарищи и говорят:

— Ну, не горюй, найдется для тебя вода. Садись с нами на корабль, полетим далеко, будет для тебя много воды!

Опивало сел в корабль, и полетели они дальше.

Сколько летели — неведомо, только видят: идет человек в лес, а за плечами у него вязанка хвороста.

— Здорóво, дядюшка! Скажи ты нам: зачем это ты в лес хворост тащишь?

— А это не простой хворост. Коли разбросать его, тотчас целое войско появится.

— Садись, дядюшка, с нами!

И этот сел к ним. Полетели они дальше.

Летели-летели, глядь: идет старик, несет куль соломы.

— Здорóво, дедушка, седая головушка! Куда это ты солому несешь?

— В село.

— А разве в селе мало соломы?

— Соломы много, а такой нету.

— Какая же она у тебя?

— А вот какая: стоит мне разбросать ее в жаркое лето — и станет враз холодно: снег выпадет, мороз затрещит.

— Коли так, правда твоя: в селе такой соломы не найдешь. Садись с нами!

Холодило взобрался со своим кулем в корабль, и полетели они дальше.

Летели-летели и прилетели к царскому двору.

Царь в ту пору за обедом сидел. Увидел он летучий корабль и послал своих слуг:

— Ступайте спросите: кто на том корабле при-

Летел — какие заморские царевицы и королевичи? Слуги подбежали к кораблю и видят — сидят на корабле простые мужики.

Не стали царские слуги и спрашивать у них: кто таковы и откуда прилетели. Воротились и доложили царю:

— Так и так! Нет на корабле ни одного царевицы, нет ни одного королевича, а все черная кость — мужики простые. Что прикажешь с ними делать?

«За простого мужика нам дочку выдавать зазорно,— думает царь.— Надобно от таких женихов избавиться».

Спросил он у своих придворных — князей да бояр:

— Что нам теперь делать, как быть?

Они и присоветовали:

— Надо жениху задавать разные трудные задачи, авось он их и не разгадает. Тогда мы ему от ворот поворот и покажем!

Обрадовался царь, сейчас же послал слуг к дурню с таким приказом:

— Пусть жених достанет нам, пока наш царский обед не кончится, живой и мертвой воды!

Задумался дурень:

— Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды.

— А я на что? — говорит Скороход.— Мигом за тебя справлюсь.

Отвязал он ногу от уха и побежал за тридевять земель в тридесятое царство. Набрал два кувшина воды живой и мертвой, а сам думает: «Времени впереди много осталось, дай-ка малость посижу — успею к сроку возвратиться!»

Присел под густым развесистым дубом, да и задремал...

Царский обед к концу подходит, а Скорохода нет как нет.

Загоревали все на летучем корабле — не знают, что и делать. А Слухало приник ухом к сырой земле, прислушался и говорит:

— Экой сонливый да дремливый! Спит себе под деревом, храпит вовсю!

— А вот я его сейчас разбужу! — говорит Стреляло.

Схватил он свое ружье, прицелился и выстрелил в дуб, под которым Скороход спал. Посыпались с дуба желуди — прямо на голову Скороходу. Проснулся тот.

— Батюшки, да, никак, я заснул!

Вскочил он и в ту же минуту принес кувшины с водой:

— Получайте!

Встал царь из-за стола, глянул на кувшины и говорит:

— А может, эта вода не настоящая?

Поймали петуха, оторвали ему голову и sprыснули мертвой водой. Голова вмиг приросла. Sprыснули живой водой — петух на ноги вскочил, крыльями захлопал, «ку-ка-реку!» закричал.

Досадно стало царю.

— Ну,— говорит он дурню,— эту мою задачу ты выполнил. Задам теперь другую! Коли ты такой ловкий, съешь со своими сватами за один присест двенадцать быков жареных да столько хлебов, сколько в сорока печах испечено!

Опечалился дурень, говорит своим товарищам:

— Да я и одного хлеба за целый день не съем!

— А я на что? — говорит Обьедало.— Я и с быками и с хлебами их один управлюсь. Еще мало будет!



Велел дурень сказать царю:

— Тащите быков и хлеба. Будем есть!

Привезли двенадцать быков жареных да столько хлебов, сколько в сорока печках испечено.

Объедало давай быков поедать — одного за другим. А хлебы так в рот и мечет каравай за караваем. Все возы опустели.

— Давайте еще! — кричит Объедало. — Почему так мало припасли? Я только во вкус вошел!

А у царя больше ни быков, ни хлебов нет.

— Теперь, — говорит он, — новый вам приказ: чтобы выпито было зараз сорок бочек пива, каждая бочка по сорок ведер.

— Да я и одного ведра не выпью, — говорит дурень своим сватам.

— Эка печаль! — отвечает Опивало. — Да я один все у них пиво выпью, еще мало будет!

Прикатали сорок бочек-сороковок. Стали черпать пиво ведрами да подавать Опивале. Он как глотнет — ведро и пусто.

— Что это вы мне ведрами подносите? — говорит Опивало. — Этак мы целый день проканителмся!

Поднял он бочку да и опорожнил ее зараз, без роздыху. Поднял другую бочку — и та пустая откатилась. Так все сорок бочек и осушил.

— Нет ли, — спрашивает, — еще пивца? Не вволю я напился! Не промочил горло!

Видит царь: ничем дурня нельзя взять. Решил погубить его хитростью.

— Ладно, — говорит, — выдам я за тебя свою дочку, готовься к венцу! Только перед свадьбой сходи в баню, вымойся-выпарься хорошенько.

И приказал топить баню.

А баня-то была вся чугунная.

Трое суток баню топили, докрасна раскалили.

Огнем-жаром от нее пышет, за пять саженой к ней не подойти.

— Как буду мыться? — говорит дурень. — Сто-рю заживо.

— Не печалься, — отвечает Холодило. — Я с тобой пойду!

Побежал он к царю, спрашивает:

— Не позволите ли и мне с женихом в баню сходить? Я ему соломки подстелю, чтобы он пятки не испачкал!

Царю что? Он дозволил: «Что один сгорит, что оба!»

Привели дурня с Холодилой в баню, заперли там.

А Холодило разбросал в бане солтому — и стало холодно, стены инеем подернулись, в чугунах вода замерзла.

Сколько-то времени прошло, открыли слуги дверь. Смотрят, а дурень жив-здоров, и старичок тоже.

— Эх, вы, — говорит дурень, — да в вашей бане не париться, а разве на салазках кататься!

Побежали слуги к царю. Доложили: так, мол, и так. Заметался царь, не знает, что и делать, как от дурня избавиться.

Думал-думал и приказал ему:

— Выстави поутру перед моим дворцом целый полк солдат. Выставишь — выдам за тебя дочку. Не выставишь — вон прогоню!

А у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он выполнить не сможет. Тут-то мы его и выгоним в шею!»

Услышал дурень царский приказ — говорит своим сватам:

— Выручали вы меня, братцы, из беды не раз и не два... А теперь что делать будем?



— Эх, ты, нашел о чем печалиться! — говорит старичок с хвостом. — Да я хоть семь полков с генералами выставлю! Ступай к царю, скажи — будет ему войско!

Пришел дурень к царю.

— Выполнию, — говорит, — твой приказ, только в последний раз. А если отговариваться будешь — на себя пеняй!

Рано поутру старик с хвостом кликнул дурня и вышел с ним в поле. Раскидал он вязанку, и появилось несметное войско — и пешее, и конное, и с пушками. Трубачи в трубы трубят, барабанщики в барабаны бьют, генералы команды подают, кони в землю копытами бьют...

Дурень впереди стал, к царскому двору войско повел. Остановился перед дворцом, приказал громче в трубы трубить, сильнее в барабаны бить.

Услышал царь, выглянул в окошко, от испугу белее полотна стал. Приказал он воеводам свое войско выводить, на дурня войной идти.

Вывели воеводы царское войско, стали в дурня стрелять да палить. А дурневы солдаты стеной идут, царское войско мнут, как траву. Напугались воеводы и побежали вспять, а за ними вслед и все царское войско.

Вылез царь из дворца, на коленках перед дурнем ползает, просит дорогие подарки принять да с царевной скорее венчаться.

Говорит дурень царю:

— Теперь ты нам не указчик! У нас свой разум есть!

Прогнал он царя прочь и не велел никогда в то царство возвращаться. А сам на царевне женился.

— Царевна — девка молодая да добрая. На ней никакой вины нет!

И стал он в том царстве жить, всякие дела вершить.

МЕДНОЕ,
СЕРЕБРЯНОЕ
И ЗОЛОТОЕ
ЦАРСТВА



некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У него была жена Настасья — золотая коса и три сына: Петр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич.

Пошла раз царица со своими мамушками и нянюшками прогуляться по саду. Вдруг налетел Вихрь, подхватил царицу и унес неведомо куда. Царь запечалился, закручинился, да не знает, как ему быть.

Вот подросли царевичи, он им и говорит:

— Дети мои любезные, кто из вас поедет свою мать искать?

Собрались два старших сына и поехали.

И год их нет, и другой их нет, вот и третий год начинается... Стал Иван-царевич батюшку просить:

— Отпусти меня матушку поискать, про старших братьев разузнать.

— Нет,— говорит царь,— один ты у меня остался, не покидай меня, старика.

А Иван-царевич отвечает:

— Все равно, позволишь — уйду и не позволю — уйду.

Что тут делать?

Отпустил его царь.

Оседлал Иван-царевич своего доброго коня и в путь отправился.

Ехал-ехал... Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.



Доехал до стеклянной горы. Стоит гора высокая, верхушкой в небо уперлась. Под горой — два шатра раскинуты: Петра-царевича да Василия-царевича.

— Здравствуй, Иванушка! Ты куда путь держишь?

— Матушку искать, вас догонять.

— Эх, Иван-царевич, матушкин след мы давно нашли, да на том следу ноги не стоят. Пойди-ка попробуй на эту гору взобраться, а у нас уже моченьки нет. Мы три года внизу стоим, наверх взойти не можем.

— Что ж, братцы, попробую.

Полез Иван-царевич на стеклянную гору. Шаг наверх ползком, десять — вниз кубарем. Он и день лезет, и другой лезет. Все руки себе изрезал, ноги искровянил. На третьи сутки долез до верху.

Стал сверху братьям кричать:

— Я пойду матушку отыскивать, а вы здесь оставайтесь, меня дожидайтесь три года и три месяца, а не буду в срок, так и ждать нечего. И ворон моих костей не принесет!

Отдохнул немного Иван-царевич и пошел по горе.

Шел-шел, шел-шел. Видит — медный дворец стоит. У ворот страшные змеи на медных цепях прикованы, огнем дышат. А подле колодец, у колодца медный ковш на медной цепочке висит. Рвутся змеи к воде, да цепь коротка.

Взял Иван-царевич ковшик, зачерпнул студеной воды, напоил змей. Присмирели змеи, улеглись. Он и прошел в медный дворец. Вышла к нему медного царства царевна:

— Кто ты таков, добрый молодец?

— Я Иван-царевич.

— Что, Иван-царевич, своей охотой или неволей зашел сюда?

— Ищу свою мать — Настасью-царицу. Вихрь ее сюда утащил. Не знаешь ли, где она?

— Я-то не знаю. А вот недалеко отсюда живет моя средняя сестра, может, она тебе скажет.

И дала ему медный шарик.

— Покати шарик, — говорит, — он тебе путь-дорогу до средней сестры укажет. А как победишь Вихря, смотри не забудь меня, бедную.

— Хорошо, — говорит Иван-царевич.

Бросил медный шарик. Шарик покатился, а царевич за ним вслед пошел.

Пришел в серебряное царство. У ворот страшные змеи на серебряных цепях прикованы. Стоит колодец с серебряным ковшом. Иван-царевич зачерпнул воды, напоил змей. Они улеглись и пропустили его. Выбежала серебряного царства царевна.

— Уже скоро три года, — говорит царевна, — как держит меня здесь могучий Вихрь. Я русского духу слыхом не слыхала, видом не видала, а теперь русский дух сам ко мне пришел. Кто ты такой, добрый молодец?

— Я Иван-царевич.

— Как же ты сюда попал: своей охотой или неволей?

— Своей охотой — ищу родную матушку. Пошла она в зеленый сад гулять, налетел могучий Вихрь, умчал ее неведомо куда. Не знаешь ли, где найти ее?

— Нет, не знаю. А живет здесь недалеко, в золотом царстве, старшая сестра моя — Елена Прекрасная. Может, она тебе скажет. Вот тебе серебряный шарик. Покати его перед собой и ступай за ним следом. Да смотри, как убьешь Вихря, не забудь меня, бедную.



Покатил Иван-царевич серебряный шарик, сам вслед пошел.

Долго ли, коротко ли — видит: золотой дворец стоит, как жар горит. У ворот кишат страшные змеи, на золотых цепях прикованы. Огнем пышут. Возле колодец, у колодца золотой ковш на золотых цепях прикован.

Иван-царевич зачерпнул воды, напоил змей. Они улеглись, присмирели. Зашел Иван-царевич во дворец; встречает его Елена Прекрасная — царевна красоты неописанной:

— Кто ты таков, добрый молодец?

— Я Иван-царевич. Ищу свою матушку — Настасью-царицу. Не знаешь ли, где найти ее?

— Как не знать? Она живет недалеко отсюда. Вот тебе золотой шарик. Покати его по дороге — он доведет тебя, куда надобно. Смотри же, царевич, как победишь ты Вихря, не забудь меня, бедную, возьми с собой на вольный свет.

— Хорошо, — говорит, — красота ненаглядная, не забуду.

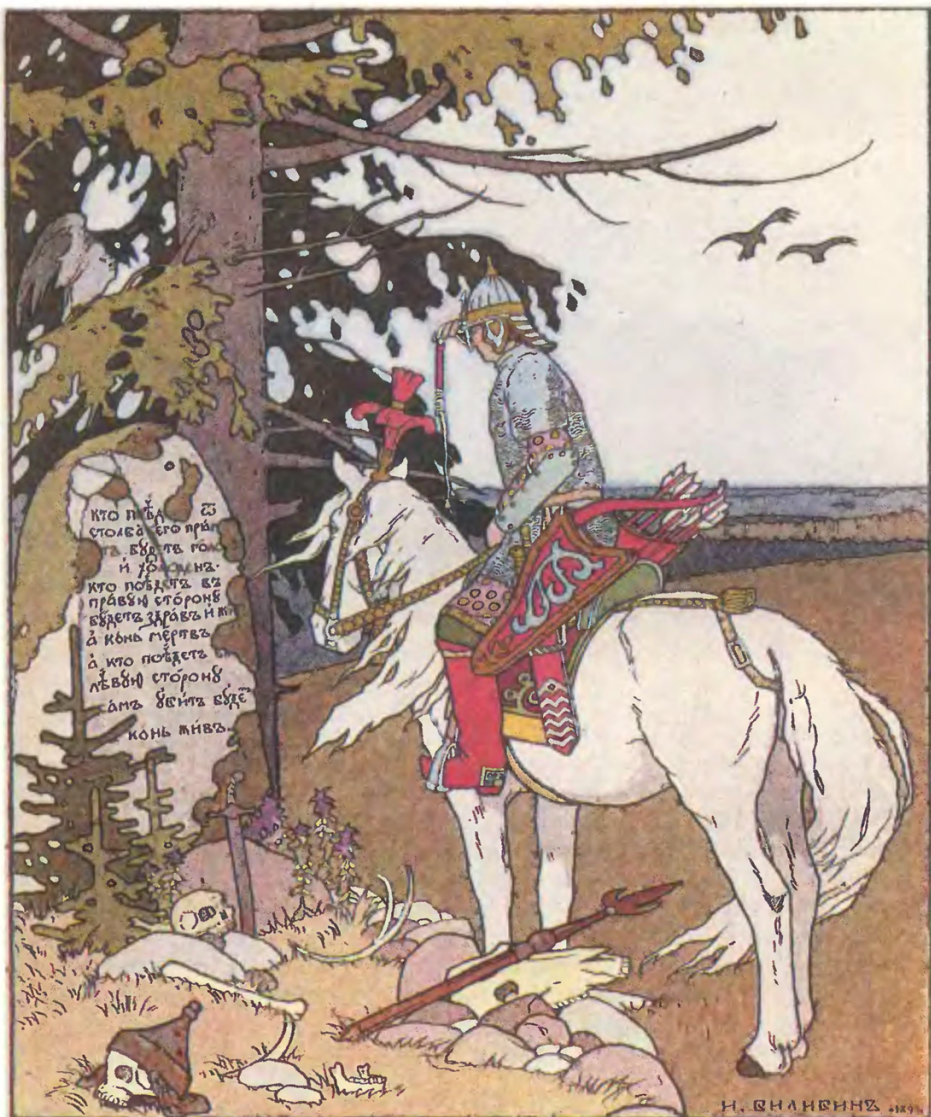
Покатил Иван-царевич шарик и пошел за ним. Шел, шел и пришел к такому дворцу, что ни в сказке сказать, ни пером описать — так и горит скатым жемчугом и камнями драгоценными. У ворот шипят шестиглавые змеи, огнем палят, жаром дышат.

Напоил их царевич. Присмирели змеи, пропустили его во дворец. Прошел царевич большими покоями. В самом дальнем нашел свою матушку. Сидит она на высоком троне, в царском наряде разукрашенном, драгоценной короной увенчана. Глянула она на гостя и вскрикнула:

— Иванушка, сынок мой! Как ты сюда попал?!

— За тобой пришел, моя матушка.

— Ну, сынок, трудно тебе будет. Великая сила





Иван Яковлевич Билибин (1876—1942), замечательный русский график, в начале нашего столетия создал серию иллюстраций к народным сказкам. В своих рисунках художник повторил композицию наличника — резного деревянного украшения на окнах крестьянской избы. Каждый рисунок вставлен в раму — по краям сбоку, сверху и снизу вытянулась цепь сказочных рыб, лесных трав, цветов, грибов, а на самих рисунках — сказочные сцены. У белоствольных берез и темных елей стоит избушка на курьих ножках, а вот и баба-яга в ступе. Летит над колокольней трехглавый змей, хищно высматривает добычу в узких улочках за городскими каменными стенами. Раскинулось раздолье широкой степи, и по ней на конях едут три брата, ищущие счастья в неведомой и неизвестной дали.

Билибин соединил в иллюстрациях ощущение свободы сказочного вымысла и реальную достоверность старинного народного быта.

Художник бывал в Архангельском, Олонецком и Вологодском краях. Прялки, солонки, нарядная одежда — украшенные бисером головные уборы, пояса, виденные во время поездок и привезенные, перешли в орнаменты, составили яркие подробности сказочных сцен, выбранных для иллюстрации.

Мастерство снискало Билибину непреходящую славу. Его иллюстрации взяты для настоящего тома. Они имеют отношение ко всем сказкам, хотя и задумывались как воспроизведение отдельных сюжетов.

у Вихря. Ну, да я тебе помогу, силы тебе прибавлю.

Тут подняла она половицу, свела его в погреб. Там стоят две кадки с водой — одна по правой руке, другая по левой.

Говорит Настасья-царица:

— Испей-ка, Иванушка, водицы, что по правую руку стоит.

Иван-царевич испил.

— Ну, что? Прибавилось в тебе силы?

— Прибавилось, матушка. Я бы теперь весь дворец одной рукой повернул.

— А ну, испей еще!

Царевич еще испил.

— Сколько, сынок, теперь в тебе силы?

— Теперь захочу — весь свет поворожу.

— Вот, сынок, и хватит. Ну-ка, переставь эти кадки с места на место. Ту, что стоит направо, отнеси на левую сторону, а ту, что налево, отнеси на правую сторону.

Иван-царевич взял кадки, переставил с места на место.

Говорит ему царица Настасья:

— В одной кадке сильная вода, в другой — бессильная. Вихрь в бою сильную воду пьет, оттого с ним никак не сладишь.

Воротились они во дворец.

— Скоро Вихрь прилетит, — говорит царица Настасья. — Ты схвати его за палицу. Да смотри не выпускай. Вихрь в небо взвоется — и ты с ним: станет он тебя над морями, над горами высокими, над глубокими пропастями носить, а ты держись крепко, рук не разжимай. Умается Вихрь, захочет испить сильной воды, бросится к кадке, что по правой руке поставлена, а ты пей из кадки, что по левой руке...

Только сказать успела, вдруг на дворе потем-

нело, все вокруг затряслось. Влетел Вихрь в горницу. Иван-царевич к нему бросился, схватился за палицу.

— Ты кто таков? Откуда взялся? — закричал Вихрь. — Вот я тебя съем!

— Ну, бабка надвое сказала! Либо съешь, либо нет.

Рванулся Вихрь в окно — да в поднебесье. Уж он носил, носил Ивана-царевича... И над горами, и над морями, и над глубокими пропастями. Не выпускает царевич из рук палицы. Весь свет Вихрь облетал. Умаялся, из сил выбился. Спустился — и прямо в погреб. Подбежал к кадке, что по правой руке стояла, и давай воду пить.

А Иван-царевич налево кинулся, тоже к кадке припал.

Пьет Вихрь — с каждым глотком силы теряет. Пьет Иван-царевич — с каждой каплей силушка в нем прибывает. Сделался могучим богатырем. Выхватил острый меч и разом отсек Вихрю голову.

Закричали позади голоса:

— Руби еще! Руби еще! А то оживет!

— Нет, — отвечает царевич, — богатырская рука два раза не бьет, с одного раза все кончает.


Побежал Иван-царевич к Настасье-царице:

— Пойдем, матушка. Пора. Под горой нас братья дожидаются. Да по дороге надо трех царевен взять.

Вот они в путь-дорогу отправились. Зашли за Еленой Прекрасной. Она золотым яичком покатила, все золотое царство в яичко запрятала.

— Спасибо тебе, — говорит, — Иван-царевич, ты меня от злого Вихря спас. Вот тебе яичко, а захочешь — будь моим суженым.

Взял Иван-царевич золотое яичко, а царевну в алые уста поцеловал.



Потом зашли за царевной серебряного царства, а там и за царевной медного. Захватили с собой полотно тканого и пришли к тому месту, где надо с горы спускаться. Иван-царевич спустил на полотне Настасью-царицу, потом Елену Прекрасную и двух сестер ее.

Братья стоят внизу, дожидаются. Увидели мать — обрадовались. Увидели Елену Прекрасную — обмерли. Увидели двух сестер — позавидовали.

— Ну, — говорит Василий-царевич, — молод-зелен наш Иванушка вперед старших братьев становиться. Заберем мать да царевен, к батюшке повезем, скажем: нашими богатырскими руками добыты. А Иванушка пусть на горе один погуляет.

— Что ж, — отвечает Петр-царевич, — дело ты говоришь. Елену Прекрасную я за себя возьму, царевну серебряного царства ты возьмешь, а царевну медного за генерала отдадим.

Тут как раз собрался Иван-царевич сам с горы спускаться; только стал полотно к пню привязывать, а старшие братья снизу взялись за полотно, рванули из рук у него и вырвали. Как теперь Иван-царевич вниз спустится?

Остался Иван-царевич на горé один. Заплакал и пошел назад. Ходил-ходил, нигде нет ни души. Скука смертная! Стал Иван-царевич с тоски-горя Вихревой палицей играть.

Только перекинул палицу с руки на руку — вдруг, откуда ни возьмись, выскочили Хромой да Кривой.

— Что надобно, Иван-царевич! Три раза прикажешь — три наказа твоих выполним.

Говорит Иван-царевич:

— Есть хочу, Хромой да Кривой!



Откуда ни возьмись — стол накрыт, на столе кушанья самые лучшие.

Поел Иван-царевич, опять с руки на руку перекинул палицу.

— Отдохнуть, — говорит, — хочу!

Не успел выговорить — стоит кровать дубовая, на ней перина пуховая, одеяльце шелковое. Выспался Иван-царевич — в третий раз перекинул палицу. Выскочили Хромой да Кривой:

— Что, Иван-царевич, надобно?

— Хочу быть в своем царстве-государстве.

Только сказал — в ту же минуту очутился Иван-царевич в своем царстве-государстве. Прямо посреди базара стал. Стоит, озирается. Видит: по базару идет ему навстречу башмачник, идет, песни поет, ногами в лад притопывает — такой весельчак!

Царевич и спрашивает:

— Куда, мужичок, идешь?

— Да несу башмаки продавать. Я ведь башмачник.

— Возьми меня к себе в подмастерья.

— А ты умеешь башмаки шить?

— Да я все, что угодно, умею. Не то что башмаки, и платье сошью.

Пришли они домой, башмачник и говорит:


— Вот тебе товар самый лучший. Сшей башмаки, посмотри, как ты умеешь.

— Ну что это за товар?! Дрянь, да и только!

Ночью, как все заснули, взял Иван-царевич золотое яичко, покатыл по дороге. Стал перед ним золотой дворец. Зашел Иван-царевич в горницу, вынул из сундука башмаки, золотом шитые, покатыл яичком по дороге, спрятал в яичко золотой дворец, поставил башмаки на стол, спать лег.

Утром-светом увидел хозяин башмаки, ахнул:

— Этакие башмаки только во дворце носить!



А в эту пору во дворце три свадьбы готовились: берет Петр-царевич за себя Елену Прекрасную, Василий-царевич — серебряного царства царевну, а медного царства царевну за генерала отдают.

Принес башмачник башмаки во дворец. Как увидела башмаки Елена Прекрасная, сразу все поняла:

«Знать, Иван-царевич, мой суженый, жив-здоров по царству ходит».

Говорит Елена Прекрасная царю:

— Пусть сделает мне этот башмачник к завтраму без мерки платье подвенечное, да чтобы золотом было шито, каменьями самоцветными украшено, жемчугами усеяно. Иначе не пойду замуж за Петра-царевича.

Позвал царь башмачника.

— Так и так,— говорит,— чтобы завтра царевне Елене Прекрасной золотое платье было доставлено, а не то на виселицу!

Идет башмачник домой невесел, седую голову повесил.

— Вот,— говорит Ивану-царевичу,— что ты со мной наделал!

— Ничего,— говорит Иван-царевич,— ложись спать! Утро вечера мудренее.

Ночью достал Иван-царевич из золотого царства подвенечное платье, на стол к башмачнику положил.

Утром проснулся башмачник — лежит платье на столе, как жар горит, всю комнату освещает.

Схватил его башмачник, побежал во дворец, отдал Елене Прекрасной.

Елена Прекрасная наградила его и приказывает:

— Смотри, чтобы завтра к рассвету на седьмой версте, на море стояло царство золотое с золотым дворцом, чтобы росли там деревья чудные и птицы

Певчие разными голосами меня бы воспевали. А не сделаешь — велю тебя лютой смертью казнить.

Пошел башмачник домой еле жив.

— Вот,— говорит Ивану-царевичу,— что твои башмаки наделали! Не быть мне теперь живому.

— Ничего,— говорит Иван-царевич,— ложись спать. Утро вечера мудренее.

Как все заснули, пошел Иван-царевич на седьмую версту, на берег моря. Покатил золотым яичком. Стало перед ним золотое царство, в середине золотой дворец, от золотого дворца мост на семь верст тянется, вокруг дерева чудные растут, певчие птицы разными голосами поют.

Стал Иван-царевич на мосту, в перильца гвоздики вколачивает.

Увидала дворец Елена Прекрасная, побежала к царю:

— Посмотри, царь, что у нас делается!

Посмотрел царь и ахнул.

А Елена Прекрасная и говорит:

— Вели, батюшка, запрягать карету золоченую, поеду в золотой дворец с царевичем Петром венчаться.

Вот поехали они по золотому мосту.

На мосту столбики точеные, колечки золоченые. А на каждом столбике голубь с голубушкой сидят, друг дружке кланяются да и говорят:

— Помнишь ли, голубушка, кто тебя спас?

— Помню, голубок,— спас Иван-царевич.

А около перил Иван-царевич стоит, золотые гвоздики приколачивает.

Закричала Елена Прекрасная громким голосом:

— Люди добрые! Задержите скорей коней быстрых. Не тот меня спас, кто рядом со мной сидит, а тот меня спас, кто у перильцев стоит!

Взяла Ивана-царевича за руку, посадила с собой

рядом, в золотой дворец повезла, тут они и свадьбу сыграли. Вернулись к царю, всю правду ему рассказали.

Хотел было царь старших сыновей казнить, да Иван-царевич на радостях упросил их простить.

Выдали за Петра-царевича царевну серебряного царства, за Василия-царевича — медного.

Был тут пир на весь мир!

Вот и сказке конец.



СИВКА- БУРКА



ил-был старик, у него было три сына. Старшие занимались хозяйством, были тароваты и щеголеваты, а младший, Иван-дурак, был так себе — любил в лес ходить по грибы, а дома все больше на печи сидел.

Пришло время старику умирать, вот он и наказывает сыновьям:

— Когда помру, вы три ночи подряд ходите ко мне на могилу, приносите мне хлеба.

Старика этого схоронили. Приходит ночь, надо большому брату идти на могилу, а ему не то лень, не то боится, — он и говорит младшему брату:

— Ваня, замени меня в эту ночь, сходи к отцу на могилу. Я тебе пряник куплю.

Иван согласился, взял хлеба, пошел к отцу на могилу. Сел, дожидается. В полночь земля расступилась, отец поднимается из могилы и говорит:

— Кто тут? Ты ли, мой больший сын? Скажи,

Что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое плачет?

Иван отвечает:

— Это я, твой сын. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и лег в могилу. А Иван направился домой, дорóгой набрал грибов. Приходит — старший брат его спрашивает:

— Видел отца?

— Видел.

— Ел он хлеб?

— Ел. Досыта наелся.

Настала вторая ночь. Надо идти среднему брату, а ему не то лень, не то боится,— он и говорит:

— Ваня, сходи за меня к отцу. Я тебе лапти сплету.

— Ладно.

Взял Иван хлеба, пошел к отцу на могилу, сел, дожидается.

В полночь земля расступилась, отец поднялся и спрашивает:

— Кто тут? Ты ли, мой середний сын? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или мое чадо плачет?

Иван отвечает:

— Это я, твой сын. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и лег в могилу. А Иван пошел домой, дорогой опять набрал грибов. Средний брат его спрашивает:

— Отец ел хлеб?

— Ел. Досыта наелся.

На третью ночь настала очередь идти Ивану. Он говорит братьям:

— Я две ночи ходил. Ступайте теперь вы к отцу на могилу, а я отдохну.

Братья ему отвечают:

— Что ты, Ваня, тебе стало там знакомо, иди лучше ты.

— Ну ладно.

Иван взял хлеба, пошел. В полночь земля рас-
ступается, отец поднялся из могилы:

— Кто тут? Ты ли, мой младший сын Ваня? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое плачет?

Иван отвечает:

— Здесь твой сын Ваня. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и говорит ему:

— Один ты исполнил мой наказ, не побоялся три ночи ходить ко мне на могилу. Видь в чистое поле и крикни: «Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» Конь к тебе прибежит, ты залезь ему в правое ухо, а вылезь в левое. Станешь куда какой молодец. Садись на коня и поезжай.

Иван взял узду, поблагодарил отца и пошел домой, дорогой опять набрал грибов. Дома братья его спрашивают:

— Видел отца?

— Видел.

— Ел он хлеб?

— Отец наелся досыта и больше не велел приходить.

В это время царь кликнул клич: всем добрым молодцам, холостым, неженатым, съезжаться на царский двор. Дочь его, Несравненная Красота, велела построить себе терем о двенадцати столбах, о двенадцати венцах. В этом тереме она сядет на самый верх и будет ждать, кто бы с одного лошадиного скака доскочил до нее и поцеловал в губы. За такого наездника, какого бы роду он ни был, царь отдаст в жены свою дочь, Несравненную Красоту, и полцарства в придачу.

Услышали об этом Ивановы братья и говорят между собой:



— Давай попытаем счастья.

Вот они добрых коней овсом накормили, вьбодили, сами оделись чисто, кудри расчесали. А Иван сидит на печи за трубой и говорит им:

— Братья, возьмите меня с собой счастья попытать!

— Дурак, запечина! Ступай лучше в лес за грибами, нечего людей смешить.

Братья сели на добрых коней, шапки заломили, свистнули, гикнули — только пыль столбом. А Иван взял узду и пошел в чистое поле. Вышел в чистое поле и крикнул, как отец его учил:

— Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Откуда ни возьмись, конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Стал как вкопанный и спрашивает:

— Чего велишь?

Иван коня погладил, взнуздал, влез ему в правое ухо, а в левое вылез и сделался таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел на коня и поехал на царский двор. Сивка-бурка бежит, земля дрожит, горы-долы хвостом застилает, пни-колоды промеж ног пускает. Приезжает Иван на царский двор, а там народу видимо-невидимо. В высоком тереме о двенадцати столбах, о двенадцати венцах на самом верху в окошке сидит царевна Несравненная Красота.

Царь вышел на крыльцо и говорит:

— Кто из вас, молодцы, с разлету на коне доскочит до окошка да поцелует мою дочь в губы, за того отдам ее замуж и полцарства в придачу.

Тогда добрые молодцы начали скакать. Куда там — высоко, не достать! Попытались Ивановы братья, до середины не доскочили. Дошла очередь до Ивана.



Он разогнал Сивку-бурку, гикнул, ахнул, скакнул — двух венцов только не достал. Взвился опять, разлетелся в другой раз — одного венца не достал. Еще завертелся, закружился, разгорячил коня и дал рыскачá — как огонь, пролетел мимо окошка, поцеловал царевну Несравненную Красоту в сахарные уста, а царевна ударила его кольцом в лоб, приложила печать.

Тут весь народ закричал:

— Держи, держи его!

А его и след простыл.

Прискакал Иван в чистое поле, влез Сивке-бурке в левое ухо, а из правого вылез и сделался опять Иваном-дураком. Коня пустил, а сам пошел домой, по дороге набрал грибов. Обвязал лоб тряпицей, залез на печь и полеживает.

Приезжают его братья, рассказывают, где были и что видели.

— Были хороши молодцы, а один лучше всех — с разлету на коне царевну в уста поцеловал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал.

Иван сидит за трубой и говорит:

— Да не я ли это был?

Братья на него рассердились:

— Дурак — дурацкое и орет! Сиди на печи да ешь свои грибы.

Иван потихоньку развязал тряпицу на лбу, где его царевна кольцом ударила, — избу огнем осветило. Братья испугались, закричали:

— Что ты, дурак, делаешь? Избу сожжешь!

На другой день царь зовет к себе на пир всех бояр и князей, и простых людей, и богатых и нищих, и старых и малых.

Ивановы братья стали собираться к царю на пир. Иван им говорит:

— Возьмите меня с собой!



— Куда тебе, дураку, людей смешить! Сиди на печи да ешь свои грибы.

Братья сели на добрых коней и поехали, а Иван пошел пешком. Приходит к царю на пир и сел в дальний угол. Царевна Несравненная Красота начала гостей обходить. Подносит чашу с медом и смотрит, у кого на лбу печать.

Обошла она всех гостей, подходит к Ивану, и у самой сердце так и защемило. Взглянула на него — он весь в саже, волосы дыбом.

Царевна Несравненная Красота стала его спрашивать:

— Чей ты? Откуда? Для чего лоб завязал?

— Ушибся.

Царевна ему лоб развязала — вдруг свет по всему дворцу. Она и вскрикнула:

— Это моя печать! Вот где мой суженый!

Царь подходит и говорит:

— Какой это суженый! Он дурной, весь в саже.

Иван говорит царю:

— Дозволь мне умыться.

Царь дозволил. Иван вышел на двор и крикнул, как его отец учил:

— Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Откуда ни возьмись, конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Иван ему в правое ухо влез, из левого вылез и сделался опять таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Весь народ так и ахнул.

Разговоры тут были коротки: веселым пирком да за свадебку.



ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА



некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына.

Вот дети и говорят ему:

— Милостивый государь-батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем.

Отец благословил, и они поехали в разные стороны.

Младший сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь, около этой падали собралось много всяких зверей, птиц и гадов.

Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

— Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить — не придумаем.

Царевич слез с своего доброго коня и разделил падалю: зверям — кости, птицам — мясо, кожа — гадам, а голова — муравьям.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол. — За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь.

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридешатое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу:

— Не возьмет ли ваш государь меня на службу к себе?



— Отчего не взять такого молодца?
Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью.

Стала просить царевна:

— Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали.

Подъезжают к хрустальной горе, вдруг, откуда ни возьмись, выскочила золотая коза.

Царевич погнал за ней; скакал, скакал, козы не добыл, а воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю:

— Ваше величество! Найми меня стадо пасти.

— Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитывай двенадцать коров.

Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах:

— Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сразаться доброму молодцу, а он стадо пасет! Ну-ка, — говорит, — отгони мне трех коров.

— Не жирно ли будет? — отвечает царевич. — Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трех захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой.

— Что, дедушка, — спрашивает царь, — прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?

— Нет, ваше величество, ни одной не дал!

На другой день гонит царевич стадо по горам,

по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

— Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов.

Пригнал домой стадо; царь и спрашивает:

— Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?

— Прилетать-то прилетал, но ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит — в хрустальной горе сидит царевна.

— Здравствуй,— говорит Иван-царевич,— как ты сюда попала?

— Меня унес змей о двенадцати головах; живет он на батюшкином озере. В том змее сундук таится, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко; коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в те поры можно хрустальную гору извести и меня избавить.

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо.

Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

— Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!

— Жирно будет! Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой

Стороне нашел сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко.

Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе — гора скоро растаяла.

Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу: — Будь ты моим зятем!

Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.



ПРИТВОРНАЯ

БОЛЕЗНЬ



ывали-живали царь да царица; у царя, у царицы был один сын, Иван-царевич. Вскоре царь умер, сыну своему царство оставил.

Царствовал Иван-царевич тихо и благополучно и всеми подданными был любим. Женился Иван, и вскоре родились у него два сына.

Иван-царевич ходил с своим воинством воевать в иные земли, в дальние края, к Пану Плешевичу; рать-силу его побил, а самого в плен взял и в темницу заточил.

А был Пан Плешевич куда хорош и пригож! Увидала его царица, мать Ивана-царевича, полюбила и стала частенько навещать его в темнице.

Однажды говорит ей Пан Плешевич:

— Как бы нам сына твоего, Ивана-царевича, убить? Стал бы я с тобой вместе царствовать!

Царица ему в ответ:

— Я бы очень рада была, если б ты убил его.

— Сам я убить его не смогу, а слышал я, что есть в чистом поле чудище о трех головах. Скажись царевичу больною и вели убить чудище о трех головах да вынуть из чудища все три сердца; я бы съел их — у меня бы силы прибыло.

На другой день царица разболелась-расхворалась, позвала к себе царевича и говорит ему таково слово:

— Чадо мое милое, Иван-царевич! Съезди в поле чистое, убей чудище о трех головах, вынь из него три сердца и привези ко мне: скушаю — авось поправлюсь!

Иван-царевич послушался, сел на коня и поехал.

В чистом поле привязал он своего доброго коня к старому дубу, сам сел под дерево и ждет...

Вдруг прилетело чудище великое, село на старый дуб — дуб зашумел и погнулся.

— Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь — на обед, молодец — на ужин!

— Эх ты, поганое чудище! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь! — сказал Иван-царевич, натянул свой тугой лук и пустил калену стрелу; разом сшиб чудищу все три головы, вынул три сердца, привез домой и отдал матери.

Царица приказала их сжарить; после взяла и понесла в темницу к Пану Плешевичу.

Съел он, царица и спрашивает:

— Что — будет ли у тебя силы, как у моего сына?

— Нет, еще не будет! А слышал я, что есть в чистом поле чудище о шести головах; пусть царевич с ним поборется. Одно что-нибудь: или чудище его пожрет, или он привезет еще шесть сердец.

Царица побежала к Ивану-царевичу:



— Чадо мое милое! Мне немного полегчило; а слышала я, что есть в чистом поле другое чудище, о шести головах; убей его и привези шесть сердец.

Иван-царевич сел на коня и поехал в чистое поле, привязал коня к старому дубу, а сам сел под дерево.

Прилетело чудище о шести головах — весь дуб пошатнулся.

— Ха-ха-ха! Конь — на обед, молодец — на ужин!

— Нет, чудище поганое! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь!

Натянул царевич свой тугой лук, пустил калену стрелу и сбил чудищу три головы.

Бросилось на него чудище поганое, и бились они долгое время; Иван-царевич осилил, срубил и остальные три головы, вынул из чудища шесть сердец, привез и отдал матери.

Она того часу приказала их сжарить; после взяла и понесла в темницу к Пану Плешевичу.

Пан Плешевич от радости на ноги вскочил, царице челом бил; съел шесть сердец. Царица и спрашивает:

— Что — станет ли у тебя силы, как у моего сына?

— Нет, не станет! А слышал я, что есть в чистом поле чудище о девяти головах: коли съем его еще сердца — тогда наверное будет у меня силы с ним побороться!

Царица побежала к Ивану-царевичу:

— Чадо мое милое! Мне получше стало; а слышала я, что есть в чистом поле чудище о девяти головах; убей его и привези девять сердец.

— Ах, матушка рѳдная! Ведь я устал, пожалуй, мне не выстоять супротив того чудища о девяти головах!

— Дитя мое! Прошу тебя — съезди, привези.

Иван-царевич сел на коня и поехал; в чистом поле привязал коня к старому дубу, сам сел под дерево и заснул. Вдруг прилетело чудище великое, село на старый дуб — дуб до земли пошатнулся.

— Ха-ха-ха! Конь — на обед, молодец — на ужин!

Царевич проснулся:

— Нет, чудище поганое! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь!

Натянул свой тугой лук, пустил калену стрелу и сразу сшиб шесть голов, а с остальными долго-долго бился; срубил и те, вынул сердца, сел на коня и поскакал домой.

Мать встречает его:

— Что, Иван-царевич, привез ли девять сердец?

— Привез, матушка! Хоть с великим трудом, а достал.

— Ну, дитя мое, теперь отдохни!

Взяла от сына сердца, приказала сжарить и отнесла в темницу к Пану Плешевичу.

Пан Плешевич съел, царица и спрашивает:

— Что — станет ли теперь силы, как у моего сына?

— Станет-то станет, да все опасно; а слышал я, что когда богатырь в баню ходит, то много у него силы убудет; пошли-ка наперед сына в баню.

Царица побежала к Ивану-царевичу:

— Чадо мое милое! Надо тебе в баню сходить, с белого тела пот омыть.

Иван-царевич пошел в баню; только что омылся — а Пан Плешевич тут как тут, размахнулся острым мечом и срубил ему голову.

Узнала о том царица — от радости запрыгала, стала с Паном Плешевичем в любви поживать да всем царством заправлять.



Осиротели двое малых сыновей Ивана-царевича. Вот они бегали, играли, у бабушки-задворенки оконницу изломали.

— Ах вы, такие-сякие! — обругала их бабушка-задворенка. — Зачем оконницу изломали?

Прибежали они к своей матери, стали ее спрашивать: почему-де так неласково обошлась с нами?

Говорит мать:

— Был бы у вас батюшка, заступился, да убил его Пан Плешевич, и схоронили его во сырой земле.

— Матушка! Дай нам мешочек сухариков, мы пойдем оживим нашего батюшку.

— Нет, дитятки, не оживить его вам.

— Благослови, матушка, мы пойдем.

— Ну, ступайте...

Того часу дети Ивана-царевича срядились и пошли в дорогу.

Долго ли, коротко ли шли они — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — попался навстречу им седой старичок:

— Куда вы, царевичи, путь держите?

— Идем к батюшке на могилу: хотим его оживить.

— Ох, царевичи, вам самим его не оживить. Хотите, я помогу?

— Помоги, дедушка!

— Натe, вот вам корешок; отройте Ивана-царевича, этим корешком его вытрите.

Они взяли корешок, нашли могилу Ивана-царевича, разрыли, вынули его, тем корешком вытерли. Иван-царевич встал:

— Здравствуйте, дети мои милые! Как я долго спал!

Воротился домой, а у Пана Плешевича пир идет. Как увидал он Ивана-царевича, так со страху и задрожал.

Иван-царевич предал его лютой смерти. Схоронили Пана Плешевича и отправились поминки творить; и я тут был — поминал, кутью большой ложкой хлебал, по бороде текло — в рот не попало!



МАРЬЯ
МОРЕВНА



В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич. У него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна.

Отец и мать у них померли. Умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго.

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой,— говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол. Ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я ее не держу — пусть идет.



Марья-царевна согласилась. Сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало. Пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой,— говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел. Ударился орел об пол и сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ездил, а теперь пришел сватом.

И посватал Ольгу-царевну.

Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет, я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж. Орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год. Говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем, во зеленом саду погуляем.

Погуляли немножко. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок, и влетел ворон. Ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем. Прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом: отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю. Коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один. Целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

— Пойду,— говорит,— искать сестриц.

Собрался в дорогу, шел, шел и видит: лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек, отзовись: кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева:

— Здравствуй, царевич. Куда тебя бог несет — по воле аль по неволе?

Отвечает ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят.

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад: две ночи в шатрах ночевал. Полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство. Пожили они вместе столько-то времени, и вздумалось королеве на войну собираться. Покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не заглядывай.

Он не вытерпел: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиться! Де-

Сять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло.

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды. Дай еще!

Царевич подал другое ведро. Кощей выпил и запросил третье; а как выпил третье ведро, взял свою прежнюю силу, потрянул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич, — сказал Кощей Бесмертный, — теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих.

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну».

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец. У дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шурин мой любезный!

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

— Трудно тебе сыскать ее, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого. Возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит.

Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна, милый наш братец идет!

Ольга-царевна тотчас прибежала, стала его целовать, обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою, Марию Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее. Оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух. Возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна, поскорей выходи, наш братец идет!

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте. Пойду жену искать, Марию Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать ее. Оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.



Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны.

Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич, зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна, не поминай старого. Лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного. Авось не догонит!

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был. К вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть да тогда вдогонь ехать — и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

— Ну,— говорит,— первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю.

Отнял у него Марью Моревну и увез. А Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною. Кощей Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!



— Ах, Иван-царевич, он нас догонит!

— Пускай догонит. Мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали.

Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли их догнать?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, вдоволь напиться, до отвалу наесться, выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял ее и унес к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною. На ту пору Кощей дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич, ведь он догонит, тебя в куски изрубит!

— Пускай изрубит, я без тебя жить не могу!

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и покчал в смоляную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и

Бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез. В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах,— говорят они,— видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег. Сокол полетел за живую водою, а ворон — за мертвою.

Слетелись все трое в одно место, разрубили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и сложили, как надобно.

Ворон брызнул мертвою водою — тело срослось, соединилось. Сокол брызнул живую водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если бы не мы,— отвечали зятья.— Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы, я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать.

Кощей сказал:

— За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга. У ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у нее и других славных кобылиц. Я у нее три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в

правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет.

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу. И платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыыми детками. Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка!

— Не ешь, Иван-царевич,— просит заморская птица.— В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше. Видит в лесу улей пчел.

— Возьму-ка я,— говорит,— сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меду, Иван-царевич. В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше. Попадаетя ему навстречу львица со львенком.

— Съем я хоть этого львенка. Есть так хочется, ажно тошно стало.

— Не тронь, Иван-царевич,— просит львица.— В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Побрел голодный. Шел, шел — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечьей голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич. Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич, у меня ведь не год служить, а всего-то три дня. Если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а нет — то не гне-

Твайся: торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился. Баба-яга его накормила, напоила и велела за дело приниматься.

Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались. Не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали.

Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уж на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, домой пошел. А баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же было нам не воротиться! Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а насыпьте по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич. Наутро баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам.

Опять сел царевич на камень, плакал-плакал да и уснул. Солнышко село за лес.

Прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой. Баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться! Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич. Наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и убежали в сине море, стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул.

Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны. Да как воротишься домой, бабе-яге на глаза не показывайся, поди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется. Ты возьми его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич пробрался в конюшню, улегся за яслями. Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться! Налетело пчел видимо-невидимо, со всего света, и давай нас со всех сторон жалить до крови.

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич взял у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост.

Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький.

Поутру пробудилась баба-яга — паршивого же-

Жеребенка видом не видать. Бросилась в погоню. Во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след заметает.

Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост».

Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и баба-яга в реку свалилась. Тут ей и лютая смерть приключилась.

Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне. Она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как тебе удалось от смерти избавиться?

— Так и так,— говорит,— поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

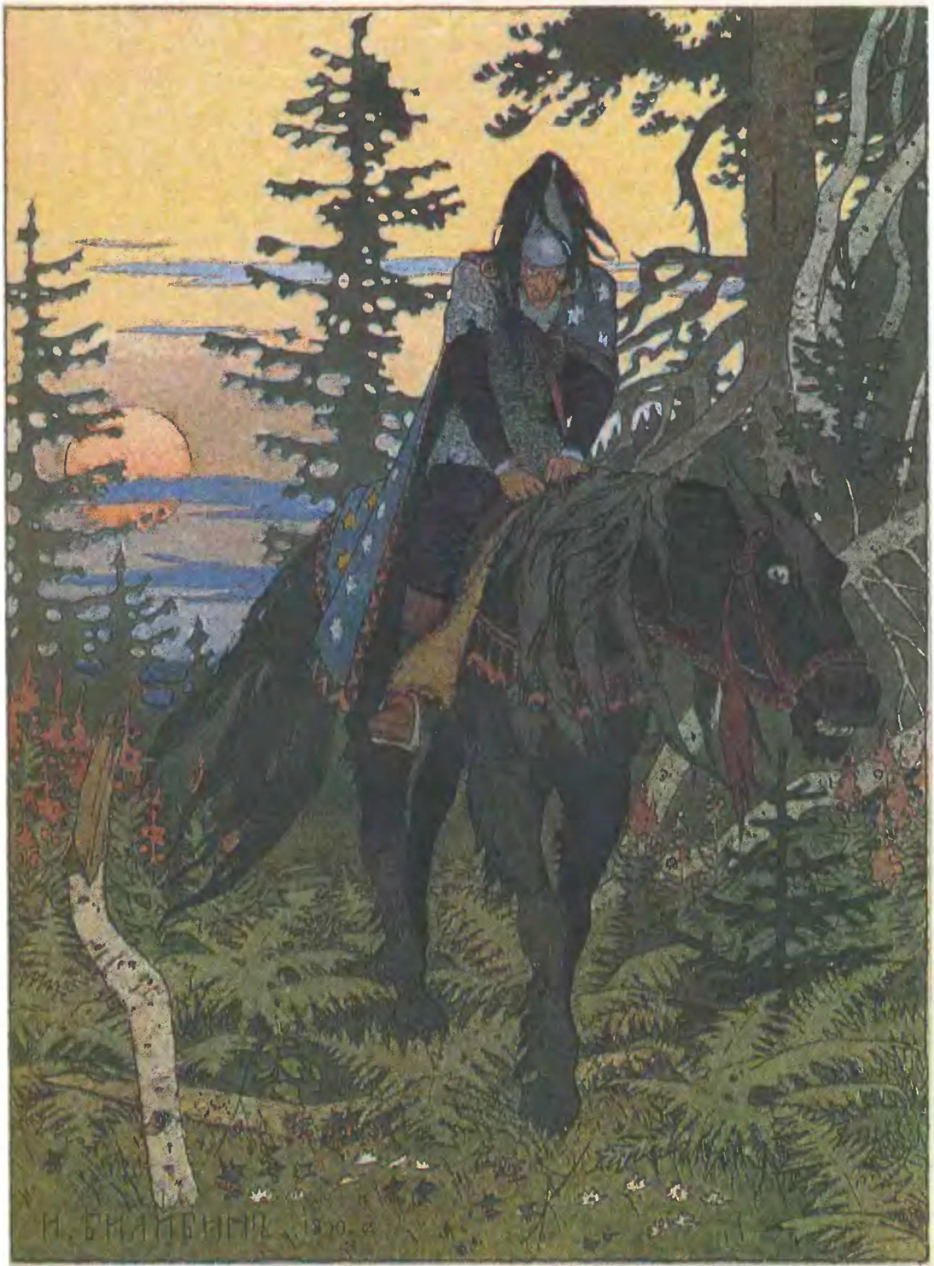
— А можно ли их догнать?

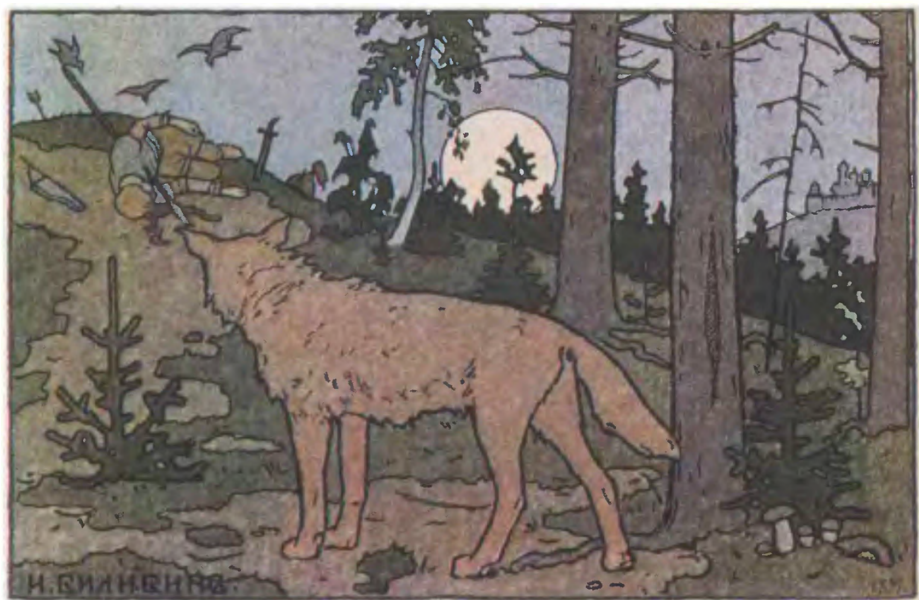
— Не знаю. Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю,— говорит Кощей Бессмертный,— поеду в погоню!

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей. В те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощей Бессмертного и разможжил ему голову, а царевич доконал его палицей.

После того накидал царевич груду дров, развел





огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и сальный пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть! Ну, недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти.

Погостили они, попиrowали и поехали в свое царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.



ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА



В некотором царстве жил богатый купец. Помер купец и оставил трех сыновей на возрасте. Два старших каждый день ходили на охоту.

В одно время взяли они с собой и младшего брата, Ивана, на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там — с тем чтобы все отцовское имение разделить меж собой, а его лишить наследства.

Иван — купеческий сын долгое время бродил по лесу, ел ягоды да коренья; наконец выбрался на равнину и на той равнине увидел дом.

Вошел в комнаты, ходил, ходил — нет никого, везде пусто; только в одной комнате стол накрыт на три прибора, на тарелках лежат три хлеба.

Иван — купеческий сын откусил от каждого хлеба по маленькому кусочку и спрятался за дверь.

Вдруг прилетел орел, ударился о землю и сделался молодцом; за ним прилетает сокол, за соколом воробей — ударились о землю и оборотились тоже добрыми молодцами. Сели за стол кушать.

— А ведь хлеб у нас почат! — говорит орел.

— И то правда, — отвечает сокол, — видно, кто-нибудь к нам в гости пожаловал.

Стали гостя искать-вызывать.

Говорит орел:

— Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок — будешь нам родной батюшка, коли добрый молодец — будешь родной братец, коли ты старушка — будешь мать родная, а коли красная девица — назовем тебя родной сестрицею.

Иван — купеческий сын вышел из-за двери, они его ласково приняли и назвали своим братцем.

На другой день стал орел просить Ивана — купеческого сына:

— Сослужи нам службу — останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол.

— Хорошо, — отвечает купеческий сын, — будет исполнено.

Отдал ему орел ключи, позволил везде ходить, на все смотреть, только одного ключа, что на стене висел, брат не велел.

После того обратились добрые молодцы птицами — орлом, соколом и воробьем — и улетели.

Иван — купеческий сын ходил однажды по двору и усмотрел в земле дверь за крепким замком; захотелось туда заглянуть, стал ключи пробовать — ни один не приходится; побежал в комнаты, снял со стены запретный ключ, отпер замок и отворил дверь.

В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла две сумки привешены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить: богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван — купеческий сын спал беспробудно до того самого дня, в который должны прилететь его названные братья.

Как только проснулся, запер он дверь, ключ на старое место повесил и накрыл стол на три прибора.

Вот прилетели орел, сокол и воробей, ударились о землю и сделались добрыми молодцами, поздоровались и сели обедать.

На другой день начал просить Ивана — купеческого сына сокол: сослужи-де службу еще один год! Иван — купеческий сын согласился.

Братья улетели, а он опять пошел по двору, увидал в земле другую дверь, отпер ее тем же ключом.

В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла сумки прицеплены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван — купеческий сын спал беспробудно столько же времени, как и прежде.

Проснулся в тот самый день, когда братья должны прилететь, запер дверь, ключ на стену повесил и приготовил стол.

Прилетают орел, сокол и воробей; ударились о землю, поздоровались и сели обедать.

На другой день поутру начал воробей просить

Ивана — купеческого сына: послужи-де службу еще один год! Он согласился.

Братья обратились птицами и улетели. Иван — купеческий сын прожил целый год один-одинехонек и, когда наступил урочный день, накрыл стол и дожидает братьев.

Братья прилетели, ударились о землю и сделались добрыми молодцами; вошли, поздоровались и пообедали.

После обеда говорит старший брат, орел:

— Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот тебе богатырский конь — дарю со всею сбруею, и с золотом, и с камнями самоцветными.

Средний брат, сокол, подарил ему другого богатырского коня, а меньший брат, воробей, — рубашку.

— Возьми, — говорит, — эту рубашку пуля не берет; коли наденешь ее, никто тебя не осилит!

Иван — купеческий сын надел ту рубашку, сел на богатырского коня и поехал сватать за себя Елену Прекрасную; а об ней было по всему свету объявлено: кто победит Змея Горыныча, за того ей замуж идти.

Иван — купеческий сын напал на Змея Горыныча, победил его и уж собирался защемить ему голову в дубовый пень, да Змей Горыныч начал слезно молить-просить:

— Не бей меня до смерти, возьми к себе в услужение; буду тебе верный слуга!

Иван — купеческий сын сжалился, взял его с собою, привез к Елене Прекрасной и немного погодя женился на ней, а Змея Горыныча сделал поваром.

Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван — купеческий сын так мудр и силен.

Змей Горыныч сварил крепкого зелья, а Елена Прекрасная напоила тем зельем своего мужа и стала выпрашивать:

— Скажи, Иван — купеческий сын, где твоя мудрость?

— На кухне, в венике.

Елена Прекрасная взяла этот веник, изукрасила разными цветами и положила на видное место. Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидел веник и спрашивает:

— Зачем это веник изукрасила?

— А затем,— говорит Елена Прекрасная,— что в нем твоя мудрость и сила скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике?

Елена Прекрасная опять напоила его крепким зельем и спрашивает:

— Скажи, милый, где твоя мудрость?

— У быка в рогах.

Она приказала вызолотить быку рога.

На другой день Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидел быка и спрашивает:

— Что это значит? Зачем рога вызолочены?

— А затем,— отвечает Елена Прекрасная,— что тут твоя сила и мудрость скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в рогах?

Елена Прекрасная напоила мужа крепким зельем и снова стала его выпрашивать:

— Скажи, милый, где твоя мудрость, где твоя сила?

Иван — купеческий сын и выдал ей тайну:

— Моя сила и мудрость вот в этой рубашке.

После того уснул.

Елена Прекрасная сняла с него рубашку, а самого изрубил в мелкие куски и приказала вы-

Бросить в чистое поле, а сама стала жить с Змеем Горынычем.

Трое суток лежало тело Ивана — купеческого сына по чисту полю разбросано; уж вороны слетались клевать его.

На ту пору пролетали мимо орел, сокол и воробей, увидали мертвого брата.

Бросился сокол вниз, поймал вороненка и сказал старому ворону:

— Принеси скорее мертвой и живой воды!

Ворон полетел и принес мертвой и живой воды.

Орел, сокол и воробей сложили тело Ивана — купеческого сына, спрыснули сперва мертвою водою, а потом живою,

Иван — купеческий сын встал, поблагодарил их, они дали ему золотой перстень.

Только Иван — купеческий сын надел перстень на руку, как тотчас оборотился конем и побежал на двор Елены Прекрасной.

Змей Горыныч узнал его, приказал поймать этого коня, поставить в конюшню и на другой день поутру отрубить ему голову.

При Елене Прекрасной была служанка; жаль ей стало такого славного коня, пошла в конюшню, сама горько плачет и приговаривает:

— Ах, бедный конь, тебя завтра казнить будут.

Провещал ей конь человеческим голосом:

— Приходи завтра, красная девица, на место казни, и как брызнет кровь моя наземь, заступи ее своей ножкою; после собери эту кровь вместе с землею и разбросай кругом дворца.

Поутру повели коня казнить; отрубили ему голову, кровь брызнула — красная девица заступила ее своей ножкою, а после собрала вместе с землею и разбросала кругом дворца; в тот же день выросли кругом дворца славные садовые деревья.

Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь все до единого.

Служанка заплакала и пошла в сад в последний раз погулять-полюбоваться. Провещало ей одно дерево человеческим голосом:

— Послушай, красная девица! Как станут сад рубить, ты возьми одну щепочку и брось в озеро.

Она так и сделала, бросила щепочку в озеро — щепочка оборотилась золотым селезнем и поплыла по воде.

Пришел на то озеро Змей Горыныч — вздумал поохотиться, — увидал золотого селезня. «Дай, — думает, — живьем поймаю!»

Снял с себя чудесную рубашку, что Ивану — купеческому сыну воробей подарил, и бросился в озеро. А селезень все дальше, дальше, завел Змея Горыныча вглубь, вспорхнул — и на берег, оборотился добрым молодцем, надел рубашку и убил змея.

После того пришел Иван — купеческий сын во дворец, Елену Прекрасную прогнал, а на ее служанке женился и стал с нею жить-поживать, добра наживать.



ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО



В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой, и был у них сын Мартынка. Всю жизнь свою занимался старик охотой, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью кормил. Пришло время — заболел старик и помер. Остался Мартынка с ма-

терью, потужили-поплакали, да делать-то нечего: мертвого назад не воротишь. Пожили с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был.

Видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься, а старик-то оставил им двести рублей. Больно не хотелось ей начинать кубышку, однако сколько ни крепилась, а начинать нужно — не с голоду же умирать! Отсчитала сто рублей и говорит сыну:

— Ну, Мартынка, вот тебе сто целковиков, пойдди попроси у соседей лошадь, поезжай в город да купи хлеба. Авось как-нибудь зиму промаячим, а весной станем работу искать.

Мартынка выпросил телегу с лошадейю и поехал в город. Едет он мимо мясных лавок — шум, брань, толпа народу. Что такое? А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют ее палками — собака рвется, визжит, огрызается... Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает:

— Братцы, за что вы бедного пса так бьете немилостиво?

— Да как его не бить, — отвечают мясники, — когда он целую тушу говядины испортил!

— Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.

— Пожалуйста, купи, — говорит один мужик шутя. — Давай сто рублей.

Мартынка вытащил из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой. Пес начал к нему ласкаться, хвостом так и вертит: понимает, значит, кто его от смерти спас.

Вот приезжает Мартынка домой, мать тотчас стала спрашивать:

— Что купил, сынок?

— Купил себе первое счастье.

— Что ты завираешься! Какое там счастье?

— А вот он, Журка! — и показывает ей собаку.
— А больше ничего не купил?
— Коли б деньги остались, может, и купил бы, только вся сотня за собаку пошла.

Старуха заругалась.

— Нам, — говорит, — самим есть нечего, нынче последние поскребушки по закромам собрала да лепешку испекла, а завтра и того не будет!

На другой день вытащила старуха еще сто рублей, отдает Мартынке и наказывает:

— На, сынок! Поезжай в город, купи хлеба, а задаром денег не бросай.

Приехал Мартынка в город, стал ходить по улицам да присматриваться, и попался ему на глаза злой мальчишка: поймал кота, зацепил веревкой за шею и давай тащить на реку.

— Постой! — закричал Мартынка. — Куда Ваську тащишь?

— Хочу его утопить, проклятого!

— За какую провинность?

— Со стола пирог стянул.

— Не топи его, лучше продай мне.

— Пожалуй, купи. Давай сто рублей.

Мартынка не стал долго раздумывать, полез за пазуху, вытащил деньги и отдал мальчику, а кота посадил в мешок и повез домой.

— Что купил, сынок? — спрашивает его старуха.

— Кота Ваську.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы еще что-нибудь.

— Ах ты дурак этакой! — закричала на него старуха. — Ступай же из дому вон, ищи себе хлеба по чужим людям!

Пошел Мартынка в соседнее село искать рабо-

† ту. Идет дорогою, а следом за ним Журка с Васькой бегут. Навстречу ему поп:

— Куда, свет, идешь?

— Иду в батраки наниматься.

— Ступай ко мне. Только я работников без ряды беру: кто у меня прослужил три года, того и так не обижу.

Мартынка согласился и без устали три лета и три зимы на попа работал. Пришел срок к расплате, зовет его хозяин:

— Ну, Мартынка, иди — получай за свою службу.

Привел его в амбар, показывает два полных мешка и говорит:

— Какой хочешь, тот и бери.

Смотрит Мартынка — в одном мешке серебро, а в другом песок, и задумался:

«Эта шутка неспроста приготовлена! Пусть лучше мои труды пропадут, а уж я попытаю, возьму песок — что из того будет?»

Говорит он хозяину:

— Я, батюшка, выбираю себе мешок с мелким песочком.

— Ну, свет, твоя добрая воля. Бери, коли серебром брезгаешь.

Мартынка взвалил мешок на спину и пошел искать другого места. Шел, шел и забрел в темный, дремучий лес. Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Говорит красная девица:

— Мартын, вдовьин сын! Если хочешь добыть себе счастья, избавь меня: засыпь это пламя песком, за который ты три года служил.

«И впрямь, — подумал Мартынка, — чем таскать с собою этукую тяжесть, лучше человеку пособить.»

Невелико богатство — песок, этого добра везде много!»

Снял мешок, развязал и давай сыпать. Огонь тотчас погас, красная девица ударилась оземь, обернулась змеею, вскочила доброму молодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи. Мартышка испугался.

— Не бойся! — сказала ему змея. — Иди теперь за тридевять земель, в тридешатое государство, в подземное царство, там мой батюшка царствует. Как придешь к нему на двор, будет он давать тебе много золота, и серебра, и самоцветных камней — ты ничего не бери, а проси у него с мизинного перста колечко. То кольцо не простое: если перекинуть его с руки на руку — тотчас двенадцать молодцев явятся, и что им ни будет приказано, всё за единую ночь сделают.

Отправился добрый молодец в путь-дорогу. Близо ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — подходит к тридешатому царству и видит огромный камень. Тут соскочила с его шеи змея, ударилась о сырую землю и сделалась по-прежнему красною девицей.

— Ступай за мной! — говорит красная девица и повела его под тот камень.

Долго шли они подземным ходом, вдруг забрезжил свет — все светлей да светлей, и вышли они на широкое поле, под ясное небо. На том поле великолепный дворец выстроен, а во дворце живет отец красной девицы, царь той подземной стороны.

Входят путники в палаты белокаменные, встречает их царь ласково.

— Здравствуй, — говорит, — дочь моя милая! Где ты столько лет скрывалась?

— Свет ты мой батюшка! Я бы совсем пропала, если бы не этот человек: он меня от злой, неми-

Тнуемой смерти освободил и сюда, в родные места, привел.

— Спасибо тебе, добрый молодец! — сказал царь. — За твою добродетель наградить тебя надо. Бери себе и злата, и серебра, и камней самоцветных, сколько твоей душе хочется.

Отвечает ему Мартын, вдовьин сын:

— Ваше царское величество! Не требуется мне ни злата, ни серебра, ни камней самоцветных. Коли хочешь жаловать, дай мне колечко со своей царской руки — с мизинного перста. Я человек холостой, стану на колечко почаще посматривать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять.

Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну:

— На, владей на здоровье! Да смотри никому про кольцо не рассказывай, не то сам себя в большую беду втянешь!

Мартын, вдовьин сын, поблагодарил царя, взял кольцо да малую толику денег на дорогу и пустился обратно тем же путем, каким прежде шел. Ближко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — воротился на родину, разыскал свою мать-старуху, и стали они вместе жить-поживать без всякой нужды и печали.

Захотелось Мартынке жениться; пристал он к матери, посылает ее свахою.

— Ступай, — говорит, — к самому королю, высватай за меня прекрасную королевну.

— Эй, сынок, — отвечает старуха, — рубил бы ты дерево по себе, лучше бы вышло! А то вишь что выдумал! Ну зачем я к королю пойду! Известное дело, он осердится и меня и тебя велит казни предать.

— Ничего, матушка! Небось, коли я посылаю, значит, смело иди. Какой будет ответ от короля, про то мне скажи, а без ответу и домой не возвращайся.

12

Собралась старуха и поплелась в королевский дворец. Пришла на двор и прямо на парадную лестницу, так и прет без всякого доклада. Ухватили ее часовые:

— Стой, старая ведьма! Куда тебя черти несут? Здесь даже генералы не смеют ходить без доклада...

— Ах вы такие-сякие! — закричала старуха. — Я пришла к королю с добрым делом, хочу высватать его дочь-королевну за моего сына, а вы хватаете меня за полы!

Такой шум подняла! Король услышал крики, глянул в окно и велел допустить к себе старушку. Вот вошла она в комнату и поклонилась королю.

— Что скажешь, старушка? — спросил король.

— Да вот пришла к твоей милости. Не во гнев тебе сказать: есть у меня купец, у тебя товар. Купец-то — мой сынок Мартынка, пребольшой умница, а товар — твоя дочка, прекрасная королевна. Не отдашь ли ее замуж за моего Мартынку? То-то пара будет!

— Что ты! Или с ума сошла? — закричал на нее король.

— Никак нет, ваше королевское величество! Извольте ответ дать.

Король тем же часом собрал к себе всех господ министров, и начали они судить да рядить, какой бы ответ дать этой старухе. И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит богатейший дворец, и чтобы от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех же деревьях пели бы разные птицы. Да еще пусть выстроит пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять. Если старухин сын все

Это делает, тогда можно за него и королевну отдать: значит, больно мудрен. А если не делает, то и старухе и ему срубить за провинность головы.

С таким-то ответом отпустили старуху. Идет она домой — шатается, горючими слезами заливаётся. Увидала Мартынку. Кинулась к нему.

— Ну,— говорит,— сказывала я тебе, сынок, не затевай лишнего, а ты все свое! Вот теперь и пропали наши бедные головушки, быть нам завтра казненными.

— Полно, матушка! Авось живы останемся. Ложись поживать — утро, кажись, мудренее вечера.

Ровно в полночь встал Мартын с постели, вышел на широкий двор, перекинул кольцо с руки на руку — и тотчас явились перед ним двенадцать молодцев, все на одно лицо, волос в волос, голос в голос.

— Что тебе понадобилось, Мартын, вдовья сын?

— А вот что: сделайте мне к свету на этом месте богатейший дворец, и чтобы от моего дворца до королевского был хрустальный мост, по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы. Да еще выстройте пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять.

Отвечали двенадцать молодцев:

— К завтраму все будет готово!

Бросились они по разным местам, согнали со всех сторон мастеров и плотников и принялись за работу: все у них спорится, быстро дело делается.

Наутро проснулся Мартынка не в простой избе, а в знатных, роскошных покоях; вышел на высокое крыльцо, смотрит — все как есть готово: и дворец, и собор, и мост хрустальный, и деревья с золотыми

и серебряными яблоками. В ту пору и король выступил на балкон, глянул в подзорную трубочку и диву дался: все по приказу сделано! Призывает к себе прекрасную королеву и велит к венцу снаряжаться.

— Ну,— говорит,— не думал я, не гадал отдавать тебя замуж за мужичьего сына, да теперь миновать того нельзя.

Вот, пока королева умывалась, притиралась, в дорогие уборы рядилась, Мартын, вдовьин сын, вышел на широкий двор и перекинул свое колечко с руки на руку — вдруг двенадцать молодцев словно из земли выросли:

— Что угодно, что надобно?

— А вот, братцы, оденьте меня в боярский кафтан да приготовьте расписную коляску и шестерку лошадей.

— Сейчас будет готово!

Не успел Мартынка три раза моргнуть, а уж притащили ему кафтан; надел он кафтан — как раз впору, словно по мерке сшит. Оглянулся — у подъезда коляска стоит, в коляску чудные кони запряжены — одна шерстинка серебряная, а другая золотая. Сел он в коляску и поехал в собор. Там уже давно к обедне звонят, и народу привалило видимо-невидимо. Вслед за женихом приехала и невеста со своими няньками и мамками, и король со своими министрами. Отстояли обедню, а потом, как следует, взял Мартын, вдовьин сын, прекрасную королеву за руку и принял закон с нею. Король дал за дочкой богатое приданое, наградил зятя большим чином и задал пир на весь мир.

Живут молодые месяц, и два, и три. Мартынка, что ни день, все новые дворцы строит да сады разводит.

Только королеве больно не по сердцу, что

выдали ее замуж не за царевича, не за королевича, а за простого мужика. Стала думать, как бы его со света сжить. Прикинулась такою лисою, что и на́ поди! Всячески за мужем ухаживает, всячески ему услуживает да все про его мудрость выспрашивает. Мартынка крепится, ничего не рассказывает.

Вот как-то раз был Мартынка у короля в гостях, вернулся домой поздно и лег отдохнуть. Тут королева и пристала к нему, давай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать — и таки умаслила: не утерпел Мартынка, рассказал ей про свое чудодейное колечко.

«Ладно,— думает королева,— теперь я с тобою разделаюсь!»

Только заснул он крепким сном, королева хватить его за руку, сняла с мизинного пальца колечко, вышла на широкий двор и перекинула то кольцо с руки на руку. Тотчас явились перед ней двенадцать молодцев:

— Что угодно, что надобно, прекрасная королева?

— Слушайте, ребята! Чтоб к утру не было здесь ни дворца, ни собора, ни моста хрустального, а стояла бы по-прежнему старая избушка. Пусть мой муж в бедности остается, а меня унесите за тридцать земель, в тридцатое царство, в мышье государство. От одного стыда не хочу здесь жить!

— Рады стараться, все будет исполнено!

В ту же минуту подхватило ее ветром и унесло в тридцатое царство, в мышье государство.

Утром проснулся король, вышел на балкон посмотреть в подзорную трубочку — нет ни дворца с хрустальным мостом, ни собора пятиглавого, а только стоит старая избушка.

«Что бы это значило? — думал король.— Куда все делось?»

И, не мешкая, посылает своего адъютанта разузнать на месте: что такое случилось? Адъютант поскакал верхом и, воротясь назад, докладывает государю:

— Ваше величество! Где был богатейший дворец, там стоит по-прежнему худая избушка, в той избушке ваш зять со своей матерью поживает, а прекрасной королевы и духу нет, и неведомо, где она нынче находится.

Король созвал большой совет и велел судить своего зятя: зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королеву. Осудили Мартынку посадить в высокий каменный столб и не давать ему ни есть, ни пить — пусть умрет с голоду. Явились каменщики, вывели столб и замуровали Мартынку наглухо, только малое окошечко для света оставили. Сидит он, бедный, в заключении, не ест, не пьет день, и другой, и третий да слезами обливается.

Узнала про ту напасть собака Журка, прибежала в избушку, а кот Васька на печи лежит мурлыкает. Напустился на него Журка:

— Ах ты подлец, Васька! Только знаешь на печи лежать да потягиваться, а того не ведаешь, что хозяин наш в каменном столбу заточен. Видно, позабыл старое добро, как он сто рублей заплатил да тебя от смерти освободил. Кабы не он, давно бы тебя, проклятого, черви источили. Вставай скорей! Надо помогать ему всеми силами.

Вот Васька соскочил с печки и вместе с Журкою побежал разыскивать хозяина. Прибежал к столбу, вскарабкался наверх и влез в окошечко:

— Здравствуй, хозяин! Жив ли ты?

— Еле жив, — отвечает Мартынка. — Совсем отощал без еды, приходится умирать голодной смертью.



— Пстой, не тужи! Мы тебя и накормим и напоим,— сказал Васька, выпрыгнул в окно и спустился на землю.— Ну, брат Журка, ведь хозяин с голоду умирает! Как бы нам ухитриться да помочь ему?

— Дурак ты, Васька! И этого не придумашь. Пойдем-ка по городу. Как только встретится булочник с лотком, я живо подкачусь ему под ноги и собью у него лоток с головы. Тут ты смотри не плошай! Хватай поскорей калачи да булки и тащи к хозяину.

Вот вышли они на большую улицу, а навстречу им мужик с лотком. Журка бросился ему под ноги, мужик пошатнулся, выронил лоток, рассыпал все хлеба да с испугу пустился бежать в сторону: боязно ему, что собака, пожалуй, бешеная — долго ли до беды! А кот Васька цап за булку и потащил к Мартынке; отдал одну — побежал за другой, отдал другую — побежал за третьей.

После того задумали кот Васька да собака Журка идти в тридешатое царство, в мышье государство — добывать чудодейное кольцо. Дорога дальняя, много времени утечет...

Натаскали они Мартынке сухарей, калачей и всякой всячины на целый год и говорят:

— Смотри же, хозяин! Ешь-пей, да оглядывайся, чтобы хватило тебе запасов до нашего возвращения.

Попрощались и отправились в путь-дорогу.

Близко ли, далеко, скоро ли, коротко — приходят они к синему морю. Говорит Журка коту Ваське:

— Я надеюсь переплыть на ту сторону. А ты как думаешь?

Отвечает Васька:

— Я плавать не мастак, сейчас потону.



— Ну, садись ко мне на спину!

Кот Васька сел собаке на спину, уцепился когтями за шерсть, чтобы не свалиться, и поплыли они по морю. Перебрались на другую сторону и пришли в тридешатое царство, в мышье государство.

В том государстве не видать ни души человеческой, зато столько мышей, что и сосчитать нельзя: куда ни сунься, так стаями и ходят! Говорит Журка коту Ваське:

— Ну-ка, брат, принимайся за охоту, начинай этих мышей душить-давить, а я стану загребать да в кучу складывать.

Васька к той охоте привычен: как пошел расправляться с мышами по-своему, что ни цапнет — то и дух вон! Журка едва поспевает в кучу складывать и в неделю наклак большую скирду.

На все царство налегла кручина великая. Видит мышиный царь, что в народе его недочет оказывается, что много подданных злой смерти предано, вылез из норы и взмолилса перед Журкою и Ваською:

— Бью челом вам, сильномогучие богатыри! Сжальтесь над моим народишком, не губите до конца. Лучше скажите, что вам надобно? Что смогу, все для вас сделаю.

Отвечает ему Журка:

— Стоит в твоём государстве дворец, в том дворце живет прекрасная королевна. Унесла она у нашего хозяина чудодейное колечко. Если ты не добудешь нам того колечка, то и сам пропадешь и царство твое сгинет: все как есть запустошим!

— Постойте,— говорит мышиный царь,— я соберу своих подданных и спрошу у них.

Тотчас собрал он мышей, и больших и малых, и стал выспрашивать: не возьметса ли кто из них пробратсья во дворец к королевне и достать чудодейное кольцо? Вызвалса один мышонок.



— Я,— говорит,— в том дворце часто бываю: днем королева носит кольцо на мизинном пальце, а на ночь, когда спать ложится, кладет его в рот.

— Ну-ка, постарайся добыть его. Коли сослужишь эту службу, не поскуплюсь, награжу тебя по-царски.

Мышонок дождался ночи, пробрался во дворец и залез потихоньку в спальню. Смотрит — королева крепко спит. Он вполз на постель, всунул королевне в нос свой хвостик и давай щекотать в ноздрах. Она чихнула — кольцо изо рта выскочило и упало на ковер. Мышонок прыг с кровати, схватил кольцо в зубы и отнес к своему царю. Царь мышиный отдал кольцо сильномогучим богатырям — коту Ваське да собаке Журке. Они на том царю благодарствовали и стали друг с дружкой совет держать: кто лучше кольцо сбережет?

Кот Васька говорит:

— Давай мне, уж я ни за что не потеряю!

— Ладно,— говорит Журка.— Смотри же, береги его пуще своего глаза.

Кот взял кольцо в рот, и пустились они в обратный путь.

Вот дошли до синего моря. Васька вскочил Журке на спину, уцепился лапами как можно крепче, а Журка в воду — и поплыл через море.

Плывет час, плывет другой. Вдруг, откуда ни взялся, прилетел черный ворон, пристал к Ваське и давай долбить его в голову. Бедный кот не знает, что ему и делать, как от врага оборониться. Если пустить в дело лапы — чего доброго, опрокинешься в море и на дно пойдешь; если показать ворону зубы — пожалуй, кольцо выронишь. Беда, да и только! Долго терпел он, да под конец невольно стало — продолбил ему ворон буйную голову до крови. Озлобился Васька, стал зубами оборонять-

ся — и уронил кольцо в синее море. Черный ворон поднялся вверх и улетел в темные леса.

А Журка, как выплыл на берег, тотчас же про кольцо спросил. Васька стоит голову понуривши.

— Прости,— говорит,— виноват, брат, перед тобою: ведь я кольцо в море уронил!

Напустился на него Журка:

— Ах ты олух! Счастлив ты, что я прежде того не узнал, я бы тебя, разиню, в море утопил! Ну с чем мы теперь к хозяину явимся? Сейчас полезай в воду: или кольцо добудь, или сам пропадай!

— Что в том прибыли, коли я пропаду? Лучше давай ухитряться: как прежде мышей ловили, так и теперь станем за раками охотиться; авось, на наше счастье, они нам помогут кольцо найти.

Журка согласился; стали они ходить по морскому берегу, стали раков ловить да в кучу складывать. Большой ворох наклали! На ту пору вылез из моря огромный рак, захотел погулять на чистом воздухе. Журка с Васькой сейчас его слапали и ну тормошить его во все стороны!

— Не' душите меня, сильномогучие богатыри! Я — царь над всеми раками. Что прикажете, то и сделаю.

— Мы уронили кольцо в море, разыщи его и доставь, коли хочешь милости, а без этого все твое царство до конца разорим!

Царь-рак в ту же минуту созвал своих подданных и стал про кольцо расспрашивать. Вызвался один малый рак.

— Я,— говорит,— знаю, где оно находится. Как только упало кольцо в синее море, тотчас подхватила его рыба-белужина и проглотила на моих глазах.

Тут все раки бросились по морю разыскивать рыбу-белужину, зацапали ее, бедную, и давай щи-

Пать клещами; уж они гоняли-гоняли ее — просто на единый миг покоя не дают. Рыба и туда и сюда, вертелась-вертелась и выскочила на берег.

Царь-рак вылез из воды и говорит коту Ваське да собаке Журке:

— Вот вам, сильномогучие богатыри, рыба-белужина, теревите ее немилостиво: она ваше кольцо проглотила.

Журка бросился на белужину и начал ее с хвоста уписывать. «Ну,— думает,— досыта теперь наемся!»

А шельма-кот знает, где скорее кольцо найти, принялся за белужье брюхо и живо на кольцо напал. Схватил кольцо в зубы и давай бог ноги — что есть силы бежать, а на уме у него такая думка: «Прибегу я к хозяину, отдам ему кольцо и похвалюсь, что один все устроил. Будет меня хозяин и любить и жаловать больше, чем Журку!»

Тем временем Журка наелся досыта, смотрит — где же Васька? И догадался, что товарищ его себе на уме: хочет неправдой у хозяина выслужиться.

— Так врешь же, плут Васька! Вот я тебя нагоню, в мелкие куски разорву!

Побежал Журка в погоню; долго ли, коротко ли — нагоняет он кота Ваську и грозит ему бедой неминучею. Васька усмотрел в поле березку, вскарабкался на нее и засел на самой верхушке.

— Ладно! — говорит Журка.— Всю жизнь не просидишь на дереве, когда-нибудь и слезть захочешь, а уж я ни шагу отсюда не сделаю.

Три дня сидел кот Васька на березе, три дня караулил его Журка, глаз не спуская; проголодались оба и согласились на мировую. Помирились и отправились вместе к своему хозяину. Прибежали к столбу. Васька вскочил в окошечко и спрашивает:

— Жив ли, хозяин?

— Здравствуй, Васька! Я уж думал, вы не во-
ротитесь. Три дня, как без хлеба сижу.

Кот подал ему чудодейное кольцо. Мартынка дождался глухой полночи, перекинул кольцо с руки на руку — тотчас явились двенадцать молодцев:

— Что угодно, что надобно?

— Поставьте, ребята, мой прежний дворец, и мост хрустальный, и собор пятиглавый и перенесите сюда мою неверную жену. Чтобы к утру все было готово.

Сказано — сделано. Поутру проснулся король, вышел на балкон, посмотрел в подзорную трубочку: где избушка стояла, там высокий дворец выстроен, от того дворца до королевского хрустальный мост тянется, по обеим сторонам моста растут деревья с золотыми и серебряными яблоками. Король приказал заложить коляску и поехал разведать, впрямь ли все стало по-прежнему, или только ему это привиделось. Мартынка встречает его у ворот.

— Так и так, — докладывает, — вот что со мной королева сделала!

Король присудил ее наказать. А Мартынка и теперь живет, хлеб жует.



ВЕДЬМА
И СОЛНЦЕВА
СЕСТРА



некотором царстве, далеком государстве жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой. Было ему лет

двенадцать, и пошел он раз в конюшню к любимому своему конюху. Конюх этот сказывал ему всегда сказки, и теперь Иван-царевич пришел послушать от него сказочки, да не то услышал.

— Иван-царевич! — сказал конюх. — У твоей матери скоро родится дочь, а тебе сестра; будет она страшная ведьма, съест и отца, и мать, и всех подначальных людей; так ступай, попроси у отца что ни есть наилучшего коня — будто покататься, и поезжай отсюда куда глаза глядят, коли хочешь от беды избавиться.

Иван-царевич прибежал к отцу и с роду впервой заговорил с ним; царь так этому возрадовался, что не стал и спрашивать: зачем ему добрый конь надобен? Тотчас приказал что ни есть наилучшего коня из своих табунов оседлать для царевича. Иван-царевич сел и поехал куда глаза глядят.

Долго-долго он ехал; наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить. Старухи сказали:

— Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного жить. Вот доломаем сундук иголок да изошьем сундук ниток — тотчас и смерть придет!

Иван-царевич заплакал и поехал дальше. Долго-долго ехал; подъезжает к Вертодубу и просит:

— Прими меня к себе!

— Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остается немного. Вот как повыдерну все эти дубы с корнями — тотчас и смерть моя!

Пуще прежнего заплакал царевич и поехал все дальше да дальше. Подъезжает к Вертогору, стал его просить, а он в ответ:

— Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы

ворочать; как справлюсь с этими последними — тут и смерть моя!

Залился Иван-царевич горькими слезами и поехал еще дальше.

Долго-долго ехал; приезжает наконец к Солнцевой сестрице. Она его приняла к себе, кормила-поила, как за родным сыном ходила. Хорошо было жить царевичу, а все нет-нет да и сгрустнется: захочется узнать, что в родном доме делается. Взойдет, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что все съедено, только стены остались! Вздохнет и заплачет.

Раз этак посмотрел да заплакал — воротился, а Солнцева сестра спрашивает:

— Отчего ты, Иван-царевич, нонче заплаканный?

Он говорит:

— Ветром в глаза надуло.

В другой раз опять то же; Солнцева сестра взяла да и запретила ветру дуть.

И в третий раз воротился Иван-царевич заплаканный; да уж делать нечего — пришлось во всем признаться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра молодца, на родину понаведаться. Она его не пускает, а он ее упрашивает; наконец упросил-таки, отпустила его на родину понаведаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два моложавых яблочка: какой бы ни был стар человек, а съест яблочко — вмиг помолодеет!

Приехал Иван-царевич к Вертогору, всего одна гора осталась; он взял свою щетку и бросил во чисто поле: откуда ни взялись — вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются, и сколько тут их — видимо-невидимо! Вертогор обрадовался и весело принялся за работу.

Долго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич

К Вертодубу, всего три дуба осталось; он взял гребенку и кинул во чисто поле: откуда что — вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще! Вертодуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошел столетние дубы выворачивать.

Долго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к старухам, дал им по яблочку; они съели, вмиг помолодели и подарили ему платочек: как махнешь платочком — станет позади целое озеро!

Приезжает Иван-царевич домой. Сестра выбежала, встретила его, приголубила.

— Сядь, — говорит, — братец, поиграй на гуслях, а я пойду — обед приготовлю.

Царевич сел и бренчит на гуслях; выполз из норы мышонок и говорит ему человеческим голосом:

— Спасайся, царевич, беги скорее! Твоя сестра ушла зубы точить.

Иван-царевич вышел из горницы, сел на коня и поскакал назад; а мышонок по струнам бегаёт: гусли бренчат, а сестра и не ведает, что братец ушел. Наточила зубы, бросилась в горницу, глядь — нет ни души, только мышонок в нору скользнул. Разозлилась ведьма, так и скрипит зубами, и пустилась в погоню.

Иван-царевич услышал шум, оглянулся — вот-вот нагонит сестра; махнул платочком — и стало глубокое озеро. Пока ведьма переплыла озеро, Иван-царевич далеко уехал.

Понеслась она еще быстрее... вот уж близко! Вертодуб угадал, что царевич от сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу — целую гору накидал! Нет ведьме проходу! Стала она путь прочищать, грызла, грызла, насилиу продралась, а Иван-царевич уж далеко. Бросилась догонять, гнала, гнала, еще немножко... и уйти нельзя! Вер-

тогор увидал ведьму, ухватился за самую высокую гору и повернул ее как раз на дорогу, а на ту гору поставил другую. Пока ведьма карабкалась да лезла, Иван-царевич ехал да ехал и далеко очутился.

Перебралась ведьма через горы и опять погнала за братом... Завидела его и говорит:

— Теперь не уйдешь от меня!

Вот близко, вот нагонит! В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестрицы и закричал:

— Солнце, Солнце! Отвори оконце.

Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конем.

Ведьма стала просить, чтоб ей выдали брата головою; Солнцева сестра ее не послушала и не выдала. Тогда говорит ведьма:

— Пусть Иван-царевич идет со мной на весы, кто кого перевесит! Если я перевешу — так я его съем, а если он перевесит — пусть меня убьет!

Пошли; сперва сел на весы Иван-царевич, а потом и ведьма полезла: только ступила ногой, так Ивана-царевича вверх и подбросило, да с такою силою, что он прямо попал к Солнцевой сестре в терема; а ведьма-змея осталась на земле.



ГУСИ- ЛЕБЕДИ



У них была дочка да сынок маленький.

— Доченька,— говорила мать,— мы пойдем на

Работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда — нету! Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, — братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдаль гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Тут она догадалась, что они унесли ее братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава — что они пошаливали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течет молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?



— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего — надо идти домой. Вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая баба-яга прядет кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись покуда кудель прядь.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядет — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

— Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

— Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А баба-яга подойдет к окошку и спрашивает:

— Девица, прядешь ли?

Мышка ей отвечает:

— Пряду, бабушка...

Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:



— Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

— Речка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла ее под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо.

Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

— Яблоня, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня ее заслонила ветвями, прикрыла листьями.

Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо.

Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели ее, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

— Печка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее — пирожок в рот, а сама с братцем в печь, села в устье.

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к бабе-яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.



ТЕРЁШЕЧКА



старика со старухой не было детей. Век прожили, а детей не нажили. Вот сделали они колодочку, завернули ее в пеленочку, стали качать да прибаюкивать:

— Спи-тко, усни, дитя Терёшечка,—

Все ласточки спят,
И касатки спят,
И куницы спят,
И лисицы спят,
Нашему Терешечке
Спать велят!

Качали так, качали да прибаюкивали, и вместо колодочки стал расти сыночек Терешечка — настоящая ягодка.

Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Старик сделал ему челнок, выкрасил его белой краской, а весельцы — красной.

Вот Терешечка сел в челнок и говорит:

— Челнок, челнок, плыви далече,
Челнок, челнок, плыви далече.

Челнок и поплыл далеко-далеко. Терешечка стал рыбку ловить, а мать ему молочко и творожок стала носить.

Придет на берег и зовет:

— Терешечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.



Терешечка издалека услышит матушкин голос и подплывет к бережку. Мать возьмет рыбку, накормит, напоит Терешечку, переменит ему рубашечку и поясок и отпустит опять ловить рыбку.

Узнала про то ведьма. Пришла на бережок и зовет страшным голосом:

— Терешечка, мой сыночек,
Приплывь, приплывь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.

Терешечка распознал, что не матушкин это голос, и говорит:

— Челнок, челнок, плыви далече,
То не матушка меня зовет.

Тогда ведьма побежала в кузницу и велит кузнецу перековать себе горло, чтобы голос стал как у Терешечкиной матери.

Кузнец перековал ей горло. Ведьма опять пришла на бережок и запела голосом точь-в-точь родимой матушки:

— Терешечка, мой сыночек,
Приплывь, приплывь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.

Терешечка обознался и подплыл к бережку. Ведьма его схватила, в мешок посадила и побежала.

Принесла его в избушку на курьих ножках и велит своей дочери Алёнке затопить печь пожарче и Терешечку зажарить.

А сама опять пошла на раздобытки.

Вот Аленка истопила печь жарко-жарко и говорит Терешечке:



— Ложись на лопату.

Он сел на лопату, руки, ноги раскинул и не пролезает в печь.

А она ему:

— Не так лег.

— Да я не умею — покажи как...

— А как кошки спят, как собаки спят, так и ты ложись.

— А ты ляг сама да поучи меня.

Аленка села на лопату, а Терешечка ее в печку и пихнул и заслонкой закрыл. А сам вышел из избушки и влез на высокий дуб.

Прибежала ведьма, открыла печку, вытащила свою дочь Аленку, съела, кости обглодала.

Потом вышла на двор и стала кататься-валяться по траве.

Катается-валяется и приговаривает:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешечкина мясца наевшись.

А Терешечка ей с дуба отвечает:

— Покатайся-поваляйся, Аленкина мясца наевшись!

А ведьма:

— Не листья ли это шумят?

И сама — опять:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешечкина мясца наевшись.

А Терешечка все свое:

— Покатайся-поваляйся, Аленкина мясца наевшись!

Ведьма глянула и увидела его на высоком дубу. Кинулась грызть дуб. Грызла, грызла — два передних зуба выломала, побежала в кузницу:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне два железных зуба.

Кузнец сковал ей два зуба.

Вернулась ведьма и стала опять грызть дуб. Грызла, грызла и выломала два нижних зуба. Побежала к кузнецу:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне еще два железных зуба.

Кузнец сковал ей еще два зуба.

Вернулась ведьма и опять стала грызть дуб. Грызет — только щепки летят. А дуб уже трещит, шатается.

Что тут делать? Терешечка видит: летят гуси-лебеди.

Он их просит:

— Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к бабушке, к матушке!

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га, за нами еще летят — поголоднее нас, они тебя возьмут.

А ведьма погрызет-погрызет, взглянет на Терешечку, облизнется — и опять за дело...

Летит другое стадо. Терешечка просит:

— Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к бабушке, к матушке!

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га, за нами летит зашипанный гусенок, он тебя возьмет-донесет.

А ведьме уже немного осталось. Вот-вот повалится дуб.

Летит зашипанный гусенок. Терешечка его просит:

— Гусь-лебедь ты мой! Возьми меня, посади на крылышки, унеси меня к бабушке, к матушке.

Сжалился зашипанный гусенок, посадил Терешечку на крылья, встрепенулся и полетел, понес его домой.

Прилетели они к избе и сели на травке.

А старуха напекла блинов — поминать Терешечку — и говорит:

— Это тебе, старичок, блин, а это мне блин.

А Терешечка под окном:

— А мне блин?

Старуха услышала и говорит:

— Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?

Старик вышел, увидел Терешечку, привел к старухе — пошло обниманье!

А зашипанного гусенка откормили, отпоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди стада летать да Терешечку вспоминать.



МОРОЗКО



ивало-бывало,— жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернешься — бита и недовернешься — бита. А родная дочь что ни сделает — за все гладят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — еще до свету... Ничем старухе не угодишь — все не так, все худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба

Расходится — не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

— Вези, вези ее, старик, — говорит мужу, — куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

— Садись, мила дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

— Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!



Поехал старик в лес, доезжает до того места, — под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.

А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

— Не так тьявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, собачка — все свое...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула — и руки врозь...

— Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

— Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

— Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...



Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать.

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приудалрил, затрещал, защелкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

— Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

— Не так твякаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка — все свое:

— Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая.

Заголосила старуха, да поздно.



СЕСТРИЦА
АЛЁНУШКА
И БРАТЕЦ
ИВАНУШКА



или-были старик да старуха, у них была дочка Аленушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Аленушка да Иванушка одни-одинешеньки.

Пошла Аленушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Аленушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдем до колодца.

Шли-шли — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Аленушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, теленочком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Аленушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребеночком станешь!

Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Аленушка, мѳчи нет: напьюсь я из копытца!



— Не пей, братец, козленочком станешь!
Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козленочком...

Зовет Аленушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козленочек.

Залилась Аленушка слезами, села под стожок — плачет, а козленочек возле нее скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чем, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Аленушка про свою беду.

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в золото-серебро, и козленочек будет жить с нами.

Аленушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козленочек с ними живет, ест-пьет с Аленушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Аленушкино окошко и так-то ласково начала звать ее купаться на реку.

Привела ведьма Аленушку на реку. Кинулась на нее, привязала Аленушке на шею камень и бросила ее в воду.

А сама оборотилась Аленушкой, нарядилась в ее платье и пришла в ее хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козленочку все было ведомо. Повесил он голову, не пьет, не ест. Утром и вечером ходит по берегу около воды и зовет:

— Аленушка, сестрица моя!..

Выплывь, выплывь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козленка...

Купцу жалко было козленочка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козленочек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козленочек на речку, стал на берегу и жалобнехонько закричал:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Аленушка из реки ему отвечает:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

А ведьма ищет козленочка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козленка, приведи его ко мне.

Пошел слуга на реку и видит: по берегу бегают козленочек и жалобнехонько зовет:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,



Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Аленушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули ее в ключевую воду, одели ее в нарядное платье. Аленушка ожила и стала краше, чем была.

А козленочек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.



ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА



ил старик со старухой, и была у него дочь. Вот старуха-то померла, а старик обождал немного и женился на вдове, у которой была своя дочка. Плохое житье настало стариковой дочери. Мачеха была ненавистная, отдыху не дает старику:

— Вези свою дочь в лес, в землянку, там она больше напрядет.

Что делать! Послушал мужик бабу — сvez дочку в землянку, дал ей кремень, огниво да мешочек круп и говорит:

— Вот тебе огоньку; огонек не переводи, кашу вари, а сама не зевай — сиди да пряди.

Пришла ночь. Красная девица затопила печь, заварила кашу; откуда ни возьмись, мышка — и говорит:

— Дёвица, дёвица! Дай мне ложечку кашки!

— Ой, моя мышенька! Разговори мою скуку — я тебе дам не одну ложку, а досыта накормлю.

Наелась мышка и ушла. Ночью вломился медведь:

— Ну-ка, девица, туши огни да давай в жмурки играть.

Мышка вскарабкалась на плечо стариковой дочери и шепчет ей на ушко:

— Не бойся, девица! Скажи: давай! Потуши огонь да под печь полезай, а я за тебя стану бегать и в колокольчик звенеть.

Так и сделалось. Гоняется медведь за мышкою — не поймает. Стал реветь да поленьями бросать. Бросал-бросал, ни разу не попал, устал и молвил:

— Мастерица ты, девица, в жмурки играть! За то пришлю тебе утром стадо коней да воз серебра.

Наутро говорит баба:

— Поезжай, старик, проведай-ка дочь, что напряла она в ночь.

Уехал старик, а баба сидит да ждет: как-то он дочерние косточки привезет. Пришло время старику ворочаться, а собака:

— Тяф-тяф-тяф! С стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз серебра везет.

— Врешь, мерзкая собачонка! Это в кузове косточки гремят!



Вот ворота заскрипели, кони во двор вбежали, а дочка с отцом на возу сидят: полон воз серебра. У бабы от жадности глаза разгорелись.

— Экая важность! — кричит.— Повези-ка мою дочку в лес; моя дочка два стада коней пригонит, два воза серебра притащит.

Повез мужик и бабину дочь в землянку; дал ей кремень, огниво, мешочек круп и оставил одну. Об вечеру заварила она кашу. Прибежала мышка:

— Наташка! Наташка! Сладка ль твоя кашка? Дай хоть ложечку!

— Ишь какая! — закричала Наташка и швырнула в нее ложкой.

Мышка убежала, а Наташка знай себе уписывает одна кашу. Съела полный горшок, огни позадула, прилегла в углу и заснула. Пришла полночь, вломился медведь и говорит:

— Эй, где ты, девица? Давай в жмурки играть.

Девица испугалась, молчит, только со страху зубами стучит.

— А, ты вот где! На колокольчик, бегай, а я буду ловить.

Взяла колокольчик, рука дрожит, колокольчик бесперечь звенит, а мышка приговаривает:

— Злой девице живой не быть!

Медведь бросился ловить бабину дочку и, как только изловил ее, сейчас задушил и съел. Наутро шлет баба старика в лес:

— Ступай! Моя дочка два воза привезет, два табуна пригонит.

Мужик уехал, а баба за воротами ждет. Вот прибежала собачка:

— Тяф-тяф-тяф! Не бывать домой бабиной дочери, старик на пустом возу сидит, костями в кузове гремит!

— Врешь ты, мерзкая собачонка! То моя дочка

едет, стада гонит, возы везет. На, скушай блин да говори: бабину дочь в злате, в серебре привезут, а стариковой женихи не возьмут!

Собачка съела блин и залаяла:

— Тяф-тяф-тяф! Старикову дочь замуж отдадут, а бабиной в кузове косточки привезут.

Что ни делала баба с собачкою: и блины ей давала, и била ее,— она знай свое твердит... Глядь, а старик у ворот, жене кузов подает; баба кузов открыла, глянула на косточки и завyla, да так разозлилась, что с горя и злости на другой же день померла. Старик выдал свою дочь замуж за хорошего жениха, и стали они жить-поживать да добра наживать.



АРЫСЬ- ПОЛЕ



У старика была дочь-красавица, жил он с нею тихо и мирно, пока не женился на другой бабе, а та баба была злая ведьма. Невзлюбила она падчерицу, пристала к старику:

— Прогони ее из дому, чтоб я ее и в глаза не видала.

Старик взял да и выдал дочку замуж. Живет она с мужем да радуется, и родился у них мальчик.

А ведьма еще пуще злится, зависть ей покоя не дает; улучила она время, обратила свою падчерицу зверем Арысь-поле и выгнала в дремучий лес, а в падчерицыно платье нарядила свою родную дочь и подставила ее вместо стариковой дочери.



Так все хитро сделала, что ни муж, ни люди — никто обмана не заметил. Только старая мамка одна и смекнула, а сказать боится.

С того самого дня, как только ребенок проголодается, мамка понесет его к лесу и запоет:

— Арысь-поле! Дитя кричит,
Дитя кричит, пить-есть хочет.

Арысь-поле прибежит, сбросит свою шкурку под колоду, возьмет мальчика, накормит; после наденет опять шкурку и уйдет в лес.

«Куда это мамка с ребенком ходит?» — думает отец. Стал за нею присматривать и увидал, как Арысь-поле прибежала, сбросила с себя шкурку, стала кормить малютку.

Отец подкрался из-за кустов, схватил шкурку и спалил ее.

— Ах, что-то дымом пахнет; никак, моя шкурка горит! — говорит Арысь-поле.

— Нет, — отвечает мамка, — это, верно, дровосеки лес подожгли.

Шкурка сгорела, Арысь-поле приняла прежний вид и рассказала все мужу.


Тотчас собрались люди, схватили ведьму и прогнали ее вместе с ее дочерью.



ХАВРОШЕЧКА



...сть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.



К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли ее эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткет, она и прядет, она и прибирает, она и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шею и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрядь, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — все готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесет она холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке еще больше работы задаст.

Хаврошечка опять придет к коровушке, обнимет ее, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет, принесет хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?



Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка все наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка все спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте еще больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и все видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери все рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:



— Что ты, старуха, в уме ли! Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябю коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка все сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки ее зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли — Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.



Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.



ЧИВЫ, ЧИВЫ,
ЧИВЫЧОК...



ил-был старик со старухой. Жили они бедно и дошли до того — не стало у них ни дров, ни лучины.

Старуха посылает старика:

— Поезжай в лес, наруби дров.

Старик собрался. Приехал в лес, выбрал дерево — и тяп-тяп по нему топором. Вдруг из дерева выскакивает птичка и спрашивает:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот старухе надобно дров да лучины.

— Поди домой, у тебя много и дров и лучины.

Послушался старик — не стал рубить дерево. Приезжает домой — у него полон двор и дров и лучины. Рассказал он старухе про птичку, а старуха ему говорит:

— У нас изба-то худа — поди-ка, старик, опять в лес, не поправит ли птичка нашу избу.

Старик послушался. Приезжает в лес, нашел это дерево, взял топор и давай рубить.

Опять выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот, птичка, у меня больно изба-то плоха, не поправишь ли ты?



— Иди домой, у тебя изба новая, всего вдоволь.

Воротился старик домой и не узнаёт: стоит на его дворе изба новая словно чаша полная, хлеба — вдоволь, а коров, лошадей, овец и не пересчитаешь.

Пожили они некоторое время, приелось старухе богатое житье, говорит она старику:

— У нас всего довольно, да мы крестьяне, нас никто не уважает. Поди-ка, старик, попроси птичку — не сделает ли она тебя чиновником, а меня — чиновницей.

Старик взял топор. Приезжает в лес, нашел это дерево и начинает рубить. Выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот, родима птичка, нельзя ли меня сделать чиновником, а мою старуху — чиновницей?

— Иди домой, будешь ты чиновником, а старуха твоя — чиновницей.

Воротился он домой. Едет по деревне — все шапки снимают, все его боятся. Двор полон слуг, старуха его разодела, как барыня.

Пожили они небольшое время, захотелось старухе большего.

— Велико ли дело — чиновник! Царь захочет — и тебя и меня под арест посадит. Поди, старик, к птичке, попроси — не сделает ли тебя царем, а меня — царицей.

Делать нечего. Старик опять взял топор, поехал в лес и начинает рубить это дерево. Выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Да вот чего, матушка родима птичка: не сделаешь ли ты меня царем, а старуху мою — царицей?

— Ступай домой, будешь ты царем, старуха твоя — царицей.

Приезжает он домой, а за ним уж послы при-

Шехали: царь-де помер, тебя на его место выбрали.

Не много пришлось старику со старухой поцарствовать — показалось старухе мало быть царицей:

— Велико ли дело — царь! Бог захочет — смерть пошлет, и зарюют тебя в сырую землю. Ступай, старик, к птичке да проси — не сделает ли она нас богами...

Взял старик топор, пошел к дереву и хочет рубить его под корень. Выскакивает птичка:

— Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?

— Сделай милость, птичка, сотвори меня богом.

— Ладно, ступай домой — будешь ты быком, а старуха твоя — свиньей.

Старик тут же обратился быком. Приходит домой и видит — стала его старуха свиньей.



КРИВАЯ УТОЧКА



или-были дед да баба. Они пошли за грибами в лес и нашли утку. А та утка была кривая. Они ее взяли и принесли домой. Назавтра встали и опять пошли за грибами, а ей сделали уютное гнездышко из перьев.

Они ушли, а утка обернулась девушкой, избу вымыла, воды наносила и пирогов испекла.

Дед и баба пришли и спрашивают:

— Кто это у нас так все прибрал?

А соседи им говорят:

— У вас тут кривенька девушка воду носила.

Вот дед и баба и назавтра ушли да и спрятались в чулан. Уточка обернулась девушкой и пошла за водой. А дед да баба выскочили да ее перышки и бросили в печь. Перышки все и сгорели.

Тут пришла девушка и заплакала. Стала просить у деда, у бабы золотую прялочку. Села на крылечко и прядет куделю. Тут летит стадо гусей-лебедей. Она и говорит:

— Гуси мои любезные, дайте мне по перышку.

А те говорят:

— Другие летят, те дадут.

Опять летит стадо гусей-лебедей.

— Гуси мои любезные, дайте мне по перышку.

— Другие летят, те дадут.

Тут летит одинокий гусь, он и бросил ей перышки. Стала она опять уточкой и улетела.

Поплакали дед с бабой, да ничего не выплакали.



ЧЕРНУШКА



ил-был барин; у него была жена добрая, а дочь красавица — звали ее Машею.

Только жена-то померла, а он на другой женился — на вдове; у той своих было две дочери, да такие злые, недобрые! Заставляли они бедную Машу на себя работать, а когда работы не было, приказывали ей сидеть у печки да выгребать золу; оттого была Маша всегда и грязна и черна, и прозвали они ее Чернушкой.

Вот как-то заговорили люди, что их князь же-

ниться хочет, что будет у него большой праздник и что на том празднике выберет он себе невесту.

Так и случилось. Созвал князь всех в гости. Стали собираться и мачеха с дочерьми, а Машу не хотят брать: сколько та ни просилась — нет да нет!

Вот уехала мачеха с дочерьми на княжий праздник, а падчерице оставила целую меру ячменя, муки и сажу — все вместе перемешано — и приказала до их приезда разобрать все по зернышку, по крупинке.

Маша вышла на крыльцо и горько заплакала; прилетели два голубка, разобрали ей ячмень, и муку, и сажу, потом сели ей на плечи — и вдруг очутилось на девушке прекрасное новое платье.

— Ступай, — говорят голубки, — на праздник, только не оставайся там долее полуночи.

Только взошла Маша во дворец, так все на нее и загляделись; самому князю она больше всех понравилась, а мачеха и сестры ее совсем не узнали.

Погуляла, повеселилась Маша с другими девушками; видит, что скоро и полночь, вспомнила, что ей голубки наказывали, и побежала поскорей домой. Князь — за нею; хотел было допытаться, кто она такова, а ее и след простыл!

На другой день опять у князя праздник; мачехины дочери о нарядах хлопочут да на Машу то и дело кричат да ругаются.

— Эй, девка Чернушка! Переодень нас, платье вычисти, обед приготовь!

Маша все сделала, а вечером опять повеселилась на празднике и ушла домой до полуночи; кинулся князь за нею — нет, не догнал.

На третий день у князя опять пир горою; вечером голубки обули-одели Машу лучше прежнего. Пошла она во дворец, загулялась, завеселилась и забыла про время. Вдруг ударила полночь; Маша

бросилась скорей домой бежать, а князь загодя приказал всю лестницу улить смолою и дегтем. Один башмачок ее прилип к смоле и остался на лестнице; князь взял его и на другой же день велел разыскать, кому башмачок впору.

Весь город обошли — никому башмачок по ноге не приходится; наконец, пришли к мачехе. Взяла она башмачок и стала примерять старшей дочери — нет, не лезет, велика нога!

— Нет,— говорят княжие посланные,— не годится!

Мачеха стала примерять башмачок средней дочери, и с этой то же самое было.

Увидали посланные Машу, приказали ей примерить; она надела башмачок — и в ту же минуту очутилось на ней прекрасное блестящее платье. Мачехины дочери только ахнули!

Вот привезли Машу в княжие терема, и на другой день была свадьба.

Свадьба была веселая, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.



ДЕВУШКА В КОЛОДЦЕ



или-были мужик да баба. А у бабы была падчерица. Она пряла у колодца да и уронила веретёшко в воду. Домой идет, плачет. А мачеха и говорит:

— Чего плачешь?

— А я веретешко в воду уронила!



Ну, та ее и давай ругать, кричала, кричала и говорит:

— Ступай за веретешком, назад не возвращайся!

Девушка пошла да и бросилась в колодец. И попала на луг. Идет, идет, навстречу ей овцы:

— Девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе овечку с баранчиком.

Она подпахала под ними, убрала, они и говорят:

— Домой пойдешь — мы тебя отдарим.

Она поклонилась и пошла. Идет дальше — навстречу коровы:

— Девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе корову с нётелью.

Она подпахала под ними, подмахала, они и говорят:

— Спасибо, девушка, обратно пойдешь — долг не забудем.

Идет она лугом, долгим полем, навстречу ей жеребцы:

— Девушка, подпаши под нами, подмаши под нами.

Она и им все сделала. Они и говорят:

— Назад пойдешь, мы тебя не обидим!

Пошла она дальше и дошла до избушечки, к старику и старушечке. Тут ее веретешечко. Говорит ей старуха:

— Должна ты, девушка, веретешечко выкупить, верой-правдой нам год прослужить.

Она и давай служить. И так хорошо работала, что хозяева ее полюбили.

Три года она у них жила, на четвертый соскучилась.

— Отпустите меня, — просит хозяев, — домой к батюшке.

Они ее и пустили. Много ей всего надавали, а



как стала она через ворота выходить, так ее всю золотом обсыпало.

Пошла она домой, навстречу ей пастухи, дали коровку, да овечку, да жеребчика. Пошла она домой с добром и вся как есть золотая. Дошла до ворот, собачка тявкает:

— Наша дочь пришла, тяф, тяф, добра принесла, тяф, тяф!

А бабка кричит:

— Молчи, давно ее черти съели!

Тут она и входит, вся в золоте.

Узнал про это народ, и стали ее сватать. Она за крестьянина не пошла, за дьячка не пошла, за барина не пошла, за дворянина не пошла, а посватал Иван-царевич, за него пошла.

Ух, бабка зла стала! Послала свою родную дочь в колодец, за веретенышком. Та прыгнула и упала. Встала и пошла. Идет, идет, навстречу овечки:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе овечку!

А она была грубая, злая, и говорит:

— Вот какие! Не за тем я сюда попала, не за навозом пошла — за добром иду!

И идет. Шла, шла, навстречу коровы:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе нётелку.

— Не за тем пошла — за добром пошла.

И идет. Шла, шла, навстречу жеребцы:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами!

— Не для того иду — за золотом иду!

Пришла она к избушечке — к старику и старушечке.

— Отдайте, — говорит, — мое золотое веретенце! (А какое оно золотое! Просто деревянное.)

А старушка ей и говорит:



— Ты за веретенце выслужи!

Ну, стала она служить, и все не ладно, все спортит, ленится да неряшится. Три дня прослужила, на четвертый домой просится. Они ее отпустили, дали ей корзину с добром, она и пошла. Дошла до ворот.

«Дай,— думает,— в корзину посмотрю!»

А из корзины жабы, да гады, да гнус полез, всю ее облепили, а с ворот смола полилась, всю залила. Побежала она домой, прибежала до ворот, а собачка:

— Тяф, тяф, наша дочь во смоле пришла!

А бабка ей:

— Цыц, наша дочь в золоте придет!

Та вошла, вся в смоле. Мать к ней бросилась, прильнула к ней, так и пропали вместе.



КОЗЕЛ



В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец, и было у него три дочери. Построил он себе новый дом и посылает на новоселье ночевать старшую дочь, чтоб после рассказала ему, что и как ей во сне привидится.

И привиделось ей во сне, что она выйдет замуж за купеческого сына.

На другую ночь посылает купец на новоселье среднюю дочь: что ей привидится?

И приснилось ей, что она выйдет замуж за дворянина.

На третью ночь дошла очередь до меньшей дочери, послал и ту; и приснилось ей, бедняжке, что выйдет она замуж за козла.

Перепугался отец, не велел своей любимой дочери даже на крыльцо выходить. Так нет вот, не послушалась, вышла! А козел в это время подхватил ее на высокие рога и унес за крутые берега.

Принес к себе и уложил на полаты спать. Поутру проснулась наша красавица, глядь — ан двор огорожен частоколом, и на каждой тычинке по девичьей головке; только одна тычинка простая стоит. Обрадовалась бедняжка, что смерти избежала.

А слуги давно ее будят:

— Не пора, сударыня, спать, пора вставать, в горницах мести, сор на улицу нести!

Выходит она на крылечко; летят гуси.

— Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?

А гуси ей в ответ:

— С твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома сговор, старшую сестрицу твою замуж выдают за купеческого сына.

Козел с полатей все слышит и говорит слугам:

— Эй вы, слуги мои верные! Несите платья самоцветные, закладывайте вороных коней, чтоб три раза скакнули и были на месте.

Принарядилась бедняжка и поехала; кони мигом привезли ее к отцу. На крыльце встречают гости, в доме пир горой!

А козел в то время обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гуслиями. Ну как на пир гуслияра не позвать? Он пришел в хоромы и начал выигрывать:

— Козлова жена! Козлова жена!

А бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней — и была такова!



Приехала домой, а козел уж на полатах лежит. Поутру будят ее слуги:

— Не пора, сударыня, спать, пора вставать, в горницах мести, сор на улицу нести!

Встала она, прибрала все в горницах и вышла на крылечко; летят гуси.

— Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?

А гуси в ответ:

— С твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома сговор, среднюю сестрицу твою замуж выдают за дворянина богатого.

Опять поехала бедняжка к отцу; на крыльце ее гости встречают, в доме пир горой!

А козел обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гусями; зазвали его, он и стал выигрывать:

— Козлова жена! Козлова жена!

Бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней — и была такова!

Воротилась домой; козел лежит на полатах.

Прошла еще ночь; поутру встала бедняжка, вышла на крылечко — опять летят гуси.

— Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?

А гуси в ответ:

— С твоей-то мы со сторонушки, принесли тебе весточку: у отца твоего большой стол.

Поехала она к отцу: гости на крыльце встречают, в доме пир горой! На дворе гусяр похаживает, на гусях выигрывает. Позвали его в хоромы; гусяр опять по-старому:

— Козлова жена! Козлова жена!

Бедняжка в одну щеку его хлоп, в другую хлоп, а сама мигом домой. Смотрит на полати, а там одна

козлиная шкурка лежит: гусяр не успел еще оботраться в козла.

Полетела шкурка в печь, очутилась меньшая купеческая дочь замужем не за козлом, а за добрым молодцем; стали они себе жить да поживать да добра наживать.



БЕЛАЯ УТОЧКА



дин князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать висока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить.

Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная!

— Что,— говорит,— ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда — и пошла.



В саду разливалась ключевая хрустальная вода.
— Что,— говорит женщина,— день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу! — А там подумала: ведь искупаться не беда!

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине.

— Плыви ты,— говорит,— белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яицек, вывела деточек: двух хороших, а третьего — заморышка; и деточки ее вышли — ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтанники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше — и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить,— заморышек-то и не спит, все слышит, все видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:



— Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

— Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это все один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукой — и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

— Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Я нуждой вас выхаживала,

Я слезой вас выпаивала,

Темну ночь недосыпала,

Сладок кус недоедала!

— Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

— Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!



Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

— Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца рóдного,
Отца рóдного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живет — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал:

— Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он ее за крылышко и говорит:

— Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга; где рука — там грабли; где голова — там куст да колода. Налетели птицы — мясо поклевали, поднялись ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

ВОЛШЕБНАЯ ДУДОЧКА



как слышал сказку,
так и рассказываю.

В стародавние годы жили да были муж с женой. И росла у них дочка пригожая. Всем девица взяла: и ростом, и дородством, и угожеством.

Глядя на нее, люди радовались: со всеми девушка приветливая, ласковая, обходительная. Всем торопилась помочь чем могла.

Но вот пристигло несчастье, пришла беда. Умерла у девушки мать.

Много ли, мало времени прошло — женился отец на вдовице. А вдовица свою дочь в дом привела. И стало в семье четверо.

Сиротой жить нерадостно, а при мачехе стало и того хуже. Родную дочь она нежила, тешила, а падчерицу невзлюбила с первого дня.

С петухами сирота вставала, слезами умывалась, до полуночи по хозяйству управлялась. И пряла, и ткала, и по воду ходила, и дрова носила, и коров доила.

А злая баба только покрикивала:

— Неумелица ты, негодница! Хлебоежа на мою голову досталась!

Вот открыл как-то раз отец сундук, что от первой жены остался. А в сундуке и душегрея, мехом отороченная, и кокошник, жемчугами унизанный, и полсапожки сафьяновые, и перстенок золотой с камушком дорогим, и одежда разная.

— Поделим поровну, и будет у наших дочерей приданое, — сказал отец.



А завистливые мачеха со своей дочерью затаили черную думу.

— Экое богатство делить на две доли, — мачеха шептала дочери. — Да с таким-то приданым мы и купеческого сына найдем. Не за мужика вый-дешь, за лапотника. Только не оплошай!

Прошло сколько-то времени после того разговора, собрались девушки по ягоды идти. А отец шутейно им и говорит:

— Ну вот, кто из вас больше ягод принесет, той при дележе приданого чуть побольше достанется.

Ходят девушки по лесу, аукаются, берут ягоды. А как завечерело, сошлись они на полянке. Глянула мачехина дочь — батюшки-светы, у стариковой дочери корзинка полным-полна, а у нее всего ничего, лишь на донышке! Тут и припомнились материны речи: не делить приданого на две доли...

И как проходили через болото, выхватила мачехина дочь у сводной сестры корзину с ягодами и столкнула ее с перекладин-жердочек в бездонную топь.

— Тону я, погибаю, сестрица милая, — взмолилась девица, — помоги мне!

— Стану я тебе помогать! Тони, из этой топи не выкарабкаешься. А все приданое мне одной достанется! — крикнула мачехина дочь.

Перебралась через болото и бегом побежала домой. Дорогой пересыпала в свой кузов ягоды — чистые, крупные, одна к одной, а корзинку сводной сестры закопала в мох.

— Умница, моя разумница! — встретила ее мать. — Посмотри, старик, сколько ягод моя дочка набрала!

— А чего не вместе пришли? — спросил отец.

— Разошлись мы с ней, — ответила мачехина дочь, — аукалась я, аукалась, да никто мне не от-



кликнулся; думаю, раньше меня набрала корзинку и ушла домой.

— Ну где ей, доченька, раньше тебя управиться. Уснула где-нибудь, вот и не услышала тебя! — засмеялась баба.

Вечер прошел и ночь прошла. Поутру старик рано встал.

— Надо идти искать,— говорит,— видно, беда стряслась.

Собрал соседей. Пошли они в лес. И бабина дочь с ними.

— Вот здесь,— рассказывает,— мы разошлись и больше не виделись.

Ходили-ходили день с утра до вечера, да так ни с чем и воротились.

Лето уже на исходе. Идет-бредет по тем тропам старичок странник. Ступил на жердочки-перекладины, а на теплом месте растет травяная дудка. Срезал ту дудку старик, приложил к губам и только подул в нее, как слышит: заиграла, запела дудка, жалобно запричитала:

— Поиграй, поиграй, дедушка,
Поиграй, поиграй, родимый.
Нас было две сводные сестрицы,
И вот меня загубили,
За красные ягодки
Да за матушкино приданое
В гнилом болоте утопили!

И вот пришел старик странник поздно вечером в ту деревню, попросился в крайнюю избу ночевать, как раз в тот дом, где сирота-девица потерялась.

После ужина заговорил старик странник:

— Неподалеку от вашей деревни срезал я дудочку. Такая забавная: сама поет-выговаривает. Возьми-ка, хозяин, подуй в эту дудочку!



Чуть только подул хозяин в дудочку, как заговорила, запела она:

— Поиграй, поиграй, мой батюшка,
Поиграй, поиграй, родимый.
Нас было две сводные сестрицы,
И вот меня загубили,
За красные ягодки
Да за матушкино приданое
В гнилом болоте утопили!

С лица старик сменился. Протянул дудочку падчерице:

— Ну-ка, ты поиграй!

Только поднесла она дудочку к губам, как заиграла, запела дудочка:

— Поиграй, поиграй, сестрица сводная,
Поиграй, поиграй, лиходейка,
Поиграй, поиграй, душегубка!
Ты меня убила,
В гнилом болоте утопила,
За красные ягодки
Да за матушкино приданое
Жизни лишила!

Кинулся отец за понятыми. Девку-лиходейку, а заодно и мать, злую бабу, связали, приставили караул.

А отец с понятыми да со стариком странником на болото побежали. Поискали, поискали и в скором времени вытащили девушку. Обмыли ее, обрядили. Тут она открыла глаза, промолвила:

— Ой, как долго мне спалось да много во сне виделось! Не держи, родимый батюшка, ни бабы-лиходейки, ни дочери-злодейки. Не будет от них житья ни тебе, ни мне.

Простил отец на радости злую бабу и падчерицу-злодейку, прогнал их со двора:

— Ступайте, откуда пришли!



ИВАН-
ЦАРЕВИЧ
И БЕЛЫЙ
ПОЛЯНИН



В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три дочери и один сын, Иван-царевич. Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич.

Как узнали про то соседние короли, сейчас собрали несчетные войска и пошли на него войною.

Иван-царевич не знает, как ему быть; приходит к своим сестрам и спрашивает:

— Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Все короли поднялись на меня войною.

— Ах ты, храбрый воин! Чего убоялся? Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою — золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает? А ты, ничего не видя, испугался!

Иван-царевич тотчас оседлал своего доброго коня, надел сбрую ратную, взял меч-кладенец, копье долгомерное и плетку шелковую и выехал против неприятеля.

Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц — нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько мечом бьет, сколько конем топчет; перебил все воинство вражее, воротился в

Город, лег спать и спал трое суток беспробудным сном.

На четвертые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле — короли больше того войск собрали и опять под самые стены подступили.

Запечалился царевич, идет к своим сестрам:

— Ах, сестрицы! Что мне делать? Одну силу истребил, другая под городом стоит, пуще прежнего грозит.

— Какой же ты воин! Сутки воевал да трое суток без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою — золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Иван-царевич побежал в белокаменные конюшни, оседлал доброго коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую — плетку шелковую и выехал против неприятеля.

Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц — нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьет, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном шесть суток.

На седьмые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле — короли больше того войск собрали и опять весь город обступили.

Идет Иван-царевич к сестрам:

— Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Две силы истребил, третья под стенами стоит, еще пуще грозит.

— Ах ты, храбрый воин! Одни сутки воевал да шестеро без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою — золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Горько показалось то царевичу; побежал он в белокаменные конюшни, оседлал своего доброго

коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую — плетку шелковую и выехал против неприятеля.

Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц — нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьет, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном девять суток.

На десятые сутки проснулся, призвал всех министров и сенаторов:

— Господа мои министры и сенаторы! Вздумал я в чужие страны ехать, на Белого Полянина посмотреть; прошу вас судить и рядить, все дела разбирать по правде.

Затем попрощался с сестрами, сел на коня и поехал в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — заехал он в темный лес; видит — избушка стоит, в той избушке стар человек живет. Иван-царевич зашел к нему:

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, русский царевич! Куда идешь?

— Ищу Белого Полянина, не знаешь ли, где он?

— Сам я не ведаю, а вот подожди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу — и вдруг начали к нему со всех сторон птицы слетаться. Налетело их видимо-невидимо, черной тучею все небо покрыли.

Крикнул стар человек громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Слуги мои верные, птицы перелетные! Не видали ль, не слышали ль чего про Белого Полянина?

— Нет, видом не видали, слухом не слышали!

— Ну, Иван-царевич, — говорит стар человек, — ступай теперь к моему старшему брату — может,

Он тебе скажет. На, возьми клубочек, пусти перед собою: куда клубочек покатится, туда и коня направляй.

Иван-царевич сел на своего доброго коня, покатаил клубочек и поехал вслед за ним, а лес все темней да темней.

Приезжает царевич к избушке, входит в двери; в избушке старик сидит — седой как лунь.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?

— Ищу Белого Полянина, не знаешь ли, где он?

— А вот погоди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу — и вдруг собрались к нему со всех сторон разные звери. Крикнул им громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Слуги мои верные, звери порысучие! Не видели ль, не слышали ль чего про Белого Полянина?

— Нет,— отвечают звери,— видом не видели, слыхом не слышали.

— А ну, рассчитайтесь промеж себя: может, не все пришли.

Звери рассчитались — нет кривой волчицы. Старик послал искать ее; тотчас побежали гонцы и привели ее.

— Сказывай, кривая волчица, не знаешь ли ты Белого Полянина?

— Как мне его не знать, коли я при нем завсегда живу: он войска побивает, а я мертвым трупом питаюсь.

— Где же он теперь?

— В чистом поле на большом кургане, в шатре спит. Воевал он с бабой-ягою — золотой ногою, а после бою залег на двенадцать суток спать.



— Проводи туда Ивана-царевича.

Волчица побежала, а вслед за нею поскакал царевич.

Приезжает он к большому кургану, входит в шатер — Белый Полянин крепким сном почи-вает.

«Вот сестры мои говорили, что Белый Полянин без роздыху воюет, а он на двенадцать суток спать залег! Не заснуть ли и мне пока?» Подумал-поду-мал Иван-царевич и лег с ним рядом.

Тут прилетела в шатер малая птичка, вьется у самого изголовья и говорит такие слова:

— Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти Ивана-царевича: не то встанет — сам тебя убьет!

Иван-царевич вскочил, выгнал птичку из шатра и опять лег возле Белого Полянина. Не успел заснуть, как прилетает другая птичка, вьется у изголовья и говорит:

— Встань-пробудись, Белый Полянин, и пре-дай злой смерти Ивана-царевича: не то встанет — сам тебя убьет!

Иван-царевич вскочил, выгнал птичку из шатра и опять лег на то же место. Вслед за тем прилетает третья птичка, вьется у изголовья и говорит:

— Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти Ивана-царевича: не то он встанет да тебя убьет!

Иван-царевич вскочил и выгнал птичку из шатра вон, а сам лег и крепко заснул.

Пришла пора — пробудился Белый Полянин, смотрит — рядом с ним незнамо какой богатырь лежит; схватился за острый меч и хотел было пре-дать его злой смерти, да удержался вовремя. «Нет, — думает, — он наехал на меня на сонного, а меча не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне,

Доброму молодцу, загубить его! Сонный что мертвый! Лучше разбужу его».

Разбудил Ивана-царевича и спрашивает:

— Добрый ли, худой ли человек? Говори, как тебя по имени зовут и зачем сюда заехал?

— Зовут меня Иваном-царевичем, а приехал на тебя посмотреть, твоей силы попытать.

— Больно смел ты, царевич! Без спросу в шатер вошел, выспался, можно тебя за то смерти предать!

— Эх, Белый Полянин! Не перескочил через ров, да хвастаешь; подожди — может, споткнешься! У тебя две руки, да и меня мать не с одной родила.

Сели они на своих богатырских коней, съехались и ударились, да так сильно, что их копыта вдребезги разлетелись, а добрые кони на колени попадали.

Иван-царевич вышиб из седла Белого Полянина и занес над ним острый меч. Взмолился ему Белый Полянин:

— Не дай мне смерти, дай мне живот! Назовусь твоим меньшим братом, вместо отца почитать буду.

Иван-царевич взял его за руку, поднял с земли, поцеловал в уста и назвал своим меньшим братом.

— Слышал я, брат, что ты тридцать лет с бабой-ягою — золотой ногою воюешь. За что у вас война?

— Есть у нее полонянка-красавица, хочу добыть да жениться.

— Ну,— сказал царевич,— коли дружбу водить, так в беде помогать! Поедем воевать вместе.

Сели на коней, выехали в чистое поле; баба-яга — золотая нога выставила рать-силу несметную. То не ясные соколы налетают на стадо голубиное — напускаются сильномогучие богатыри на войско вражее! Не столько мечами рубят, сколько конями топчут; прирубили, притоптали целые тысячи.

Баба-яга науток бросилась, а Иван-царевич за ней вдогонку. Совсем было нагонять стал — как вдруг прибежала она к глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скрылась под землею.

Иван-царевич и Белый Полянин накупили быков многое множество, начали их бить, кожи снимать да ремни резать; из тех ремней канат свили — да такой длинный, что один конец здесь, а другой на тот свет достанет.

Говорит царевич Белому Полянину:

— Опускай меня скорей в пропасть, да назад каната не вытаскивай, а жди: как я за канат дерну, тогда и тащи!

Белый Полянин опустил его в пропасть на самое дно. Иван-царевич осмотрелся кругом и пошел искать бабу-ягу.

Шел, шел, смотрит — за решеткой портные сидят.

— Что вы делаете?

— А вот что, Иван-царевич: сидим да войско шьем для бабы-яги — золотой ноги.

— Как же вы шьете?

— Известно как: что кольнешь иглою, то и казак с пикою, на лошадь садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина.

— Эх, братцы! Скоро вы делаете, да не крепко; становитесь-ка в ряд, я вас научу, как крепче шить.

Они тотчас выстроились в один ряд, а Иван-царевич как махнет мечом, так и полетели головы. Побил портных и пошел дальше.

Шел, шел, смотрит — за решеткою сапожники сидят.

— Что вы тут делаете?

— Сидим да войско готовим для бабы-яги — золотой ноги.

— Как же вы, братцы, войско готовите?



— А вот как: что шилом кольнем, то и солдат с ружьем, на коня садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина.

— Эх, ребята! Скоро вы делаете, да не споро. Становитесь-ка в ряд, я вас получше научу.

Вот они стали в ряд. Иван-царевич махнул мечом, и полетели головы. Побил сапожников — и опять в дорогу.

Долго ли, коротко ли — добрался он до большого города; в том городе царские терема выстроены, в тех теремах сидит девица красоты неописанной.

Увидала она в окно добра молодца, зазвала к себе, расспросила, куда и зачем идет.

Он ей сказал, что ищет баба-ягу — золотую ногу.

— Ах, Иван-царевич, ведь это меня ищет Белый Полянин, а баба-яга теперь спит непробудным сном, залегла на двенадцать суток.

Иван-царевич пошел к бабе-яге — золотой ногой, застал ее сонную, ударил мечом и отрубил ей голову. Голова покатилась и промолвила:

— Бей еще, Иван-царевич!

— Богатырский удар и один хорош! — отвечал царевич, воротился в терема к красной девице, сел с нею за столы дубовые, за скатерти браные. Наелся-напился и стал ее спрашивать:

— Есть ли в свете краше тебя?

— Ах, Иван-царевич! Что я за красавица! Вот как за тридевять земель, в тридесятом царстве живет у царя-змея королева, так та подлинно красота несказанная.

Иван-царевич взял красную девицу за белую руку, привел к тому месту, где канат висел, и поддал знак Белому Полянину. Тот ухватился за канат и давай тянуть; тянул, тянул и вытащил царевича с красной девицей.

— Здравствуй, Белый Полянин,— сказал Иван-царевич,— вот тебе невеста, живи, веселись, ни о чем не крушись! А я в змеиное царство поеду.

Сел на своего богатырского коня, попрощался с Белым Полянином и его невестою и поскакал за тридевять земель.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — приехал он в царство змеиное, убил царя-змея, освободил из неволи прекрасную королеву и женился на ней; после того воротился домой и стал с молодой женою жить-поживать да добра наживать.



КОРОЛЕВИЧ И ЕГО ДЯДЬКА



ил-был король, у него был сын-подросток. Королевич был всем хорош — и лицом и нравом, да отец-то его плох: все его корысть мучила, как бы лишний барыш взять да побольше оброку сорвать.

Увидел король раз старика с соболями, с куницами, с бобрами, с лисицами:

— Стой, старик! Откудова ты?

— Родом из такой-то деревни, батюшка, а ныне служу у лешего.

— А как вы зверей ловите?

— Да леший наставит петли-леса, зверь глуп — и попадет.

— Ну, слушай, старик! Я тебя вином на-

пою и денег дам: укажи мне, где леса ставите?

Старик соблазнился и указал. Король тотчас же велел лешего поймать и в железный столб заковать, а в его заповедных лесах свои леса поделал.

Вот сидит леший в железном столбе да в окошечко поглядывает, а тот столб в саду стоял. Вышел королевич с бабками, с мамками, с верными служанками погулять по саду; идет мимо столба, а леший кричит ему:

— Королевское дитя! Выпусти меня: я тебе сам пригожусь.

Пожалел королевич лешего:

— Да как же я тебя выпущу?

— А пойди к своей матери, улучи минуту, вытащи ключ у ней из кармана да меня и выпусти.

Королевич так и сделал: вытащил ключ из кармана у матери, прибежал в сад, сделал себе стрелку, положил на тугой лук и пустил ее далеко-далеко, а сам кричит, чтоб мамки и няньки ловили стрелу; мамки и няньки разбежались, в это время королевич отпер железный столб и высвободил лешего.

Пошел леший рвать королевские леса!

Видит король, что звери больше не попадают, осерчал и напустился на свою жену: зачем ключ давала, лешего выпускала? И созвал король бояр, генералов и думных людей, как они присудят: голову ли ей на плахе снять али в ссылку сослать?

Плохо пришлось королевичу — жаль родную мать, и признался он отцу, что это его вина: вот так-то и так-то все дело было.

Взгоревался король: что ему с сыном делать? Казнить нельзя. Присудили отпустить на все четыре стороны, на все ветры полуденные, на все вьюги зимние, на все вихри осенние; дали ему котомку и одного дядьку.

Вышел королевич с дядькою в чистое поле. Шли



они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — и увидали колодезь. Говорит королевич дядьке:

— Ступай за водою!

— Нейду! — отвечает дядька.

Пошли дальше, шли, шли — опять колодезь.

— Ступай принеси воды! Мне пить хочется, — просит дядьку королевский сын в другой раз.

— Нейду! — говорит дядька.

Вот еще шли, шли — попадается третий колодезь, дядька опять нейдет, и пошел за водою сам королевич.

Спустился в колодезь, а дядька захлопнул его крышкою и говорит:

— Не выпускаю! Будь ты слугой, а я — королевичем.

Нечего делать, королевич согласился. Потом поменялись они платьями и отправились дальше.

Вот пришли они в иное государство, идут к царю во дворец — дядька впереди, а королевич позади.

Стал дядька жить у того царя в гостях: и ест и пьет с ним за одним столом.

Вот и говорит дядька царю:

— Ваше царское величество! Возьмите моего слугу хоть на кухню.

Взяли королевича на кухню, заставляют его дрова носить, кастрюли чистить.

Немного прошло времени — выучился королевич готовить кушанья лучше царских поваров.

Узнал про то государь, полюбил его и стал дарить золотом. Поварам показалось обидно, и стали они искать случая, как бы известить его.

Вот один раз сделал королевич пирог и поставил в печку, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирог.

Сел царь обедать, подают пирог; царь только

Было за нож взялся, как бежит главный повар:
— Ваше величество! Не извольте кушать.

И насаждал на королевича много всякой на-
праслины.

Царь не пожалел своей любимой собаки, отре-
зал кусок пирога и бросил наземь: собака съела да
тут же издохла.

Призвал государь королевича, закричал на него
грозным голосом:

— Как ты смел с отравой пирог изготовить,
сейчас велю тебя казнить лютою казнью!

— Знать не знаю, ведать не ведаю, ваше ве-
личество! — отвечает королевич.— Видно, поварам
в обиду стало, что вы меня жалуете: нарочно меня
под ответ подвели.

Царь его помиловал, велел конюхом быть.

Повел королевич коней на водопой, а навстречу
ему леший:

— Здорово, королевский сын! Пойдем ко мне в
гости!

— Боюсь, кони разбегутся.

— Ничего, пойдем!

Изба тут же очутилась. У лешего три дочери;
спрашивает он старшую:

— А что ты присудишь королевскому сыну за
то, что меня из железного столба выпустил?

Дочь говорит:

— Дам ему скатерть-самобранку.

Вышел королевич от лешего с подарком, смот-
рит — кони все тут; развернул скатерть — чего хо-
чешь, того просишь: явились и питье и еда!

На другой день гонит он царских коней на водо-
пой, а леший опять навстречу:

— Пойдем ко мне в гости!

Привел и спрашивает среднюю дочь:

— А ты что королевскому сыну присудишь?



— Я ему подарю зёркальце: что захочешь, все в зеркальце увидишь!

На третий день опять попадается королевичу леший, ведет к себе в гости и спрашивает меньшую дочь:

— А ты что королевскому сыну присудишь?

— Я ему подарю дудочку: только к губам приложи, сейчас явятся и музыканты и песельники.

Весело стало жить королевскому сыну: ест-пьет хорошо, все знает, все ведаёт, музыка целый день гремит. Чего лучше? А кони-то, кони-то! Чудо, да и только: и сыты, и статны, и на ногу резвы.

Начал царь хвалиться своей любимой дочери, что послала ему судьба славного конюха. А прекрасная царевна и сама давным-давно конюха заметила: да как и не заметить красной девице добра молодца!

Любопытно стало царевне: отчего у нового конюха лошади и резвее и статнее, чем у всех других? «Дай,— думает,— пойду в его горницу, посмотрю, как он, бедняжка, поживает?»

Улучила время, когда королевич на водопой коней погнал, пришла в его горницу, а как глянула в зеркальце — тотчас все смекнула и унесла с собой и скатерть-самобранку, и зеркальце, и дудочку.

В это время случилась у царя беда: наступил на его царство семиглавый Идолище, просит себе царевну в замужество. «А если не выдадут, так и силой возьму!» — сказал он и расставил свое войско — тьму-тьмущую.

Плохо пришлось царю: кликнул он клич по всему своему царству, сзывает князей и богатырей: кто из них победит Идолища семиглавого, тому обещает дать половину царства и вдобавок дочь в замужество.

Вот собрались князья и богатыри, поехали сра-

Жа́ться против Идолица, отправился и дядька с царским войском. И наш конюх сел на кобылу сиву и потащился вслед за другими.

Едет, а навстречу ему леший:

— Куда ты, королевский сын?

— Воевать.

— Да на кляче далеко не уедешь! А еще конюх!

Пойдем ко мне в гости!

Привел в свою избу, зачерпнул ему ковш воды. Королевич выпил.

— Много ль в себе силы чувствуешь? — спрашивает леший.

— Да если б была палица в пятьдесят пудов, я б ее вверх подбросил да свою голову подставил, а удара и не почувал бы.

Дал ему другой ковш выпить:

— А теперь много ли силы?

— Да если б была палица во сто пудов, я б ее выше облаков подбросил!

Зачерпнул ему третий ковш:

— А теперь какова твоя сила?

— Да если бы утвердить столб от земли до неба, я бы всю вселенную повернул!


Леший зачерпнул воды из другого чана и подал королевичу; королевич выпил — и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть.

После этого вывел его леший на крыльцо, свистнул молодецким посвистом; отколь ни взялся — вороной конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя, из ушей дым столбом, из-под копыт искры сыплются. Прибежал к крыльцу и пал на колени.

— Вот тебе конь!

Дал ему еще палицу-буявицу да плеть шелковую.

Выехал королевич на своем вороном коне су-



против рати неприятельской; смотрит, а дядька его на березу взлез, сидит да от страха трясется. Королевич стегнул его плеткою раз-другой и полетел на вражее воинство; много воинов мечом прирубил, еще больше конем притоптал, самому Идолищу семь голов снес.

А царевна все это видела: не утерпела, чтоб не посмотреть в зеркальце, кому она достанется.

Тотчас выехала навстречу, спрашивает королевича:

— Чем себя поблагодарить велишь?

— Поцелуй меня, красна девица!

Царевна не устыдилася, прижала его к ретиву сердцу и громко-громко поцеловала, так что все войско услышало.

Королевич ударил коня — и был таков!

Вернулся домой и сидит в своей горенке, словно и на сражении не был, а дядька всем хвастает, всем рассказывает:

— Это я был, я Идолище победил!

Царь встретил его с большим почетом, сговорил за него свою дочь и задал великий пир.

Только царевна не будь глупа — возьми да и скажись, что у ней головушка болит, ретивое щемит. Как быть, что делать нареченному зятю?

— Батюшка,— говорит он царю,— дай мне корабль, я поеду за лекарствами для своей невесты, да прикажи и конюху со мною ехать: я ведь больно к нему привык!

Царь послушался, дал ему корабль и конюха.

Вот они и поехали; близко ли, далеко ли отплыли — дядька приказал шить куль, посадить в него конюха и пустить в воду.

Царевна глянула в зеркальце, видит — беда! Села в коляску — и поскорей к морю, а на берегу уж леший сидит да невод вяжет.



— Мужичок! Помоги моему горю: злой дядька королевича утопил.

— Изволь, красна девица! Вот и невод готов! Приложи-ка сама к нему белые ручки.

Вот царевна запустила невод в глубокое море, вытащила королевича и повезла с собою, а дома все дочиста отцу рассказала.

Сейчас веселым пирком да и за свадебку: у царя ни мед варить, ни вино курить — всего вдоволь!

А дядька накупил разных снадобий и воротился назад: входит во дворец, а тут его и схватили.

Свадьба королевича была веселая. И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.



БУЛАТ- МОЛОДЕЦ



ил-был царь, у него был один сын. Когда царевич был мал, то мамки и няньки его прибаюкивали:

— Баю-баю, Иван-царевич! Вырастешь большой, найдешь себе невесту: за тридевять земель, в тридесятом государстве сидит в башне Василиса Кирбитьевна — из косточки в косточку мозжечок переливается.

Минуло царевичу пятнадцать лет, стал у отца проситься поехать поискать свою невесту.

— Куда ты поедешь? Ты еще слишком мал!

— Нет, батюшка! Когда я мал был, мамки и няньки меня прибаюкивали и сказывали, где живет моя невеста; а теперь я поеду ее разыскивать.

Отец благословил его и дал знать по всем государствам, что сын его Иван-царевич поехал за невестою.

Вот приезжает царевич в один город, отдал убраться свою лошадь, а сам пошел по улицам погулять.

Идет и видит — на площади человека кнутом наказывают.

— За что,— спрашивает,— вы его кнутом бьете?

— А за то,— говорят,— что задолжал он одному именитому купцу десять тысяч да в срок не выплатил; а кто его выкупит, у того Кощей Бессмертный жену унесет.

Вот царевич подумал-подумал и прочь пошел. Погулял по городу, выходит опять на площадь, а того человека всё бьют; жалко стало Ивану-царевичу, и решил он его выкупить.

«У меня,— думает,— жены нету; отнять у меня некого».

Заплатил десять тысяч и пошел домой; вдруг бежит за ним тот самый человек, которого он выкупил, и кричит ему:

— Спасибо, Иван-царевич! Если б ты меня не выкупил, век бы не достал своей невесты. А теперь я помогу; купи мне скорее лошадь и седло!

Царевич купил ему и лошадь и седло и спрашивает:

— А как твое имя?

— Меня зовут Булат-молодец.

Сели они на коней и поехали в путь-дорогу; как только приехали в тридешатое государство, говорит Булат-молодец:

— Ну, Иван-царевич, прикажи купить да жарить кур, уток, гусей — чтоб всего было довольного! А я пойду твою невесту доставать. Да смотри:

Всякий раз, как я забегу к тебе, ты режь у любой птицы правое крылышко и подавай на тарелочке.

Пошел Булат-молодец прямо к высокой башне, где сидела Василиса Кирбитьевна; бросил полегоньку камушком и сломил у башни золоченый верх.

Прибегает к Ивану-царевичу, говорит ему:

— Что ты спишь? Подавай курицу.

Тот отрезал правое крылышко и подал на тарелочке. Булат-молодец взял тарелочку, побежал к башне и закричал:

— Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланяться и просил меня отдать вам эту курочку.

Она испугалась, сидит — ничего не говорит; а он сам за нее отвечает:

— Здравствуй, Булат-молодец! Здоров ли Иван-царевич? — Слава богу, здоров!..

Прибегает Булат-молодец к Ивану-царевичу.

— Что сидишь? — говорит. — Подавай утку.

Тот отрезал правое крылышко, подал на тарелочке. Булат взял тарелочку и понес к башне.

— Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланяться и прислал вам эту уточку.

Она сидит — ничего не говорит; а он сам за нее отвечает:

— Здравствуй, Булат-молодец! Здоров ли царевич? — Слава богу, здоров!

Прибегает Булат-молодец домой и опять говорит Ивану-царевичу:

— Что сидишь? Подавай гуся.

Тот отрезал правое крылышко, положил на тарелочку и подал ему. Булат-молодец взял и понес к башне:

— Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-

царевич приказал кланяться и прислал вам гуся.

Булат-молодец хватает девицу за правую руку; вывел ее из башни, посадил к Ивану-царевичу на лошадь, и поскакали они, добрые молодцы, с душой красной девицей во всю конскую прыть. Поутру встает-просыпается царь Кирбит, видит, что у башни верх сломан, а дочь его похищена, сильно разгневался и приказал послать погоню по всем путям и дорогам.

Много ли, мало ли ехали наши витязи — Булат-молодец снял со своей руки перстень, спрятал его и говорит:

— Поезжай, Иван-царевич, а я назад ворочусь, поищу перстень.

Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать:

— Не оставляй нас, Булат-молодец! Хочешь, я тебе свой перстень подарю?

Он отвечает:

— Никак нельзя, Василиса Кирбитьевна! Моему перстню цены нет — мне дала его родная матушка; как давала — приговаривала: носи — не теряй, мать не забывай!

Поскакал Булат-молодец назад и повстречал на дороге погоню; он тотчас всех перебил, оставил только единого человека, чтоб было кому царя поведать, а сам поспешил нагнать Ивана-царевича. Много ли, мало ли они ехали — Булат-молодец запрягал свой платок и говорит:

— Ах, Иван-царевич, я платок потерял; поезжайте вы путем-дорогою, я вас скоро опять нагоню.

Повернул назад, отъехал несколько верст и повстречал погоню вдвое больше; перебил всех и вернулся к Ивану-царевичу.

Тот спрашивает:

— Нашел ли платок?

— Нашел.



Настигла их темная ночь; раскинули они шатер, Булат-молодец лег спать, а Ивана-царевича на караул поставил и говорит ему:

— Каков случай — разбуди меня!

Тот стоял, стоял, утомился, начал клонить его сон, он присел у шатра и заснул.

Откуда ни взялся Кощей Бессмертный — унес Василису Кирбительвну.

На заре очнулся Иван-царевич; видит, что нет его невесты, и горько заплакал. Просыпается и Булат-молодец, спрашивает его:

— О чем плачешь?

— Как мне не плакать? Кто-то унес Василису Кирбительвну.

— Я же тебе говорил — стой на карауле! Это дело Кощей Бессмертного; поедem искать.

Долго-долго они ехали, смотрят — два пастуха стадо пасут.

— Чье это стадо?

Пастухи отвечают:

— Кощей Бессмертного.

Булат-молодец и Иван-царевич расспросили пастухов: далеко ль Кощей живет, как туда проехать, когда они со стадом домой ворочаются и куда его запирают? Потом слезли с лошадей, уговорились с пастухами, нарядились в их платье и погнали стадо домой; пригнали и стали у ворот.

У Ивана-царевича был на руке золотой перстень — Василиса Кирбительвна ему подарила; а у Василисы Кирбительвны была коза — молоком от той козы она и утром и вечером умывалась. Прибежала девушка с чашкою, подоила козу и несет молоко; а Булат-молодец взял у царевича перстень и бросил в чашку.

— Э, голубчики, — говорит девушка, — вы озорничать стали!

Приходит к Василисе Кирбительевне и жалуется:
— Нониче пастухи над нами насмеваются, бросили в молоко перстень!

Та отвечает:

— Оставь молоко, я сама процежу.

Стала цедить, увидала свой перстень и велела послать к себе пастухов.

Пастухи пришли.

— Здравствуйте, Василиса Кирбительевна! — говорит Булат-молодец.

— Здравствуй, Булат-молодец! Здравствуй, царевич! Как вас бог сюда занес?

— За тобой, Василиса Кирбительевна, приехали; нигде Кощей от нас не скроется: хоть на дне моря — и то отыщем!

Она их за стол усадила, всякими яствами накормила и сладко напоила. Говорит ей Булат-молодец:

— Как приедет Кощей с охоты, расспроси, Василиса Кирбительевна, где его смерть. А теперь не худо нам спрятаться.

Только гости успели спрятаться, прилетает с охоты Кощей Бессмертный.

— Фу-фу! — говорит. — Прежде русского духу слыхом было не слышать, видом не видать, а нониче русский дух воочью является, в уста бросается.

Отвечает ему Василиса Кирбительевна:

— Сам ты по Руси налетался, русского духу нахватался, так он тебе и здесь чудится!

Кощей пообедал и лег отдыхать; пришла к нему Василиса Кирбительевна, стала спрашивать:

— Насилу дождалась тебя; уж не чаяла в живых увидеть — думала, что тебя лютые звери съели!

Кощей засмеялся:

— Эх, ты! Волос долог, да ум короток; разве могут меня лютые звери съесть?

— Да где ж твоя смерть?



— Смерть моя в голике, под порогом валяется. Улетел Кощей, Василиса Кирбительевна побежала к Ивану-царевичу. Спрашивает ее Булат-молодец:

— Ну, где смерть Кощеева?

— В голике под порогом валяется.

— Нет! Надо расспросить его получше.

Василиса Кирбительевна тотчас придумала: взяла голик, вызолотила, разными лентами украсила и положила на стол. Вот прилетел Кощей Бессмертный, увидел на столе вызолоченный голик и спрашивает, зачем это.

— Как же можно,— отвечала Василиса Кирбительевна,— чтоб твоя смерть под порогом валялась; пусть лучше на столе лежит!

— Ха-ха-ха! Волос длинен, да ум короток; разве здесь моя смерть?

— А где же?

— Моя смерть в козле запрятана.

Василиса Кирбительевна, как только Кощей на охоту уехал, взяла убрала козла лентами да бубенчиками, а рога ему вызолотила.

Кощей увидел, опять рассмеялся:

— Волос длинен, да ум короток; моя смерть далече: на море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, а в яйце — моя смерть!

Сказал и улетел. Василиса Кирбительевна пересказала все это Булату-молодцу да Ивану-царевичу; они взяли с собой запасу и пошли отыскивать Кощееву смерть.

Долго ли, коротко ли шли, запас весь приели и начали голодать. Попадается им собака со щенятами.

— Я ее убью,— говорит Булат-молодец,— нам есть больше нечего.

— Не бей меня,— просит собака,— не делай моих деток сиротами; я тебе сама пригожусь!

— Ну, бог с тобой!

Идут дальше — сидит на дубу орел с орлятами.
Говорит Булат-молодец:

— Я убью орла.

Отвечает орел:

— Не бей меня, не делай моих деток сиротами; я тебе сам пригожусь!

— Так и быть, живи на здоровье!

Подходят к океан-морю широкому; на берегу рак ползет. Говорит Булат-молодец:

— Я его пришибу.

А рак:

— Не бей меня, добрый молодец! Во мне корысти не много, хоть съешь — сыт не будешь. Придет время — я сам тебе пригожусь!

— Ну, ползи с богом! — сказал Булат-молодец.

Он посмотрел на море, увидел рыбака в лодке и крикнул:

— Причаливай к берегу!

Рыбак подал лодку. Иван-царевич да Булат-молодец сели и поехали к острову; добрались до острова и пошли к дубу.

Булат-молодец ухватил дуб могучими руками и с корнем вырвал; достал из-под дуба сундук, открыл его — из сундука заяц выскочил и побежал что есть духу.

— Ах,— вымолвил Иван-царевич,— если б на эту пору да собака была, она б зайца поймала!

Глядь — а собака уж тащит зайца. Булат-молодец взял его да и разорвал — из зайца вылетела утка и высоко поднялась в поднебесье.

— Ах,— вымолвил Иван-царевич,— если б на эту пору да орел был, он бы утку поймал!

А орел уж несет утку. Булат-молодец разорвал

Утку — из утки выкатилось яйцо и упало в море.
— Ах,— сказал царевич,— если б рак его вытащил!

А рак уж ползет, яйцо тащит. Взяли они яйцо, приехали к Кощею Бессмертному, ударили его тем яйцом в лоб — он тотчас растянулся и умер.

Брал Иван-царевич Василису Кирбитьевну, и поехали в дорогу.

Ехали, ехали, настигла их темная ночь; раскинули шатер, Василиса Кирбитьевна спать легла. Говорит Булат-молодец:

— Ложись и ты, царевич, а я буду на часах стоять.

В глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло, и сделалось двенадцать девиц:

— Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кощея Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбитьевну, не будет и вам добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести свою собачку любимую; она вырвется у псаря и разорвет царевича на мелкие части. А кто это слышит да ему скажет, тот по колена будет каменный!

Поутру Булат-молодец разбудил царевича и Василису Кирбитьевну, собрались и поехали в путь-дорогу.

Настигла их вторая ночь; раскинули шатер в чистом поле. Опять говорит Булат-молодец:

— Ложись спать, Иван-царевич, а я буду караулить.

В глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло, и стало двенадцать девиц:

— Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кощея Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбитьевну, не будет и вам

добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести своего любимого коня, на котором сызмала привык кататься; конь вырвется у конюха и убьет царевича до смерти. А кто это слышит да ему скажет, тот будет по пояс каменный!

Настало утро, опять поехали.

Настигла их третья ночь; разбили шатер и остановились ночевать в чистом поле. Говорит Булат-молодец:

— Ложись спать, Иван-царевич, а я караулить буду.

Опять в глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло, и стало двенадцать девиц:

— Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кощея Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбительевну, да и вам добра не нажить: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести свою любимую корову, от которой сызмала молочком питался; она вырвется у скотника и поднимет царевича на рога. А кто нас видит и слышит да ему скажет, тот весь будет каменный!

Сказали, обернулись голубицами и улетели.

Поутру проснулся Иван-царевич с Василисой Кирбительевой и отправились в дорогу.

Приехал царевич домой, женился на Василисе Кирбительевне и спустя день или два говорит ей:

— Хочешь, я покажу тебе мою любимую собачку? Когда я был маленький, все с ней забавлялся.

Булат-молодец взял свою саблю, наточил остро-остро и стал у крыльца.

Вот ведут собачку; она вырвалась у псаря, прямо на крыльцо бежит, а Булат-молодец махнул саблей и разрубил ее пополам.

Иван-царевич на него разгневался, да за старую службу промолчал — ничего не сказал.

На другой день приказал он вывести своего любимого коня; конь перервал аркан, вырвался у конюха и скачет прямо на царевича. Булат-молодец отрубил коню голову.

Иван-царевич еще пуще разгневался, но Василиса Кирбитьевна сказала:

— Если б не он,— говорит,— ты б меня никогда не достал!

На третий день велел Иван-царевич вывести свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бежит прямо на царевича. Булат-молодец отрубил и ей голову.

Тут Иван-царевич так озлобился, что никого и слушать не стал; приказал позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца.

— Ах, Иван-царевич! Коли ты хочешь меня палачом казнить, так лучше я сам умру. Позволь только три речи сказать...

Рассказал Булат-молодец про первую ночь, как в чистом поле прилетали двенадцать голубиц и что ему говорили — и тотчас окаменел по колена; рассказал про другую ночь — и окаменел по пояс. Тут Иван-царевич начал его упрашивать, чтоб до конца не договаривал. Отвечает Булат-молодец:

— Теперь все равно — наполовину окаменел, так не стоит жить!

Рассказал про третью ночь и оборотился весь в камень.

Иван-царевич поставил его в особой палате и каждый день стал ходить туда с Василисой Кирбитьевной да горько плакаться.

Много прошло годов; раз как-то плачет Иван-царевич над каменным Булатом-молодцом и слышит — из камня голос раздается:

— Что ты плачешь? Мне и так тяжело!

— Как мне не плакать? Ведь я тебя загубил.

И тут пала горячая слеза Ивана-царевича на каменного Булата-молодца. Ожил он. Иван-царевич с Василисой Кирбитьевной обрадовались и на радостях задали пир на весь мир.



ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО



В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; служил он долго и безупречно, службу знал хорошо, на смотре, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать — как на беду, невзлюбило его начальство, не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся.

Тяжело стало солдату, и задумал он бежать; ранец через плечо, ружье на плечо и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивать:

— Куда идешь? Аль батальонный требует?

— Не спрашивайте, братцы! Подтяните-ка ранец покрепче да лихом не поминайте!

И пошел он, добрый молодец, куда глаза глядят.

Много ли, мало ли шел — оказался в ином государстве, усмотрел часового и спрашивает:

— Нельзя ли где остановиться и отдохнуть?

Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор — офицеру, офицер — генералу, генерал доложил самому королю. Король приказал позвать служивого перед свои светлые очи.

Вот явился солдат — как следует, при форме,

Сделал ружьем на караул и стал как вкопанный.
Говорит ему король:

— Скажи мне по совести, откуда и куда идешь?

— Ваше королевское величество, не велите казнить, велите слово вымолвить.

Признался во всем королю по совести и стал на службу проситься.

— Хорошо,— сказал король,— наймись у меня сад караулить. У меня теперь в саду неблагополучно — кто-то ломает мои любимые деревья,— так ты постарайся, сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую.

Солдат согласился, стал в саду караул держать.

Год и два служит — все у него исправно; вот и третий год на исходе, пошел однажды сад оглядывать и видит: половина что ни есть лучших деревьев поломана.

«Боже мой! — думает сам с собою.— Вот какая беда приключилась! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить».

Бзял ружье в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался.

Вдруг послышался треск и шум; очнулся добрый молодец, глядь — прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валить деревья! Солдат выстрелил в нее из ружья, убить не убил, а только ранил ее в правое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица по земле наутек пустилась. Солдат — за нею. Ноги у птицы быстрые, скорехонько добежала до провалища и скрылась из глаз.

Солдат не убоился и вслед за нею кинулся в то провалище: упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печенки и целые сутки лежал без памяти.

После опомнился, встал, осмотрелся. Что же? — и под землей такой же свет.

«Стало быть,— думает,— и здесь есть люди!»

Шел, шел — перед ним большой город, у ворот караульня, при ней часовая; стал его спрашивать — часовая молчит, не движется; взял его за руку — а он совсем каменный!

Вошел солдат в караульню. Народу много — и стоят и сидят,— только все окаменелые; пустился бродить по улицам — везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, все как есть камень! Вот и дворец — расписной, вырезной. Марш туда, смотрит — комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом тихо и пусто.

Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и послышалось ему, словно кто к крыльцу подъехал; он схватил ружье и стал у дверей.

Входит в палату прекрасная царевна с мамками, с няньками. Солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась.

— Здравствуй, служивый! Расскажи,— говорит,— какими судьбами ты сюда попал?

Солдат начал рассказывать:

— Нанялся-де я царский сад караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать. Вот я подстерег ее, выстрелил из ружья и выбил у ней из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь.

— Эта птица — мне родная сестра; много она творит всякого зла и на мое царство беду наслала — весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай ее с вечера до тех пор, пока петухи не запоют. Какие бы страсти тебе ни казались, ты знай свое — читай книжку да держи ее крепче, чтоб не вырвали, не то жив не будешь! Если прстоишь три ночи, то выйду за тебя замуж.

— Ладно! — отвечал солдат.

Только стемнело, взял он книжку и начал читать.

Вдруг застучало, загремело — явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники и бранят его и грозят за побег смертью; вот уж и ружья заряжают, прицеливаются. Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает.

Закричали петухи — и все разом сгнуло!

На другую ночь страшней было, а на третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь, а сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что едва солдат выдержал.

Запели петухи — и наваждение сгнуло!

В тот самый час все царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дворец явилась царевна с генералами, со свитой, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем.

На другой день женился он на прекрасной царевне и зажил с нею в любви и радости.



ВО ЛБУ СОЛНЦЕ,
НА ЗАТЫЛКЕ МЕСЯЦ,
ПО БОКАМ ЗВЕЗДЫ



некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у него был сын Иван-царевич — и красивый, и умный, и слав-

ный; об нем песни пели, об нем сказки сказывали, он красным девушкам во сне снился. Пришло ему желанье поглядеть на бел свет; берет он у царя-отца благословенье и позволение и едет на все четыре стороны, людей посмотреть, себя показать.

Долго ездил, много видел добра и худа и всякой всячины; наконец подъехал к палатам высоким, каменным. Видит: на крылечке сидят три сестрицы-красавицы и между собой разговаривают.

Старшая говорит:

— Если б на мне женился Иван-царевич, я б ему напяла на рубашку тонкую, гладкую, какой во всем свете не спрядут.

Иван-царевич стал прислушиваться.

— А если б меня взял,— сказала средняя,— я б выткала ему кафтан из серебра, из золота, и сиял бы он как Жар-птица.

— А я ни прясть, ни ткать не умею,— говорила меньшая,— а если бы он меня полюбил, я бы родила ему сынов, что ни ясных соколов: во лбу солнце, а на затылке месяц, по бокам звезды.

Иван-царевич все слышал, все запомнил — вернулся к отцу и стал просить позволения жениться. Отец согласился. Женился Иван-царевич на меньшей сестре и стал с нею жить-поживать душа в душу; а старшие сестры стали сердиться да завидовать меньшей сестре, начали ей зло творить. Подкупили они нянюшек, мамушек и, когда у Ивана-царевича родился сын — а он ждал, что ему поднесут дитя с солнцем во лбу, с месяцем на затылке, с звездами по бокам,— подали ему просто-напросто котенка. Сильно Иван-царевич огорчился, долго сердился, наконец стал ожидать другого сына.

Те же нянюшки, те же мамушки были с ца-

Третьей, они опять украли ее настоящего ребенка с солнцем во лбу и подложили щенка.

Иван-царевич заболел с горя-печали: очень ему хотелось поглядеть на хорошее детище. Начал ожидать третьего.

В третий раз ему показали простого ребенка, без звезд и месяца. Иван-царевич не стерпел, отказался от жены, приказал ее судить.

Собрались, съехались люди старшие — нет числа! Судят-рядят, придумывают-пригадывают, и придумали: царевне отрубить голову.

— Нет,— сказал главный судья,— слушайте меня или нет, а моя вот речь: выколоть ей глаза, засмолить с ребенком в бочке и пустить в море; виновата — потонет, права — выплывет.

Выкололи царевне глаза, засмолили вместе с ребенком в бочку и бросили в море.

А Иван-царевич женился на ее старшей сестре, на той самой, что детей его покрала да спрятала подальше от царя в отцовском саду в беседке.

Там мальчики росли-подрастали, родимой матушки не видали, не знали; а она, горемычная, плавала по морю по океану с подкидышком, и рос этот подкидышек не по дням, а по часам; скоро пришел в смысл, стал разумен и говорит:

— Сударыня матушка! Когда б, по моему прошенью, мы пристали к берегу!

Бочка остановилась.

— Сударыня матушка, когда б, по моему прошенью, наша бочка лопнула!

Только он молвил, бочка развалилась надвое, и они с матерью вышли на берег.

— Сударыня матушка! Какое веселое, славное место; жаль, что ты не видишь ни солнца, ни неба, ни травки-муравки. По моему прошенью, когда б здесь явилась банька!

Ту ж минуту как из земли выросла баня: двери сами растворились, печи затопились, и вода закипела. Вошли они, взял он веничек и стал теплою водою промывать больные глаза матери.

— По моему прошенью, когда б моя матушка проглянула!

— Сынок! Я вижу, вижу, глаза открылись!

— По моему прошенью, когда б, сударыня матушка, твоего батюшки дворец да к нам перешел и с садом и с твоими детками.

Откуда ни взялся дворец, перед дворцом раскинулся сад, в саду на веточках птички поют, посреди беседка стоит, в беседке три братца живут.

Мальчик-подкидышек побежал к ним. Вошел, видит — накрыт стол, на столе три прибора.

Возвратился он поскорее домой и говорит:

— Дорогая сударыня матушка! Испеки ты мне три лепешечки на своем молоке.

Мать послушала. Понес он три лепешечки, разложил на три тарелочки, а сам спрятался в уголок и ожидает: кто придет?

Вдруг комната осветилась — вошли три брата с солнцем, с месяцем, с звездами; сели за стол, отведали лепешек и узнали родимой матери молоко.

— Кто нам принес эти лепешечки? Если б он показался и рассказал нам об нашей матушке, мы б его зацеловали, замиловали и в братья к себе приняли.

Мальчик вышел и повел их к матери.

Тут они обнимались, целовались и плакали. Хорошо им стало жить, было чем и добрых людей угостить.

Один раз шли мимо нищие старцы; их зазвали, накормили, напоили и с хлебом-солью отпустили. Случилось, те же старцы проходили мимо дворца



Ивана-царевича; он стоял на крыльце и начал их спрашивать:

— Нищие старцы! Где вы были-побывали, что видали-повидали?

— А мы там были-побывали, то видели-повидали: где прежде был мох да болото, пень да колода, там теперь дворец — ни в сказке сказать, ни пером написать, там сад — во всем царстве не сыскать, там люди — в белом свете не видать! Там мы были-побывали, три родных братца нас угощали: во лбу у них солнце, на затылке месяц, по бокам часты звезды, и живет с ними и любит на них мать-царевна прекрасная.

Выслушал Иван-царевич и задумался... кольнуло его в грудь, забилося сердце; снял он свой верный меч, взял меткую стрелу, оседлал ретивого коня и, не сказав жене «Прощай!», полетел во дворец — что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Очутился там, глянул на детей, глянул на жену — узнал, и душа его просветлела!

В это время я там была, мед пила, все видела, всем было очень весело, горько только одной старшей сестре.



СКОРЫЙ ГОНЕЦ



В некотором царстве, в некотором государстве были болота непроходимые, кругом их шла дорога окольная; скоро ехать тою дорогою — три года понадобится, а тихо ехать — и

12
пяти мало! Возле самой дороги жил убогий старик; у него было три сына: первого звали Иван, второго Василий, а третьего Семен — малый юныш.

Вздумал убогий расчистить эти болота, проложить тут дорогу прямохожую-прямоезжую и наместить мосты калиновые, чтобы пешему можно было пройти в три недели, а конному в трое суток проехать. Принялся за работу вместе с своими детьми, и не по малом времени все было исправлено: намощены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоезжая.

Воротился убогий в свою избушку и говорит старшему сыну, Ивану:

— Поди-ка ты, мой любезный сын, сядь под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить — добро или худо?

По родительскому приказанию пошел Иван и сел в скрытом месте под мостом.

Идут по тому мосту калиновому два старца и говорят промеж себя:

— Кто этот мост мостил да дорогу расчищал — чего бы он у судьбы ни попросил, то бы ему судьба и даровала!

Иван, как скоро услышал эти слова, тотчас вышел из-под моста калинового.

— Этот мост,— говорит,— мостил я с отцом да с братьями.

— Чего ж ты желаешь? — спрашивают старцы.

— Вот кабы было у меня денег на век!

— Хорошо, ступай в чистое поле: в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и серебра, и камня драгоценного. Возьми лопату и рой — будет тебе денег на целый век!

Иван пошел в чистое поле, вырыл под дубом много и злата, и серебра, и камня драгоценного и понес домой.

— Ну, сынок,— спрашивает отец,— видел ли кого, что бы шел али ехал по мосту, и что про нас люди говорят?

Иван рассказал отцу, что видел двух старцев и чем они его наградили на целый век.

На другой день посылает отец среднего сына, Василия. Пошел Василий, сел под мостом калиновым и слушает. Идут по мосту два старца, поравнялись супротив того места, где он спрятался, и говорят:

— Кто этот мост мостил — чего бы у судьбы ни попросил, то бы ему и далось!

Как услышал Василий эти слова, вышел к старцам и сказал:

— Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями.

— Чего же ты у судьбы попросишь?

— Вот кабы было у меня хлеба на век!

— Хорошо, поди домой, вырубви новину и посеи: будет тебе хлеба на целый век!

Василий пришел домой, рассказал про все отцу, вырубил новину и засеял хлебом.

На третий день посылает отец меньшего сына. Семен — малый юныш сел под мостом и слушает. Идут по мосту два старца; только поравнялись с ним и говорят:

— Кто этот мост мостил — чего бы у судьбы ни попросил, то бы ему судьба и дала!

Семен — малый юныш услышал эти слова, вступил к старцам и сказал:

— Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями.

— Чего же ты у судьбы просишь?

— А хочу я служить великому государю в солдатах.

— Проси другого! Солдатская служба тяжелая;

пойдешь в солдаты — к морскому царю в полон попадешь, и много будет твоих слез пролито!

— Все равно хочу служить!

— Ну, коли уж ты захотел идти в царскую службу — иди! — сказали старцы Семену и обратили его в оленя быстрого.

Побежал олень к своему дому; усмотрели его из окошечка отец и братья, выскочили из избушки и хотели поймать. Олень повернул — и назад; прибежал к двум старцам, старцы обратили его в зайца.

Заяц пустился к своему дому; усмотрели его отец и братья, выскочили из избушки и хотели было изловить, да он назад повернул.

Прибежал заяц к двум старцам, старцы обратили его в маленькую птичку — золотая головка. Птичка прилетела к своему дому, села у открытого окошечка. Усмотрели ее отец и братья, бросились ловить; птичка вспорхнула — и назад.

Прилетела к двум старцам, старцы сделали ее по-прежнему человеком и говорят:

— Теперь, Семен — малый юныш, иди на царскую службу. Если тебе понадобится сбегать куда наскоро, можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкою — золотая головка: мы тебя научили.

Семен — малый юныш пришел домой и стал у отца проситься на царскую службу.

— Куда тебе идти, — отвечал отец, — ты еще мал и глуп!

— Нет, батюшка, отпусти.

Отец отпустил, Семен — малый юныш срядился, с отцом, с братьями простился и пошел в дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришел он на царский двор, прямо к царю, и сказал:

— Ваше царское величество! Не велите казнить, велите слово вымолвить.



— Говори, Семен — малый юныш!

— Ваше величество! Возьмите меня в военную службу.

— Что ты! Ведь ты мал и глуп; куда тебе идти в службу?

— Хоть я мал и глуп, а служить буду не хуже других.

Царь согласился, взял его в солдаты и велел быть при нем.

Прошло несколько времени, вдруг объявил царю какой-то король жестокую войну. Царь начал в поход сряжаться; в урочное время собралось все войско в готовности.

Семен — малый юныш стал на войну проситься; царь не мог ему отказать, взял его с собою и выступил в поход.

Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил; вот уж и неприятель близко — дня через три надо и бой зачинать.

В те поры хватился царь своей боевой палицы и своего меча острого — нет ни той, ни другого, во дворце позабыл; нечем ему себе оборону дать, неприятельские силы побивать. Сделал он клич по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворец наскоро да принести ему боевую палицу и острый меч; кто сослужит эту службу, за того обещал отдать в супружество дочь свою Марью-царевну, в приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство.

Начали выискиваться охотники; кто говорит: я могу в три года сходить; кто говорит — в два года, а кто — в один год; а Семен — малый юныш доложил государю:

— Я, ваше величество, могу сходить во дворец и принести боевую палицу и острый меч в три дня.

Царь обрадовался, взял его за руку, поцеловал в

уста и тотчас же написал к Марье-царевне грамотку, чтоб она гонцу тому поверила и выдала ему меч и палицу. Семен — малый юныш принял от царя грамотку и пошел в путь-дорогу.

Отойдя с версту, обернулся он в оленя быстрого и пустился словно стрела, из лука пущенная. Бежал, бежал, устал и обернулся из оленя в зайца; припустил во всю заячью прыть. Бежал, бежал, все ноги прибил и обратился из зайца в маленькую птичку — золотая головка; еще быстрее полетел. Летел, летел и в полтора дня поспел в то царство, где Марья-царевна находилась.

Обернулся человеком, вошел во дворец и подал царевне грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала и говорит:

— Как же это сумел ты столько земель и так скоро пробежать?

— А вот как,— отвечал гонец — обратился в оленя быстрого, пробежал раз-другой по царевниной палате, подошел к Марье-царевне и положил к ней на колени свою голову; она взяла ножницы и вырезала у оленя с головы клочок шерсти.

Олень обратился в зайца, заяц попрыгал немного по комнате и вскочил к царевне на колени; она вырезала у него клочок шерсти.

Заяц обратился в маленькую птичку с золотой головкою, птичка полетала немного по комнате и села к царевне на руку. Марья-царевна срезала у ней с головы золотых перышков, и все это — и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотые перышки завязала в платок и спрятала к себе.

Птичка — золотая головка обратилась в гонца.

Царевна накормила его, напоила, в путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острый меч; после они простились, на прощанье крепко поцеловались, и пошел Семен — малый юныш обратно к царю.

Опять побежал он оленем быстроногим, скакал косым зайцем, полетел маленькой птичкой и к концу третьего дня усмотрел царский лагерь вблизи.

Не доходя до войска шагов с триста, лег он на морском берегу, подле ракитова куста, отдохнуть с дороги; палицу боевую и острый меч около себя положил. От великой усталости он скоро и крепко уснул. В это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста, увидел он гонца, тотчас столкнул его в море, взял боевую палицу и острый меч, принес к государю и сказал:

— Ваше величество! Вот вам боевая палица и острый меч, я сам за ними ходил; а тот пустохвал, Семен — малый юныш, верно, года три проходит!

Царь поблагодарил генерала, начал воевать с неприятелем и в короткое время одержал над ним славную победу.

А Семен — малый юныш, как сказано, упал в море. В ту ж минуту подхватил его морской царь и унес в самую глубину.

Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечалился он и горько заплакал. Пришел к нему морской царь:

— Что, Семен — малый юныш, скучно тебе здесь?

— Скучно, ваше величество!

— Хочешь на русский свет?

— Хочу, если ваша царская милость будет.

Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушел в море. Семен — малый юныш подумал: «Кабы солнышко засветило!»

Перед самым восходом красного солнца явился морской царь, ухватил его опять и унес в морскую глубину.

Прожил там Семен — малый юныш еще целый

год; сделалось ему скучно, и он горько-горько заплакал. Спрашивает морской царь:

— Что, али тебе скучно?

— Скучно! — молвил Семен — малый юныш.

— Хочешь на русский свет?

— Хочу, ваше величество!

Морской царь вынес его в полночь на берег, сам ушел в море. Семен — малый юныш опять подумал: «Кабы солнышко засветило!»

Только чуть-чуть рассветать стало, пришел морской царь, ухватил его и унес в морскую глубину.

Прожил Семен — малый юныш третий год в море, стало ему скучно, и он горько, неутешно заплакал.

— Что, Семен, скучно тебе? — спрашивает морской царь. — Хочешь на русский свет?

— Хочу, ваше величество!

Морской царь вынес его на берег, сам ушел в море. Семен — малый юныш и говорит:

— Солнышко, покажись, красное, покажись!

И солнце осияло его своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в полон.

Семен — малый юныш отправился в свое государство; оборотился сперва оленем, потом зайцем, а потом маленькой птичкой — золотая головка; в короткое время очутился у царского дворца.

А покуда все это сделалось, царь успел с войны воротиться и засватал свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика.

Семен — малый юныш входит в ту самую палату, где за столом сидели жених да невеста.

Увидала его Марья-царевна и говорит царю:

— Государь-батюшка! Не вели казнить, позволь речь говорить.

— Говори, дочь моя милая! Что тебе надобно?

— Государь-батюшка! Не тот мой жених, что

За столом сидит, а вот он — сейчас пришел! Покажи-ка, Семен — малый юныш, как в те поры ты наскоро сбежал за боевой палицей, за острым мечом.

Семен — малый юныш оборотился в оленя быстрого, пробежал раз-другой по комнате и остановился возле царевны. Марья-царевна вынула из платочка срезанную оленью шерсть, показывает царю, в коем месте она ее срезала, и говорит:

— Посмотри, батюшка! Вот мои приметочки.

Олень оборотился в зайца. Зайчик попрыгал-попрыгал по комнате и прискочил к царевне; Марья-царевна вынула из платочка заячью шерсть.

Зайчик оборотился в маленькую птичку с золотой головкою. Птичка полетала-полетала по комнате и села к царевне на колени; Марья-царевна развязала третий узелок в платке и показала золотые перышки.

Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семёна — малого юныша и сделал его своим наследником.



ЦАРЕВНА- ЗМЕЯ



Хал казак путем-дорогою и заехал в дремучий лес; в том лесу на прогалинке стоит стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лег около стога и закурил трубку; курил, курил и не видал, как заронил искру

в сено. Сел казак на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Оглянулся казак, смотрит — стог сена горит, а в огне стоит красная девица и говорит громким голосом:

— Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти.

— Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу.

— Сунь в огонь свою пику, я по ней выберусь.

Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся.

Тотчас красная девица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы. Казак испугался; не придумает, что ему делать и как ему быть.

Провещала змея человеческим голосом:

— Не бойся, добрый молодец! Носи меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство — останься и проживи там еще семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!

Поехал казак разыскивать оловянное царство.

Много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы; на той горе стоит оловянный замок, кругом замка высокая белокаменная стена.

Поскакал казак на гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту же минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой-девицей и с глаз пропала — словно ее не было.

Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошел во дворец и стал осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не

Видать ни одной души человеческой. «Эх,— думает казак,— куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, придется помирать голодною смертью!»

Только подумал, глядь — перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть — всего вдоволь; он закусил и выпил и вздумал пойти на коня посмотреть. Приходит в конюшню — конь стоит в стойле да овес ест.

— Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить.

Долго-долго оставался казак в оловянном замке, и взяла его скука смертная: шутка ли — завсегда один-одинешенек! Не с кем и словечка перекинуть. Вздумалось ему ехать на вольный свет; только куда ни бросится — везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалось, схватил добрый молодец палку, вошел во дворец и давай зеркала и стекла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!» Нет, никто не является.

Лег казак спать. На другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит — нет ему ничего! «Эх,— думает,— сама себя раба бьет, коль нечисто жнет! Вот набедокурил вчера, а теперь голодай!» Только покаялся, как сейчас и еда и питье — все готово!

Прошло три дня; проснулся казак поутру, глянул в окно — у крыльца стоит его добрый конь оседланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, взял свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни взялась — явилась красная девица:

— Здравствуй, добрый молодец! Семь лет окончилось — избавил ты меня от конечной погибели.

Знай же: я королевская дочь. Унес меня Кошей Бессмертный от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеею. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедem к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а проси себе бочонок, что в подвале стоит.

— А что за корысть в нем?

— Покатишь бочонок в правую сторону — тотчас дворец явится, покатишь в левую — дворец пропадет.

— Хорошо, — сказал казак.

Сел он на коня, посадил с собой и прекрасную королевну; высокие стены сами перед ними пораздвинулись, и поехали они в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — приезжает казак с королевной к королю. Король увидал свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и дает казаку полны мешки золота и жемчугу.

Говорит добрый молодец:

— Не надо мне ни злата, ни жемчугу; дай мне на память тот бочоночек, что в подвале стоит.

— Многого хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За нее и бочонка не жаль. Бери.

Казак взял королевский подарок и отправился по белу свету странствовать.

Ехал, ехал, попадаетея ему навстречу древний старичок. Просит старик:

— Накорми меня, добрый молодец!

Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатил его вправо — в ту ж минуту чудный дворец явился.

Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол.

— Эй, слуги мои верные! — закричал казак. — Накормите-напоите моего гостя.

Не успел вымолвить — несут слуги целого быка и три котла питья. Начал старик есть да похваливать; съел целого быка, выпил три котла, крякнул и говорит:

— Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб и за соль.

Вышли из дворца; казак покатил свой бочонок в левую сторону — и дворца как не бывало.

— Давай поменяемся, — говорит старик казаку, — я тебе меч отдам, а ты мне бочонок.

— А что толку в мече?

— Да ведь это меч-саморуб: только стоит махнуть — хоть какая будь сила несметная, всю побьет! Вон видишь — лес растет; хочешь, пробу сделаю?

Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит:

— Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!

Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился.

Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб, сел на коня и вздумал к королю вернуться. А под стольный город того короля подошел сильный неприятель; казак увидел рать-силу несметную, махнул на нее мечом:

— Меч-саморуб! Сослужи-ка службу: поруби войско вражее.

Полетели головы... И часу не прошло, как вражьей силы не стало.

Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королевну.

Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мед пил, по усам текло, во рту не было.

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА



В некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии, прослужил двадцать пять лет верою и правдою; за его верную службу приказал король отпустить его в чистую отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и со всею сбруею.

Простился солдат с своими товарищами и поехал на родину; день едет, и другой, и третий... вот и вся неделя прошла, и другая, и третья — не хватает у солдата денег, нечем кормить ни себя, ни лошадь, а до дому далеко-далеко! Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется; стал по сторонам глазеть и увидел в стороне большой замок. «Ну-ка, — думает, — не заехать ли туда; авось хоть на время в службу возьмут — что-нибудь да заработаю».

Поворотил к замку, въехал на двор, лошадь на конюшню поставил и задал ей корму, а сам в палаты пошел. В палатах стол накрыт, на столе еда, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. «Теперь, — думает, — и соснуть можно!»

Вдруг входит медведица:

— Не бойся меня, добрый молодец, ты на добро сюда попал: я не лютая медведица, а красная девица — заколдованная королевна. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство рушится — я сделаюсь по-прежнему королевною и выйду за тебя замуж.

Солдат согласился; медведица ушла, и остался он один. Тут напала на него такая тоска, что на

Свет бы не смотрел, а чем дальше — тем сильнее.

На третьи сутки до того дошло, что решился солдат бросить все и бежать из замка; только как ни бился, как ни старался — не нашел выхода. Нечего делать, поневоле пришлось оставаться.

Переночевал и третью ночь; поутру является к нему королева красоты неописанной, благодарит его за услугу и велит к венцу снаряжаться. Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чем не тужить.

Через сколько-то времени вздумал солдат об своей родной стороне, захотел туда побывать; королева стала его отговаривать:

— Оставайся, друг, не езд; чего тебе здесь не хватает?

Нет, не могла отговорить. Прощается она с мужем, дает ему мешочек — сполна семечком насыпан — и говорит:

— По какой дороге поедешь, по обеим сторонам кидай это семя: где оно упадет, там в ту же минуту деревья повырастут; на деревьях станут дорогие плоды красоваться, разные птицы песни петь, а заморские коты сказки сказывать.

Сел добрый молодец на своего заслуженного коня и поехал в дорогу; где ни едет, по обеим сторонам семя бросает, и следом за ним леса подымаются, так и ползут из сырой земли!

Едет день, другой, третий и увидал: в чистом поле караван стоит, на травке, на муравке купцы сидят, в карты поигрывают, а возле них котел висит; хоть огня и нет под котлом, а варево ключом кипит.

«Экое диво! — подумал солдат. — Огня не видеть, а варево в котле так и бьет ключом; дай поближе взгляну». Своротил коня в сторону, подъезжает к купцам:



— Здравствуйте, господа честные!

А того и невдомек, что это не купцы, а все черти.

— Хороша ваша штука: котел без огня кипит! Да у меня лучше есть.

Вынул из мешка одно зернышко и бросил на-земь — в ту ж минуту выросло вековое дерево, на том дереве дорогие плоды красуются, разные птицы песни поют, заморские коты сказки сказывают.

Тотчас узнали его черти.

— Ах,— говорят меж собой,— да ведь это тот самый, что королевну избавил. Давайте-ка, братцы, опоим его за то зельем, и пусть он полгода спит.

Принялись его угощать и опоили волшебным зельем. Солдат упал на траву и заснул крепким, беспробудным сном, а купцы, караван и котел вмиг исчезли.

Вскоре после того вышла королевна в сад погулять; смотрит — на всех деревьях стали верхушки сохнуть. «Не к добру! — думает.— Видно, с мужем что худое приключилось! Три месяца прошло, пора бы ему и назад вернуться, а его нет как нету!»

Собралась королевна и поехала его разыскивать. Едет по той дороге, по какой и солдат путь держал, по обеим сторонам леса растут, и птицы поют, и заморские коты сказки мурлыкают.

Доезжает до того места, что деревьев не стало больше — извивается дорога по чистому полю, и думает: «Куда ж он девался? Не сквозь землю же провалился!» Глядь — стоит в сторонке такое же чудное дерево и лежит под ним ее милый друг.

Подбежала к нему и ну толкать-будить — нет, не просыпается; принялась щипать его, колоть под бока булавками, колола, колола — он и боли не чувствует, точно мертвый лежит, не ворохнется. Рассердилась королевна и с сердцов проклятье промолвила:



— Чтоб тебя, соню негодного, буйным ветром подхватило, в безвестные страны занесло!

Только успела вымолвить, как вдруг засвистали-зашумели ветры, и в один миг подхватило солдата буйным вихрем и унесло из глаз королевны.

Поздно одумалась королевна, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинехонька.

А бедного солдата занесло вихрем далеко-далеко, за тридевять земель, в тридешатое государство, и бросило на косе промеж двух морей; упал он на самый узенький клинышек: направо ли сонный оборотится, налево ли повернется — тотчас в море свалится, и поминай как звали!

Полгода проспал добрый молодец, ни пальцем не шевельнул; а как проснулся, сразу вскочил прямо на ноги, смотрит — с обеих сторон волны подымаются, и конца не видать морю широкому; стоит да в раздумье сам себя спрашивает: «Каким чудом я сюда попал? Кто меня затащил?»

Пошел по косе и вышел на остров; на том острове — гора высокая да крутая, верхушкою до облаков хватает, а на горе лежит большой камень. Подходит к этой горе и видит — три черта дерутся, ключья так и летят.

— Стойте, окаянные! За что вы деретесь?

— Да, вишь, третьего дня помер у нас отец, и остались после него три чюдные вещи: ковер-самолет, сапоги-скороходы да шапка-невидимка, так мы поделить не можем.

— Эх вы! Из таких пустяков бой затеяли. Хотите, я вас разделю? Все будете довольны, никого не обижу.

— А ну, земляк, раздели, пожалуйста!

— Ладно! Бегите скорей по сосновым ле-

сам, наберите смолы по сту пудов и несите сюда.

Черти бросились по сосновым лесам, набрали смолы триста пудов и принесли к солдату.

— Теперь притащите из пекла самый большой котел.

Черти приволокли большущий котел — бочек сорок войдет! — и поклади в него всю смолу.

Солдат развел огонь и, как только смола растаяла, приказал чертям тащить котел на гору и поливать ее сверху донизу. Черти мигом и это исполнили.

— Ну-ка,— говорит солдат,— пихните теперь вон тот камень; пусть он с горы катится, а вы трое за ним вдогонку приударьте. Кто прежде всех догонит, тот выбирай себе любую из трех диковинок; кто второй догонит, тот из двух остальных бери, какая покажется; а затем последняя диковинка пусть достанется третьему.

Черти пихнули камень, и покатился он с горы шибко-шибко; бросились все трое вдогонку. Вот один черт нагнал, ухватился за камень — камень тотчас повернулся, подворотил его под себя и вогнал в смолу. Нагнал другой черт, а потом и третий, и с ними то же самое! Прилипли крепко-накрепко к смоле.

Солдат взял под мышку сапоги-скороходы да шапку-невидимку, сел на ковер-самолет и полетел искать свое царство.

Долго ли, коротко ли — прилетает к избушке; входит — в избушке сидит баба-яга — костяная нога, старая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Скажи, как бы мне отыскать мою прекрасную королеву?

— Не знаю, голубчик! Видом ее не видала, слыхом про нее не слыхала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет

Моя средняя сестра, она знает больше моего; может, она тебе скажет.

Солдат сел на ковер-самолет и полетел; долго пришлось ему по белу свету странствовать. Захочется ли ему есть-пить, сейчас наденет на себя шапку-невидимку, спустится в какой-нибудь город, зайдет в лавки, наберет — чего только душа пожелает, на ковер — и летит дальше.

Прилетает к другой избушке, входит — там сидит баба-яга — костяная нога, старая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Не знаешь ли, где найти мне прекрасную королеву?

— Нет, голубчик, не знаю. Поезжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя старшая сестра; может, она ведает.

— Эх ты, старая! Сколько лет на свете живешь, все зубы повывалились, а доброго ничего не знаешь.

Сел на ковер-самолет и полетел к старшей сестре.

Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец прилетел на край света; стоит избушка, а дальше никакого ходу нет — одна тьма кромешная, ничего не видать! «Ну,— думает,— коли здесь не добьюсь толку, больше лететь некуда!»

Входит в избушку — там сидит баба-яга — костяная нога, седая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Скажи, где мне искать мою королеву?

— Подожди немножко; вот я созову всех своих ветров и у них спрошу. Ведь они по всему свету дуют, так должны знать, где она теперь проживает.

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, свистнула молодецким посвистом; вдруг со



всех сторон поднялись-повеяли ветры буйные, только изба трясется!

— Тише, тише! — кричит баба-яга.

И как только собрались ветры, начала их спрашивать:

— Ветры мои буйные, по всему свету вы дуете, не видали ль где прекрасную королеву?

— Нет, нигде не видали! — отвечают ветры в один голос.

— Да все ли вы налицо?

— Все, только южного ветра нет.

Немного погодя прилетает южный ветер. Спрашивает его старуха:

— Где ты пропадал до сих пор? Еле дождалась тебя!

— Виноват, бабушка! Я зашел в новое царство, где живет прекрасная королева; муж у ней без вести пропал, так теперь сватают ее разные цари и царевичи, короли и королевичи.

— А сколь далеко до нового царства?

— Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нести; а я повею — в три часа доставлю.

Солдат начал просить, чтобы южный ветер взял его и донес в новое царство.

— Пожалуй, — говорит южный ветер, — я тебя донесу, коли дашь мне волю погулять в твоём царстве три дня и три ночи.

— Гуляй хоть три недели!

— Ну хорошо; вот я отдохну денька два-три, соберусь с силами, да тогда и в путь.

Отдохнул южный ветер, собрался с силами и говорит солдату:

— Ну, брат, собирайся, сейчас отправимся, да смотри не бойся, цел будешь!

Вдруг зашумел-засвистал сильный вихорь, подхватило солдата на воздух и понесло через горы



и моря под самыми облаками, и ровно через три часа был он в новом царстве, где жила его прекрасная королева.

Говорит ему южный ветер:

— Прощай, добрый молодец! Жалеючи тебя, не хочу гулять в твоём царстве.

— Что так?

— Потому, если я загуляю, ни одного дома в городе, ни одного дерева в садах не останется: все вверх дном поставлю!

— Ну прощай! Спасибо тебе! — сказал солдат, надел шапку-невидимку и пошел в белокаменные палаты.

Вот пока его не было в царстве, в саду все деревья стояли с сухими верхушками, а как он явился, тотчас ожили и начали цвести.

Входит он в большую комнату, а там сидят за столом разные цари и царевичи, короли и королевичи, что приехали за прекрасную королеву свататься, сидят да сладкими медами угощаются. Какой жених ни нальет стакан, только к губам поднесет — солдат тотчас хватъ кулаком по стакану и сразу вышибет. Все гости тому удивляются, а прекрасная королева в ту ж минуту догадалась. «Верно, — думает, — мой друг воротился!»

Посмотрела в окно — в саду на деревьях все верхушки ожили, и стала она своим гостям загадку загадывать:

— Была у меня золотая нитка с золотой иглой; я ту иглу потеряла и найти не чаяла, а теперь та игла нашлась. Кто отгадает эту загадку, за того замуж пойду.

Цари и царевичи, короли и королевичи долго над тою загадкою ломали свои мудрые головы, а разгадать никак не могли. Говорит королева:

— Покажись, мой милый друг!

Солдат снял с себя шапку-невидимку, взял ее за белые руки и стал целовать в уста сахарные.

— Вот вам и разгадка! — сказала прекрасная королева. — Золотая нитка — это я, а золотая иголка — это мой верный муж. Куда иголочка — туда и ниточка.

Пришлось женихам оглобли поворачивать, разъехались они по своим дворам, а королева стала с своим мужем жить-поживать да добра наживать.



ВЕЩИЙ СОН



ил-был купец, у него было два сына: Дмитрий да Иван. Раз вечером сказал им отец:

— Ну, дети, кому что во сне привидится, поутру мне поведайте; а кто утаит свой сон, того казнить велю.

Вот наутро приходит старший сын и рассказывает отцу:

— Снилось мне, батюшка, будто брат Иван высоко летал по поднебесью на двенадцати орлах; да еще будто пропала у тебя любимая овца.

— А тебе, Ваня, что привиделось?

— Не скажу! — отвечал Иван.

Сколько отец ни принуждал его, он уперся и на все увещания одно твердил: «Не скажу!» да «Не скажу!» Купец рассердился, позвал своих приказчиков и велел взять непослушного сына и привязать к столбу на большой дороге.



Приказчики схватили Ивана и, как сказано, привязали его к столбу крепко-накрепко. Плохо пришлось доброму молодцу: солнце печет его, голод и жажда измучили.

Случилось ехать по той дороге молодому царевичу; увидел он купеческого сына, сжалился и велел освободить его, нарядил в свою одежду, привез к себе во дворец и начал расспрашивать:

— Кто тебя к столбу привязал?

— Родной отец прогневался.

— Чем же ты провинился?

— Не хотел рассказать ему, что мне во сне привиделось.

— Ах, как же глуп твой отец, за такую безделицу да так жестоко наказывать... А что тебе снилось?

— Не скажу, царевич!

— Как не скажешь? Я тебя от смерти избавил, а ты мне грубить хочешь? Говори сейчас, не то худо будет!

— Отцу не сказал и тебе не скажу!

Царевич приказал посадить его в темницу; тотчас прибежали солдаты и отвели его в каменный мешок.

Прошел год, вздумал царевич жениться, собрался и поехал в чужедальнее государство свататься к Елене Прекрасной. У того царевича была родная сестра, и вскоре после его отъезда случилось ей гулять возле самой темницы.

Увидал ее в окошечко Иван — купеческий сын и закричал громким голосом:

— Смилуйся, царевна, выпусти меня на волю! Может, и я пригожуся. Ведь я знаю, что царевич поехал к Елене Прекрасной свататься; только без меня ему не жениться, а разве головой поплатиться. Чай, сама слышала, какая хитрая Елена Пре-

красная и сколько женихов на тот свет спроводила.

— А ты берешься помочь царевичу?

— Помог бы, да крылья у сокола связаны.

Царевна тотчас же отдала приказ выпустить его из темницы.

Иван — купеческий сын набрал себе товарищей, и было всех их и с Иваном двенадцать человек, а похожи друг на дружку словно братья родные — рост в рост, голос в голос, волос в волос. Нарядились они в одинаковые кафтаны, по одной мерке шитые, сели на добрых коней и поехали в путь-дорогу.

Ехали день, и два, и три; на четвертый подъезжают к дремучему лесу, и послышался им страшный крик.

— Стойте, братцы! — говорит Иван. — Подождите немножко, я на тот шум пойду.

Соскочил с коня и побежал в лес; смотрит — на поляне три старика ругаются.

— Здравствуйте, старые! Из-за чего у вас спор?

— Эх, молодой юноша! Получили мы от отца в наследство три диковинки: шапку-невидимку, ковер-самолет и сапоги-скороходы; да вот уже семьдесят лет как спорим, а поделиться никак не можем.


— Хотите, я вас разделю?

— Сделай милость!

Иван — купеческий сын натянул свой тугой лук, наложил три стрелочки и пустил в разные стороны; одному старику велит направо бежать, другому — налево, а третьего посылает прямо:

— Кто из вас первый принесет стрелу, тому шапка-невидимка достанется; кто второй явится, тот ковер-самолет получит; а последний пусть возьмет сапоги-скороходы.

Старики побежали за стрелками, а Иван — ку-

печеский сын забрал все диковинки и вернулся к своим товарищам.

— Братцы,— говорит,— пускайте своих добрых коней на волю да садитесь ко мне на ковер-самолет.

Живо уселись все на ковер-самолет и полетели в царство Елены Прекрасной.

Прилетели к ее стольному городу, опустились у заставы и пошли разыскивать царевича. Приходят на его двор.

— Что вам надобно? — спросил царевич.

— Возьми нас, добрых молодцев, к себе на службу; будем тебе радеть и добра желать от чистого сердца.

Царевич принял их на свою службу и распределил: кого в повара, кого в конюхи, кого куда.

В тот же день нарядился царевич по-праздничному и поехал представляться Елене Прекрасной. Она его встретила ласково, угостила всякими яствами и дорогими напитками и потом стала спрашивать:

— А скажи, царевич, по правде, зачем к нам пожаловал?

— Да хочу, Елена Прекрасная, к тебе посвататься; пойдешь ли за меня замуж?

— Пожалуй, я согласна; только выполни наперед три задачи. Если выполнишь — буду твоя, а нет — готовь свою голову под острый топор.

— Задавай задачу!

— Будет у меня завтра, а что — не скажу; ухитрись-ка, царевич, да принеси к моему незнаемому свое под пару.

Воротился царевич на свою квартиру в большой кручине и печали. Спрашивает его Иван — купеческий сын:

— Что, царевич, невесел? Али чем досадила

Елена Прекрасная? Поделись своим горем со мною, тебе легче будет.

— Так и так, — отвечает царевич, — задала мне Елена Прекрасная такую задачу, что ни один мудрец в свете не разгадает.

— Ну, это еще небольшая беда! Ложись спать; утро вечера мудренее, завтра дело рассудим.

Царевич лег спать, а Иван — купеческий сын надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы — и марш во дворец к Елене Прекрасной; вошел прямо в почивальню и слушает. Тем временем Елена Прекрасная отдавала такой приказ своей любимой служанке:

— Возьми эту дорогую материю и отнеси к башмачнику; пусть сделает башмачок на мою ногу, да как можно скорее.

Служанка побежала куда приказано, а следом за ней и Иван пошел.

Мастер тотчас же за работу принялся, живо сделал башмачок и поставил на окошко; Иван — купеческий сын взял тот башмачок и спрятал потихоньку в карман.

Засуетился бедный башмачник — из-под носу пропала работа; уж он искал, искал, все уголки обшарил — все понапрасну! «Вот чудо! — думает. — Никак, нечистый со мной пошутил!» Нечего делать, взялся опять за иглу, сработал другой башмачок и понес к Елене Прекрасной.

— Экий ты мешкотный! — сказала Елена Прекрасная. — Сколько времени за одним башмаком провозился!

Села она за рабочий столик, начала вышивать башмак золотом, крупным жемчугом унизывать, самоцветными камнями усаживать.

А Иван тут же очутился, вынул свой башмачок и сам то же делает: какой она возьмет камушек,

Такой и он выбирает; где она приткнет жемчужину, там и он насаживает.

Кончила работу Елена Прекрасная, улыбнулась и говорит:

— С чем-то царевич завтра покажется!

«Подожди,— думает Иван,— еще неизвестно, кто кого перехитрит!»

Воротился домой и лег спать; на заре на утренней встал он, оделся и пошел будить царевича; разбудил и дает ему башмачок.

— Поезжай,— говорит,— к Елене Прекрасной и покажи башмачок — это ее первая задача!

Царевич умылся, принарядился и поскакал к невесте; а у ней гостей собрано полны комнаты — всё бояре да вельможи, люди думные. Как приехал царевич, тотчас заиграла музыка, гости с мест повскакивали, солдаты на караул сделали.

Елена Прекрасная вынесла башмачок, крупным жемчугом унизанный, самоцветными камнями усаженный; а сама глядит на царевича, усмехается. Говорит ей царевич:

— Хорош башмак, да без пары ни на что не пригоден! Видно, надо подарить тебе другой такой же!

С этим словом вынул он из кармана другой башмачок и положил его на стол. Тут все гости в ладоши захлопали, в один голос закричали:

— Ай да царевич! Достоин жениться на нашей государыне, на Елене Прекрасной.

— А вот увидим! — отвечала Елена Прекрасная. — Пусть исполнит другую задачу.

Вечером поздно воротился царевич домой еще пасмурней прежнего.

— Полно, царевич, печалиться! — сказал ему Иван — купеческий сын. — Ложись спать, утро вечера мудренее.







Уложил его в постель, а сам надел сапоги-скороходы да шапку-невидимку и побежал во дворец к Елене Прекрасной. Она в то самое время отдавала приказ своей любимой служанке:

— Сходи поскорей на птичий двор да принеси мне уточку.

Служанка побежала на птичий двор, а Иван за нею; служанка ухватила уточку, а Иван — селезня и тем же путем назад пришел.

Елена Прекрасная села за рабочий столик, взяла утку, убрала ей крылья лентами, хохолок бриллиантами; Иван — купеческий сын смотрит да то же творит над селезнем.

На другой день у Елены Прекрасной опять гости, опять музыка; выпустила она свою уточку и спрашивает царевича:

— Угадал ли мою задачу?

— Угадал, Елена Прекрасная! Вот к твоей уточке пара,— и пускает тотчас селезня...

Тут все бояре в один голос крикнули:

— Ай да молодец царевич! Достоин взять за себя Елену Прекрасную!

— Пойдите, пусть исполнит наперед третью задачу.

Вечером воротился царевич домой такой пасмурный, что и говорить не хочет.

— Не тужи, царевич, ложись лучше спать: утро вечера мудренее,— сказал Иван — купеческий сын.

Сам поскорей надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и побежал к Елене Прекрасной. А она собралась на синее море ехать, села в коляску и во всю прыть понеслася; только Иван — купеческий сын ни на шаг не отстает.

Приехала Елена Прекрасная к морю и стала вызывать своего дедушку. Волны заколыхались, и поднялся из воды старый дед — борода у него

Золотая, на голове волосы серебряные. Вышел он на берег:

— Здравствуй, внучка! Давненько я с тобою не виделся: все волосы перепутались — причеши.

Лег к ней на колени и задремал сладким сном. Елена Прекрасная чешет деда, а Иван — купеческий сын у ней за плечами стоит.

Видит она, что старик заснул, и вырвала у него три серебряных волоса; а Иван — купеческий сын не три волоса — целый пучок выхватил. Дед проснулся и закричал:

— Что ты! Ведь больно!

— Прости, дедушка! Давно тебя не чесала, все волоса перепутались.

Дед успокоился и немного погодя опять заснул. Елена Прекрасная вырвала у него три золотых волоса; а Иван — купеческий сын схватил его за бороду и чуть не всю оторвал.

Страшно вскрикнул дед, вскочил на ноги и бросился в море.

«Теперь царевич попался! — думает Елена Прекрасная. — Таких волос ему не добыть».

На следующий день собрались к ней гости; приехал и царевич. Елена Прекрасная показывает ему три волоса серебряные да три золотые и спрашивает:

— Видал ли ты где этакое диво?

— Нашла чем хвастаться! Хочешь, я тебе целый пучок подарю?

Вынул и подал ей клочок золотых волос да клочок серебряных.

Рассердилась Елена Прекрасная, побежала в свою почивальню и стала смотреть в волшебную книгу: сам ли царевич угадывает или кто ему помогает? И видит по книге, что не он хитер, а хитер его слуга, Иван — купеческий сын.

Воротилась к гостям и пристала к царевичу:

— Пришли ко мне своего любимого слугу.

— У меня их двенадцать.

— Пришли того, что Иваном зовут.

— Да их всех зовут Иванами!

— Хорошо,— говорит,— пусть все приедут! —

А в уме держит: «Я и без тебя найду виноватого!»

Отдал царевич приказание — и вскоре явились во дворец двенадцать добрых молодцев, его верных слуг; все на одно лицо, рост в рост, голос в голос, волос в волос.

— Кто из вас большой? — спросила Елена Прекрасная.

Они разом все закричали:

— Я большой! Я большой!

«Ну,— думает она,— тут спроста ничего не узнаешь!» — и велела подать одиннадцать простых чарок, а двенадцатую золотую, из которой навсегда сама пила; налила те чарки и стала добрых молодцев потчевать.

Никто из них не берет простой чарки, все к золотой потянулись и давай ее вырывать друг у друга; только шуму наделали да вино расплескали!

Видит Елена Прекрасная, что шутка ее не удалась; велела этих молодцев накормить-напоить и спать во дворце положить.

Вот ночью, как уснули все крепким сном, она пришла к ним с своею волшебною книгою, глянула в ту книгу и тотчас узнала виновного; взяла ножницы и остригла у него висок.

«По этому знаку я его завтра узнаю и велю казнить».

Поутру проснулся Иван — купеческий сын, взялся рукою за голову — а висок-то острижен; вскочил он с постели и давай будить товарищей:



— Полно спать, беда близко! Берите-ка ножницы да стригите виски.

Через час времени позвала их к себе Елена Прекрасная и стала отыскивать виноватого... Что за чудо? На кого ни взглянет — у всех виски острижены. С досады ухватила она свою волшебную книгу и забросила в печь.

После того нельзя было ей отговариваться, надо было выходить замуж за царевича. Свадьба была веселая; три дня народ веселился.

Как покончились пиры, царевич собрался с молодою женой ехать в свое государство, а двенадцать добрых молодцев вперед отпустил.

Вышли они за город, разостлали ковер-самолет, сели и поднялись выше облака ходячего; летели, летели и опустились как раз у того дремучего леса, где своих добрых коней покинули.

Только успели сойти с ковра, глядь — бежит к ним старик со стрелкою. Иван — купеческий сын отдал ему шапку-невидимку. Вслед за тем прибежал другой старик и получил ковер-самолет, а там и третий — этому достались сапоги-скороходы.

Говорит Иван своим товарищам:

— Седлайте, братцы, лошадей, пора в путь отправляться.

Они тотчас изловили лошадей, оседлали их и поехали в свое отечество.

Приехали и прямо к царевне явились; та им сильно обрадовалась, расспросила о своем родном братце; как он женился и скоро ль домой будет?

— Чем же вас, — спрашивает, — за такую службу наградить?

Отвечает Иван — купеческий сын:

— Посади меня в темницу, на старое место. Как его царевна ни уговаривала, он таки на-

стоял на своем; взяли его солдаты и отвели в темницу.

Через месяц приехал царевич с молодой супругою; встреча была торжественная: музыка играла, в пушки палили, в колокола звонили, народу собралось столько, что хоть по головам ступай!

Пришли бояре и всякие чины представляться царевичу; он осмотрелся кругом и стал спрашивать:

— Где же Иван, мой верный слуга?

— Он,— говорят,— в темнице сидит.

— Как в темнице? Кто смел посадить?

Говорит ему царевна:

— Ты же сам, братец, на него опалился и велел держать в крепком заточении. Помнишь, ты его про какой-то сон расспрашивал, а он сказать не хотел?

— Неужли ж это он?

— Он самый; я его на время к тебе отпускала.

Царевич приказал привести Ивана — купеческого сына, бросился к нему на шею и просил не попомнить старого зла.

— А знаешь, царевич,— говорит ему Иван,— все, что с тобою случилось, мне было наперед ведомо, все это я во сне видел; оттого тебе и про сон не сказывал.

Царевич наградил его генеральским чином, наделил богатыми именьями и оставил во дворце жить.

Иван — купеческий сын выписал к себе отца и старшего брата, и стали они все вместе жить-поживать, добра наживать.



ПТИЧИЙ ЯЗЫК



В одном городе жил купец с купчихою, и родился у них сын не по годам смышленный, назвали его Василием.

Раз как-то обедали они втроем; а над столом висел в клетке соловей и так жалобно пел, что купец не вытерпел и проговорил:

— Если б сыскался такой человек, который отгадал бы мне, что соловей распевает и какую судьбу предвещает,— кажись, при жизни бы отдал ему половину имения, да и по смерти отказал много добра.

А мальчик — ему было лет шесть тогда — посмотрел отцу с матерью в глаза и сказал:

— Я знаю, что соловей поет, да сказать боюсь.

— Говори без утайки! — пристали к нему отец с матерью.

И Вася со слезами вымолвил:

— Соловей предвещает, что придет пора-время, будете вы мне служить: отец станет воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать.

Слова эти больно огорчили купца с купчихою, и решились они сбыть свое детище; построили небольшую лодочку, в темную ночь положили в нее сонного мальчика и пустили в открытое море.

На ту пору вылетел из клетки соловей-вещун, прилетел в лодку и сел мальчику на плечо.

Вот плывет лодка по морю, а навстречу ей корабль на всех парусах летит. Увидал корабельщик мальчика, жалко ему стало, взял его к себе,



расспросил про все и обещал держать и любить его, как родного сына.

На другой день говорит мальчик новому отцу:

— Соловей напевает, что подыметя буря, поломает мачты, прорвет паруса; надо поворотить в становище.

Но корабельщик не послушался.

И впрямь поднялась буря, поломала мачты, обрвала паруса.

Делать нечего, прошлого не воротишь; поставили новые мачты, поправили паруса и поплыли дальше. А Вася опять говорит:

— Соловей напевает, что навстречу идут двенадцать кораблей, все разбойничьих, во полон нас возьмут!

На тот раз корабельщик послушался, приворотил к острову и видел, как те двенадцать кораблей, все разбойничьих, пробежали мимо. Выждал корабельщик сколько надобно и поплыл дальше.

Ни мало, ни много прошло времени, пристал корабль к городу Хвалынску; а у короля тех мест уже несколько годов перед дворцовыми окнами летают и кричат ворон с ворониhoю и вороненком, ни днем, ни ночью никому угомону не дают.

Что ни делали, никакими хитростями не могут их от окошек отжить. И приказано было от короля прибить на всех перекрестках и пристанях такову грамоту: ежели кто сможет отжить от дворцовых окошек ворона с ворониhoю, тому король отдаст в награду полцарства своего и меньшую королевну в жены; а кто возьмется за такое дело, а дела не сделает, тому отрублена будет голова.

Много было охотников породниться с королем, да все головы свои под топор положили.

Узнал про то Вася, стал проситься у корабельщика:



— Позволь пойти к королю — отогнать ворона с ворониhoю.

Сколько ни уговаривал его корабельщик, никак не мог удержать.

— Ну, ступай,— говорит,— да если что недоброе случится, на себя пеняй!

Пришел Вася во дворец, сказал королю и велел открыть то самое окно, возле которого воронье летало.

Послушал птичьего крику и говорит королю:

— Ваше величество, сами видите, что летают здесь трое: ворон, жена его ворониha и сын их вороненок; ворон с ворониhoю спорят, кому принадлежит сын — отцу или матери, и просят рассудить их. Ваше величество! Скажите, кому принадлежит сын?

Король говорит:

— Отцу.

Только сказал король это слово, ворон с вороненком полетели вправо, а ворониha — влево.

После того король взял мальчика к себе, и жил он при нем в большой милости и чести; вырос и стал молодец молодцом, женился на королевне и взял в приданое полцарства.

Вздумалось ему как-то поездить по разным местам, по чужим землям, людей посмотреть и себя показать; собрался и поехал странствовать.

В одном городе остановился он ночевать; переночевал, встал поутру и велит, чтоб подали ему умываться.

Хозяин принес ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился с ними королевич и узнал, что то были отец его и мать, заплакал от радости и упал к их ногам родительским; а после взял их с собою в город Хвалынск, и стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

ВЕЩИЙ
МАЛЬЧИК



или-были мужик да баба, и стало им по ночам чудиться, будто под печкою огонь горит и кто-то стонет: «Ой, душно! Ой, душно!»

Мужик рассказал про то соседям, а соседи присоветовали ему сходить в ближний город: там-де живет купец Асон, мастер разгадывать всякий сон.

Вот мужик собрался и пошел в город; шел, шел и остановился на дороге переночевать у одной бедной вдовы. У вдовы был сын — мальчишка лет пяти; глянул тот мальчик на мужика и говорит:

— Старичок! Я знаю, куда ты идешь.

— А куда?

— К богатому купцу Асону. Смотри же, станет он тебе сон разгадывать и попросит половину того, что лежит под печкою, ты ему половины не давай, давай одну четверть. А коли спросит, кто тебя научил, про меня не сказывай.

На другой день поутру встал мужик и отправился дальше; приходит в город, разыскал Асонов двор и явился к хозяину.

— Что тебе надобно?

— Да вот, господин купец, чудится мне по ночам, будто в моей избушке под печкою огонь горит и кто-то жалобно стонет: «Ой, душно! Ой, душно!». Нельзя ли разгадать мой сон?

— Разгадать-то можно, только дашь ли мне половину того, что у тебя под печкою?

— Нет, половины не дам; будет с тебя и четверти.



Купец было заспорил, да видит, что мужик стоит на своем крепко, и согласился; призвал рабочих с топорами, с лопатами и поехал вместе с ними к старику в дом. Приехал и велел ломать печь; как только печь была сломана, половицы подняты, сейчас и оказалась глубокая ямища — в косую сажень будет, и вся-то набита серебром да золотом.

Старик обрадовался и принялся делить этот клад на четыре части. А купец давай его выпрашивать:

— Кто тебя научил, старичок, давать мне четверть, а не давать половины?

— Никто не учил, самому в голову пришло.

— Врешь! Не с твоим умом догадаться. Слушай: коли признаешься, кто тебя научил, так все деньги твои будут, не возьму с тебя и четвертой доли.

Мужик подумал-подумал, почесал в затылке и сказал:

— А вот как поедешь домой, увидишь на дороге избушку; в той избушке живет бедная вдова, и есть у ней сын-малолеток — он самый и научил меня.

Купец тотчас в повозку и погнал лошадей скорою рысью. Приехал к бедной вдове.

— Позволь, — говорит, — отдохнуть маленько да чайку испить.

— Милости просим!

Асон уселся на лавку, начал чай распивать, а сам все на мальчика поглядывает. На ту пору прибежал в избу петух, захлопал крыльями и закричал: «Кукуреку!»

— Экой голосистый какой! — сказал купец. — Хотел бы я знать, про что ты горланишь?

— Пожалуй, я тебе скажу, — промолвил мальчик. — Петух вещует, что придет время — будешь

ты в бедности, а я стану владеть твоими богатствами.



Напился купец чаю, стал собираться домой и говорит вдове:

— Отдай мне своего сынишку; будет он жить у меня на всем готовом, в довольстве, в счастии и не узнает, что такое бедность. Да и тебе лучше — лишняя обуза с рук долой!

Мать подумала, что и в самом деле у купцов жизнь привольнее, благословила сына и отдала его Асону с рук на руки. Асон привез мальчика в свой дом и велел идти на кухню; потом позвал повара и отдал ему такой приказ: убей этого мальчика.

Повар воротился на кухню, взял нож и принялся на бруске точить. Мальчик залился слезами:

— Дядюшка! Для чего ты нож точишь?

— Хочу барашка колоть.

— Неправда твоя! Ты хочешь меня резать.

У повара и нож из рук вывалился, жалко ему стало загубить душу человеческую.

— Рад бы,— говорит,— отпустить тебя, да боюсь хозяина.

— Не бойся!

Повар так и сделал — мальчика у себя спрятал.

Месяца через два, через три приснился тамошнему королю такой сон: будто есть у него во дворце три золотые блюда, прибежали псы и начали из тех блюд лакать. Задумался король: что бы такое тот сон значил? Кого ни спрашивал, никто ему не мог рассудить.

Вот вздумал он послать за Асоном; рассказал ему свой сон и велел разгадывать, а сроку положил три дня.

— Если в тот срок не отгадаешь, то все твоё имение на себя возьму.

Воротился Асон от короля сам не свой; ходит



пасмурный да сердитый, кого ни встретит — всякому затрещину дает; а пуще всех на повара напустился: зачем-де мальчишку со свету сжил? Он бы теперь пригодился мне. На те речи повар возьми да и признайся, что мальчик-то живехонек. Асон тотчас потребовал его к себе.

— А ну,— говорит,— отгадай мой сон; снилось мне нынешней ночью, будто есть у меня три золотые блюда и будто из тех блюд псы лакали.

Отвечает ему мальчик:

— Это не тебе снилось, это снилось государю.

— Угадал, молодец! А что значит этот сон?

— Знать-то я знаю, да тебе не скажу; вези меня к королю, перед ним ничего не скрою.

Асон приказал заложить коляску, мальчика на запятки поставил и поехал во дворец; подкатил к высокому крыльцу, вошел в белокаменные палаты и отдал королю поклон.

— Здравствуй, Асон! Отгадал ли мой сон? — спрашивает король.

— Эх, государь! Твой сон не больно мудрен; не то что я, его малый ребенок рассудить может. Коли хочешь, позови моего мальчика, он тебе все как по-писаному расскажет.

Король приказал привести мальчика и, как только привели его во дворец, начал про свой сон выпрашивать. Отвечал мальчик:

— Пусть-ка наперед Асон рассудит, а то вишь он какой! Ничего не ведая, чужим разумом жить хочет.

— Ну, Асон, говори ты прежде.

Асон упал на колени и признался, что не может отгадать королевского сна. Тогда выступил мальчик и сказал королю:

— Государь! Сон твой правдивый: есть у тебя три неверных слуги: хранитель печати, казначей

и главный вельможа, задумали они тебя власти лишить.

Так оно и было.

Как сказал пятилеток, так и случилось: король отобрал у Асона все его имение и отдал тому мальчику.



СОЛЬ



В некоем городе жил был купец, у него было три сына: первый — Федор, другой — Василий, а третий — Иван. Жил тот купец богато, на своих кораблях ходил в чужие земли и торговал всякими товарами.

В одно время нагрузил он два корабля дорогими товарами и отправил их за море с двумя старшими сыновьями. А меньшому сыну ничего не доверял по торговле.

Вот как узнал меньшей сын, что его братья за море посланы, тотчас явился к отцу и стал у него проситься в иные земли — себя показать, людей посмотреть.

Купец долго не соглашался:

— Ты и головы домой не привезешь! — но все же и ему дал корабль с самым дешевым грузом: с бревнами, тесом и досками.

Собрался Иван в путь-дорогу, отвалил от берега и скоро нагнал своих братьев.

Плывут они вместе по синему морю день, другой и третий, а на четвертый поднялись сильные ветры и забросили Иванов корабль в дальнее место, к одному неведомому острову.



— Ну, ребята,— закричал Иван корабельным работникам,— приворачивайте к берегу!

Пристали к берегу, он вылез на остров, приказал себя дожидаться, а сам пошел по тропинке; шел, шел и добрался до превеликой горы, смотрит — в той горе не песок, не камень, а чистая русская соль.

Вернулся назад к берегу, приказал работникам все бревна и доски в воду покидать, а корабль нагрузить солью.

Как скоро это сделано было, отвалил Иван от острова и поплыл дальше. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — приплыл корабль к большому богатому городу, остановился у пристани и якорь бросил.

Иван — купеческий сын сошел в город и отправился к тамошнему царю бить челом, чтобы позволил ему торговать по вольной цене; а для показу понес узелок своего товару — русской соли.

Тотчас доложили про его приход государю; царь его позвал и спрашивает:

— Говори, в чем дело — какая нужда?

— Так и этак, ваше величество! Позволь мне торговать в твоём городе по вольной цене.

— А каким товаром торги ведешь?

— Русской солью, ваше величество!

А царь про соль и не слыхивал: во всем его царстве без соли ели. Удивился он: что такой за новый, небывалый товар?

— А ну,— говорит,— покажь!

Иван — купеческий сын развернул платок; царь взглянул и подумал про себя: «Да это просто-напросто белый песок!» И говорит Ивану с усмешкою:

— Ну, брат, этого добра у нас и без денег дают!

Вышел Иван из царских палат весьма печален, и вздумалось ему: «Дай пойду в царскую кухню да

посмотрю, как там повара кушанья готовят — какую они соль кладут?»

Пришел на кухню, попросился отдохнуть маленько, сел на стул и приглядывается. Повара то и дело взад-вперед бегают: кто варит, кто жарит, кто льет, а кто на сковороде яйца бьет.

Видит Иван — купеческий сын, что повара и не думают солить кушанья; улучил минутку, как они все из кухни повыбрались, взял да и всыпал соли, сколько надобно, во все ествы и приправы.

Наступило время обед подавать; принесли первое кушанье. Царь отведал, и оно ему так вкусно показалось, как никогда прежде; подали другое кушанье — это еще больше понравилось.

Призвал царь поваров и говорит им:

— Сколько лет я царствую, а никогда так вкусно вы не готовили. Как вы это сделали?

Отвечают повара:

— Ваше величество! Мы готовили по-старому, ничего нового не прибавляли; а сидит на кухне тот купец, что приходил вольного торгу просить, уж не он ли подложил чего?

— Позвать его сюда!

Привели Ивана — купеческого сына к царю.

— Виноват, царь-государь! Я русскою солью все ествы и приправы сдобрил; так в нашей стороне водится.

— А почему соль продаешь?

Иван смекнул, что дело на лад идет, и отвечал:

— Да не очень дорого: за две меры соли — мера серебра да мера золота.

Царь согласился на эту цену и купил у него весь товар.

Иван насыпал полон корабль серебром да золотом и стал дожидаться попутного ветра; а у того царя была дочь — прекрасная царевна, захотелось

Ей посмотреть на русский корабль, и просится она у своего родителя на корабельную пристань. Царь отпустил ее.

Вот она взяла с собой нянюшек, мамушек и красных девушек и поехала русский корабль смотреть. Иван — купеческий сын стал ей показывать, как и что называется: где паруса, где снасти, где нос, где корма, и завел ее в каюту; а работникам приказал — живо якоря отсечь, паруса поднять и в море выходить. И как было им большое поветрие, то они скоро ушли от того города на далекое расстояние.

Царевна вышла на палубу, глянула — кругом море. Иван — купеческий сын начал ее утешать, уговаривать. Царевна скоро улыбнулась и перестала печалиться.

Долго ли, коротко ли плыл Иван с царевною по морю, нагоняют его старшие братья; узнали про его удачу и счастье и крепко позавидовали; пришли к нему на корабль, схватили его за руки и бросили в море, а после кинули промеж себя жребий, и большой брат взял царевну, а средний — корабль с серебром и золотом.

И случись на ту пору, как сбросили Ивана с корабля, плавало вблизи одно из тех бревен, которые он сам же покидал в море. Иван ухватился за то бревно и долго носился с ним по морским глубинам; наконец прибило его к неведомому острову.

Вышел он на землю и пошел по берегу. Попадаетеся ему навстречу великан с огромными усами, на усах рукавицы — вачеги — висят: после дождя сушит.

— Что тебе здесь надобно? — спрашивает великан.

Иван рассказал ему все, что случилось.

— Хочешь, я тебя домой отнесу? Завтра твой старший брат на царевне женится; садись-ка ко мне на спину.

Взял его, посадил на спину и побежал через море; тут у Ивана с головы шапка упала.

— Ах,— говорит,— ведь я шапку сронил!

— Ну, брат, далеко твоя шапка — верст с пятьсот назад осталась,— отвечал великан.

Принес он его на родину, спустил наземь и говорит:

— Смотри же, никому не хвались, что ты на мне верхом ездил; а похвалишься — худо тебе будет.

Иван — купеческий сын обещал не хвалиться, поблагодарил великана и пошел домой.

Приходит, а уж там все за свадебным столом сидят. Как увидела его прекрасная царевна, тотчас выскочила из-за стола, бросилась на шею.

— Вот,— говорит,— мой жених, а не тот, что за столом сидит!

— Что такое? — спрашивает отец.

Иван ему рассказал про все, как он солью торговал, как царевну увез и как старшие братья его в море спихнули.

Отец рассердился на больших сыновей, согнал их со двора долой, а Ивана женил на царевне.

Начался у них веселый пир; на пиру гости подпили и стали хвастаться: кто силою, кто богатством, кто молодой женой. А Иван сидел, сидел да спьяна и сам похвастался:

— Это что за похвальбы! Вот я так могу похвалиться: на великане через все море верхом проехал!

Только вымолвил — в ту же минуту является у ворот великан:



— А, Иван — купеческий сын, я тебе приказывал не хвалиться мною, а ты что сделал?

— Прости меня! — говорит Иван — купеческий сын.— То не я хвалился, то хмель хвалился.

— А ну покажи: какой-такой хмель?

Иван приказал привезть сороковую бочку вина да сороковую бочку пива; великан выпил и вино и пиво, опьянел и пошел все, что ни попалося под руку, ломать и крушить. Много недоброго натворил: сады повалил, хоромы разметал! После и сам свалился и спал без просыпу трое суток.

А как пробудился он, стали ему показывать, сколько он бед наделал; великан страх как удивился и говорит:

— Ну, Иван — купеческий сын, узнал я, каков хмель; не пей, не хвались же ты мною отныне и до веку.



ДВА
ИВАНА —
СОЛДАТСКИХ
СЫНА



В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. Пришло время — записали его в солдаты; оставляет он жену, стал с нею прощаться и говорит:

— Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смеси, домишка не разори, хозяйничай да меня жди; авось назад приду. Вот тебе пятьдесят рублей. Дочку ли, сына ли родишь — все равно сбереги деньги до возраста: станешь дочь выдавать

замуж — будет у нее приданое; а коли бог сына даст да войдет он в большие года — будет и ему в тех деньгах подспорье немалое.

Попрощался с женою и пошел в поход, куда было велено. Месяца три погодя родила жена двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами — солдатскими сыновьями.

Пошли мальчики в рост; как пшеничное тесто на опаре, так кверху и тянутся. Стукнуло ребятам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте и боярских и купеческих детей за пояс заткнули — никто лучше их не сумеет ни прочитать, ни написать, ни ответу дать.

Боярские и купеческие дети позавидовали и давай тех близнецов каждый день поколачивать да пощипывать.

Говорит один брат другому:

— Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас платьца не нашьется, шапочек не накупится; что ни наденем, всё товарищи в клочки изорвут! Давай-ка справляться с ними по-своему.

И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они — полно терпеть! — как пошли сдачу давать. Всем досталось! Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцев, и посадили в острог.

Дошло то дело до самого царя; он призвал тех мальчиков к себе, расспросил про все и велел их выпустить.

— Они, — говорит, — не виноваты: не зачинщики!

Выросли два Ивана — солдатские дети и просят у матери:

— Матушка, не осталось ли от нашего родителя

каких денег? Коли остались, дай нам: мы пойдем в город на ярмарку, купим себе по доброму коню.

Мать дала им пятьдесят рублей — по двадцати пяти на брата — и приказывает:

— Слушайте, детушки! Как пойдете в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному.

— Хорошо, родимая!

Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят — лошадей много, а выбрать не из чего; все не под стать им, добрым молодцам!

Говорит один брат другому:

— Пойдем на другой конец площади; глядь-ка, что народу там толпится — видимо-невидимо!

Пришли туда, протолкались вперед — у дубовых столбов стоят два жеребца, на железных цепях прикованы: один на шести, другой на двенадцати; рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не смеет.

— Что твоим жеребцам цена будет? — спрашивает Иван — солдатский сын у хозяина.

— Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе, нечего и спрашивать.

— Почем знать, чего не ведаешь; может, и купим, надо только в зубы посмотреть.

Хозяин усмехнулся:

— Смотри, коли головы не жаль!

Тотчас один брат подошел к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат — к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть — куда! Жеребцы поднялись на дыбы, так и храпят...

Братья ударили их коленками в грудь — цепи разлетелись, жеребцы на пять сажень отскочили, на землю попадали.

— Вот чем хвастался! Да мы этих клячей и даром не возьмем.

Народ ахает, дивуется: что за сильные богатыри появились! Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать, никто не придумает.

Сжалились над хозяином Иваны — солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом — жеребцы прибежали и стали на месте словно вкопанные; тут надели на них добрые молодцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко. Справили это дело и пошли домой.

Идут путем-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо, не поклонились, да уж после один спохватился:

— Ах, братец, что ж это мы наделали? Старичку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся.

Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят:

— Прости нас, дедушка, что прошли не поздоровались. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать.

— Спасибо, добрые молодцы! Куда ходили?

— В город на ярмарку; хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились.

— Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?

— Ах, дедушка, если подаришь, станем тебя вечно благодарить!

— Ну пойдемте!

Привел их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней:



— Вот вам и кони, добрые молодцы! Ступайте с богом, владейте на здоровье!

Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой.

Приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать спрашивать:

— Что, детушки, купили себе по лошадке?

— Купить не купили, даром получили.

— Куда же вы их дели?

— Возле избы поставили.

— Ах, детушки, смотрите — не увел бы кто!

— Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести — и подойти к ним нельзя!

Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и залилась слезами:

— Ну, сынки, верно, вы не кормильцы мне.

На другой день просятся сыновья у матери:

— Отпусти нас в город, купим себе по сабельке.

— Ступайте, родимые!

Они собрались, пошли на кузницу; приходят к мастеру.

— Сделай,— говорят,— нам по сабельке.

— Зачем делать! Есть готовые, сколько угодно берите!

— Нет, брат, нам такие сабли надобны, чтоб по триста пудов весили.

— Эх, что выдумали! Да кто ж такую махину ворочать будет? Да и горна такого во всем свете не найдешь!

Нечего делать — пошли добрые молодцы домой и головы повесили.

Идут путем-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок попадается.

— Здравствуйте, молодые юноши!

— Здравствуй, дедушка!

— Куда ходили?

— В город, на кузницу, хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтоб нам по руке пришлись.

— Плохо дело! Нешто подарить вам по сабельке?

— Ах, дедушка, коли подарить, станем тебя вечно благодарить!

Старичок привел их к большой горе, отворил чугунную дверь и вынес две богатырские сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало!

Приходят домой, мать спрашивает:

— Что, детушки, купили себе по сабельке?

— Купить не купили, даром получили.

— Куда же вы их дели?

— Возле избы поставили.

— Смотрите, как бы кто не унес!

— Нет, матушка, не то что унести, даже увезти нельзя.

Мать вышла на двор, глянула — две сабли тяжелые, богатырские к стене приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говорит:

— Ну, сынки, верно, вы не кормильцы мне.

Наутро Иваны — солдатские дети оседлали своих добрых коней, взяли свои сабли богатырские, приходят в избу, с родной матерью прощаются:

— Благослови нас, матушка, в путь-дорогу дальнюю.

— Будь над вами, детушки, мое нерушимое родительское благословение! Поезжайте с богом, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злым ворогам не уступайте.

— Не бойся, матушка! У нас такова поговорка есть: еду — не свищу, а наеду — не спущу!

Сели добрые молодцы на коней и поехали.

Близко ли, далеко, долго ли, коротко — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — при-

Езжают они на распутье, и стоят там два столба. На одном столбу написано: «Кто вправо поедет, тот царем будет»; на другом столбу написано: «Кто влево поедет, тот убит будет».

Остановились братья, прочитали надписи и призадумались: куда кому ехать? Коли обоим по правой дороге пуститься — не честь, не хвала богатырской их силе, молодецкой удали; ехать одному влево — никому помереть не хочется!

Да делать-то нечего — говорит один из братьев другому:

— Ну, братец, я посильнее тебя; давай я поеду влево да посмотрю, от чего может мне смерть приключиться? А ты поезжай направо: авось бог даст — царем сделаешься!

Стали они прощаться, дали друг дружке по платочку и положили такой завет: ехать каждому своею дорогою, по дороге столбы ставить, на тех столбах про себя писать для знатя, для ведома; всякое утро утирать лицо братниным платком: если на платке кровь окажется — значит, брату смерть приключилась; при такой беде ехать мертвого разыскивать.


Разъехались добрые молодцы в разные стороны.

Кто вправо коня пустил, тот добрался до славного царства. В этом царстве жил царь с царицею, у них была дочь царевна Настасья Прекрасная.

Увидал царь Ивана — солдатского сына, полюбил его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдал за него свою дочь в супружество, назвал его Иваном-царевичем и велел ему управлять всем царством.

Живет Иван-царевич в радости, своей женою любит, в царстве порядок ведет да звериной охотой тешится.

В некое время стал он на охоту собираться, на



коня сбрую накладывать и нашел в седле — два пузырька с целеющей и живой водою зашито; посмотрел на те пузырьки и положил опять в седло. «Надо, — думает, — поберечь до поры до времени; не ровен час — понадобятся».

А брат его Иван — солдатский сын, что левой дорогой поехал, день и ночь скакал без усталости.

Прошел месяц, и другой, и третий, и прибыл он в незнакомое государство — прямо в столичный город.

В том государстве печаль великая: дома черным сукном покрыты, люди словно сонные шатаются.

Нанял он себе самую худую квартиру у бедной старушки и начал ее выспрашивать:

— Расскажи, бабушка, отчего так в вашем государстве весь народ припечалился и все дома черным сукном завешены?

— Ах, добрый молодец! Великое горе нас обуяло: каждый день выходит из синего моря, из-за серого камня, двенадцатиглавый змей и поедает по человеку за единый раз, теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасные царевны; вот только сейчас повезли старшую на взморье — змею на съедение.

Иван — солдатский сын сел на коня и поскакал к синему морю, к серому камню; на берегу стоит прекрасная царевна — на железной цепи прикована.

Увидала она витязя и говорит ему:

— Уходи отсюда, добрый молодец! Скоро придет сюда двенадцатиглавый змей; я пропаду, да и тебе не миновать смерти: съест тебя лютый змей!

— Не бойся, красная девица, авось подавится.

Подошел к ней Иван — солдатский сын, ухватил цепь богатырской рукою и разорвал на мелкие

Части, словно гнилую бечевку; после прилег красной девице на колени.

— Я посплю, а ты на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается — тотчас разбуди меня, молодца.

Красная девица послушалась, стала на море смотреть.

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей выходит, в гору подымается.

Царевна разбудила Ивана — солдатского сына; он встал, только на коня вскочил, а уж змей летит:

— Ты, Иванушка, зачем пожаловал? Ведь здесь мое место! Прощайся теперь с белым светом да полезай поскорее сам в мою глотку — тебе ж легче будет!

— Врешь, проклятый змей! Не проглотишь — подавишься! — ответил Иван, обнажил свою острую саблю, размахнулся, ударил и срубил у змея все двенадцать голов; поднял серый камень, головы положил под камень, туловище в море бросил, а сам воротился домой к старухе, наелся-напился, лег спать и проспал трое суток.

В то время призвал царь водовоза.

— Ступай,— говорит,— на взморье, собери хоть царевнины косточки.

Водовоз приехал к синему морю, видит — царевна жива, ни в чем невредима, посадил ее на телегу и повез в густой, дремучий лес; завез в лес и давай нож точить.

— Что ты делать собираешься? — спрашивает царевна.

— Я нож точу, тебя резать хочу!

Царевна заплакала:

— Не режь меня, я тебе никакого худа не сделала.



— Скажи отцу, что я тебя от змея избавил, так помилую!

Нечего делать — согласилась. Приехала во дворец; царь обрадовался и пожаловал того водовоза полковником.

Вот как проснулся Иван — солдатский сын, позвал старуху, дает ей денег и просит:

— Поди-ка, бабушка, на рынок, купи, что надобно, да послушай, что промеж людьми говорится: нет ли чего нового?

Старуха сбегала на рынок, закупила разных припасов, послушала людских вестей, воротилась назад и рассказывает:

— Идет в народе такая молва: был-де у нашего царя большой обед, сидели за столом королевичи и посланники, бояре и люди именитые; в те поры прилетела в окно каленая стрела и упала посеред зала, к той стреле было письмо привязано от другого змея двенадцатиглавого. Пишет змей: коли не вышлешь ко мне среднюю царевну, я твое царство огнем сожгу, пеплом развею. Нынче же повезут ее, бедную, к синему морю, к серому камню.

Иван — солдатский сын сейчас оседлал своего доброго коня, сел и поскакал на взморье. Говорит ему царевна:

— Ты зачем, добрый молодец? Пушай моя очередь смерть принимать, горячую кровь проливать; а тебе за что пропадать?

— Не бойся, красная девица!

Только успел сказать, летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит.

Богатырь ударил его острой саблей и отсекал все двенадцать голов; головы положил под камень, туловище в море кинул, а сам домой вернулся, наелся-напился и опять залег спать на три дня, на три ночи.



Приехал опять водовоз, увидел, что царевна жива, посадил ее на телегу, повез в дремучий лес и принялся нож точить. Спрашивает царевна:

— Зачем ты нож точишь?

— А я нож точу, тебя резать хочу. Присягни на том, что скажешь отцу, как мне надобно, так я тебя помилую.

Царевна дала ему клятву, он привез ее во дворец; царь возрадовался и пожаловал водовоза генеральским чином.

Иван — солдатский сын пробудился от сна на четвертые сутки и велел старухе на рынок пойти да вестей послушать.

Старуха сбегала на рынок, воротилась назад и рассказывает:

— Третий змей появился, прислал к царю письмо, а в письме требует: вывози-де меньшую царевну на съедение.

Иван — солдатский сын оседлал своего доброго коня, сел и поскакал к синю морю.

На берегу стоит прекрасная царевна, на железной цепи к камню прикована. Богатырь ухватил цепь, тряхнул и разорвал, словно гнилую бечевку; после прилег красной девице на колени:

— Я поплюю, а ты на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается — тотчас разбуди меня, молодца.

Царевна начала на море глядеть... Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей выходит, в гору подымается.

Стала царевна будить Ивана — солдатского сына, толкала, толкала — нет, не просыпается; заплакала она слезно, и капнула горячая слеза ему на щеку; от того богатырь проснулся, подбежал к своему коню, а добрый конь уж на пол-аршина под собой земли выбил копытами.

Летит двенадцатиглавый змей, огнем так и пышет; взглянул на богатыря и воскрикнул:

— Хорош ты, пригож ты, добрый молодец, да не быть тебе живому, съем тебя, и с косточками!

— Врешь, проклятый змей, подавишься.

Начали они биться смертным боем; Иван — солдатский сын так быстро и сильно махал своей саблею, что она докрасна раскалилась, нельзя в руках держать! Возмолился он царевне:

— Спасай меня, красна девица! Сними с себя дорогой платочек, намочи в синем море и дай обернуть саблю.

Царевна тотчас намочила свой платочек и подала доброму молодцу. Он обернул саблю и давай рубить змея; срубил ему все двенадцать голов, головы те под камень положил, туловище в море бросил, а сам домой поскакал, наелся-напился и залег спать на трои сутки.

Царь посылает опять водовоза на взморье. Приехал водовоз, взял царевну и повез в дремучий лес; вынул нож и стал точить.

— Что ты делаешь? — спрашивает царевна.

— Нож точу, тебя резать хочу! Скажи отцу, что я змея победил, так помилую.

Устрашил красную девицу, поклялась говорить по его словам.

А меньшая дочь была у царя любимая; как увидел ее живую, ни в чем невредимую, он пуще прежнего возрадовался и захотел водовоза жаловать — выдать за него замуж меньшую царевну.

Пошел про то слух по всему государству. Узнал Иван — солдатский сын, что у царя свадьба затевается, и пошел прямо во дворец, а там пир идет, гости пьют и едят, всякими играми забавляются.

Меньшая царевна глянула на Ивана — солдат-

ского сына, увидала на его сабле свой дорогой платочек, выскочила из-за стола, взяла его за руку и говорит отцу:

— Государь-батюшка! Вот кто избавил нас от змея лютого, от смерти напрасныя; а водовоз только знал нож точить да приговаривать: я-де нож точу, тебя резать хочу!

Царь разгневался, тут же приказал водовоза повесить, а царевну выдал замуж за Ивана — солдатского сына, и было у них веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Пока все это деялось с братом Ивана — солдатского сына, с Иваном-царевичем вот что случилось. Поехал он раз на охоту, и попался ему олень быстроногий.

Иван-царевич ударил по лошади и пустился за ним в погоню; мчался, мчался и выехал на широкий луг. Тут олень с глаз пропал. Смотрит царевич и думает, куда теперь путь направить? Глядь — на том лугу ручеек протекает, на воде две серые утки плавают.

Прицелился он из ружья, выстрелил и убил пару уток; вытащил их из воды, положил в сумку и поехал дальше.

Ехал, ехал, увидел белокаменные палаты, слез с лошади, привязал ее к столбу и пошел в комнаты. Везде пусто — нет ни единого человека, только в одной комнате печь топится, на шестке стоит сковородка, на столе прибор готов: тарелка, и вилка, и нож. Иван-царевич вынул из сумки уток, ощипал, вычистил, положил на сковороду и сунул в печку; зажарил, поставил на стол, режет да ест.

Вдруг, откуда ни возьмись, является к нему красная девица — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, — и говорит ему:

— Хлеб-соль, Иван-царевич!

— Милости просим, красная девица! Садись со мной кушать.

— Я бы села с тобой, да боюсь: у тебя конь волшебный.

— Нет, красная девица, не узнала! Мой волшебный конь дома остался, я на простом приехал.

Как услышала это красная девица, тотчас начала дуться, надулась и сделалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича целиком. Была то не простая девица, была то родная сестра трех змеев, что побиты Иваном — солдатским сыном.

Вздумал Иван — солдатский сын про своего брата; вынул платок из кармана, утерся, смотрит — весь платок в крови. Сильно он запечалился:

— Что за притча! Поехал мой брат в хорошую сторону, где бы ему царем быть, а он смерть получил!

Отпросился у жены и тестя и поехал на своем богатырском коне разыскивать брата, Ивана-царевича.

Близко ли, далеко, скоро ли, коротко — приезжает в то самое государство, где его брат проживал; расспросил про все и узнал, что поехал-де царевич на охоту, да так и сгинул — назад не бывал.

Иван — солдатский сын той же самой дорогою поехал охотиться; попадаетя и ему олень быстроногий. Пустился богатырь за ним в погоню. Выехал на широкий луг — олень с глаз пропал; смотрит — на лугу ручеек протекает, на воде две утки плавают. Иван — солдатский сын застрелил уток, приехал в белокаменные палаты и вошел в комнаты. Везде пусто, только в одной комнате печь топится, на шестке сковородка стоит. Он зажарил уток, вынес на двор, сел на крыльчке, режет да ест.



Вдруг является к нему красная девица:

— Хлеб-соль, добрый молодец! Зачем на дворе ешь?

Отвечает Иван — солдатский сын:

— Да в горнице неохотно, на дворе веселей будет! Садись со мною, красная девица!

— Я бы с радостью села, да боюсь твоего коня волшебного.

— Полно, красавица! Я на простой лошаденке приехал.

Она и поверила и начала дуться, надулась страшную львицею и только хотела проглотить доброго молодца, как прибежал его волшебный конь и обхватил ее богатырскими ногами.

Иван — солдатский сын обнажил свою саблю острую и крикнул зычным голосом:

— Стой, проклятая! Ты проглотила моего брата Ивана-царевича! Выкинь его назад, не то изрублю тебя на мелкие части.

Львица и выкинула Ивана-царевича: сам-то он мертвый.

Тут Иван — солдатский сын вынул из седла два пузырька с водою целящею и живой; взбрызнул брата целящей водою — плоть-мясо срастается; взбрызнул живой водой — царевич встал и говорит:

— Ах, как же долго я спал!

Отвечает Иван — солдатский сын:

— Век бы тебе спать, если б не я!

Потом берет свою саблю и хочет рубить львице голову; она обернулась душой-девицей, такую красавицей, что и рассказать нельзя, начала слезно плакать и просить прощения. Глянул на ее красу неописанную, смиловался Иван — солдатский сын и пустил ее на волю вольную.

Приехали братья во дворец, сотворили трехдневный пир; после попрощались; Иван-царевич



И. ВИАЛЕНКО 1900.





остался в своем государстве, а Иван — солдатский сын поехал к своей супруге и стал с нею поживать в любви и согласии.



СЕМЬ СИМЕОНОВ



ил-был старик со старухой. Пришел час: мужик помер. Осталось у него семь сыновей-близнецов, что по прозванию семь Симеонов.

Вот они растут да растут, все один в одного и лицом и статью, и каждое утро выходят пахать землю все семеро.

Случилось так, что тою стороной ехал царь: видит с дороги, что далеко в поле пашут землю как на барщине — так много народу! — а ему ведомо, что в той стороне нет барской земли.

Вот посылает царь своего конюшего узнать, что за люди такие пашут, какого роду и звания, барские или царские, дворовые ли какие, или наемные?

Приходит к ним конюший, спрашивает:

— Что вы за люди такие есть, какого роду и звания?

Отвечают ему:

— А мы такие люди, мать родила нас семь Симеонов, а пашем мы землю отцову и дедину.

Воротился конюший и рассказал царю все, как слышал. Удивляется царь.

— Такого чуда не слыхивал я! — говорит он и тут же посылает сказать семи Симеонам, что он

ждет их к себе в терем на услуги и посылки.
Собрались все семеро и приходят в царские палаты, становятся в ряд.

— Ну,— говорит царь,— отвечайте: к какому мастерству кто способен, какое ремесло знаете?

Выходит старший.

— Я,— говорит,— могу сковать железный столб сажон в двадцать вышиною.

— А я,— говорит второй,— могу уставить его в землю.

— А я,— говорит третий,— могу взлезть на него и осмотреть кругом далеко-далеко все, что по белому свету творится.

— А я,— говорит четвертый,— могу срубить корабль, что ходит по морю, как по суху.

— А я,— говорит пятый,— могу торговать разными товарами по чужим землям.

— А я,— говорит шестой,— могу с кораблем, людьми и товарами нырнуть в море, плавать под водою и вынырнуть где надо.

— А я — вор,— говорит седьмой,— могу добыть, что приглядится иль полюбится.

— Такого ремесла я не терплю в своем царстве-государстве,— ответил сердито царь последнему, седьмому Симеону,— и даю тебе три дни сроку выбираться из моей земли куда тебе любо; а всем другим шестерым Симеонам приказываю остаться здесь.

Пригорюнился седьмой Симеон: не знает, как ему быть и что делать.

А царю была по сердцу красавица царевна, что живет за горами, за морями. Вот бояре, воеводы царские и вспомнили, что седьмой Симеон, мол, пригодится и, может быть, сумеет привезти чудную царевну, и стали они просить царя оставить Симеона.



Подумал царь и позволил ему остаться.

Вот на другой день царь собрал бояр своих и воевод и весь народ, приказывает семи Симеонам показать свое уменье.

Старший Симеон, недолго мешкая, сковал железный столб в двадцать сажон вышиною. Царь приказывает своим людям уставить железный столб в землю, но как ни бился народ, не мог его уставить.

Тогда приказал царь второму Симеону уставить железный столб в землю. Симеон второй, недолго думая, поднял и упер столб в землю.

Затем Симеон третий взлез на этот столб, сел на маковку и стал глядеть кругом далече, как и что творится по белу свету; и видит синие моря, на них, как пятна, мреют корабли, видит села, города, народа тьму, но не примечает той чудной царевны, что полюбилась царю. И стал пуще глядеть во все виды и вдруг заприметил: у окна в далеком тереме сидит красавица царевна, румяна, белолица и тонкокожа: видно, как мозги переливаются по косточкам.

— Видишь? — кричит ему царь.

— Вижу.

— Слезай же поскорее вниз и доставай царевну, как там знаешь, чтоб была мне во что бы ни стало!

Собрались все семеро Симеонов, срубили корабль, нагрузили его всяким товаром, и все вместе поплыли морем доставать царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями.

Едут, едут между небом и землей, пристают к неведомому острову у пристани.

А Симеон меньшей взял с собою в путь сибирского кота ученого, что может по цепи ходить, вещи подавать, разны немецки штуки выкидывать.



И вышел меньшой Симеон с своим котом с сибирским, идет по острову, а братьев просит не сходить на землю, пока он сам не придет назад.

Идет по острову, приходит в город и на площади пред царевниным теремом забавляется с котом ученым и сибирским: приказывает ему вещи подавать, через плетку скакать, немецкие штуки выкидывать.

На ту пору царевна сидела у окна и завидела неведомого зверя, какого у них нет и не водилось отродясь. Тотчас же посылает прислужницу свою узнать, что за зверь такой и продажный али нет? Слушает Симеон красную молодку, царевнину прислужницу, и говорит:

— Зверь мой — кот сибирский, а продавать — не продаю ни за какие деньги, а коли крепко кому он полюбится, тому подарить — подарю.

Так и рассказала прислужница своей царевне, а царевна снова подсылает свою молодку к Симеону-вору:

— Крепко, мол, зверь твой полюбился!

Пошел Симеон во терем царевнин и принес ей в дар кота своего сибирского; просит только за это пожить в ее тереме три дни и отведать царского хлеба-соли, да еще прибавил:

— Научить тебя, прекрасная царевна, как играть и забавляться с неведомым зверем, с сибирском котом?

Царевна позволила, и Симеон остался ночевать в царском тереме.

Пошла весть по палатам, что у царевны завелся дивный неведомый зверь; собрались все: и царь, и царица, и царевичи, и царевны, и бояре, и воеводы, — все глядят, любят, не налюбуются на веселого зверя, ученого кота. Все желают достать

и себе такого и просят царевну; но царевна не слушает никого, не дарит никому своего сибирского кота, гладит его по шерсти шелковой, забавляется с ним день и ночь, а Симеона приказывает поить и угощать вволю, чтоб ему было хорошо.

Благодарит Симеон за хлеб-соль, за угощение и за ласки и на третий день просит царевну пожаловать к нему на корабль, поглядеть на устройство его и на разных зверей, виданных и невиданных, ведомых и неведомых, что привез он с собою.

Царевна спросилась у батюшки-царя и вечером с прислужниками и няньками пошла посмотреть корабль Симеона и зверей его, виданных и невиданных, ведомых и неведомых.

Приходит, у берега поджидает ее Симеон меньшей и просит царевну не прогневаться и оставить на земле няnek и прислужниц, а самое пожаловать на корабль:

— Там много зверей разных и красивых; какой тебе полюбитя, тот и твой! А всех одарить, кому что полюбитя,— и няnek, и прислужниц — не можем.

Царевна согласна и приказывает нянькам да прислужницам подождать ее на берегу, а сама идет за Симеоном на корабль глядеть дива дивные, зверей чудных.

Как вошла — корабль и отплыл, и пошел гулять по синему морю.

Царь ждет не дождется царевны. Приходят няньки и прислужницы, плачутся, рассказывая свое горе. И распалился гневом царь, приказывает сейчас же устроить погоню.

Снарядили корабль, и погнался царский корабль за царевной. Чуть мреет далече — плывет корабль Симеонов и не ведает, что за ним царская погоня летит — не плывет! Вот уж близко!



Как увидели семь Симеонов, что погоня уж близко — вот-вот догонит! — нырнули и с царевной и с кораблем. Долго плыли под водой и поднялись наверх тогда, как близко стало до родной земли.

А царская погоня плавала три дня, три ночи; ничего не нашла, с тем и возвратилась.

Приезжают семь Симеонов с прекрасной царевной домой, глядь — на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество! Сам царь поджидает у пристани и встречает гостей заморских, семерых Симеонов с прекрасной царевной, с радостью великою.

Как сошли они на берег, народ стал кричать и шуметь, а царь поцеловал царевну во уста сахарные, повел во палаты белокаменные, посадил за столы дубовые, скатерти браные, угостил всякими напитками медовыми и наедками сахарными и вскорости отпраздновал свадьбу с душою-царевной — и было веселье и большой пир, что на весь крещеный мир!

А семи Симеонам дал волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать беспошлинно, владеть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкал и домой отпустил с казной на разживу.

Была и у меня клячонка — восковые плечонки, плеточка гороховая. Вижу: горит у мужика овин; клячонку я поставил, пошел овин заливать. Покуда овин заливал, клячонка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговал кирпичом, остался ни при чем; был у меня шлык, под воротню шмыг, да колешко сшиб, и теперь больно. Тем и сказке конец!



НИКИТА
КОЖЕМЯКА



старые годы появил-
ся недалеко от Киева страшный змей. Много народа
из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и по-
ел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а
крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась
за царевной из дому маленькая собачонка. Как
улетит змей на промысел, царевна напишет запи-
сочку к отцу, к матери, привяжет записочку соба-
чонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка запи-
сочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де
от змея, кто его сильней. Стала царевна от змея
допытываться и допыталась.

— Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Ко-
жемяка — тот меня сильней.

Как ушел змей на промысел, царевна и напи-
сала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве
Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите
Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его
просить выручить их дочку из тяжелой неволи.
В ту пору мял Кожемяка разом двенадцать во-
ловьих кож. Как увидел Никита царя — испугался:
руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все
двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его
испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни
упрашивали его царь и царица пойти выручить
царевну, не пошел.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять
тысяч малолетних сирот — осиротил их лютый

Змей,— и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам проследил. Взял он триста пудов пеньки, насолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

— Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

— Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я — в другой.

— Хорошо,— сказал Никита.— Надо же прежде между проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева между прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

— Землю мы разделили — теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить — вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по

степи видна; стоит она валом сажени на две высотою. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.



ФОМА БЕРЕННИКОВ



В некотором царстве-государстве жил-был мужик Фомка Беренников — такой сильный да дородный, что если пролетит мимо воробей да зацепит его крылом, так он и с ног свалится!.. Стал он на пашню собираться, а лошаденка у него была дрянная, на работе замученная; натерло ей хомутом шею до крови, и облепили ее слепни да мухи видимо-невидимо! Фомка подошел, как ударит ладонью — одним махом сто побивахом! — и говорит:

— Ох, да я сам богатырь! Не хочу пахать, хочу воевать!

Соседи над ним смеются:

— Куда тебе, дураку, воевать; тебе впору свиньям корм давать!

Не тут-то было: назвался Фомка богатырем, взял тупицу и косарь, что лучину скепают, надел на себя старый кафтан да высокий яломок, сел на свою клячу и поехал в чистое поле ступою бредучею. В чистом поле врыл в землю столб и написал на нем:

«Еду сражаться в иные города — одним махом сто побивахом!»

Только что успел отъехать с места, прискакали

к столбу два могучих богатыря, прочитали надпись и говорят:

— Что за богатырь такой! Куда он поехал? Скоку молодецкого не слышно, следу богатырского не видно!

Кинулись за ним по дороге; увидал их Фомка и спрашивает:

— Вы кто таковы?

— Мир тебе, добрый человек! Мы — сильномогучие богатыри.

— А по сколько голов сразу рубите?

Один говорит:

— По пяти.

Другой:

— По десятку.

— Какие ж вы сильномогучие богатыри?.. Вот я так богатырь: одним махом сто побиваю!

— Прими нас в товарищи, будь нам старший брат.

— Пожалуй, — говорит Фомка, — поезжайте сзади.


Пристроились к нему сильномогучие богатыри и отправились все вместе в заповедные луга царские. Приехали, сами легли отдых взять, а лошадей пустили шелкову траву щипать.

Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — усмотрел их царь.

— Что, — говорит, — за невежи такие в моих лугах прохлаждаются? Доселева тут ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, а теперь гости пожаловали!

Сейчас собрал войско великое и дает приказ очистить свои луга заповедные.

Идет сила-рять несметная; увидали могучие богатыри, доложили про то названому старшему брату, а он им в ответ:

— Ступайте-ка, переведайтесь, а я посмотрю — какова ваша храбрость есть? 

Вот они сели на своих богатырских коней, припустили их на войско вражее, полетели как ясные соколы на стадо голубей, притоптали, прирубилы всех до единого.

«Дело-то не ладно!» — думает царь; опять собирает войско великое, чуть не вдвое больше прежнего, а впереди всего войска посылает силача-великана: голова что пивной котел, лоб что твоя заслонка, а сам что гора!

Сел Фомка на свою клячу, выехал навстречу и говорит великану:

— Ты — сильномогучий богатырь, и я — таков же! Не честь не хвала будет нам, добрым молодцам, коли станем сражаться не поздоровавшись! Наперед надо друг другу поклон отдать, а потом и в бой вступать.

— Ладно! — отвечает великан.

Разъехались они и стали кланяться. Пока великан наклонил свою голову, прошло полчаса времени; а другие полчаса надо, чтобы поднять ее.

Фомка мал, да удал, не захотел дожидаться, хватил косарем раз-другой, и полетела голова с плеч долой.

Войско дрогнуло и рассыпалось в разные стороны; а Фомка взобрался на богатырского коня, давай нагонять да конем топтать. Нечего делать, покорился царь: послал звать к себе сильномогучего богатыря Фому Беренникова и двух меньших его братьев. Угостил их, учествовал на славу, выдал за Фомку дочь свою царевну и дал полцарства в приданое.

Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — подступает под то царство басурманский король с силами несметны-

Ми, требует дани-откупу великого. Не захотел царь платить дани-откупу великого, нарядил свое войско храброе, поставил зятя начальником и накрепко приказал, чтобы все на Фомку смотрели: что он станет делать, и они б то же делали.

Снялся Фомка и поехал сражаться.

Едет он лесом, войско за ним. Он срубил себе березку, и солдаты срубили себе по березке. Пришли к глубокой реке — мосту нет, а обходу двести верст; Фомка бросил свою березку в воду, и солдаты побросали свои туда же, запрудили реку и перешли на другую сторону.

Басурманский король засел в крепком городе. Фомка остановился перед тем городом, развел костер, разделся весь догола — сидит да греется; солдаты увидали, тотчас же насобирали хворосту, на рубили поленьев, запалили костры по всему чистому полю.

— Закусить бы надо! — сказал Фомка Береников, вытащил из сумки сдобную лепешку и стал уписывать.

Откуда ни возьмись — прибежала собака, вырвала лепешку и давай бог ноги! Фомка ухватил горячую головешку и как был голый — так и пустился за нею: во всю прыть бежит да во все горло кричит:

— Держите! Держите!

Глядя на него, и солдаты сидели у огня голые, а тут повскакивали, похватали горячие головешки и побежали вслед за ним.

Собака-то была королевская, бросилась прямо в город да во дворец; Фомка за собакою, солдаты за Фомкою: все, что ни попадет под руку, жгут и палат без пощады.

Поднялась в городе суматоха; король не знает, что делать с испугу, стал просить замирения. Фом-

ка на то не согласен; взял короля в плен и покорил все его королевство.

Воротился из походу — царь встретил его с большим почетом: музыка заиграла, колокола зазвонили, пушки грохнули, и пошел пир на весь мир!

И я там был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало; ел я капусту, а в брюхе-то пусто...



ПЕТР
ВЕЛИКИЙ
И КУЗНЕЦ



от Петр Первый приезжает к кузнецу на лошади.

— Подкуй-ка мне коня! — говорит.— Только сделай подкову хорошую!

Стал кузнец подкову делать. Сделал подкову и подает ему:

— Что, хороша будет эта подкова?

Петр Первый усмехнулся:

— Хороша, да не совсем!

— Почему не совсем?

— Она,— говорит,— слабая!

— Ну, не знаю, почему она слабая...

Он берет в руки и разгибает эту подкову. Кузнец видит:

— Да, действительно слабая.

Берется делать вторую.

— Ну, а эта хороша будет?

Петр говорит:

— Да так себе!



И эту разогнул.

Кузнец берется третью делать. И третья готова.

— Ну, этой, пожалуй, можно подковать,— сказал царь.

Кузнец сделал четыре подковы и подковал.

Петр Первый и спрашивает:

— Сколько тебе за подковы?

— Четыре рубля.

Он подает ему рубль серебряный. Кузнец взял и сломал его:

— Да у вас деньги фальшивые!

Петр подает ему второй рубль. И второй сломал кузнец.

— Да дайте,— говорит,— мне деньги хорошие!

Петр Первый вынимает двадцать пять рублей и подает ему:

— На, не ломай денег; наехала коса на камень! Я подковы ломал, а ты рубли... Видать, что сильнее ты меня! Ты знаешь, кто я такой?

— Нет, не знаю.

— Я — Петр Великий, ваш государь. Ну так вот, работай, как работал, и говори людям, что государь ломал подковы, а ты — его рубли!

Сел Петр Первый на коня и сказал:

— До свиданья, кузнец, ты — хороший молодец!

И после того кузнец его больше не видал.



ПЕТР I
И МУЖИК



аехал царь Петр на мужика в лесу. Мужик дрова рубит.

Царь и говорит:

— Божья помощь, мужик!

Мужик и говорит:

— И то мне нужна божья помощь.

Царь спрашивает:

— А велика ли у тебя семья?

— У меня семьи два сына да две дочери.

— Ну не велико твое семейство. Куда ж ты деньги кладешь?

— А я деньги на три части кладу: во-первых — долг плачу, в-других — в долг даю, в-третьих — в воду мечу.

Царь подумал и не знает, что это значит, что старик и долг платит, и в долг дает, и в воду мечет.

А старик говорит:

— Долг плачу — отца-мать кормлю; в долг даю — сыновей кормлю; а в воду мечу — дочерей рашу.

Царь и говорит:

— Умная твоя голова, старичок. Теперь выведи меня из лесу в поле, я дороги не найду.

Мужик говорит:

— Найдешь и сам дорогу: иди прямо, потом сверни вправо, а потом влево, потом опять вправо.

Царь и говорит:

— Я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня.

— Мне, сударь, водить некогда, нам в крестьянстве день дорого стоит.



- Ну, дорого стоит, так я заплачу.
— А заплатишь — пойдем.
Сели они на одноколку, поехали.
Стал дорбгой царь мужика спрашивать:
— Далече ли ты, мужичок, бывал?
— Кое-где бывал.
— А видал ли царя?
— Царя не видал, а надо бы посмотреть.
— Так вот, как выедем в поле, и увидишь царя.
— А как я его узнаю?
— Все без шапок будут, один царь в шапке.
Вот приехали они в поле. Увидал народ царя — все поснимали шапки. Мужик пялит глаза, а не видит царя.
Вот он и спрашивает:
— А где же царь?
Говорит ему Петр Алексеевич:
— Видишь, только мы двое в шапках — кто-нибудь из нас да царь.



ХИТРАЯ НАУКА



или себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам — авось возьмет кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег. Воротился старик домой, поплакал-поплакал с

бабою, потужил-погоревал о свой бедности и опять повел сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда:

— Что, старичок, пригорюнился?

— Как мне не пригорюниться! — сказал дед. — Вот водил, водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!

— Ну так отдай его мне, — говорит встречный, — я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь, придешь вовремя да узнаешь своего сына — возьмешь его назад, а коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался и не спросил: кто такой встречный, где живет и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошел домой. Пришел домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошел в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтра-де сровняется как раз три года, надо за ним приходить; и рассказал, куда за ним приходить и как его узнавать.

— У хозяина моего не я один в науке. Есть, — говорит, — еще одиннадцать работников, навсегда при нем остались — оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нем двенадцатым. Завтра, как придешь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями — перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот

Ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажи на того голубя, что повыше всех.

После выведет он к тебе двенадцать жеребцов — все одной масти, гривы на одну сторону, и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня.

После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажи на меня.

Рассказал все это, распростился с отцом и пошел из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину.

Поутру дед встал, собрался и пошел за сыном. Приходит к колдуну.

— Ну, старик, — говорит колдун, — выучил твоего сына всем хитростям. Только если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей — перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны — и говорит:

— Узнавай, старик, своего сына!

— Как узнавать-то, ишь все ровны!

Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка! — рассказывает колдун.

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов — все как один, и гривы на одну сторону.



Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

— Ну что, дедушка! Узнал своего сына?

— Нет еще, погоди маленько.

Да как увидал, что один жеребец топнул правую ногою, сейчас показал на него:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила.

Дед раз прошел мимо молодцев — ничего не приметил, в другой прошел — тож ничего, а как проходил в третий раз — увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

Вот, делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин.

— Батюшка,— говорит сын,— я сейчас сделаюсь собачкою. Барин станет покупать меня, а ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!

Сказал так-то да и в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою.

Барин увидал, что старик ведет собачку, начал ее торговать: не так ему собачка показалась, как ошейник хорош. Барин дает за нее сто рублей, а дед просит триста; торговались, торговались, и купил барин собачку за двести рублей.

Только стал было дед снимать ошейник,— куда! — барин и слышать про то не хочет, упирается.

— Я ошейника не продавал,— говорит дед,— я продал одну собачку.



А барин:

— Нет, врешь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник.

Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал ее с ошейником.

Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошел домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг, откуда ни возьмись, бежит навстречу заяц.

«Что,— думает барин,— али выпустить собачку за зайцем да посмотреть ее прыти?»

Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую — и убежала в лес.

Ждал, ждал ее барин, не дождался и поехал ни при чем.

А собачка оборотилась добрым молодцем.

Дед идет дорогою, идет широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал! А сын уж нагнал его.

— Эх, батюшка! — говорит.— Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за что!

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу:

— Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь!

Ударился оземь, сделался птичкою; старик посадил ее в клетку и понес продавать.

Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалася!

Пришел и колдун, тотчас признал деда и догадался, что у него за птица в клетке сидит. Тот дает дорого, другой дает дорого, а он дороже всех;

продал ему старик птичку, а клетки не отдает; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берет!

Взял одну птичку, завернул в платок и понес домой!

— Ну, дочка,— говорит дома,— я купил нашего шельмеца!

— Где же он?

Колдун распахнул платок, а птички давно нет: улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу:

— Батюшка! Я обернусь нынче лошадю; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.

Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадю; повел ее дед на базар продавать.

Обступили старика торговые люди, все барышники: тот дает дорого, другой дает дорого, а колдун дороже всех.

Дед продал ему сына, а уздечки не отдает.

— Да как же я поведу лошадь-то? — спрашивает колдун.— Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Продал лошадь — продал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привел коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до земли не хватают.

— Ну, дочка,— сказывает опять колдун,— вот когда купил так купил нашего шельмеца!

— Где же он?

— На конюшне стоит.

Дочь побежала смотреть; жалко ей стало добра

Молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошел версты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу.

— Батюшка,— говорит,— прости! Конь убежал!

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит...

Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом — и бултых в воду, а волк за ним щукою...

Ерш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги.

Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком.

— Отдай,— пристаёт к ней,— мое золотое кольцо.

— Бери! — говорит девица и бросила кольцо наземь.

Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зернами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал, одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб.

Тем сказке конец, а мне меду корец.



СКАТЕРТЬ,
БАРАНЧИК
И СУМА



или-были старик да старуха. Пошел раз старик на реку рыбу ловить. Смотрит — попался в сети журавль, кричит, бьется, выбраться не может.

Пожалел старик журавля.

«Зачем, — думает, — такой доброй птице погибать?»

Подошел к журавлю, помог ему из сетей высвободиться. Говорит ему тут журавль человеческим голосом:

— Спасибо тебе, старичок! Никогда твоей услуги не забуду. Пойдем ко мне домой — дам тебе хороший подарок.

Вот они и пошли — старик да журавль.

Шли, шли и пришли на болотце, к журавлевой избе. Вынес журавль полотняную скатерть и говорит:

— Вот, старичок, тебе подарок. Как захочешь есть-пить, разверни эту скатерочку и скажи: «Напои-накорми, скатерочка!» — все у тебя будет.

Поблагодарил старик журавля и пошел домой.

Захотелось ему по дороге есть. Сел он под кусток, развернул скатерть и говорит:

— Напои-накорми, скатерочка!

Только сказал — и сразу на скатерти все появилось: и жареное и пареное, ешь — не хочу!

Наелся, напился старик, свернул скатерочку и пошел дальше.

Долго ли, коротко ли шел — застигла его на пу-

ти темная ночь. Зашел он в избу к богатому мужику и просится:

— Пустите ночевать прохожего человека!

— Ночевать пустим,— говорит хозяин,— а угощенья не проси.

— Да мне и не надо угощенья,— отвечает старик,— у меня такая скатерочка есть, что всегда и накормит и напоит вдоволь.

— А ну-ка покажи!

Старик развернул скатерть и говорит:

— Напои-накорми, скатерочка!

Не успел сказать — на скатерти все появилось, что душе угодно!

Удивился хозяин и задумал украсть эту скатерть.

Как только старик заснул, вытащил он у него чудесную скатерть, а на ее место свою подложил — простую.

Утром старик отправился домой и не заметил, что скатерть у него не та. Пришел и говорит своей старухе:

— Ну, старуха, теперь не надо тебе хлеба месить да щи варить!

— Как так?

— Да вот так, нас эта скатерочка потчевать будет!

Развернул на столе скатерть и говорит:

— Напои-накорми, скатерочка!

А скатерть лежит, как ее положили.

— Обманул, видно, меня журавль! — говорит старик.— Пойду его корить: зачем обманывает!

Собрался и пошел к журавлю.

Встретил его журавль и спрашивает:

— Зачем пожаловал, старичок?

— Так и так,— отвечает старик,— не поит, не кормит меня твоя скатерочка!

— Не тужи,— говорит журавль.— Дам я тебе баранчика. Этот баранчик не простой. Как скажешь ему: «Баранчик, встряхнись!» — посыплется из него золото.

Взял старик баранчика и повел его домой.

Под вечер пришел он к тому же богатому мужику:

— Пустите переночевать!

— Иди.

— Да я не один, со мной баранчик.

— А ты баранчика на дворе оставь.

— Не могу: баранчик не простой — он золото дает.

— Не может этого быть! — говорит богатый мужик.

— А вот может!

Расстелил старик рогожку посреди комнаты, поставил на нее баранчика и говорит:

— Баранчик, встряхнись!

Баранчик встряхнулся, и посыпалось из него золото.

Задумал богатый мужик и баранчика себе взять.

Уложил он старика спать и спрятал баранчика. А на его место своего такого же поставил: поди узнай!

Утром старик распрощался с хозяином и пошел домой. Пришел и говорит:

— Ну, старуха, будем теперь богато жить!

— Откуда же это мы богатство возьмем?

— Вот этот баранчик даст!

Смотрит старуха на старика, дивится, ничего понять не может.

А старик говорит ей:

— Ну-ка, расстели на полу рогожку!

Старуха расстелила. Старик поставил на рогожку баранчика и говорит:



— Баранчик, встряхнись!

А баранчик стоит, как его поставили.

Старик опять:

— Баранчик, встряхнись!

А баранчик стоит да только мемекает.

— Эх, опять обманул меня журавль! — говорит старик. — Пойду к нему, хоть за обман попеняю!

Собрался и пошел.

Пришел на болотце, к журавлевой избушке, стал журавля звать. Вышел к нему журавль и говорит:

— Зачем опять пришел, старичок?

— Да вот, все твои подарки плохие, никакого проку в них нет!

Выслушал его журавль и спрашивает:

— А не заходил ли ты к кому по дороге?

— Заходил к богатому мужику.

— А не хвастал ли моими подарками?

— Хвастал.

— Ну, так и быть, — говорит журавль, — дам я тебе последний подарок: он тебе и ума придаст и прежние мои подарки вернет.

Пошел в избушку и вынес суму:

— Возьми да скажи: «Сорок, из сумы!»

Старик взял суму и говорит:

— А ну, сорок, из сумы!

Не успел сказать, выскочили из сумы сорок молодцов с дубинками — да на старика...

Догадался старик, закричал:

— Сорок, в суму! Сорок, в суму!

Молодцы с дубинками в ту же минуту опять в суму спрятались.

Взял старик суму, поблагодарил журавля и пошел.

Как стемнело, пришел он к богатому мужику на ночлег. А тот его ждет не дождется. Встретил, как дорогого гостя. Вошел старик в избу и говорит:



— Куда бы мне эту суму положить?

— Да ты ее у порога брось.

— Не могу: не простая это сума. Только скажешь: «Сорок, из сумы!» — так наградит, что лучше и не надо!

Хозяин говорит:

— Ну, тогда повесь ее на гвоздик.

Старик повесил суму на гвоздик, а сам на печку влез и смотрит, что будет.

Хозяин подождал, подождал, думал — старик уснул, и говорит:

— Сорок, из сумы!

Выскочили тут сорок молодцов с дубинками и давай его бить. Бьют, бьют, убежать не дают. Не своим голосом закричал хозяин:

— Ой, дедушка, дедушка! Проснись скорее, помоги!

А старик с печи спрашивает:

— Кто мою скатерочку подменил?

— Не знаю!

— А, не знаешь, так и помощи у меня не проси!

— Я подменил! Я подменил! Отдам ее тебе, только спаси!

Старик спрашивает:

— А баранчика моего кто подменил?

— И баранчика отдам, только в живых меня оставь!

— Впредь обманывать людей не будешь?

— Ой, никогда!

Тут старик говорит:

— Сорок, в суму!

Спрятались сорок молодцов в суму, будто их и не бывало.

Принес хозяин скатерть, привел баранчика, сам кряхтит, охает.

Старик взял свою скатерть да баранчика и по-

шел домой. Пришел и стал со своей старухой жить-поживать, всех кормить-угощать. И я у него был, мед-пиво пил, по губам текло, а в рот не попало!



ПРО ГЛУПОГО
ЗМЕЯ
И УМНОГО
СОЛДАТА



некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат. Отвоевал он войну и пошел домой. Идет, трубочку покури-вает да песни распевает.

Шел он, шел и пришел под вечер в какую-то деревушку. Подошел к ближней избенке и стучит в окно:

— Эй, хозяйева, пустите солдата переночевать!
Никто не отзывается.

Пошел солдат к другой избе, постучал. И здесь молчат. Пошел солдат к третьей. Поднялся на крылечко, давай стучать в дверь. И здесь ни ответа, ни привета. Открыл солдат дверь, вошел в избу. Смотрит — никого нет, все кругом пылью да паутиной покрыто.

«Что за диво? — думает солдат. — Куда все люди из этой деревни подевались?»

Стал ходить по избам. Куда ни заглянет — везде пусто...

Вошел он наконец в последнюю избушку. Сидит там на печке старик, вздыхает да плачет.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит солдат.

— Здравствуй, служивый. Как ты сюда попал? Видно, жизнь тебе надоела. На войне уцелел, а здесь ни за что пропадешь.

— Это почему?

— А потому, что повадился к нам змей летать, людей пожирать. Всех проглотил, меня одного до утра оставил. А завтра прилетит и меня съест, да и тебе несдобровать. Разом двух проглотит!

— А может, и подавится? — говорит солдат. — Дай-ка я с тобой переночую да посмотрю завтра, какой такой змей к вам летает.

Легли, переночевали.

Утром поднялась вдруг сильная буря, затряслась изба — прилетел змей. Сунул голову в дверь, увидел старика и солдата.

— Ага, — говорит, — прибыль есть! Оставил одного, а нашел двух — будет чем позавтракать!

— Будто и взаправду съешь? — спрашивает солдат.

— Съем да облизнусь!

— Врешь, подавишься!

— Да ты разве сильнее меня?

— Еще бы! Небось сам знаешь, что солдатская сила куда больше твоей.

— А ну давай попробуем, кто кого сильнее!

— Давай!

Поднял змей большущий камень и говорит:

— Смотри, солдат: я этот камень одной лапой раздавлю — только песок посыплется!

— Дави, посмотрю!

Змей взял камень в горсть и стиснул, да так крепко, что он в мелкий песок обратился, искры во все стороны посыпались.

— Экое диво! — говорит солдат. — А ты попробуй так сожми камень, чтобы из него вода потекла.

— Этого я не могу, — говорит змей.



— А я могу! Сейчас покажу.

Вошел солдат в избу — он еще с вечера углядел на столе узелок творогу, — вынес этот узелок и ну давить! Сыворотка так и потекла наземь.

— Что, видел? У кого силы больше?

— Правда, солдат, рука у тебя сильнее моей...
А вот попробуем, кто из нас громче свистнет!

— Ну, свистни!

Змей как свистнул — деревья закачались, все листья с них осыпались.

— Хорошо ты свистишь, а все не лучше моего, — говорит солдат. — Завяжи-ка наперед свои глазищи, а то как я свистну, они у тебя изо лба выскочат!

Змей послушался и завязал глаза рогожей.

— А ну, свистни!

Солдат взял дубину да как стукнет змея по голове! Змей зашатался, во все горло закричал:

— Полно, полно, солдат, не свисти больше! И с одного раза глаза чуть не вылезли, а в ушах и сейчас звенит.

— Ну, как знаешь, а я, пожалуй, готов и еще разок-другой свистнуть.

— Нет, не надо! Не хочу больше спорить. Давай лучше с тобой побратаемся: ты будь старшим братом, а я — меньшим.

— Не к лицу мне с тобой брататься, ну да ладно уж, будь по-твоему!

— Ну, брат, — говорит змей, — бросим мы этого старика, будем своим хозяйством жить. Ступай в степь, там стадо волов пасется. Выбери самого жирного и тащи сюда!

Нечего делать, пошел солдат в степь.

Видит — пасется большое стадо волов. Солдат давай их ловить да за хвосты связывать.

Змей ждал, ждал — не выдержал и сам побежал.



— Что так долго? — спрашивает.

— А вот постой,— отвечает солдат,— свяжу штук пятьдесят да за один раз и поволоку всех домой, чтоб на целый месяц хватило.

— Экий ты! Разве нам здесь век вековать? Хватит и одного.

Ухватил змей самого жирного вола за хвост, взвалил на плечи и потащил в деревню.

— Как же это так,— говорит солдат,— я столько волов связал — неужели их бросить?

— Брось,— отвечает змей.— На что они нам!

Пришли в избу, наложили два котла говядины, а воды нету.

— На тебе воловью шкуру,— говорит змей солдату.— Ступай набери полную воды и неси сюда — станем обед варить.

Солдат взял шкуру, потащил к колодцу. Еле-еле порожнюю тащит.

Пришел к колодцу и давай окапывать его кругом.

Змей ждал, ждал — не выдержал, побежал сам:

— Что это ты, брат, делаешь?

— Хочу колодец кругом окопать да в избу перетащить, чтоб не нужно было каждый день ходить по воду.

— Экий ты! Что затеваешь! На это много времени уйдет, а нам обед варить!

Опустил змей в колодец воловью шкуру, набрал полную воды, вытащил и понес домой.

— А ты, брат,— говорит он солдату,— ступай в лес, выбери сухой дуб и волоки в избу: пора огонь разводить.

Пошел солдат в лес, начал лыко драть да веревку вить. Свил длинную-предлинную веревку и принялся дубы опутывать.



Змей ждал, ждал — не выдержал, сам побежал в лес:

— Что так мешкаешь?

— Да вот хочу зараз дубов двадцать зацепить веревкою да и тащить, чтоб надолго дров хватило.

— Экий ты, все по-своему делаешь! — говорит змей.

Вырвал с корнем толстый дуб и сам поволок к избе.

Солдат сделал вид, что крепко сердит: курит свою трубочку, сам ни словечка не говорит.

Наварил змей говядины, зовет солдата обедать.

А солдат сердито отвечает:

— Не хочу!

Вот змей съел одного вола, выпил воловью шкуру воды и стал солдата выпрашивать:

— Скажи, брат, за что сердиться?

— А за то и сержусь, — отвечает солдат, — что я ни сделаю, все не так, все не по-твоему.

— Ну не сердись, помиримся!

— Если хочешь со мной помириться, вези меня в мою деревню.

— Изволь, брат, отвезу.

Сел солдат змею на спину и полетел на нем.

Подлетел змей к деревне, спустился на землю. Увидели его ребяташки. Бегут, во все горло кричат:

— Солдат приехал! Змея привез!

Змей испугался и спрашивает:

— Что, что они кричат? Никак я не разберу.

— А то и кричат, что сейчас за тебя примутся!

«Ну, — думает змей, — коли в этих местах малые ребята таковы, то взрослые и подавно спуску не дадут!»

Сбросил солдата — да бежать.

Убежал и пропал, как в воду канул. Перестал по деревням летать да людей пожирать — так напугался!

МАЛЬЧИК
С ПАЛЬЧИК



или старик со старухой. Раз старуха рубила капусту и нечаянно отрубила палец. Завернула его в тряпку и положила на лавку.

Вдруг услышала — кто-то на лавке плачет. Развернула тряпку, а в ней лежит мальчик ростом с пальчик.

Удивилась старуха, испугалась:

— Ты кто таков?

— Я твой сынок, родился из твоего мизинчика.

Взяла его старуха, смотрит — мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно. И назвала его Мальчик с пальчик.

Стал он у них расти. Ростом мальчик не вырос, а разумом умнее большого оказался.

Вот он раз и говорит:

— Где мой батюшка?

— Поехал на пашню.

— Я к нему пойду, помочь стану.

— Ступай, дитятко.

Пришел он на пашню:

— Здравствуй, батюшка!

Осмотрелся старик кругом:

— Что за чудо! Голос слышу, а никого не вижу. Кто таков говорит со мной?

— Я — твой сынок. Пришел тебе помочь пахать. Садись, батюшка, закуси да отдохни маленько!

Обрадовался старик, сел обедать. А Мальчик с



пальчик залез лошади в ухо и стал пахать, а отцу наказал:

— Коли кто будет торговать меня, продавай смело: небось — не пропаду, назад домой приду.

Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идет, соха орет, а человека нет!

— Этого еще видом не видано, слыхом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!

Старик говорит барину:

— Что ты, разве ослеп? То у меня сын пашет.

— Продай мне его!

— Нет, не продам: нам только и радости со старухой, только и утехи, что Мальчик с пальчик.

— Продай, дедушка!

— Ну, давай тысячу рублей.

— Что так дорого?

— Сам видишь: мальчик мал, да удал, на ногу скор, на посылку легок!

Барин заплатил тысячу рублей, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой.

А Мальчик с пальчик прогрыз дыру в кармане и ушел от барина.

Шел, шел, и пристигла его темная ночь.

Спрятался он под былинку подле самой дороги и уснул.

Набежал голодный волк и проглотил его.

Сидит Мальчик с пальчик в волчьем брюхе живой, и горя ему мало!

Плохо пришлось серому волку: увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, а только подкрадется овцу унести — Мальчик с пальчик и закричит во все горло:

— Пастух, пастух, овечий дух! Спишь, а волк овцу тащит!

Пастух проснется, бросится бежать на волка с дубиною да еще притравит его собаками, а собаки

ну его рвать — только клочья летят! Еле-еле уйдет серый волк!

Совсем волк отошал, пришлось пропадать с голоду. Просит он Мальчика с пальчик:

— Вылези!

— Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу.

Делать нечего. Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу.

Мальчик с пальчик тотчас выскочил из волчьего брюха:

— Бейте волка, бейте серого!

Старик схватил кочергу, старуха ухват — и давай бить волка. Тут его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали.



СОЛНЦЕ,
МЕСЯЦ
И ВОРОН ВОРОНОВИЧ



или-были старик да старуха, у них было три дочери. Старик пошел в амбар крупку брать; взял крупку, понес домой, а на мешке-то была дырка: крупа-то в нее сыплется да сыплется.

Пришел домой. Старуха спрашивает:

— Где крупка? — А крупка вся высыпалась.

Пошел старик собирать и говорит:

— Кабы Солнышко обогрело, кабы Месяц осветил, кабы Ворон Воронович пособил мне крупку

Собрать, за Солнышко бы отдал старшую дочь, за Месяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую!

Стал старик собирать — Солнце обогрело, Месяц осветил, а Ворон Воронович пособил крупку собрать.

Пришел старик домой, сказал старшей дочери: — Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась, вышла на крылечко; Солнце и утащило ее.

Средней дочери также велел одеться хорошенько и выйти на крылечко. Она оделась и вышла; Месяц схватил и утащил вторую дочь.

И меньшей дочери сказал:

— Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась и вышла на крылечко; Ворон Воронович схватил ее и унес.

Старик и говорит:

— Идти разве в гости к зятю?

Пошел к Солнышку; вот и пришел.

Солнышко говорит:

— Чем тебя потчевать?

— Я ничего не хочу.

Солнышко сказало жене, чтоб настряпала оладьев. Вот жена настряпала. Солнышко уселось среди полу, жена поставила на него сковородку — и оладьи сжарились. Накормили старика.

Пришел старик домой, приказал старухе состряпать оладьев; сам сел на пол и велит ставить на себя сковородку с оладьями.

— Чего, на тебе испекутся?! — говорит старуха.

— Ничего, — говорит, — ставь, испекутся.

Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли.

Нечего делать, поставила старуха сковородку в печь, испеклись оладьи, наелся старик.



На другой день старик пошел в гости к другому зятю, к Месяцу. Пришел.

Месяц говорит:

— Чем тебя потчевать?

— Я,— отвечает старик,— ничего не хочу.

Месяц затопил про него баню.

Старик говорит:

— Темно в бане-то будет!

А Месяц ему:

— Нет, светло, ступай.

Пошел старик в баню, а Месяц запихал палец свой в дырочку, и оттого в бане светло-светло стало.

Выпарился старик, пришел домой и велит старухе топить баню ночью.

Старуха истопила; он и посылает ее туда париться. Старуха говорит:

— Темно париться-то!

— Ступай, светло будет!

Пошла старуха, а старик видел, как светил ему Месяц, и сам туда ж — взял прорубил дыру в бане и запихал в нее свой палец. А в бане свету ни-сколько нет! Старуха знай кричит ему:

— Темно!

Делать нечего, пошла она, принесла лучины с огнем и выпарилась.

На третий день старик пошел к Ворону Вороновичу. Пришел.

— Чем тебя потчевать-то? — спрашивает Ворон Воронович.

— Я,— говорит старик,— ничего не хочу.

— Ну, пойдем хоть спать на седала.

Ворон поставил лестницу и полез со стариком. Ворон Воронович посадил его под крыло.

Как старик заснул, они оба упали и убились.

ГЛИНЯНЫЙ
ПАРЕНЬ



или-были старик да старуха. Не было у них детей. Старуха и говорит:
— Старик, вылепи из глины паренька, будто и сын будет.

Старик вылепил из глины паренька. Положили его на печку сушить. Высох парень и стал просить есть:

— Дай, бабка, молока кадушечку да хлеба мякушечку.

Принесла ему старуха это, а он съел все и опять просит:

— Есть хочу! Есть хочу!

И съел он у старика со старухой весь хлеб, выпил все молоко и опять кричит:

— Есть хочу! Есть хочу!

Нечего ему больше дать. Глиняный парень соскочил с печки и съел бабку с прялкой, дедку с клюшкой — и пошел на улицу.

Идет навстречу бык. Глиняный парень говорит ему:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой — и тебя, бык, съем!

Да и съел быка.

Идет дальше. Навстречу дроворубы с топорами. Глиняный парень и говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами — и вас всех съем!

И съел дроворубов с топорами.

Идет дальше. Навстречу ему мужики с косами да бабы с граблями. Глиняный парень им говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами, дроворубов с топорами — и вас всех съем!

Съел мужиков с косами да баб с граблями и дальше пошел. Встретил Глиняный парень козла и говорит:

— Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой, быка с рогами, дроворубов с топорами, мужиков с косами, баб с граблями — и тебя, козел, съем!

А козел ему говорит:

— Да ты не трудись, стань под горку, а я стану на горку, разбегусь да тебе в рот и прыгну.

Стал Глиняный парень под горку, а козел разбежался с горы да рогами в брюхо как ударит! Тут и рассыпался Глиняный парень.

И вышли из брюха бабка с прялкой, дедка с клюшкой, бык с рогами, дроворубы с топорами, мужики с косами да бабы с граблями.

Всех козел избавил.



КУЗЬМА СКОРБОГАТЫЙ



ил-проживал Кузьма один-одинешенек в темном лесу. Ни скинуть, ни надеть у него ничего не было, а постлать — и не заводил.



Вот поставил он капкан. Утром пошел посмотреть — попала лисица.

— Ну, лисицу теперь продам, деньги возьму, на то и жениться буду.

Лисица ему говорит:

— Кузьма, отпусти меня, я тебе великое добро доспею, сделаю тебя Кузьмой Скоробогатым, только ты изжарь мне одну курочку с масличком — пожирнее.

Кузьма согласился. Изжарил курочку. Лиса наелась мяса, побежала в царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься.

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Бежит волк и спрашивает:

— Чего, кума, катаешься, лаешь?

— Как мне не кататься, не лаять! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Волк и просит:

— Лисанька, не сведешь ли меня к царю на обед?

— Станет царь из-за одного тебя беспокоиться. Собирайтесь вы — сорок волков, тогда поведу вас в гости к царю.

Волк стал по лесу бегать, волков собирать. Собрал сорок волков, привел их к лисице, и лиса повела их к царю.

Пришли к царю, лиса забежала вперед и говорит:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока волками.

Царь обрадовался, приказал всех волков загнать в ограду, запереть накрепко и сам думает: «Богатый человек Кузьма!»

А лисица побежала к Кузьме. Велела изжарить

еще одну курочку с масличком — пожирнее, пообедала сытно и пустилась на царские заповедные луга.

Катается, валяется по заповедным лугам. Бежит медведь мимо, увидел лису и говорит:

— Эк ведь, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!

А лиса ему:

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Медведь стал просить:

— Лиса, не сведешь ли меня к царю на обед?

— Для одного тебя царь и беспокоиться не захочет. Собери сорок черных медведей — поведу вас в гости к царю.

Медведь побежал в дуброву, собрал сорок черных медведей, привел их к лисе, и лисица привела их к царю. Сама забежала вперед и говорит:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока медведями.

Царь весьма тому обрадовался, приказал загнать медведей и запереть накрепко. Сам думает: «Вот какой богатый человек Кузьма!»

А лисица опять прибежала к Кузьме. И велела зажарить курочку с петушком, с масличком — пожирнее. Скушала на здоровье — и давай кататься в царских заповедных лесах.

Бежит мимо соболь с куницею:

— Эк, лукавая лиса, где так жирно накушалась?

— У-у-у! У царя была в гостях, чего хотела — пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Соболь и куница стали спрашивать лису:

— Кумушка, своди нас к царю. Мы хоть посмотрим, как пируют.

Лиса им говорит:



— Соберите сорок сороков соболей да куниц — поведу вас к царю.

Согнали соболь и куница сорок сороков соболей и куниц. Лиса привела их к царю, сама убежала вперед:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока сороками соболей да куниц.

Царь не может удивиться богатству Кузьмы Скоробогатого. Велел и этих зверей загнать, запретить накрепко.

«Вот, — думает, — беда, какой богач Кузьма!» На другой день лисица опять прибегает к царю:

— Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый приказал тебе кланяться и просит ведро с обручами — мерять серебряные деньги. Свои-то ведра у него золотом заняты.

Царь без отказа дал лисе ведро с обручами. Лиса прибежала к Кузьме и велела мерять ведрами песок, чтобы высветлить у ведра бочок.

Как высветлило у ведра бочок, лиса заткнула за обруча сколько-то мелких денежек и понесла назад царю. Принесла и стала сватать у него прекрасную царевну за Кузьму Скоробогатого.

Царь видит — денег много у Кузьмы: за обруча западали, он и не заметил. Царь не отказывает, велит Кузьме изготавиться и приезжать.

Поехал Кузьма к царю. А лисица вперед убежала и подговорила работников подпилить мостик.

Кузьма только что въехал на мостик — он вместе с ним и рушился в воду.

Лисица стала кричать:

— Ахти! Пропал Кузьма Скоробогатый!

Царь услышал и тотчас послал людей перехватить Кузьму. Вот они перехватили его, а лиса кричит:

— Ахти! Надо Кузьме одёжу дать — какую получше.

Царь дал Кузьме свою одёжу праздничную.

Приехал Кузьма к царю. А у царя ни пива варить, ни вина курить — все готово.

Обвенчался Кузьма с царевной и живет у царя неделю, живет другу.

— Ну,— говорит царь,— поедем теперь, любезный зять, к тебе в гости.

Кузьме делать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали. А лисица отправилась вперед. Видит — пастухи стерегут стадо овец, она их спрашивает:

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?

— Змея Горыныча.

— Сказывайте, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоньца: коли не скажете им, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, они вас всех и с овцами-то сожгут и спалят!

Пастухи видят, что дело неминуемое, и обещали сказывать про Кузьму Скоробогатого, как лиса научила.

А лиса пустилась вперед. Видит — другие пастухи стерегут коров.

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?

— Змея Горыныча.

— Сказывайте, что стадо это Кузьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Молоньца: они вас всех с коровами сожгут и спалят, коли станете поминать Змея Горыныча!

Пастухи согласились. Лиса опять побежала вперед. Добегает до конского табуна Змея Горыныча, велит пастухам сказывать, что этот табун Кузьмы Скоробогатого.

— А то едут царь Огонь да царица Молоньца: они вас всех с конями сожгут и спалят!

И эти пастухи согласились.



Лиса бежит вперед. Прибегает к Змею Горынычу прямо в белокаменные палаты:

— Здравствуй, Змей Горыныч!

— Что скажешь, лисанька?

— Ну, Змей Горыныч, теперь тебе надо скоро-наскоро прятаться. Едет грозный царь Огонь да царица Молоньца, все жгут и палят. Стада твои с пастухами прижгли и спалили. Я не стала мешкать — пустилась к тебе сказать, что сама чуть от дыма не задохлась.

Змей Горыныч закручинился:

— Ах, лисанька, куда же я подеваюсь?

— Есть в твоём саду старый заповедный дуб, середина вся повыгнила; беги, схоронись в дупле, пока царь Огонь с царицей Молоньцей мимо не проедут.

Змей Горыныч со страху спрятался в это дупло, как лиса научила.

Кузьма Скоробогатый едет себе да едет с царем да с женой-царевной. Доезжают они до овечьего стада. Царевна спрашивает:

— Пастушкí, чье стадо пасете?

— Кузьмы Скоробогатого.

Царь тому и рад:

— Ну, любезный зять, много же у тебя овец!

Едут дальше, доезжают до коровьего стада.

— Пастушки, чье стадо пасете?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зять, много же у тебя коров!

Едут они дальше; пастухи лошадей пасут.

— Чей табун?

— Кузьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зятюшка, много же у тебя коней!

Вот приехали ко дворцу Змея Горыныча.

Лиса встречает гостей, низко кланяется, вводит

их в палаты белокаменные, сажает их за столы дубовые, за скатерти браные...

Стали они пировать, пить-есть и веселиться. Пируют день, пируют другой, пируют они неделю.

Лиса и говорит Кузьме:

— Ну, Кузьма! Перестань гулять — надо дело исправлять. Ступай с царем в зеленый сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит Змей Горыныч, он от вас спрятался. Расстреляй дуб на мелкие части.

Кузьма пошел с царем в зеленый сад. Увидели они старый заповедный дуб, и стали они в тот дуб стрелять. Тут Змею Горынычу и смерть пришла.

Кузьма Скоробогатый стал жить-поживать с женой-царевной в палатах белокаменных и лисаньку всякий день угощать курочкой.



СНЕГУРУШКА И ЛИСА



ил да был старик со старухой. У них была внучка Снегурушка.

Пошла она летом с подружками по ягоды. Ходят по лесу, собирают ягоды. Деревцо за деревцо, кустик за кустик. И отстала Снегурушка от подруг.

Они аукали ее, аукали, но Снегурушка не слыхала.

Уже стало темно, подружки пошли домой.

Снегурушка как увидела, что осталась одна, влезла на дерево и стала горько плакать да припевать:



— Ау! Ау! Снегурушка,
Ау! Ау! голубушка!
У дедушки, у бабушки
Была внучка Снегурушка;
Ее подружки в лес заманили,
Заманивши — покинули.

Идет медведь и спрашивает:

— О чем ты, Снегурушка, плачешь?

— Как мне, батюшка-медведишка, не плакать?

Я одна у дедушки, у бабушки внучка Снегурушка.
Меня подружки в лес заманили, заманивши —
покинули.

— Сойди, я тебя отнесу домой.

— Нет. Я тебя боюсь, ты меня съешь!

Медведь ушел от нее. Она опять заплакала, за-
припевала:

— Ау! Ау! Снегурушка,
Ау! Ау! голубушка!

Идет волк:

— О чем ты, Снегурушка, плачешь?

— Как мне, серый волк, не плакать, меня по-
дружки в лес заманили, заманивши — покинули.

— Сойди, я тебя отнесу домой.

— Нет. Ты меня съешь!

Волк ушел, а Снегурушка опять заплакала, за-
припевала:

— Ау! Ау! Снегурушка,
Ау! Ау! голубушка!

Идет лисица:

— Чего ты, Снегурушка, плачешь?

— Как мне, Лиса Олисава, не плакать? Меня
подружки в лес заманили, заманивши — покинули.

— Сойди, я тебя отнесу.

Снегурушка сошла, села на спину к лисице, и та помчалась с нею. Прибежала к дому и стала хвостом стучаться в калитку.

— Кто там?

Лиса отвечает:

— Я принесла вашу внучку Снегурушку!

— Ах ты наша милая, дорогая Лиса Олисава! Войди к нам в избу. Где нам тебя посадить? Чем нам тебя угостить?

Принесли молока, яиц, творогу и стали лисицу потчевать за ее услугу. А потом простились и дали ей на дорогу еще курочку.



ЛИСИЧКА-
СЕСТРИЧКА
И ВОЛК



или себе дед да баба.

Дед говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая.

— Вот будет подарок жене! — сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама ушла.



— Ну, старуха,— говорит дед,— какой воротник привез я тебе на шубу!

— Где?

— Там на возу — и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы — и начала ругать мужа:

— Ах ты, такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбу в кучку, уселась на дорогу и кушает себе. Приходит к ней серый волк:

— Здравствуй, сестрица!

— Здравствуй, братец!

— Дай мне рыбки!

— Налови сам да и кушай.

— Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и малá, и великá! Ловись, рыбка, и малá, и великá!» Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошел на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

— Ловись, рыбка, и малá и великá!

Ловись, рыбка, и малá и великá!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

— Ясни, ясни на небе звезды,

Мерзни, мерзни, волчий хвост!

— Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?



— То я тебе помогаю.
А сама, плутовка, поминутно твердит:

— Мерзни, мерзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовав было приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащишь!» — думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

— Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка — кто комыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплачу, сестрица!»

Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть. Забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

— Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

— Эх, волчику-братику! — говорит лисичка-сестричка. — У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилу плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он ее и повез.

Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:



— Битый небитого везет,
Битый небитого везет!

- Что ты, сестрица, говоришь?
- Я, братец, говорю: «Битый битого везет».
- Так, сестрица, так!



ЛИСА И ЗАЯЦ



или-были лиса да заяц. У лисы была избенка ледяная, у зайца — лубяная.

Пришла весна красна — у лисы избенка растаяла, а у зайца стоит по-старому.

Вот лиса и попросилась у него переночевать, да его из избенки и выгнала. Идет дорóгой зайчик, плачет. Ему навстречу собака:

— Тяф, тяф, тяф! Что, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ко мне ночевать, да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчик! Я твоему горю помогу.

Подшли они к избенке. Собака забрехала:

— Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Собака испугалась и убежала.

Зайчик опять идет дорóгой, плачет. Ему навстречу медведь:



— О чем, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Не плачь, я твоему горю помогу.

— Нет, не сможешь. Собака гнала — не выгнала, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избенке. Медведь как закричит:

— Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Медведь испугался и убежал.

Идет опять зайчик. Ему навстречу бык:

— Что, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Пойдем, я твоему горю помогу.

— Нет, бык, не сможешь. Собака гнала — не выгнала, медведь гнал — не выгнал, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избенке. Бык как заревел:

— Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Бык испугался и убежал.

Идет опять зайчик дорóгой, плачет пуще прежнего. Ему навстречу петух с косой:

— Ку-ка-реку! О чем, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.



— Пойдем, я твоему горю помогу.

— Нет, петух, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избенке. Петух лапами затопал, крыльями забил:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посéчи,
Слезай, лиса, с пéчи,
Поди, лиса, вон!

Лиса услышала, испугалась и говорит:

— Обуваюсь...

Петух опять:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посéчи,
Слезай, лиса, с пéчи,
Поди, лиса, вон!

Лиса опять говорит:

— Одеваюсь...

Петух в третий раз:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посéчи,
Слезай, лиса, с пéчи,
Поди, лиса, вон!

Лиса без памяти убежала, петух ее тут и зарубил косой.

И стали они с зайчиком жить-поживать в лубяной избенке.

ЛИСА И КУВШИН



ышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала; пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

— Ну, кувшин, пошутил, да и будет — отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать — поиграл, да и полно!

Не отстаёт кувшин, хоть ты что хочешь.

Рассердилась лиса:

— погоди же ты, проклятый, не отстаешь честью, так я тебя утоплю.

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой потянул.



ЛИСА И ЖУРАВЛЬ



иса с журавлем подружилась.

Вот вздумала лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!

Пошел журавль на званый пир. А лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает:

— Покушай, голубчик куманек,— сама стряпала.

Журавль стук-стук носом по тарелке, стучал, стучал — ничего не попадает!

А лисица лижет себе да лижет кашу, так все сама и съела.

Кашу съела и говорит:

— Не обессудь, куманек! Больше потчевать нечем.

Журавль ей отвечает:

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса к журавлю, а он приготовил окрошку, наклал в кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина. И так зайдет, и эдак, и лизнет его, и понюхает-то,— никак достать не может: не лезет голова в кувшин.

А журавль клюет себе да клюет, пока все не съел.

— Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада. Думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла — несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось!

С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.



КАК ЛИСА
УЧИЛАСЬ
ЛЕТАТЬ



стретился с лисицей журавль:

- Что, лисица, умеешь ли летать?
- Нет, не умею.
- Садись на меня, научу.

Села лисица на журавля. Унес ее журавль высоко-высоко.

- Что, лисица, видишь ли землю?
- Едва вижу: с овчину земля кажется!

Журавль ее и стряхнул с себя.

Лисица упала на мягкое место, на сенную кучу.

Журавль подлетел:

- Ну как, умеешь, лисица, летать?
- Летать-то умею — садиться тяжело!
- Садись опять на меня, научу.

Села лиса на журавля. Выше прежнего унес он ее и стряхнул с себя.

Упала лисица на болото: на три сажени ушла в землю.

Так лисица и не научилась летать.



ЛИСА
И РАК



Лиса говорит раку:

— Давай перегоняться!

— Что же, лиса, давай.

Начали перегоняться.

Лиса побежала, а рак уцепился лисе за хвост.

Лиса до места добежала, обернулась посмотреть, вильнула хвостом, рак отцепился и говорит:

— А я уж давно тут тебя жду.



ПЕТУШОК —
ЗОЛОТОЙ
ГРЕБЕШОК



Жили-были кот, дрозд да петушок — золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят — строго наказывают:

— Мы пойдем далеко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай; когда придет лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,



Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору. Закричал петушок:

— Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

— Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы еще дальше пойдем, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

— Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...



Петушок и выставил головку в окошко:

— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.
Закричал петушок:

— Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали лису — кот дерет, дрозд клюет, и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывают петушку:

— Не слушай лисы, не выглядывай в окошко, мы еще дальше уйдем, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес дрова рубить. А лиса — тут как тут: села под окошечко и поет:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

— Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок все помалкивает. А лиса — опять:



— Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти плотно, понесла в свою нору, за темные леса, за быстрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал — кот и дрозд не услышали его. А когда вернулись домой — петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит... Прибежали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы и давай натренькивать:

— Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...
Еще дома ли Лисафья-кума,
Во своем ли теплом гнездышке?

Лисица слушала, слушала и думает:

«Дай-ка посмотрю — кто это так хорошо на гуслях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд ее схватили — и давай бить-колотить. Били и колодили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.



ЛИСА И ТЕТЕРЕВ



тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

— Здравствуй, тетеревочек, мой дружок, как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать.

— Спасибо на добром слове,— сказал тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышала, и говорит:

— Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружок, сошел на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

— Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

— Или ты меня боишься? — сказала лисица.

— Не тебя, так других зверей боюсь,— сказал тетерев.— Всякие звери бывают.

— Нет, тетеревочек, мой дружок, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

— Вот это хорошо,— сказал тетерев,— а то вот собаки бегут; кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услышала про собак, наострила уши и хотела бежать.

— Куда ж ты? — сказал тетерев.— Ведь нынче указ, собаки не тронут.

— А кто их знает! — сказала лиса.— Может, они указа не слышали.

И убежала.

ЛИСА- ИСПОВЕДНИЦА



днажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам.

Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насеста-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес — разгуляться, а лисица уж давно его стережет; спряталась за куст и поджидает: скоро ли петух подойдет.

А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе.

В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала-думала, да и придумала:

«Дай прельщу его!»

Подходит к дереву и стала здороваться:

— Здравствуй, Петенька!

«Зачем ее лукавый занес?» — думает петух.

А лиса приступает со своими хитростями:

— Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Ты, Петя, на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму.

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит:



— Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за всё ответишь: попомнишь про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком,— а я в то время три дня ничего не ела,— и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..

— Ах, лиса! — говорит петух.— Ласковые твои словеса! Премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвиrneю, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдет про нас слава добрая.

Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.



ЛИСА И ДРОЗД



Дрозд на дереве гнездышко свил, яички снес и вывел детенышей. Узнала про это лисица. Прибежала и — тук-тук хвостом по дереву.

Выглянул дрозд из гнезда, а лиса ему:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

— Лисанька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да медом накормлю.

— Ну, накормишь пирогами да медом — не буду дерева рубить!

— Вот пойдём со мной на большую дорогу.

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит.

Увидел дрозд, что идет старуха с внучкой, несут корзину пирогов и кувшин меду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит от земли да и сядет, взлетит да и сядет.

Внучка говорит бабушке:

— Давай поймаем эту птичку!

— Да где нам с тобой поймать!

— Как-нибудь поймаем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха с внучкой поставили корзину да кувшин на землю и побежали за дроздом.

Отвел их дрозд от пирогов да от меду. А лисица не зевала: вволю пирогов да меду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в свое гнездо.

А лиса тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить:

— Лисанька-матушка, дерево не руби, детушек моих не губи! Я тебя пивом напою.

— Ну, пойдем скорей. Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит — едет мужик, везет бочку пива. Дрозд к нему: то на лошадь сядет, то на бочку. До того рассердил мужика, тот захотел убить его. Сел дрозд на гвоздь, а мужик как ударит топором — и вышиб из бочки гвоздь. Сам побежал догонять дрозда. А пиво из бочки на дорогу льется. Лиса напилась, сколько хотела, пошла, песни запела.



Улетел дрозд в свое гнездо. Лисица опять тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Теперь рассмеши меня, а то дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Повел дрозд лису в деревню. Видит — старуха корову доит, а рядом старик лапти плетет. Дрозд сел старухе на плечо. Старик и говорит:

— Старуха, ну-ка не шевелись, я убью дрозда! — И ударил старуху по плечу, а в дрозда не попал.

Старуха упала, подойник с молоком опрокинула.

Вскочила старуха и давай старика ругать.

Долго лисица смеялась над глупым стариком.

Улетел дрозд в свое гнездо. Не успел детей накормить, лисица опять хвостом по дереву: тук-тук-тук!

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Рассмешил ты меня?

— Рассмешил!

— Теперь напугай меня!

Рассердился дрозд и говорит:

— Закрой глаза, беги за мной!

Полетел дрозд, летит-покрикивает, а лисица бежит за ним — глаз не открывает.

Привел дрозд лису прямо на охотников.

— Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак — и наутек. А собаки — за ней. Едва добралась до своей норы.

Залезла в нору, отдышалась малёнько и начала спрашивать:

— Глазки, глазки, что вы делали?

— Мы смотрели, чтобы собаки лисаньку не съели.

— Ушки, ушки, что вы делали?

— Мы слушали, чтобы собаки лисаньку не скушали.

— Ножки, ножки, что вы делали?

— Мы бежали, чтобы собаки лисаньку не поймали.

— А ты, хвостище, что делал?

— Я, хвостище, по пням, по кустам, по колодам цеплял да тебе бежать мешал.

Рассердилась лисица на хвост и высунула его из норы:

— Натё, собаки, ешьте мой хвост!

Собаки ухватили лису за хвост и вытащили ее из норы.



КОТ И ЛИСА



ил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понес в лес. Принес и бросил его в лесу — пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрел на избушку. Залез на чердак и полеживает себе. А захочет есть — пойдет в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта — и опять на чердак, и горя ему мало!



Вот пошел кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

— Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса. — Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама все спрашивает:

— Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост.

— И я, лисица, — девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несет домой, а навстречу ей волк:

— Стой, лиса! Отдай утку!

— Нет, не отдам!

— Ну, я сам отниму.

— А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой серди-

тый: кто ему не по нраву придется, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придется!

Волк побежал за бараном, а лиса — домой. Идет лиса, и повстречался ей медведь:

— Стой, лиса, кому утку несешь? Отдай мне!

— Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы — Котофея Ивановича — жена.

— А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придется!

Медведь пошел за быком, а лиса — домой.

Вот принес волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит — и медведь лезет с быком.

— Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал ли сицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови,— говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне!



Вдруг — откуда ни возьмись — бежит заяц.
Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда, косою!

Заяц так и присел, уши поджал.

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Леоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

— А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идет ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Леоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косою, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

— Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Мау, мау!..

Медведь опять говорит волку:

— Невелик, да прожорлив! Нам четверым не

съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберется!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услышал, что листья шевелятся, подумал, что это мышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, — думает медведь, — увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печенки отбил, вскочил — да наутек.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.



ЛИСА И КОЗЕЛ



ежала лиса, на ворон зазевалась — и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскокить — тоже.

Сидит лиса, горюет.

Идет козел — умная голова; идет, бородищей

Трясет, рожищами мотает; заглянул от нечего делать в колодец, увидел там лису и спрашивает:

— Что ты там, лисанька, поделываешь?

— Отдыхаю, голубчик,— отвечает лиса,— там, наверху, жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой — сколько хочешь!

А козлу давно пить хочется.

— Хороша ли вода-то? — спрашивает козел.

— Отличная,— отвечает лиса.— Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь: здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козел, чуть лисы не задавил. А она ему:

— Эх, бородатый дурень, и прыгнуть-то не умел — всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козел с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.



МЕДВЕДЬ И ЛИСА



или-были медведь и лиса.

У медведя в избе на чердаке была припасена кадушка меду.

Лиса про то сведала. Как бы ей до меду добраться?

Прибежала лиса к медведю, села под окошечко:



— Кум, ты не знаешь моего горечка!

— Что, кума, у тебя за горечко?

— Изба моя худая, углы провалились, я и печь не топила. Пусти к себе ночевать.

— Поди, кума, переночуй.

Вот легли они спать на печке. Лиса лежит да хвостом вертит. Как ей до меду добраться? Медведь заснул, а лиса — тук-тук хвостом.

Медведь спрашивает:

— Кума, кто там стучит?

— А это за мной пришли, на повой зовут.

— Так сходи, кума.

Вот лиса ушла. А сама влезла на чердак и почала кадушку с медом. Наелась, воротилась и опять легла.

— Кума, а кума, — спрашивает медведь, — как назвали-то?

— Починочком.

— Это имечко хорошее.

На другую ночь легли спать, лиса — тук-тук хвостом:

— Кум, а кум, меня опять на повой зовут.

— Так сходи, кума.

Лиса влезла на чердак и до половины мед-то и поела. Опять воротилась и легла.

— Кума, а кума, как назвали-то?

— Половиночком.

— Это имечко хорошее.

На третью ночь лиса — тук-тук хвостом:

— Меня опять на повой зовут.

— Кума, а кума, — говорит медведь, — ты не долго ходи, а то я блины хочу печь.

— Ну, это я скоро обернусь.

А сама — на чердак и докончила кадушку с медом, все выскребла. Воротилась, а медведь уже встал.



— Кума, а кума, как назвали-то?

— Поскрёбышком.

— Это имечко и того лучше. Ну, теперь давай блины печь.

Медведь напек блинов, а лиса спрашивает:

— Мед-то у тебя, кум, где?

— А на чердаке.

Полез медведь на чердак, а меду-то в кадушке нет — пустая.

— Кто его съел? — спрашивает. — Это ты, кума, больше некому!

— Нет, кум, я мед в глаза не видала. Да ты сам его съел, а на меня говоришь!

Медведь думал, думал...

— Ну,— говорит,— давай пытаться, кто съел. Ляжем на солнышке вверх брюхом. У кого мед вытопится — тот, значит, и съел.

Легли они на солнышке. Медведь уснул. А лисе не спится. Глядь-поглядь — на животе у нее и показался медок. Она ну-ко скорее перемазывать его медведю на живот.

— Кум, а кум! Это что? Вот кто мед-то съел!

Медведь — делать нечего — повинулся.



ЗВЕРИ В ЯМЕ



или-были петушок и курочка. Вот пошел град. Испугалась курочка и кричит:

— Петушок, петушок! Беда! Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают! Бежим отсюда!



И побежали. Бежали, бежали. Им навстречу — заяц:

— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?

— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!

— Возьмите меня!

И побежали втроем. Им навстречу — лиса:

— Куда, зайчик, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петушка!

— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?

— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!

— Возьмите меня!

И побежали вчетвером. Им навстречу — волк:

— Куда, лиса, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай зайца!

— Куда, зайчик, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петушка!

— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?

— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!

— Возьмите меня!

И побежали впятером. Им навстречу — медведь:

— Куда, волк, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай лису!

— Куда, лисичка, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай зайца!

— Куда, зайчик, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петушка!



— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?

— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!

— Возьмите меня!

И побежали вшестером. Бежали, бежали да в глубокую яму и упали. Долго они в яме сидели, есть захотели, а выйти не могут.

Вот лиса и говорит:

— Давайте имена спрашивать! Чье имя хуже, того и съедим.

И запела лиса:

— Медведь-медведúхно — имечко хорошее.

Лиса-олисáва — имечко хорошее.

Волк-волчúхно — имечко хорошее.

Заяц-зайчúхно — имечко хорошее.

Петух-петушúхно — имечко хорошее.

Кура-окура́ва — имя худое!

Тут курочку и съели.

Прошло немного времени — опять есть хочется
Лиса запела:

— Медведь-медведúхно — имечко хорошее.

Лиса-олисáва — имечко хорошее.

Волк-волчúхно — имечко хорошее.

Заяц-зайчúхно — имечко хорошее.

Петух-петушúхно — имя худое!

И съели петушка.

Посидели — опять есть захотели. Лиса запела:

— Медведь-медведúхно — имечко хорошее.

Лиса-олисáва — имечко хорошее.

Волк-волчúхно — имечко хорошее.
Заяц-зайчúхно — имя худое!



Съели и зайца. Долго ли, коротко ли, опять есть захотели. Лиса запела:

— Медведь-медведúхно — имечко хорошее.
Лиса-олисáва — имечко хорошее.
Волк-волчúхно — имя худое!

Разорвал медведь волка. Стали они с лисой есть. Лиса часть съела, а другую-то припрятала. Сидели-сидели, опять проголодались. Лиса потихоньку начала есть припрятанное, а медведь спрашивает:

— Чем, лисанька, лакомишься?
— Кишочки свои достаю и ем.
— А как ты их достаешь?
— Распорола брюхо и достаю.

Медведь поверил и распорол себе брюхо.

Осталась лиса одна в яме. Прошло немного времени, летит мимо птичка-синичка. Лиса и кричит ей:

— Птичка-синичка, выручи меня из беды!
— А как я тебя выручу?
— Наноси в яму веток!

Наносила птичка-синичка в яму веток, и выбралась лисица на волю.



ЗИМОВЬЕ
ЗВЕРЕЙ



старика со старухой
были бык, баран, гусь да петух и свинья.

Вот старик и говорит старухе:

— А что, старуха, с петухом-то нам нечего
делать, зарежем его к празднику!

— Так что ж, зарежем.

Услышал это петух и ночью в лес убежал. На
другой день старик искал, искал — не мог найти
петуха. Вечером опять говорит старухе:

— Не нашел я петуха, придется нам свинью
заколоть!

— Ну, заколи свинью.

Услышала это свинья и ночью в лес убежала.

Старик искал, искал свинью — не нашел:

— Придется барана резать!

— Ну что ж, зарежь.

Баран услышал это и говорит гусю:

— Убежим в лес, а то зарежут и тебя и меня!

И убежали баран с гусем в лес.

Вышел старик на двор — нет ни барана, ни гуся.
Искал, искал — не нашел:

— Что за чудо! Вся скотина извелась, один бык
остался. Придется, видно, быка резать!

— Ну что ж, зарежь.

Услышал это бык и убежал в лес.

Летом в лесу привольно. Живут беглецы — горя
не знают. Но прошло лето, пришла и зима.

Вот бык пошел к барану:

— Как же, братцы-товарищи? Время приходит
студеное — надо избу рубить.



Баран ему отвечает:

— У меня шуба теплая, я и так прозимую.

Пошел бык к свинье:

— Пойдем, свинья, избу рубить!

— А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: заруюсь в землю и без избы прозимую.

Пошел бык к гусю:

— Гусь, пойдем избу рубить!

— Нет, не пойду. Я одно крыло постелю, другим накроюсь — меня никакой мороз не проймет.

Пошел бык к петуху:

— Давай избу рубить!

— Нет, не пойду. Я зиму и так под елью про-
сизжу.

Бык видит: дело плохо. Надо одному хлопотать.

— Ну,— говорит,— вы как хотите, а я стану избу ставить.

И срубил себе избушку один. Затопил печку и полеживает, греется.

А зима завернула холодная — стали пробираться морозы. Баран бегал, бегал, согреться не может — и пошел к быку:

— Бэ-э!.. Бэ-э! Пусти меня в избу!

— Нет, баран. Я тебя звал избу рубить, так ты сказал, что у тебя шуба теплая, ты и так про-
зимуешь.

— А коли не пустишь, я разбегусь, вышибу дверь с крючьев, тебе же будет холоднее.

Бык думал, думал: «Дай пушу, а то застудит он меня».

— Ну, заходи.

Баран вошел в избу и перед печкой на лавочку лег.

Немного погода прибежала свинья:

— Хрю! Хрю! Пусти меня, бык, погреться!

— Нет, свинья. Я тебя звал избу рубить, так ты

Сказала, что тебе хоть какие морозы — ты в землю зароешься.

— А непустишь, я рылом все углы подрою, твою избу уроню!

Бык подумал-подумал: «Подроет она углы, уронит избу».

— Ну, заходи.

Забежала свинья в избу и забралась в подполье.

За свиньей гусь летит:

— Гагак! Гагак! Бык,пусти меня погреться!

— Нет, гусь, не пущу! У тебя два крыла, одно подстелешь, другим оденешься — и так прозиmueшь.

— А непустишь, так я весь мох из стен вытереблю!

Бык подумал-подумал и пустил гуся. Зашел гусь в избу и сел на шесток.

Немного погода прибегает петух:

— Ку-ка-ре-ку! Бык,пусти меня в избу.

— Нет, не пущу, зимуй в лесу, под елью.

— А непустишь, так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, в избу холода напущу.

Бык пустил и петуха. Взлетел петух в избу, сел на брус и сидит.

Вот они живут себе впятером — поживают. Узнали про это волк и медведь.

— Пойдем,— говорят,— в избушку, всех поедим, сами станем там жить.

Собрались и пришли. Волк говорит медведю:

— Иди ты вперед, ты здоровый.

— Нет, я ленив, ты шустрей меня, иди ты вперед.

Волк и пошел в избушку. Только вошел — бык рогами его к стене и припер. Баран разбежал-

ся — да бац, бац, начал осаживать волка по бокам. А свинья в подполье кричит:

— Хрю-хрю-хрю! Ножи точу, топоры точу, живого съест волка хочу!

Гусь его за бока щиплет, а петух бегаёт по брусу да кричит:

— А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножишко здесь, и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!

Медведь услышал крик — да бежать. А волк рвался, рвался, насилу вырвался, догнал медведя и рассказывает:

— Ну, что мне было! До смерти чуть не забил... Как вскочил мужичище, в черном армячище, да меня ухватом-то к стене и припер. А поменьше мужичишка, в сереньком армячишке, меня обухом по бокам, да все обухом по бокам. А ещё поменьше того, в беленьком кафтанишке, меня щипцами за бока хватал. А самый маленький мужичишка, в красненьком халатишке, бегаёт по брусу да кричит: «А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножишко здесь, и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!» А из подполья ещё кто-то как закричит: «Ножи точу, топоры точу, живого съест его хочу!»

Волк и медведь с той поры к избушке близко не подходили.

А бык, баран, гусь да петух и свинья живут там, поживают и горя не знают.



ЛИСА- СТРАННИЦА



лохо жилось лисе, вот и надумала она сделаться странницей — идти на богомолье.

Срядилась и пошла. Попался ей навстречу медведь, спрашивает:

— Куда, лиса, идешь?

— Богу молиться... Пошли со мной. Сама иду и тебя поведу.

— Пойдем.

Шли-шли, навстречу им волк:

— Куда, лиса, идешь, куда медведя ведешь?

— Богу молиться... Пошли с нами. Сама иду и вас поведу.

И он пошел.

Шли-шли, навстречу — заяц:

— Куда, лиса, идешь, куда медведя с волком ведешь?

— На богомолье. Пошли со мной. Сама иду и тебя поведу.

И заяц пошел.

Шли-шли, шли-шли — на дороге яма. Как перейти?

Лиса положила жердочку и говорит медведю:

— У тебя ноги толстенькие, лапы широконогие: пойдешь — не упадешь!

Медведь пошел. Как ступил, так и бухнулся в яму, убился насмерть.

Лиса говорит волку:

— Ты, куманек-волченочек, иди. У тебя лапки хорошенькие, когти остренькие — ты удержишься.

Вот волк и пошел — и бухнулся в яму, тоже убилися.

Лиса говорит зайцу:

— Ты, зайчик-боботунчик, иди. У тебя ножки тоненькие, сам легонький. Скорёхонько пробежишь по жердочке.

Заяц пошел — и бух в яму, убилися.

А лиса залезла в яму и всех съела.

Вот тебе и богомолье!



У СТРАХА
ГЛАЗА
ВЕЛИКИ



или-были бабушка-старушка, внучка-хохотушка, курочка-клохтушка и мышка-норушка.

Каждый день ходили они за водой. У бабушки были ведра большие, у внучки — поменьше, у курочки — с огурчик, у мышки — с наперсточек.

Бабушка брала воду из колодца, внучка — из колоды, курочка — из лужицы, а мышка — из следа от поросычьего копытца.

Назад идут, у бабушки вода трё-ё-х, плё-ё-х! У внучки — трёх! плёх! У курочки — трёх-трёх! плёх-плёх! У мышки — трёх-трёх-трёх! плёх-плёх-плёх!

Вот раз наши водоносы пошли за водой. Воды набрали, идут домой через огород.

А в огороде яблонька росла, и на ней яблоки висели. А под яблонькой зайка сидел. Налетел

На яблоньку ветерок, яблоньку качнул, яблочко хлоп — и зайке в лоб!

Прыгнул заяка, да прямо нашим водоносам под ноги.

Испугались они, ведра побросали и домой побежали. Бабушка на лавку упала, внучка за бабку спряталась, курочка на печку взлетела, а мышка под печку схоронилась. Бабка охает:

— Ох! Медведище меня чуть не задавил!

Внучка плачет:

— Бабушка, волк-то какой страшный на меня наскочил!

Курочка на печке кудахчет:

— Ко-ко-ко! Лиса ведь ко мне подкралась, чуть не сцапала!

А мышка из-под печки пищит:

— Котище-то какой усатый! Вот страху я на-терпелась!

А заяка в лес прибежал, под кустик лег и думает:

«Вот страсти-то! Четыре охотника за мной гнались, и все с собаками; как только меня ноги унесли!»

Верно говорят: «У страха глаза велики: чего нет, и то видят».



ХИТРЫЙ КОЗЕЛ



ил старик со старухой. У них никого не было, только один козел. Этот козел три года за печкой жил.

Вот скочил козел по полю, побежал вдоль по дорожке, а ему волк навстречу. Испугался козел, скочил на десять сажен в лес и спрашивает у волка:

— Не видал ли ты, волк, двух волков — двух брátелков?

— На что тебе-ко их?

— Подраться, побороться, побаталиться!

Испугался волк и говорит:

— Видел — они за двумя болотами, за осиновыми колодами...

Козел опять побежал вдоль по дорожке, и опять ему навстречу волк. Испугался козел, на три сажени в лес скочил и спрашивает:

— Не видал ли ты двух волков — двух брателков?

— На что тебе их?

— Подраться, побороться, побаталиться!

— Ну-ко, давай со мной бороться!

Ему козел и говорит:

— Давай. Мне ведь надо рогами — так давай разбежимся!

Согласился волк. Стал козел разбегаться — да и убежал домой.

А волк и доныне его ждет в лесу.



ГЛУПЫЙ ВОЛК



ил-был волк, старый-престарый. Зубы у него приломались, глаза плохо видят. Тяжело стало жить старому: хоть ложись да помирай.

† Вот пошел волк в поле искать себе добычи и видит — пасется жеребенок.

— Жеребенок, жеребенок, я тебя съем!

— Где тебе, старому, съесть меня! Да у тебя и зубов-то нет.

— А вот есть зубы!

— Покажи, коли не хвастаешь!

Волк и оскалил зубы:

— Смотри!

А жеребенок лягнул его изо всех сил по оскаленным зубам да и был таков.

Упал волк без памяти. Лежал, лежал, насилу очухался. Голод не тетка, побрел он дальше.

Идет лесом, навстречу ему — портной. Веселый такой портной: песни поет и аршином железным помахивает.

Остановился волк посреди дороги:

— Портной, портной, я тебя съем!

Посмотрел портной на волка:

— Ну, что ж делать! Так и быть, ешь. Дай только смеряю тебе брюхо: влезу ли еще в тебя-то.

— Меряй,— говорит волк,— да поскорей, а то очень есть хочу.

Портной зашел сзади, схватил волка за хвост, намотал его на руку и давай по бокам аршином лупить, бьет да приговаривает:

— Аршин вдоль, аршин поперек! Аршин вдоль, аршин поперек!

Рвался, рвался волк, полхвоста оторвал, насилу ноги унес.

Плетется волк да зализывает рану. Вдруг видит — пасется на горе большой козел.

— Козел, а козел! Я тебя съем!

— Ну что ж, ешь, коли тебе хочется. Только зачем понапрасну зубы ломать, ты лучше стань под

горой и разинь пасть пошире, а я с горы разбе-
гусь — да прямо к тебе в рот.

Волк стал под горой, разинул пасть и ждет.

Козел разбежался с горы и ударил волка в лоб,
тот с ног свалился. А козел и был таков.

Отлежался волк, встал и думает:

«Проглотил я козла или нет? Коли бы я съел
козла, брюхо было бы полнехонько. Наверно, он
меня, бездельник, обманул».

Погоревал, погоревал и пошел опять искать себе
добычи. Увидел под кустом падаль, бросился на нее
и попал в капкан.



КАК ВОЛК СТАЛ ПТИЧКОЙ



ежали куда-то по сво-
им делам лиса и волк, а бежать им через луг. Стоит
на лугу стожок, сидит на стожке птичка — головка
и спинка черные, перья рыжие и красные. Вспорх-
нула и улетела. Волк и говорит:

— Вот бы и мне стать таким!

— Это просто,— сказала лиса.

— Окажи, кумушка, милость, послужи. Переде-
лай меня.

— Ладно,— сказала лиса.— Беги в деревню, по-
проси зажженный пук лучины и неси сюда.

Побежал волк в деревню, а лиса прорыла в
стожку дыру — только-только пролезть.

Вернулся волк с огнем. Лиса говорит:



— Лезь в стожок, забейся в самую середину. Волк залез, а лиса обложила стожок огнем кругом — и наутек!

Стожок горит все сильнее — начало волка жаром припекать. Он терпит. Не стало мочи терпеть — выскочил из огня на себя не похож: бока обгорели — стали рыжие с красными подпалинами, шерсть на холке и на спине черная, дымится.

Ну, совсем как та птичка!



ВОЛК,
ПЕРЕПЕЛКА
И ДЕРГУН



етела перепелка, села на меже и вздремнула. И схватил ее волк:

— Я тебя съем.

Стала перепелка просить:

— Не ешь меня, за это я тебе пригоню пять телят. А от меня тебе какая еда — четверть фунта со всем пухом!

— Обманешь, — говорит волк.

Перепелка ну уверять:

— Не обману!

Волк рад. «Ах, — думает, — телят на целую неделю хватит». И отпустил перепелку. А сам лег и стал ждать.

Полетела перепелка, а на другой меже — дергун. Перепелка говорит:

— Кум-куманек, не знаешь моего горя. Меня волк поймал.

— Как же ты спаслась?
— А обещала ему пригнать пять телят.
Вот дергун и стал кричать:
— Тпрусь... тпрусь... тпрусь...
А перепелка:
— Пять телят, пять телят...
Волк слышит:
— Вот, вот гонят!
Ждал-ждал, да не дождался.



КАК ЛИСА
ШИЛА
ВОЛКУ
ШУБУ



дет волк по лесу. Видит, дятел долбит дерево; он ему и говорит:

— Вот ты, дятел, все долбишь и долбишь, работаешь, работаешь, а хатки за свой век построить не можешь!

А дятел волку и говорит:

— А ты, волк, все режешь и режешь скот, а жюуха за свой век не сошьешь!

Подумал волк, что дятел правильно ему говорит, приходит к лисе:

— Лиса, сшей мне шубу. А я тебе принесу овечек!

Согласилась лиса.

Вот волк приносит лисе овец: одну, другую, третью, а шубы все нет. А лиса мясо съест, шерсть же на базаре продаст. Наконец волк и спрашивает:



— Когда же, лиса, шуба готова будет?

А лиса говорит:

— Сегодня к вечеру шуба готова будет, надо только на обводы шерсти. Пойди к людскому огороду, там лошадь стоит. Ты зарежь ее и принеси хвост и гриву на обводы!

Пошел волк и видит лошадь. Подкрался к ней сзади и только хотел вцепиться в нее зубами, она как ударит его копытами — и убила насмерть...

И сейчас по снегу волка косточки блестят.



ОВЦА,
ЛИСА
И ВОЛК



бежала у одного мужика овца. Навстречу ей — лиса:

— Куда, овечка, идешь? Куда путь держишь?

— Ох, лисичка-сестричка! Была я у мужика, да житья мне не стало: где баран сдурит-напроказит, а все я, овца, виновата! Вот и вздумала уйти куда глаза глядят.

— И я тоже! — говорит лиса. — Где коршун ли, ястреб ли курочку словят, а все я, лиса, виновата. Побежим-ка вместе!

Встретился им голодный волк:

— Овца и лиса, далече ли бредете?

Лиса ему:

— А куда глаза глядят!

— Пойдемте вместе!

Пошли они втроем. Вдруг волк говорит овце:

— А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой!

Лиса услышала это и подхватила:

— Вправду, братец, твой?

— Верно говорю, мой тулуп.

— И к присяге пойдешь?

— Пойду,— говорит волк.

— Тогда целуй присягу!

Лиса сметила, что мужик на тропинке поставил капкан. Подвела волка к капкану и говорит:

— Вот здесь и целуй!

Волк сдуру сунулся туда мордой; капкан щелкнул и ухватил его.

Лиса с овцой убежали подобру-поздорову.



ВОЛК И КОЗЛЯТА



ила-была коза с козлятами. Уходила коза в лес есть траву шелкóвую, пить воду студеную. Как только уйдет — козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоет:

— Козлятушки, ребятушки!

Отопритесь, отворитесь!

Ваша мать пришла — молока принесла;

Бежит молоко по вымечку,

Из вымечка по копытечку,

Из копытечка во сыру землю!

Козлятки отопрут дверь и впустят мать. Она их

покормит, напоит и опять уйдет в лес, а козлята запрутса крепко-накрепко.

Волк подслушал, как поет коза. Вот раз коза ушла, волк побежал к избушке и закричал толстым голосом:

— Вы, детушки!
Вы, козлятушки!
Отопритесь,
Отворитесь,
Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытцы водицы!

Козлята ему отвечают:

— Слышим, слышим — да не матушкин это голосок! Наша матушка поет тонюсеньким голосом и не так причитает.

Волку делать нечего. Пошел он в кузницу и велел себе горло перековать, чтоб петь тонюсеньким голосом. Кузнец ему горло перековал. Волк опять побежал к избушке и спрятался за куст.

Вот приходит коза и стучится:

— Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята впустили мать и давай рассказывать, как приходил волк, хотел их съесть.

Коза накормила, напоила козлят и строго-на-строго наказала:

— Кто придет к избушечке, станет проситься толстым голосом да не переберет всего, что я вам

причитываю,— дверь не отворяйте, никого не впускайте.



Только ушла коза, волк опять шасть к избушке, постучался и начал причитывать тонюсеньким голосом:

— Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята отворили дверь, волк кинулся в избу и всех козлят съел. Только один козленочек схоронился в печке.

Приходит коза; сколько ни звала, ни причитывала — никто ей не отвечает. Видит — дверь отворена, вбежала в избушку — там нет никого. Заглянула в печь и нашла одного козленочка.

Как узнала коза о своей беде, как села она на лавку — начала горевать, горько плакать:

— Ох вы, детушки мои, козлятушки!
На что отпирались-отворялись,
Злому волку доставались?

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Что ты на меня грешишь, кума? Не я твоих козлят съел. Полно горевать, пойдем лучше в лес, погуляем.

Пошли они в лес, а в лесу была яма, а в яме костер горел. Коза и говорит волку:

— Давай, волк, попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Стали они прыгать. Коза перепрыгнула, а волк прыгнул да и ввалился в горячую яму.

Брюхо у него от огня лопнуло, козлята оттуда выскочили, все живые, да — прыг к матери! И стали они жить-поживать по-прежнему.



КОЗА- ДЕРЕЗА



или-были старик со старухой да их дочка.

Вот дочка пошла пасти коз. Пасла по горам, по долам, по зеленым лугам, вечером пригнала их домой. Старик вышел на крыльцо и спрашивает:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Отвечают ему козы:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под березкой полежали!

А одна коза отвечает:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,



Под березкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек.
Да как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку.

Рассердился старик на дочь и прогнал ее с глаз долой.

На другой день послал пасти старуху. Старуха пасла коз по горам, по долам, по зеленым лугам. Поздно вечером пригнала их домой. Вышел старик на крыльцо:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Козы ему отвечают:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под березкой полежали!

А одна коза — все свое:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,
Под березкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек.
Да как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку.

Пуще прежнего рассердился старик, прогнал старуху с глаз долой.

На третий день сам пошел пасти коз. Пас по горам, по долам, по зеленым лугам. Пригнал их вечером домой, сам забежал вперед и спрашивает:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Козы ему отвечают:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под березкой полежали!

А одна коза — все свое:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,
Под березкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек.
Да как бежала через гребельку,
Ухватила воды капельку.

Старик поймал эту козу, привязал ее и давай бить. Бил, бил, половину бока ободрал и пошел нож точить.

Коза видит — дело плохо, оторвалась и убежала. Бежала, бежала, прибежала в заячью избушку, завалилась на печку и лежит.

Приходит зайчик:

— Кто, кто в мою избушку залез?



А коза ему с печи отвечает:

— Я, коза-дереза,
За три гроша куплена,
Полбока луплено,
Топу́, топу́ ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

Зайчик испугался и убежал. Идет, горько плачет.

Попадается навстречу ему петух в красных сапожках, в золотых сережках, на плече косу несет:

— Здравствуй, зайны́ка. Чего плачешь?

— Как мне не плакать? Забралась коза в мою избушку, меня выгнала.

— Пойдем, я твоему горю помогу.

Подошли они к избушке, петух постучался:

— Тук-тук, кто в избушке?

А коза ему с печи:

— Я, коза-дереза,
За три гроша куплена,
Полбока луплено,
Топу́, топу́ ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

А петух как вскочит на порог да как закричит:

— Я иду в сапожках,
В золотых сережках,
Несу косу,
Твою голову снесу



По самые плечи,
Полезай с пёчи!

Коза испугалась да со страху упала с печи
и убилась...

А зайныка с петушком стали в избушке жить да
быть да рыбку ловить.



НЕТ КОЗЫ
С ОРЕХАМИ



ошел козел лыки
драть, а коза орехи рвать.

Пришел козел с лыками — нет козы с орехами.
Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Ну, добро же, коза! Пошлю на тебя волка.
Волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, волк! Пошлю на тебя медведя.
Медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу

гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, медведь! Пошлю на тебя людей.

Люди неидут медведя стрелять, медведь нейдет
волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, люди! Пошлю на вас дубье.

Дубье нейдет людей бить, люди неидут медведя
стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет
козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, дубье! Пошлю на тебя топор.
Топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, топор! Пошлю на тебя камень.
Камень нейдет топор тупить, топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, камень! Пошлю на тебя огонь.
Огонь нейдет камень палить, камень нейдет топор тупить, топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, огонь! Пошлю на тебя воду.
Вода нейдет огонь заливать, огонь нейдет камень палить, камень нейдет топор тупить, топор нейдет дубье рубить, дубье нейдет людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдет волка драть, волк нейдет козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калеными!

— Добро же, вода! Пошлю на тебя ветер.
Ветер послушался и пошел воду гнать, вода пошла огонь заливать, огонь пошел камень палить, камень пошел топор тупить, топор пошел дубье рубить, дубье пошло людей бить, люди пошли медведя стрелять, медведь пошел волка драть, волк пошел козу гнать.

Пришла коза с орехами, пришла коза с калеными!



ГДЕ, КОЗА,
БЫЛА?



коза, коза, лубяные
глаза, где ты была?

- Коней пасла.
- А кони-то где?
- Николка увел.
- А Николка-то где?
- В клеть ушел.
- А клеть-то где?
- Водой унесло.
- А вода-то где?
- Быки выпили.
- А быки-то где?
- В гору ушли.
- А гора-то где?
- Черви сточили.
- А черви-то где?
- Гуси выклевали.
- А гуси-то где?
- В вересняк ушли.
- А вересняк-то где?
- Девки выломали.
- А девки-то где?
- Замуж выскакали.
- А мужья-то где?
- Все примерли.



ЗАЯЦ- ХВАСТА



ил-был заяц в лесу: летом ему было хорошо, а зимой плохо — приходилось к крестьянам на гумно ходить, овес воровать.

Приходит он к одному крестьянину на гумно, а тут уж стадо зайцев. Вот он и начал им хвастать:

— У меня не усы, а усíщи, не лапы, а лáпищи, не зубы, а зúбищи — я никого не боюсь.

Зайцы и рассказали тетке вороне про эту хвáсту. Тетка ворона пошла хвасту разыскивать и нашла его под кокоринной. Заяц испугался:

— Тетка ворона, я больше не буду хвастать!

— А как ты хвастал?

— А у меня не усы, а усíщи, не лапы, а лáпищи, не зубы, а зúбищи.

Вот она его маленько и потрепала:

— Боле не хвастай!

Раз сидела ворона на заборе, собаки ее подхватили и давай мять, а заяц это увидел.

«Как бы вороне помочь?»

Выскочил на горочку и сел. Собаки увидали зайца, бросили ворону — да за ним, а ворона опять на забор. А заяц от собак ушел.

Немного погодя ворона опять встретила этого зайца и говорит ему:

— Вот ты молодец, не хвáста, а хрáбрец!



ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ



ошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь:

— И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться, давайте утопимся!

И поскакали зайцы на озеро топиться. Лягушки услышали зайцев и забултыхали в воду.

Один заяц и говорит:

— Стойте, ребята! Подождем топиться: вот лягушачье житье, видно, еще хуже нашего: они и нас боятся!



БАЙКА ПРО ТЕТЕРЕВА



ахотел тетерев дом
строить.

Подумал-подумал:

«Топора нет, кузнецов нет — топор сковать некому».

Некому выстроить тетереву домишко.

«Что ж мне дом заводить? Одна-то ночь куда ни шла!»

Бултых в снег!

В снегу ночью ночевал, поутру рано вставал, по вольному свету полетал, громко, шибко покричал,

товарищей поискал. Спустился на землю, свиделся с товарищем.

Они играли, по кусточкам бродили, местечко искали, гнездышки свивали, яичушки сносили и деток выводили.

С детками они во чисто поле ходили, деток мошками кормили, на вольный свет выводили и по вольному свету летали и опять зимой в снегу ночевали.

«А одна-то ночь куда ни шла! Чем нам дом заводить, лучше на березыньках сидеть, во чисто поле глядеть, красну весну встречать, шулдар-булдары кричать!»



ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ



или-были журавль да цапля, построили себе по концам болота избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться.

— Давай пойду посватаюсь к цапле!

Пошел журавль — тяп-тяп! Семь верст болото месил, приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж.

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж, у тебя ноги долги, платье коротко, прокормить жену нечем. Ступай прочь, долговязый!

Журавль, как несолоно похлебал, ушел домой. Цапля после раздумалась и сказала:



— Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не возьму тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала от стыда и воротилась назад.

Журавль раздумался и сказал:

— Напрасно не взял за себя цаплю: ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж.

Приходит и говорит:

— Цапля, я вздумал на тебе жениться; поди за меня.

— Нет, долговязый, нейду за тебя замуж!

Пошел журавль домой. Тут цапля раздумалась:

— Зачем отказала такому молодцу: одной-то жить невесело, лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один к другому свататься, да никак не женятся.



ВОРОНА

И РАК



етела ворона по-над морем, смотрит: рак ползет — хап его! И понесла в лес, чтобы, усевшись где-нибудь на ветке, хорошенько закусить. Видит рак, что приходится пропадать, и говорит вороне:

— Эй, ворона, ворона! Знал я твоего отца и мать — славные были люди!

— Угу! — ответила ворона, не раскрывая рта.
— И братьев и сестер твоих знаю: что за добрые были люди!

— Угу!

— Да все же хоть они и хорошие люди, а тебе не ровня. Мне сдается, что разумнее тебя никого нет на свете.

Понравилась эти речи вороне; каркнула она во весь рот и упустила рака в море.



БОБОВОЕ ЗЕРНЫШКО



или-были петушок да курочка. Рылся петушок и вырыл бобок.

— Ко-ко-ко, курочка, ешь бобовое зернышко!

— Ко-ко-ко, петушок, ешь сам!

Съел петушок зернышко и подавился. Позвал курочку:

— Сходи, курочка, к речке, попроси водицы напиться.

Побежала курочка к речке:

— Речка, речка, дай мне водицы: петушок подавился бобовым зернышком!

Речка говорит:

— Сходи к липке, попроси листок, тогда дам водицы.

Побежала курочка к липке:

— Липка, липка, дай мне листок! Отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.



Липка говорит:

— Сходи к девушке, попроси нитку.

Побежала курочка:

— Девушка, девушка, дай нитку! Отнесу нитку липке, липка даст листок, отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Девушка отвечает:

— Сходи к гребенщикам, попроси гребень, тогда дам нитку.

Курочка прибежала к гребенщикам:

— Гребенщики, гребенщики, дайте мне гребень! Отнесу гребень девушке, девушка даст нитку, отнесу нитку липке, липка даст листок, отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Гребенщики говорят:

— Сходи к калашникам, пусть дадут нам калачей.

Побежала курочка к калашникам:

— Калашники, калашники, дайте калачей! Калачи отнесу гребенщикам, гребенщики дадут гребень, отнесу гребень девушке, девушка даст нитку, нитку отнесу липке, липка даст листок, листок отнесу речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Калашники говорят:

— Сходи к дровосекам, пусть нам дров дадут.

Пошла курочка к дровосекам:

— Дровосеки, дровосеки, дайте дров! Отнесу дрова калашникам, калашники дадут калачей, калачи отнесу гребенщикам, гребенщики дадут гребень, гребень отнесу девушке, девушка даст нитку, нитку отдам липке, липка даст листок, листок отнесу речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Дровосеки дали курочке дров.

Отнесла курочка дрова калашникам, калашники дали ей калачей, калачи отдала гребенщикам, гребенщики дали ей гребень, отнесла гребень девушке, девушка дала ей нитку, нитку отнесла липке, липка дала листок, отнесла листок речке, речка дала водицы.

Петушок напился, и проскочило зернышко.

Запел петушок:

— Ку-ка-ре-куу!



КОЧЕТОК И КУРОЧКА



или курочка с ко-
четком.

Пришли они в лес по орехи.

Кочеток залез на орешню орехи рвать, а курочке велел на земле подбирать.

Кочеток кидает, а курочка подбирает.

Вот кинул кочеток орешек и попал курочке в глазок.

Курочка пошла — плачет.

Едут мимо бояре и спрашивают:

— Курочка, курочка! Что ты плачешь?

— Мне кочеток вышиб глазок.

— Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?

— Мне орешня портки разорвала.

— Орешня, орешня! На что ты кочетку портки разорвала?



- Меня козы подглодали.
- Козы, козы! На что вы орешню подглодали?
- Нас пастухи не берегут.
- Пастухи, пастухи! На что вы коз не бережете?
- Нас хозяйка блинами не кормит.
- Хозяйка, хозяйка! На что ты пастухов блинами не кормишь?
- А у меня свинья опару пролила.
- Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?
- У меня волк поросеночка унес.
- Волк! На что ты у свиньи поросеночка унес?
- Я есть захотел.



КУРОЧКА,
МЫШКА
И ТЕТЕРЕВ



далекие времена жили-были курочка, мышка и тетерев. Однажды нашла курочка ячменное зерно и от радости даже раскудахталась:

— Нашла зерно, зерно нашла!.. Надо его смолоть! А кто понесет на мельницу?

— Не я,— сказала мышка.

— Не я,— сказал тетерев.

Нечего делать, взяла курочка зерно и понесла. Пришла на мельницу, смолола зерно.

— Кто домой муку снесет? — спросила.

— Не я,— сказала мышка.



— И не я,— сказал тетерев.

Нечего делать, взяла курочка муку и принесла домой.

— Кто хлеб замесит? — спросила курочка.

— Не я,— сказала мышка.

— И не я,— сказал тетерев.

Замесила курочка тесто, и печку затопила, и хлеб сама посадила в печь. Вышел каравай на славу: пышный да румяный. Курочка на стол его поставила и спрашивает:

— А кто есть его будет?

— Я,— крикнула мышка.

— И я,— крикнул тетерев.

И оба уселись за стол.



СТАРИК И ВОЛК



старика со старухой
были паренек да девушка, петушок да курочка,
пятеро овец, шестой — жеребец.

Прибежал к избушке голодный волк и завыл:

— Старик да старушка

Жили на горушке

В глиняной избушке.

У старика, у старушки —

Паренек да девушка,

Петушок да курочка,

Пятеро овец,

Шестой — жеребец.



Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай петушка да курочку, а то съем старуху!

Жалко стало старику петушка да курочку, но — делать нечего — отдал их волку.

На другой день волк опять прибежал:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка,
Пятеро овец,
Шестой — жеребец.
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай овечек, а то съем старуху!

Жалко стало старику овечек, а старуху еще жальче, — отдал он волку овечек.

На третий день прибежал волк:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка,
Да соломенный хлевек,
А в нем — жеребец.
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай жеребца, а то съем старуху!

Отдал старик жеребца. Волк наутро опять прибегает:



— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренек да девушка.
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках!

Старик, старик, отдай паренька да девушку, а то съем старуху!

Старику так жалко стало паренька да девушку, схватил он кочергу и давай возить волка. Бил, бил, покуда у того брюхо не лопнуло, и выскочили оттуда жеребец, а за ним пятеро овец, а за овечками и петушок с курочкой.



КОТ —
СЕРЫЙ ЛОБ,
КОЗЕЛ
ДА БАРАН



или-были на одном дворе козел да баран; жили промеж себя дружно: сена клок и тот пополам. А коли вилы в бок — так одному коту Ваське! Он такой вор и разбойник, каждый час на промысле, и где что плохо лежит, так у него брюхо болит.

Вот лежат себе козел да баран и разговаривают. Откуда ни возьмись — котишко-мурлышко, серый лбишко, идет да таково жалостно плачет.

Козел да баран его спрашивают:



— Кот-коток, серенький лобок, о чем ты плачешь, на трех ногах скачешь?

— Как мне не плакать? Била меня хозяйка, уши выдирала, ноги приломала да еще и удавить обещала.

— А за какую вину такая тебе погибель?

— А за то мне погибель, что сметанку слизал!

И опять заплакал кот-мурлыка.

— Кот-коток, серый лобок, о чем же ты еще-то плачешь?

— Как мне не плакать? Баба меня била да приговаривала: «К нам-де придет зять, где будет сметаны взять? Поневоле придется колоть козла да барана!»

Заревели козел да баран:

— Ах ты, серый кот, бестолковый лоб! За что ты нас-то загубил? Вот мы тебя забодаем!

Тут кот-мурлыка вину свою приносил и прощенья просил. Козел да баран его простили и стали втроем думать: как быть и что делать?

— А ну, середний брат,— спросил кот барана,— крепок ли у тебя лоб? Попробуй-ка о ворота.

Поднялся баран, с разбегу стукнулся о ворота лбом — покачнулись ворота, да не отворились.

— А ну, старший брат,— спросил кот козла,— крепок ли у тебя лоб? Попробуй-ка о ворота.

Поднялся козел-козлище, разбежался, ударился — ворота отворились.

Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козел да баран, а за ними скачет на трех ногах кот — серый лоб.

Устал кот, взмолился названным братьям:

— Козел да баран, не оставьте меньшого брата...

Взял козел кота, посадил его на себя, и по-

скакали они опять по горам, по долам, по сыпучим пескам.

Долго бежали, и день и ночь, пока в ногах силы хватило.

Вот пришло крутое крутище, стано́во стано́вище. Под тем крутищем — скошенное поле, на том поле стога, что города, стоят.

Остановились козел, баран и кот отдыхать.

А ночь была осенняя, холодная. Где огня добыть?

Думают козел да баран, а кот — серый лоб уже добыл бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном стукнуться лбами.

Стукнулись козел с бараном, да так крепко — искры из глаз посыпались, — береста и запылала.

Развели они огонь, сели и греются.

Не успели путем обогреться — глядь, жалует незваный гость — медведь:

— Пустите обогреться, отдохнуть, что-то мочи моей нет...

— Садись с нами, Михайло Иванович! Откуда идешь?

— Ходил на пасеку да подрался с мужиками.

Стали они вчетвером делить темную ночь: медведь под стогом, кот — серый лоб на стогу, а козел с бараном — у костра.

Вдруг идут семь серых волков, восьмой — белый, и — прямо к стогу.

Заблеяли козел да баран со страху, а кот — серый лоб такую речь повел:

— Ахти, белый волк, над волками князь! Не серди нашего старшого брата: он сердит, как расходится — никому несдобровать. Али не видите у него бороды: в ней-то и сила, бороною он зверей побивает, а рогами только кожу снимает. Лучше с честью подойдите да попросите: хотим, дескать,

Поиграть, силу попытать с меньшим братишкой, вон с тем, что под стогом лежит.

Волки на том коту поклонились, обступили медведя и стали его задирать. Вот медведь крепился, крепился — да как хватит на каждую лапу по волку! Перепугались они, выдрались кое-как — да, поджав хвосты, давай наутек.

А козел да баран тем временем подхватили кота, побежали в лес и опять наткнулись на серых волков.

Кот живо вскарабкался на макушку ели, а козел с бараном схватились передними ногами за еловый сук и повисли.

Волки стоят под елью, зубами лязгают.

Видит кот — серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать:

— Раз волк! Два волк! Три волк! Всего-то по волку на брата. Я, кот, давеча двух волков съел с косточками, так еще сытёхонек, а ты, большой брат, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!

Только сказал он эти речи, козел сорвался и упал прямо рогами на волка. А кот знай свое кричит:

— Держи их, лови их!

Тут на волков напал такой страх — пустились бежать без оглядки. Так и убежали.

А кот — серый лоб, козел да баран пошли своей дорогой.



ЛИСА-
ПЛАЧЕЯ



или-были старик да
старушка.

Старушка померла. Жалко старику старушку. Пошел он искать плачею. Идет, а навстречу ему медведь:

— Куда, старик, пошел?

— Плачею искать, старушка померла.

— Возьми меня!

Старик спрашивает:

— Умеешь ли плакать?

Медведь и заревел:

— Ах ты, моя родимая бабушка! Как тебя жалко!

Старик говорит:

— Не умеешь, медведь, плакать, не надо, да и голос не хорош!

Пошел дальше. Шел-шел и повстречал волка.

— Куда, старик, пошел?

— Плачею искать, по старушке плакать.

— Возьми меня!

— А плакать умеешь?

— Умею: у старика была старуха, он ее не любил!

— Нет, не умеешь ты плакать, не надо!

И пошел дальше. Шел-шел, а навстречу лиса бежит:

— Куда, старик, пошел?

— Плачею искать, старушка померла.

— Возьми, дедушка, меня!

— Умеешь ли ты плакать?



Лиса и заплакала, запричитала:

— У ста-рич-ка бы-ла ста-руш-ка.
По-у-тру ра-но вста-ва-ла,
Боль-ше прост-ня пря-ла.
Щи, ка-шу ва-ри-ла,
Ста-ри-ка кор-ми-ла!

— Хорошо,— говорит старик,— ты мастерица плакать!

Привел лису домой, посадил у старухи в ногах и заставил плакать, а сам пошел гроб строить.

Пока старик ходил да воротился, а в избе нет ни старухи, ни лисицы. Лисица давно убежала, а от старухи одни кости остались. Поплакал, поплакал старик и стал жить один.



МУЖИК И МЕДВЕДЬ



Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает. Пришел к нему медведь:

— Мужик, я тебя сломаю.

— Не ломай меня, медведюшка, лучше давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки.

— Быть так,— сказал медведь.— А коли обманешь, так в лес ко мне хоть не езд.

Сказал и ушел в дуброву.

Репка выросла крупная. Мужик приехал осенью копать репу. А медведь из дубровы вылезает:

— Мужик, давай репу делить, мою долю по-
давай.

— Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки.

Отдал мужик медведю всю ботву. А репу наклал на воз и повез в город продавать.

Навстречу ему медведь:

— Мужик, куда ты едешь?

— Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

— Дай-ка попробовать — каков корешок?

Мужик дал ему репу. Медведь как съел:

— А-а! — заревел.— Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь. Приехал жать, а уж медведь его дожидается:

— Теперь меня, мужик, не обманешь, давай мою долю.

Мужик говорит:

— Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а рожь наклал на воз и увез домой.

Медведь бился, бился, ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.



БАБКА
И МЕДВЕДЬ



поехала бабка в лес по дрова. Вдруг слышит: в болоте хряснуло, в лесу стукнуло — медведь идет.

— Бабка, бабка, съем я кобылку.

— Не тронь кобылку, я тебе за это крепушку дам.

— Ладно.

Не тронул медведь кобылку.

Вот в другой раз поехала бабка по дрова. В болоте хряснуло, в лесу стукнуло — медведь идет.

— Бабка, бабка, а я съем кобылку.

— Не ешь, я тебе за это теплушку дам.

— Ну ладно.

Не тронул медведь кобылку.

Вот и в третий раз поехала бабка в лес за дровами. В болоте хряснуло, в лесу стукнуло — медведь уж тут.

— Бабка, бабка, я съем кобылку.

— Не ешь, я тебе за это потом байку скажу.

— Ну ладно же.

Не тронул медведь кобылку.

Бабка домой приехала, кобылку во двор поставила, ворота подперла, натопила жарко избу, поужинала да и спать.

Пришел медведь да в ставень — стук-стук!

— Бабка, давай посуленное.

— Что тебе посулено?

— А крепушка.

— Ох-хо-хо, изба у бабушки крепко заперта.

Медведь лапой — тук-тук-тук!



- Бабка, давай другое посуленное.
— Что тебе посулено?
— А теплушка.
— Ох-хо-хо, тепло бабушке на печи сидеть.
Подождал медведь немножко и опять стучит-
ся — тук-тук-тук!
— Чего тебе?
— Давай, бабка, третье посуленное.
— А что тебе посулено?
— А потомбайка.
— Байка-то? Потом в лес не едут — дров и так
много!
Так и обманула бабка медведя.



МЕДВЕДЬ — ЛИПОВАЯ НОГА



или-были старик со
старухой.

Посеяли они репку. Вот повадился медведь репку у них воровать. Старик пошел посмотреть и видит: много репы нарвано да разбросано кругом.

Воротился он домой и рассказывает старухе. А она ему говорит:

— Да кто же репу нарвал? Если бы люди, так унесли бы. Наверное, это медведь проказит! Подика, старик, покарауль вора!

Старик взял топор и пошел караулить на ночь. Лег под плетень и лежит. Вдруг приходит медведь и давай таскать репу — нагреб целое беремя и полез через плетень.



Старик вскочил, бросил в него топором и отрубил ему лапу. Сам убежал, спрятался.

Заревел медведь и ушел на трех лапах в лес. Старик взял отрубленную лапу, принес домой: — На, старуха, вари.

Старуха ободрала медвежью лапу, варить поставила, шерсть с кожи общипала, на кожу села и начала шерсть прядь.

Старуха прядет. А медведь сделал себе липовую ногу и пошел к старику со старухой.

Вот медведь идет, нога поскрипывает, он сам приговаривает:

— Скрылы, скрылы, скрылы,
На липовой ноге,
На березовой клюке.
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядет,
Мое мясо варит.

Старуха услышала это и говорит:

— Поди-ка ты, старик, запри дверь, медведь идет...

А медведь уже в сени вошел, дверь отворяет, сам приговаривает:

— Скрылы, скрылы, скрылы,
На липовой ноге,
На березовой клюке.
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядет,
Мое мясо варит.

В те поры старик со старухой испугались.
Старик спрятался на полати под корыто, а старуха — на печь, под черные рубахи.
Медведь влез в избу, стал искать старика со старухой да и угодил в подполье.
Тут собрался народ, и убили медведя.



МАША И МЕДВЕДЬ



или-были дедушка да бабушка. Была у них внучка Машенька.

Собрались раз подружки в лес по грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и Машеньку.

— Дедушка, бабушка, — говорит Машенька, — отпустите меня в лес с подружками!

Дедушка с бабушкой отвечают:

— Иди, только смотри от подружек не отставай, не то заблудишься.

Пришли девушки в лес, стали собирать грибы да ягоды. Вот Машенька — деревце за деревце, кустик за кустик — и ушла далеко-далеко от подружек.

Стала она аукаться, стала их звать, а подружки не слышат, не отзываются.

Ходила, ходила Машенька по лесу — совсем заблудилась.

Пришла она в самую глушь, в самую чащу. Видит — стоит избушка. Постучала Машенька в дверь — не отвечают. Толкнула она дверь — дверь и открылась.

Вошла Машенька в избушку, села у окна на лавочку.

Села и думает:

«Кто же здесь живет? Почему никого не видно?..»

А в той избушке жил большущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил.

Вернулся вечером медведь, увидел Машеньку, обрадовался.

— Ага,— говорит,— теперь не отпущу тебя! Будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить.

Потужила Маша, погоревала, да ничего не поделаешь. Стала она жить у медведя в избушке.

Медведь на целый день уйдет в лес, а Машеньке наказывает никуда без него из избушки не выходить.

— А если уйдешь,— говорит,— все равно поймаю и тогда уж съем!

Стала Машенька думать, как ей от медведя убежать. Кругом лес, в какую сторону идти — не знает, спросить не у кого...

Думала она, думала и придумала.

Приходит раз медведь из лесу, а Машенька и говорит ему:

— Медведь, медведь, отпусти меня на денек в деревню: я бабушке да дедушке гостинцев снесу.

— Нет,— говорит медведь,— ты в лесу заблудишься. Давай гостинцы, я их сам отнесу.

А Машеньке того и надо!

Напекла она пирожков, достала большой-пребольшой короб и говорит медведю:

— Вот, смотри: я в этот короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влезу, за тобой следить буду!

— Ладно,— отвечает медведь,— давай короб!
Машенька говорит:



— Выйди на крылечко посмотри, не идет ли дождик!

Только медведь вышел на крылечко, Машенька сейчас же залезла в короб, а на голову себе блюдо с пирожками поставила.

Вернулся медведь, видит — короб готов. Взвалил его на спину и пошел в деревню.

Идет медведь между елками, бредет медведь между березками, в овражки спускается, на пригорки поднимается. Шел-шел, устал и говорит:

— Сяду на пенек,
Съем пирожок!

А Машенька из короба:

— Вижу, вижу!
Не садись на пенек,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке,
Неси дедушке!

— Ишь какая глазастая,— говорит медведь,— все видит!

Поднял он короб и пошел дальше. Шел-шел, шел-шел, остановился, сел и говорит:

— Сяду на пенек,
Съем пирожок!

А Машенька из короба опять:

— Вижу, вижу!
Не садись на пенек,
Не ешь пирожок!



Неси бабушке,
Неси дедушке!

Удивился медведь:

— Вот какая хитрая! Высоко сидит, далеко глядит!— Встал и пошел скорее.

Пришел в деревню, нашел дом, где дедушка с бабушкой жили, и давай изо всех сил стучать в ворота:

— Тук-тук-тук! Отпирайте, открывайте! Я вам от Машеньки гостинцев принес.

А собаки почуяли медведя и бросились на него. Со всех дворов бегут, лают.

Испугался медведь, поставил короб у ворот и пустился в лес без оглядки.

Вышли тут дедушка да бабушка к воротам. Видят — короб стоит.

— Что это в коробе? — говорит бабушка.

А дедушка поднял крышку, смотрит — и глазам своим не верит: в коробе Машенька сидит, живехонька и здоровехонька.

Обрадовались дедушка да бабушка. Стали Машеньку обнимать, целовать, умницей называть.



ПЕТУШОК — ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК И ЖЕРНОВЦЫ



ил да был себе старик со старухою, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было. Вот они поехали в лес, набрали желудей,

привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один желудь в подполье. Пустил желудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит:

— Старик! Надобно пол-то прорубить. Пускай дуб растет выше. Как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать.

Старик прорубил пол. Деревцо росло-росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял: деревцо все растет да растет и доросло до самого неба.

Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб. Лез-лез... и взобрался на небо. Ходил-ходил по небу, увидал: сидит кочеток — золотой гребешок, а возле него стоят жерновцы. Старик долго не думал, захватил с собой и кочетка и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит старухе:

— Как нам быть, что нам есть?

— Пстой,— молвила старуха,— я попробую жерновцы.

Взяла жерновцы и стала молоть: ан блин да пирог, блин да пирог, что ни повернет — все блин да пирог! И накормила старика.

Ехал мимо какой-то боярин и заехал к старику со старушкой в хату.

— Нет ли,— спрашивает,— чего-нибудь поесть? Старуха говорит:

— Чего тебе, родимый, дать — разве блинков?

Взяла жерновцы и намолола: нападали блинки да пирожки.

Боярин поел и говорит:

— Продай мне, бабушка, твои жерновцы.

— Нет,— отвечает старуха,— продавать нельзя.

Он позавидовал чужому добру и украл у ней

Жерновцы. Как увидели старик со старухой, что украдены жерновцы, стали горевать.

— Постой,— говорит кочеток — золотой гребешок,— я полечу, догоню!

Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит:

— Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

Как услышал боярин, сейчас приказывает:

— Эй, малый! Возьми брось его в воду.

Поймали кочетка, бросили в колодец. Он и стал приговаривать:

— Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду...— и вытянул весь колодец.

Выпил воду и полетел к боярским хоромам. Уселся на балкон и опять кричит:

— Кукареку, боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

Боярин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь — прямо в огонь. Он и стал приговаривать:

— Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду...

И залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярские палаты и опять кричит:

— Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

В то же самое время боярин гостей принимал. Гости услышали, что кричит кочеток, и тотчас же побежали вон из дому. Хозяин бросился догонять их, а кочеток — золотой гребешок подхватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.



КАК СТАРУХА
НАШЛА
ЛАПОТЬ



ла по дороге старуха и нашла лапоть. Пришла в деревню и просится:

— Пустите меня ночевать!

— Ну, ночуй — ночлега с собой не носят.

— А куда бы мне лапоть положить?

— Клади под лавку.

— Нет, мой лапоть привык в курятнике спать.

И положила лапоть с курами.

Утром встала и говорит:

— Где-то моя курочка?

— Что ты, старуха, — говорит ей мужик, — ведь у тебя лапоть был!

— Нет, у меня курочка была! А не хотите отдать, пойду по судам, засужу!

Ну, мужик и отдал ей курочку.

Старуха пошла дальше. Шла, шла — опять вечер. Приходит в деревню и просится:

— Пустите меня ночевать!

— Ночуй, ночуй — ночлега с собой не носят.

— А куда бы мне курочку положить?

— Пусть с нашими курочками ночует.

— Нет, моя курочка привыкла с гусями.

И посадила курочку с гусями.

А на другой день встала:

— Где моя гусочка?

— Какая твоя гусочка? Ведь у тебя была курочка!

— Нет, у меня была гусочка! Отдайте гусочку, а то пойду по судам, по боярам, засужу!



Отдали ей гусочку. Взяла старуха гусочку и пошла путем-дорогой. День к вечеру клонится. Старуха опять ночевать выпросилась и спрашивает:

— А куда гусочку на ночлег пустите?

— Да клади с нашими гусями.

— Нет, моя гусочка привыкла к овечкам.

— Ну, клади ее с овечками.

Старуха положила гусочку к овечкам.

Ночь проспала, утром спрашивает:

— Давайте мою овечку!

— Что ты, что ты, ведь у тебя гусочка была!

— Нет, у меня была овечка! Не отдадите овечку, пойду к воеводе судиться, засужу!

Делать нечего — отдали ей овечку.

Взяла она овечку и пошла путем-дорогой.

Опять день к вечеру клонится. Выпросилась ночевать и говорит:

— Моя овечка привыкла дома к бычкам, кладите ее с вашими бычками ночевать.

— Ну, пусть она с бычками переночует.

Встала утром старуха:

— Где-то мой бычок?

— Какой бычок? Ведь у тебя овечка была!

— Знать ничего не знаю! У меня бычок был! Отдайте бычка, а то к самому царю пойду, засужу!

Погоревал хозяин — делать нечего, отдал ей бычка.

Старуха запрягла бычка в сани, поехала и поет:

— За лапоть — куру,

За куру — гуся,

За гуся — овечку,

За овечку — бычка...

Шню, шню, бычок,

Соломенный бочок,

Сани не наши,



Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу ей идет лиса:

— Подвези, бабушка!

— Садись в сани.

Села лиса в сани, и запели они со старухой:

— Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу идет волк:

— Пусти, бабка, в сани!

— Садись.

Волк сел. Запели они втроем:

— Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу — медведь:

— Пусти в сани.

— Садись.

Повалился медведь в сани и оглоблю сломал.

Старуха говорит:

— Поди, лиса, в лес, принеси оглоблю!

Пошла лиса в лес и принесла осиновый прутик.

— Не годится осиновый прутик на оглоблю.

Послала старуха волка. Пошел волк в лес, принес кривую, гнилую березу.

— Не годится кривая, гнилая береза на оглоблю.

Послала старуха медведя. Пошел медведь в лес и притащил большую ель — едва донес.



Рассердилась старуха. Пошла сама за оглоблей. Только ушла — медведь кинулся на бычка и задавил его. Волк шкуру ободрал. Лиса кишочки съела. Потом медведь, волк да лиса набили шкуру соломой и поставили около саней, а сами убежали.

Вернулась старуха из леса с оглоблей, приладила ее, села в сани и запела:

— Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

А бычок ни с места. Стегнула бычка, он и упал. Тут только старуха поняла, что от бычка-то осталась одна шкура.

Заплакала старуха и пошла одна путем-дорогою.



ЛЕВ,
ЩУКА
И ЧЕЛОВЕК



Раз на реке лев со щукой разговаривал, а человек стоял поодаль и слушал.

Только щука увидела человека, сейчас же ушла в воду.

Лев ее после спрашивает:

— Чего ты ушла в воду?

— Человека увидела.







— Ну так что же?

— Да он хитрый.

— Что за человек? — спрашивает лев. — Поддай мне его, я его съем.

Пошел лев человека искать. Идет навстречу мальчик.

— Ты человек?

— Нет, я еще не человек. Я мальчик. Еще когда буду человеком-то!

Лев его не тронул, прешел мимо. Идет навстречу старик.

— Ты человек?

— Нет, батюшка лев! Какой я теперь человек! Был когда-то человеком.

И этого лев не тронул.

— Что за диковина! Не найдешь человека нигде!

Шел, шел лев, встретил солдата с ружьем и с саблей.

— Ты человек?

— Человек.

— Ну, я тебя съем!

— А ты погоди, — говорит ему солдат. — Отойди от меня, я сам тебе в пасть кинусь. Разинь пасть пошире!

Лев отошел, разинул пасть. Солдат наметился да как бабахнет из ружья! Потом подбежал да саблей ухо у льва отсек. Лев — бежать.

Прибегает к реке. Выплывает щука, спрашивает:

— Ну что, видел человека?

— Да что, — говорит лев, — хитёр человек! Сразу-то я его не нашел: то говорит, что был человеком, то говорит, что еще будет человеком, а как нашел человека — так я и не обрадовался. Он мне велел отойти да раскрыть пасть, потом как плюнет

мне в пасть, и сейчас еще жжет, а потом как
высунет язык, да ухо мне и слизнул!

— То-то же, я тебе говорила, что хитёр чело-
век...



ВОЙНА ГРИБОВ



старые-стародавние
времена царь Горох воевал с грибами.

Гриб боровик, над грибами полковник, под дубочком сидючи, на все грибы глядючи, стал при-
казывать:

— Приходите вы, белянки, ко мне на войну!

Отказались белянки:

— Мы — столбовые дворянки! Не пойдём на
войну!

— Приходите вы, рыжики, ко мне на войну!

Отказались рыжики:

— Мы — богаты мужики! Не пойдём на войну!

— Приходите вы, волнушки, ко мне на войну!

Отказались волнушки:

— Мы, волнушки,— старушки! Не пойдём на
войну!

— Приходите вы, опенки, ко мне на войну!

Отказались опенки:

— У нас ноги очень тонки! Не пойдём на войну!

— Приходите, грузди, ко мне на войну!

— Мы, грузди,— ребяташки дружны! Пойдём
на войну!



МИЗГИРЬ



старопрежние годы в краснó весну, в теплое лето сделалась такая срамота, в мире тягота — стали появляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пускать.

Появился паук-мизгирь, удалой добрый молодец. Стал он ножками трясти да мерёжки плести, ставить на пути, на дорожке, куда летают комары да мошки.

Муха пролетала да к мизгирию в сеть попала. Тут ее мизгирь стал бить да губить, за горло давить. Муха мизгирию взмолилась:

— Батюшко мизгирь, не бей ты меня, не губи ты меня: у меня много останется детей-сирот — по дворам ходить и собак дразнить.

Тут ее мизгирь и отпустил.

Она полетела, всем комарам да мошкам весть посылала:

— Ой вы еси, комары да мошки, убирайтесь под осиновое корище! Появился мизгирь-борец, стал ножками трясти, мережки плести, ставить на пути, на дорожке, куда летают комары да мошки.

Они и полетели, забились под осиновое корище, лежат мертвы... Мизгирь пошел, нашел сверчка, таракана и лесного клопа.

— Ты, сверчок, сядь на кочок — курить табачок; а ты, таракан, ударь в барабан; а ты, клоп-блинник, поди под осиновое корище — проложи про меня, мизгирия-борца, добра молодца, такую славу, что меня вживе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи.

Сверчок сел на кочок курить табачок, а таракан

Ударил в барабан; клоп-блинник пошел под осиновое корище и говорит:

— Что запали, лежите мертвы? Ведь мизгиряборца, добра молодца, вживе нет: его в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи.

Комары да мошки возрадовались и возвеселились, в разные стороны залетали, да к мизгирю в сеть и попали.

Он и говорит:

— Так-то почаще бы ко мне в гости бывали!



О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ



ночь на Иванов день
родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что
боже упаси.

Лещи, окуни, ерши собрались глазеть на нее
и дивовались такому чуду:

— Экая щука уродилась зубастая!

И стала она расти не по дням — по часам: что
ни день, то на вершок прибавится.

И стала щука в Шексне похаживать да лещей,
окуней полавливать: издали увидит леща да и хва-
тит его — леща как не бывало, только косточки на
зубах хрустят.

Экая оказия случилась на Шексне!

Что делать лещам да окуням? Тошно приходит-
ся: щука всех приест, прикорнает.

Собралась вся мелкая рыбица, и стали думу

думать: как перевести щуку зубастую да такую то-
роватую.

Пришел Ерш Ершович и так наскоро прого-
ворил:

— Полноте думу думать да голову ломать, а вот послушайте, что я буду баять. Тошно нам всем теперь в Шексне, переберемтесь-ка лучше в мелкие речки жить — в Сизму, Коному да Славенку, там нас никто не тронет, будем жить припеваючи.

И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки — Сизму, Коному да Славенку.

По дороге как шли, хитрый рыбарь многих из ихней братьи изловил на удочку и сварил ушицу.

С тех пор в Шексне совсем мало стало мелкой рыбицы. Много наделала хлопот щука зубастая, да после и сама несдобровала.

Как не стало мелкой рыбицы, пошла щука хватать червяков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил из нее уху, хлебал да хвалил: такая уха была жирная.

Я там был, вместе уху хлебал, по усам текло, да в рот не попало.



РЕПА



ыла репа важная, дивилась старуха каждая: одним днем кругом не обойдешь! У той репы половину мы с семьей целую неделю ели, а другую половину — другую неделю. Корку навалили да кобылу надсадили и телегу обломили.

Вот такая была мудрость недавно утресь!

О ВАСЬКЕ-
МУСЬКЕ



некотором царстве, некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил-был досюль помещик. У помещика был кот, звали его Васька-Муська.

Помещик любил Ваську-Муську, и кот свою кошачью работу работал хорошо — в хлебных лабазах ловил крыс и мышей. Когда хозяин прогуливался, Васька-Муська мог нести во рту до фунта весом гостинец из лавки домой, и крепко любил его за это помещик — двадцать лет держал кота Ваську-Муську.

Наконец Васька-Муська стал старый, усы у него выпали, глаза у него стали худые, сила стала у него мала, не может крыс ловить и мышей давить. Надоел помещику Васька-Муська, схватил его за загривок, выбросил на задворок и пнул ногой.

Побежал Васька-Муська и заплакал, стал думать, как жить до смерти, потом придумал:

— Давай-ка я помру у лабаза, пойдут крысы да мыши пить, так и меня увидят.

Взял да и помер Васька-Муська.

Увидали крысы да мыши, обрадовались, что Васька-Муська помер, стали мыши свистать, крысы кричать:

— Помер наш неприятель!

Сбежались все крысы и мыши к Ваське-Муське и решили, что надо бы схоронить Ваську-Муську, чтобы он не ожил. Было их около десяти тысяч. Притянули они артелью дровни, закатали Ваську-Муську на дровни, а он лежит не шевелится. При-

вязали штук семь веревок, стали на лапки, веревки взяли через плечо, а около двухсот мышей и крыс сзади с лопатками да кирками. Все идут радуются, присвистывают. Притянули Ваську-Муську на песочное место, на боровинку на сухую и начали копать яму всей силой.

А Васька-Муська лежит и маленько смотрит: выкопали яму очень глубокую, метра на три.

Вылезли копари из ямы. Теперь надо Ваську-Муську в яму толкнуть. Взались — кто за шею, кто за хвост.

Как зашевелился тут Васька — мыши прочь. Как вскочил Васька-Муська, да давай-ка их ловить, да в эту яму складывать. Бегают по песку, а скрыться некуда ни мышам, ни крысам. Набил ими Васька полную яму. Досталась ему еще музыка да сотни полторы лопат.

Богато стал жить кот. Лопаты продает, себе рыбы покупает, да в музыку играет, да из ямы мышей добывает. Живет ни в сказке сказать, ни пером написать, лучше, чем у помещика, и сам стал себе хозяин Васька-Муська.

Тем и кончилось.



ПУЗЫРЬ,
СОЛОМИНКА
И ЛАПОТЬ



или-были пузырь, соломинка и лапоть.

Пошли они в лес дрова рубить. Дошли до реки и не знают, как перейти через реку.



Лапоть говорит пузырю:

— Пузырь, давай на тебе переплывем!

— Нет, лапоть! Пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, мы по ней перейдем.

Соломинка перетянулась с берега на берег. Лапоть пошел по соломинке, она и переломилась. Лапоть упал в воду.

А пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул.



ТЕРЕМОК



... хал мужик с горшками и потерял один горшок. Прилетела муха-горюха и спрашивает:

— Чей домоч-теремок? Кто в тереме живет?

Видит — никого нет. Она залетела в горшок и стала там жить-поживать.

Прилетел комар-пискун и спрашивает:

— Чей домоч-теремок? Кто в тереме живет?

— Я, муха-горюха. А ты кто?

— Я комар-пискун.

— Ступай ко мне жить.

Вот они стали жить вдвоем.

Прибежала мышка-погрызуха и спрашивает:

— Чей домоч-теремок? Кто в тереме живет?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун. А ты кто?

— Я мышка-погрызуха.

— Ступай к нам жить.

Стали они жить втроем.

Прискакала лягушка-квакушка и спрашивает:



— Чей домик-теремок? Кто в тереме живет?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун.

— Я, мышка-погрызуха. А ты кто?

— Я лягушка-квакушка.

— Ступай к нам жить.

Стали они жить вчетвером.

Бежит зайчик и спрашивает:

— Чей домик-теремок? Кто в тереме живет?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун.

— Я, мышка-погрызуха.

— Я, лягушка-квакушка. А ты кто?

— Я зайюнок-кривоног, по горке скок.

— Ступай к нам жить.

Стали они жить впятером.

Бежала мимо лиса и спрашивает:

— Чей домик-теремок? Кто в тереме живет?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун.

— Я, мышка-погрызуха.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, зайюнок-кривоног, по горке скок. А ты кто?

— Я лиса — при беседе краса.

— Ступай к нам жить.

Стали они жить вшестером.

Прибежал волк:

— Чей домик-теремок? Кто в тереме живет?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун.

— Я, мышка-погрызуха.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, зайюнок-кривоног, по горке скок.

— Я, лиса — при беседе краса. А ты кто?

— Я волк-волчище — из-за куста хватыш.



— Ступай к нам жить.
Вот живут они семеро все вместе — и горя мало.
Пришел медведь и стучится:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живет?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок.
— Я, лиса — при беседе краса.
— Я, волк-волчище — из-за куста хватыш. А ты кто?
— Я вам всем пригнетыш.
Сел медведь на горшок, горшок раздавил и всех зверей распугал.




КОЛОБОК



или-были старик со старухой.

Вот и говорит старик старухе:
— Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусеку помети, не наскребешь ли муки на колобок.
Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела и наскребла муки горсти две.
Замесила муку на сметане, состряпала колобок, изжарила в масле и на окошко студить положила.
Колобок полежал, полежал, взял да и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по полу к двери, прыг через порог — да в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, навстречу ему заяц: 
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Не ешь меня, заяц, я тебе песенку спою:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
От тебя, зайца, подавно уйду!

И покатился по дороге — только заяц его и видел!

Катится колобок, навстречу ему волк:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Не ешь меня, серый волк, я тебе песенку спою:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
От тебя, волк, подавно уйду!

И покатился по дороге — только волк его и видел!

Катится колобок, навстречу ему медведь:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Где тебе, косолапому, съесть меня!



Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От тебя, медведь, подавно уйду!

И опять покатился — только медведь его и
видел!

Катится колобок, навстречу ему лиса:
— Колобок, колобок, куда катишься?
— Качусь по дорожке.
— Колобок, колобок, спой мне песенку!
Колобок и запел:

— Я колобок, колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От медведя ушел,
От тебя, лисы, нехитро уйти!

А лиса говорит:

— Ах, песенка хороша, да слышу я плохо. Колобок, колобок, сядь ко мне на носок да спой еще разок, погромче.

Колобок вскочил лисе на нос и запел погромче
ту же песенку.

А лиса опять ему:

— Колобок, колобок, сядь ко мне на язычок да
пропой в последний разок.

Колобок прыг лисе на язык, а лиса его —
гам! — и съела.



РЕПКА



осадила дед репку и
говорит:

— Расти, расти, репка, сладка! Расти, расти,
репка, крепка!

Выросла репка сладка, крепка, большая-пре-
большая.

Пошел дед репку рвать: тянет-потянет, вытянуть
не может.

Позвал дед бабу.

Бабу за деду,
Деду за репу —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.
Позвала бабу внучку.

Внучку за бабу,
Бабу за деду,
Деду за репу —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.
Позвала внучку Жучку.



Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.
Позвала Жучка кошку.

Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.
Позвала кошка мышку.

Мышка за кошку,
Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут — и вытянули репку.



ЯИЧКО



ил себе дед да ба-
ба, у них была курочка ряба; снесла под полом
яичко — пестро́, востро́, костяно́, мудрено́! Дед
бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка

прибежала да хвостиком раздавила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается!

Шли за водою поповы дочери, спрашивают деда, спрашивают бабу:

— О чем вы плачете?

— Как нам не плакать! — отвечают дед да баба. — Есть у нас курочка ряба; снесла под полом яичко — пестрѳ, вострѳ, костянѳ, мудренѳ! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила.

Как услышали это поповы дочери, со великого горя бросили ведра наземь, поломали коромысла и воротились домой с пустыми руками.

— Ах, матушка! — говорят они попадьѳ. — Ничего ты не знаешь, ничего не ведаешь, а на свете много дѳется: живут себе дед да баба, у них курочка ряба; снесла под полом яичко — пестрѳ, вострѳ, костянѳ, мудренѳ! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила. Оттого дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается! А мы, идучи за водою, ведра побросали, коромысла поломали!

На ту пору попадьѳа квашню месила. Как услышала она, что дед плачет, и баба плачет, и курочка кудкудачет, тотчас с великого горя опрокинула квашню и все тесто разметала по полу.

Пришел поп с книгою.

— Ах, батюшка! — сказывает ему попадьѳа. — Ничего ты не знаешь, ничего не ведаешь, а на свете много дѳется: живут себе дед да баба, у них курочка ряба; снесла под полом яичко — пестрѳ, вострѳ, костянѳ, мудренѳ! Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила. Оттого дед плачет, баба плачет, курочка

Кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается! Наши дочки, идучи за водою, ведра побросали, коромысла поломали, а я тесто месила да со великого горя все по полу разметала!

Поп затужил-загоревал, свою книгу в клочья изорвал.



ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ



ил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется:

— На что ты мне годишься? Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Шука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Шука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи — чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Шука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только:

По щучьему веленью,
По моему хотенью.

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ступайте, ведра, сами домой...

Только сказал — ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается... Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.



— Неохота...

— Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про шуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

поди, топор, наколи дров, а дрова — сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, открывайте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки открыли ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валяются и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера: его найти и привезти во дворец.



Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унес.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого наибольшего вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил наибольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, — тогда он все сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить, — пожалуйста, поедем.

— А мне несхота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал ее в окошке и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал еще:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-поживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него,

просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь заведовал, затужил и говорит опять на-большему вельможе:

— Ступай приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В нее посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли — проснулся Емеля; видит — темно, тесно:

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на желтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на желтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит:



— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

выстройся каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зеленый сад: цветы цветут и птицы поют.

Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?»

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — все твое царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.



ДОЧЬ- СЕМИЛЕТКА



Жили два брата: один бедный, другой богатый. У обоих по лошади — у бедного кобыла, у богатого мерин. Остановились они на ночлег рядом. У бедного кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенок подкатился под телегу богатого. Будит он наутро бедного:

— Вставай, брат! У меня телега ночью жеребенка родила.

Брат встает и говорит:

— Как можно, чтоб телега жеребенка родила? Это моя кобыла принесла.


Богатый говорит:

— Кабы твоя кобыла принесла, жеребенок бы подле был!

Поспорили они и пошли до начальства. Богатый дарил судей деньгами, а бедный словами оправдывался.

Дошло дело до самого царя. Велел он призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки:

— Что всего на свете сильнее и быстрее? Что

всего на свете жирнее? Что всего мягче? И что
всего милее? 

И положил им сроку три дня:

— На четвертый приходите, ответ дайте!

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошел к ней совета просить.

Она посадила его за стол, стала угощать, а сама спрашивает:

— Что так печален, куманек?

— Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил.

— Что такое, скажи мне.

— А вот что, кума! Первая загадка: что всего на свете сильнее и быстрее?

— Экая загадка! У моего мужа карая кобыла есть; нет ее быстрее! Коли кнутом приударить, зайца догонит.

— Вторая загадка: что всего на свете жирнее?

— У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что на ноги не поднимается!

— Третья загадка: что всего на свете мягче?

— Известное дело — пуховик, уж мягче не выдумашь!

— Четвертая загадка: что всего на свете милее?

— Милее всего внучек Иванушка!

— Ну, спасибо тебе, кума! Научила уму-разуму, по век тебя не забуду.

А бедный брат залился горькими слезами и пошел домой. Встречает его дочь-семилетка:

— О чем ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?

— Как же мне не вздыхать, как слез не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которые мне и в жизнь не разгадать.

— Скажи мне, какие загадки.

— А вот какие, дочка: что всего на свете силь-



нее и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?

— Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнее и быстрее всего ветер, жирнее всего земля: что ни растет, что ни живет, земля питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все руку под голову кладет; а милее сна нет ничего на свете!

Пришли к царю оба брата — и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного:

— Сам ли ты дошел или кто тебя научил?

Отвечает бедный:

— Ваше царское величество! Есть у меня дочь-семилетка, она меня научила.

— Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелкова; пусть к утру соткет мне полотенце узорчатое.

Мужик взял шелковую ниточку, приходит домой кручинный, печальный.

— Беда наша! — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце.

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка, отломила прутик от веника, подает отцу и наказывает: — Поди к царю, скажи, чтоб нашел такого мастера, который бы сделал из этого прутика кросна: было бы на чем полотенце ткать!

Мужик доложил про то царю. Царь дает ему полтора яиц.

— Отдай, — говорит, — своей дочери; пусть к завтраму выведет мне полтора цыплят.

Воротился мужик домой еще кручиннее, еще печальнее:

— Ах, дочка! От одной беды увернешься — другая навяжется!

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка.

Попекла яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю:

— Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодневное пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено. Другого пшена наши цыплята и клевать не станут.

Царь выслушал и говорит:

— Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка.

«Ну,— думает мужик,— такой хитрой задачи и дочь не разрешит; пришло совсем пропадать!»

— Не кручинься, батюшка! — сказала ему дочь-семилетка. — Ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепелку.

Отец пошел и купил ей зайца и перепелку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепелку, села верхом на зайца и поехала во дворец.

Царь ее у ворот встречает. Поклонилась она царю.

— Вот тебе, государь, подарочек! — и подает ему перепелку.

Царь протянул было руку, перепелка — порх — и улетела!

— Хорошо,— говорит царь,— как приказал, так и сделано. Скажи мне теперь: ведь твой отец беден, чем вы кормитесь?

— Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, ловушек в воду не ставит, а я подолом рыбу ношу да уху варю.

— Что ты, глупая, когда рыба на сухом берегу живет? Рыба в воде плавает!

— А ты умен? Когда видано, чтобы телега жеребенка принесла?

Царь присудил отдать жеребенка бедному мужику, а дочь его взял к себе. Когда семилетка выросла, он женился на ней, и стала она царицею.

МУДРЫЕ ОТВЕТЫ



служил солдат в полку двадцать пять лет, а царя в лицо не видал. Пришел домой. Стали его спрашивать про царя, а он не знает, что и сказать-то. Вот и начали его корить родичи и знакомцы.

— Вишь,— говорят,— двадцать пять лет прослужил, а царя в глаза не видал!

Обидно это ему показалось; собрался и пошел царя смотреть.

Пришел во дворец. Царь спрашивает:

— Зачем, солдат?

— Так и так, ваше царское величество! Служил я тебе целых двадцать пять лет, а тебя в лицо не видал: пришел смотреть.

— Ну смотри!

Солдат три раза обошел кругом царя, все оглядывал. Царь спрашивает:

— Хорош ли я?

— Хорош,— отвечает солдат.

— Ну, теперь, служивый, скажи: высоко ли небо от земли?

— Столь высоко, что там стукнет, а здесь слышно.

— А широка ли земля?

— Вон там солнце всходит, а там заходит — столь широка!

— А глубока ли земля?

— Да был у меня дед, умер тому назад с девяносто лет, зарыли в землю, с тех пор и домой не бывал: верно, глубока!

Царь отослал солдата в темницу и наказал ему:
— Не плошай, служба! Я пошлю к тебе тридцать гусей: умеи по перу выдернуть.

— Ладно!

Призвал царь тридцать богатых купцов и загадал им те же загадки, что и солдату загадывал. Они думали-думали, не могли ответа дать, и велел их царь посадить в темницу. Спрашивает их солдат:

— Купцы-молодцы, вас за что посадили?

— Да, вишь, государь нас допрашивает, далеко ли небо от земли, и сколь земля широка, и сколь она глубока, а мы — люди темные, не могли ответа дать.

— Дайте мне каждый по тысяче рублей, я вам правду скажу.

— Изволь, брат, только научи.

Взял с них солдат по тысяче и научил, как отгадывать царские загадки. Дня через два призвал царь к себе и купцов и солдата. Задал купцам те же самые загадки и, как скоро они отгадали, отпустил их по своим местам.

— Ну, служба! Сумел по перу сдернуть?

— Сумел, царь-государь, да еще по золотому!

— А далеко ль тебе до дому?

— Отсюда не видно — далеко, стало быть!

— Вот тебе тысячу рублей, ступай с миром!

Воротился солдат домой и зажил себе привольно, богато.



ЦАРЬ,
СТАРИК
И БОЯРЕ



Приехал государь с боярами, увидел старичка белобородого — борода большая, седой.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, свет великия надежа государь.

— Дедушка, давно ли на горах снега забелели?

— Двадцать лет.

— Давно ли с гор ручьи побежали?

— Пятнадцать лет.

— Дедушка, прилетят сюда гуси, можешь ли их теребить?

— А сколько могу, потереблю!

— Дедушка, тереби больше, не жалеЙ!

Распростился царь с дедом, поехали. Приехал царь домой, стал у бояр спрашивать:

— О чем мы с дедушкой говорили?

Бояре стали просить: дай, государь, подумать. Выпросили сроку, с царем распростились, разошлись, сели на коней и поехали к дедушке. Приехали, поздоровались.

— Дедушка, о чем вы с государем говорили?

— Нет, нельзя сказать!

— Дедушка, дадим по сту рублей!

— Нет, нельзя.

— Дедушка, дадим по двести рублей!

— Нет, нельзя.

— Дедушка, дадим по триста.

— Ну, когда по триста, скажу. Спросил у меня царь: «Давно ли, говорит, волосы на голове посе-

дели?» — «Двадцать лет». — «Давно ли, говорит, ручьи с гор побежали?» — «Пятнадцать лет, как слезы из глаз побежали».

— А про гусей каких говорил? — спрашивают бояре.

— А вот вас самих терebить и велел.

Поехали бояре к государю и передали все, что узнали.

Другой раз поехал государь, увидел дедушку, спрашивает:

— Были ли у тебя гуси?

— Были!

— Ну каково же ты потерябил?

— А сколько мог терebил, свет великия надежа государь.

— А плохо терebил, ты бы так терebил, чтобы перышки все у них ощипал!



ПОСУЛЕННАЯ ПОЛОВИНА



ахал мужик в поле, выпахал самоцветный камень.

Идет домой, а навстречу ему сосед, такой стародревний. Показал ему камень:

— Кому гож?

— Неси, — говорит, — к царю.

Понес; приходит во дворец и повстречал генерала. Поклонился ему до земли:

— Батюшка! Доведи до царя.

— Зачем тебе нужно?



— Несу из деревни подарок.

— Ну, мужичок, чем царь тебя наградит, отдай мне половину; а не хочешь — вовек не дойти тебе до царя.

Мужик согласился. Вот генерал довел его до самого царя.

— Благодарю, мужичок! — говорит царь. — Вот тебе в награду за то две тысячи рублей.

Мужик пал на колени:

— Не надо мне, царь-государь, иной награды, кроме пятидесяти стежей в спину.

Пожалел его царь и приказал дать ему пятьдесят стежей легонько. А мужик начал считать; как дали двадцать пять, он и закричал:

— Полно, будет с меня; другая половина посулена тому, кто довел меня до вашего царского величества.

Ну, того позвали и сполна отсчитали половину награды, как следовало; только он не рад был такой награде!

Царь поблагодарил мужичка и подарил ему целых три тысячи.



НЕРАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА



В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик; у него был сын. Ездили они по селам, по городам да торговали помаленьку.

Раз поехал сын в окольные деревни торг вести. Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли,





приехал к избушке и попросился ночь ночевать.
— Милости просим, — отвечала старуха, — только с тем уговором, чтоб ты загадал мне загадку неразгаданную.

— Хорошо, бабушка!

Вошел в избушку; она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила, а сама села возле и велела задавать загадку.

— погоди, бабушка; дай подумаю!

Пока купец думал, старуха уснула; он тотчас собрался и вон из избушки.

Старуха услышала шум, пробудилась — а гостя нет, выбежала на двор и подносит ему стакан с пойлом.

— Выпей-ка, — говорит, — посошок на дорожку!

Купец не стал на дорогу пить, вылил пойло в кувшин и съехал со двора.

Ехал, ехал, и застигла его в поле темная ночь; остановился ночевать под открытым небом.

Стал он думать да гадать, что такое поднесла ему старуха, взял кувшин, налил себе на ладонь, с той ладони помазал плеть, а той плетью ударил коня; только ударил — коня вмиг разорвало!

Поутру налетело на пададь тридцать воронов; наклевались-наелись, да тут же и околели все. Купец пособирали мертвых воронов и развесил по деревьям.

В то самое время ехал мимо обоз с товарами; увидели приказчики птиц на деревьях, взяли их — снимали, изжарили и съели: только съели — так мертвые и попадали! Купец захватил обоз и поехал домой.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — заехал опять к той же старухе ночь ночевать. Она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила и велит задавать загадку.



— Хорошо, бабушка, скажу тебе загадку; только уговор лучше денег: коли отгадаешь — возьми у меня весь обоз с товарами, а коли не отгадаешь — заплати мне столько деньгами, сколько стоит обоз с товарами.

Старуха согласилась.

— Ну, вот тебе загадка: из стакана в кувшин, из кувшина на ладонь, с ладони на плетку, с плетки на коня, из коня в тридцать воронов, из воронов в тридцать молодцев.

Старуха маялась, маялась, так и не отгадала; делать нечего, пришлось платить денежки.

А купец воротился домой и с деньгами и с товарами и стал себе жить-поживать, добра наживать.



МУДРАЯ ДЕВА



Домер старик со старухой, оставался у них сын сирота. Взял его к себе дядя и заставил овец пасти.

Ни много, ни мало прошло времени, призывает дядя племянника, хочет попытать у него ума-разума и говорит ему:

— Вот тебе сотни баранов, гони их на ярмонку да продай с барышом, чтобы и бараны были целы, и деньги сполна выручены.

Что тут делать! Заплакал бедняга и погнал баранов в чистое поле; выгнал, сел на дороге и задумался о своем горе. Идет мимо дэвица:

— О чем слезы льешь, добрый мóлодец?

— Как же мне не плакать? Нет у меня ни отца, ни матери; один дядя, и тот обижает!

— Какую ж обиду он тебе делает?

— Да вот послал на ярмонку, велел баранами торговать, да так, чтобы и бараны были целы, и деньги сполна выручены.

— Ну, это хитрость не великая! Найми-ка ты баб да остриги баранов, а шерсть отнеси на ярмонку и продай; вот у тебя и деньги, и бараны в целости!

Парень так и сделал; продал шерсть, пригнал стадо домой и отдает дяде вырученные деньги.

— Хорошо,— говорит дядя племяннику,— только ведь ты не своим разумом вздумал это? Чай, тебя научил кто-нибудь?

Парень признался.

— Шла,— говорит,— мимо девица, она научила.

Дядя тотчас приказал закладывать лошадь:

— Поедем, станем сватать ту девицу.

Вот и поехали.

Приезжают прямо на двор, спрашивают: куда лошадь девать?

— Привяжите до зимы аль до лета! — говорит им девица.

Дядя с племянником думали, думали, не знают, за что привязать; стали у ней спрашивать: до какой зимы, до какого лета?

— Эх вы, недогадливые! Привяжите к саням, а не то к телеге.

Привязали они лошадь, вошли в избу и сели на лавочку. Спрашивает ее дядя:

— Ты с кем живешь, девица?

— С батюшкой.

— Где ж твой отец?

— Уехал сто рублей на пятнадцать копеек менять.



— А когда назад воротится?

— Если кругом поедет — к вечеру будет, а если прямо поедет — и через три дня не бывать!

— Что ж это за диво такое? — спрашивает дядя.— Неужто и вправду отец твой поехал сто рублей на пятнадцать копеек менять!

— А то нет? Он поехал зайцев травить; зайца-то затравит — всего пятнадцать копеек зарабатывает, а лошадь загонит — сто рублей потеряет.

— А что значит: ежели он прямо поедет — и в три дня не прибудет, а ежели кругом — к вечеру будет?

— А то значит, что прямо болотом ехать, а кругом дорогою!

Удивился дядя уму-разуму девицы и сосватал ее за своего племянника.



ЦАРИЦА- ГУСЛЯР



В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь с царицею; пожил он с нею немалое время и задумал ехать в чужедальнюю землю. Отдал приказы министрам, попрощался с женою и отправился в дорогу.

Долго ли, коротко ли — приехал в чужедальнюю землю, а в той земле правил проклятый король. Увидел этот король царя, велел схватить его и посадить в темницу.

Много у него в темнице всяких невольников; по ночам в цепях сидят, а по утрам надевает на них проклятый король хомуты и пашет пашню до ве-

чера. Вот в такой-то муке прожил царь целые три года и не знает, как ему оттудова вырваться, как дать о себе царице весточку? И выискал-таки случай, написал к ней письмецо.

— Продавай, — пишет, — все наше имение да приезжай выкупать меня из неволи.

Получила царица письмо, прочитала и восплакала:

— Как мне выкупить царя? Если сама поеду — увидит меня проклятый король и возьмет к себе заместо жены; если министров пошлю — на них надежи нет!

И что ж она вздумала? Остригла свои косы русые, нарядилась музыкантом, взяла гусли и, никому не сказавшись, отправилась в путь-дорогу дальнюю.

Приходит к проклятому королю на двор и заиграла в гусли, да так хорошо, что век бы слушал — не наслушался. Король как услышал такую славную музыку, тотчас велел позвать гуслеяра во дворец.

— Здравствуй, гуслеяр! Из которой земли ты, из которого царства? — спрашивает король.

Отвечает ему гуслеяр:

— Сызмала хожу, ваше величество, по белому свету, людей веселю да тем свою голову кормлю.

— Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третий; я тебя щедро награжу.

Гуслеяр остался; день-деньской перед королем играет, а тот все досыта не наслушается. Экая славная музыка! Всякую скуку, всякую тоску как рукой снимает.

Прожил гуслеяр у короля три дня и приходит прощаться.

— Что ж тебе за труды пожаловать? — спрашивает король.



— А пожалуй, государь, мне единого невольника, у тебя много в темнице насажено; а мне нужен товарищ в дороге. Хожу я по чужедальным государствам; иной раз не с кем слова вымолвить.

— Изволь, выбирай себе любого! — сказал король и повел гусяря в темницу.

Гусяря оглянул заключенных, выбрал себе царя-невольника, и пошли они вместе странствовать.

Подходят к своему государству, царь и говорит:

— Отпусти меня, добрый человек! Я ведь — не простой невольник, я сам царь; сколько хочешь бери выкуп: ни денег, ни крестьян не пожалею.

— Ступай с богом, — говорит гусяря, — мне твоего ничего не надо.

— Ну, хоть в гости ко мне зайди.

— Будет время — побываю.

Тут они распрощались и пошли каждый своею дорогою.

Царица побежала окольную дорогою, прежде мужа домой поспела, сняла с себя гусярское платье и нарядилась, как быть следует.

Через час времени закричали, забегали по дворцу придворные: царь пришел!

Царица к нему навстречу бросилась, а он со всеми здоровается, а на нее и смотреть не хочет. Поздоровался с министрами и говорит:

— Вот, господа, какова жена у меня! Теперь на шею бросается, а как сидел я в неволе да писал к ней, чтоб все добро продавала да меня выкупила — небось ничего не сделала. О чем же она думала, коли мужа позабыла?

Министры доложили царю:

— Ваше величество! Как только царица получила ваше письмо, в тот же самый день неизвестно куда скрылась и все это время пропадала; во дворец только сегодня явилась.

Царь сильно разгневался и приказывает:

— Господа министры! Судите мою неверную жену по правде по истинной. Зачем не хотела меня выкупить? Не видать бы вам своего царя веки вечные, если б не молодой гусяр; за него стану бога молить, ему половину царства не пожалею отдать.

Тем временем царица успела нарядиться гусяром, вышла на двор и заиграла в гусли. Царь услышал, побежал навстречу, схватил музыканта за руку, приводит во дворец и говорит своим придворным:

— Вот этот гусяр, что меня из неволи выручил!

Гусяр сбросил с себя верхнюю одежду — и все тотчас узнали царицу.

Тут царь возрадовался: начал на радостях пир пировать, да так целую неделю и прохлаждался.



ПАСТУШЬЯ ДУДОЧКА



или в одном селе старик да старуха, бедные-пребедные, и был у них сын Иванушка. С малых лет любил он на дудочке играть. И так-то он хорошо играл, что все слушали — наслушаться не могли. Заиграет Иванушка грустную песню — все пригорюнятся, у всех слезы катятся. Заиграет плясовую — все в пляс идут, удержаться не могут.

Подрос Иванушка и говорит отцу да матери:



— Пойду я, батюшка и матушка, в работники наниматься. Сколько заработаю — все вам принесу.

Попрощался и пошел.

Пришел в одну деревню — никто не нанимает. В другую пришел — и там работники не нужны.

Пошел Иванушка дальше.

Шел-шел и пришел в дальнее село. Ходит от избы к избе, спрашивает:

— Не нужен ли кому работник?

Вышел из одной избы мужик и говорит:

— Не наймешься ли ты овец пасти?

— Наймусь, дело не хитрое!

— Не хитрое оно, это так. Только у меня такое условие: если хорошо пасти будешь — двойное жалование заплачу. А если хоть одну овечку из моего стада потеряешь — ничего не получишь, прогоню без денег!

— Авось не потеряю! — отвечает Иванушка.

— То-то, смотри!

Уговорились они, и стал Иванушка стадо пасти.

Утром чуть свет уйдет со двора, а возвращается, когда солнце сядет.

Как идет он с пастбища, хозяин с хозяйкой уже у ворот стоят, овец считают:


— Одна, две, три... десять... двадцать... сорок... пятьдесят...

Все овцы целы!

Так и месяц прошел, и другой, и третий. Скоро надо с пастухом рассчитываться, жалование ему платить.

«Что это? — думает хозяин. — Как это пастух всех овец берегает? В прошлые годы всегда овцы пропадали: то волк задерет, то сами куда забредут, потеряются... Неспроста это. Надо посмотреть, что пастух на пастбище делает».

Под утро, когда все еще спали, взял хозяин



овчинный тулуп, выворотил его шерстью наружу, напялил на себя и пробрался в хлев. Стал среди овец на четвереньки. Стоит дожидается, когда пастух погонит стадо на пастбище.

Как солнышко взошло, Иванушка поднялся и погнал овец. Заблеяли овцы и побежали. А хозяину хоть и трудно, только он не отстает — бежит вместе с овцами, покрикивает:

— Бя-бя-бя! Бя-бя-бя!

А сам думает:

«Теперь-то я все узнаю, выведаю!»

Думал он, что Иванушка его не приметит. А Иванушка зорким был, сразу его увидел, только виду не подал — гонит овец, а сам нет-нет и стегнет их кнутом. Да все метит прямо хозяина по спине!

Пригнал овец на опушку леса, сел под кусток и стал краюшку жевать.

Ходят овцы по полянке, щиплют траву. А Иванушка за ними посматривает. Как увидит, что какая овца хочет в лес забежать, сейчас на дудочке заиграет. Все овцы к нему и бегут.

А хозяин все на четвереньках ходит, головой в землю тычется, будто траву щиплет.

Устал, утомился, а показаться стыдно: расскажет пастух соседям — сраму не оберешься!

Как наелись овцы, Иванушка и говорит им:

— Ну, сыты вы, довольны вы, теперь и поплясать можно!

Да и заиграл на дудочке плясовую.

Принялись овцы скакать да плясать, копытцами постукивать! И хозяин туда же: хоть и не сыт и не доволен, а выскочил из середины стада и давай плясать вприсядку. Пляшет, пляшет, ногами разные штуки выделяет, удержаться не может!

Иванушка все быстрее да быстрее играет.

А за ним и овцы и хозяин быстрее пляшут.



Уморился хозяин. Пот с него градом так и капается. Красный весь, волосы растрепались... Не выдержал, закричал:

— Ой, батрак, перестань ты играть!.. Мбчи моей нет!

А Иванушка будто не слышит — играет да играет!

Остановился он наконец и говорит:

— Ой, хозяин! Ты ли это?

— Я...

— Да как же ты сюда попал?

— Да так, забрел невзначай...

— А тулуп зачем надел?

— Да холодно с утра показалось...

А сам за кусты, да и был таков.

Приплелся домой и говорит жене:

— Ну, жена, надо нам поскорее батрака выпроводить подобру-поздорову, надо ему жалованье отдать...

— Что так? Никому не отдавали, а ему вдруг отдадим...

— Нельзя не отдать. Он так нас осрамит, что и людям не сможем показаться.

И рассказал ей, как пастух заставил его плясать, чуть до смерти не уморил.

Выслушала хозяйка и говорит:

— Настоящий ты дурень! Нужно же тебе было плясать! Меня-то он не заставит! Как придет, велю ему играть. Посмотришь, что будет.

Стал хозяин просить жену:

— Коли ты такое дело затеяла, посади меня в сундук да привяжи на чердаке за перекладину, чтоб мне вместе с тобой не заплясать... Будет с меня! Наплясался я утром, чуть жив хожу.

Хозяйка так и сделала. Посадила мужа в большой сундук и привязала на чердаке за перекладину.

А сама ждет не дождется, когда вернется батрак с поля.

Вечером, только Иванушка пригнал стадо, хозяйка и говорит ему:

— Правда ли, что у тебя такая дудка есть, под которую все пляшут?

— Правда.

— Ну-ка поиграй! Если и я запляшу — отдадим тебе жалованье, а не запляшу — так прогоним.

— Хорошо,— говорит Иванушка,— будь потвоему.

Вынул он дудочку и стал плясовую наигрывать. А хозяйка в это время тесто месила. Не удержалась она и пошла плясать. Пляшет, а сама переваливает тесто с руки на руку.

А Иванушка все быстрее да быстрее, все громче да громче играет.

И хозяйка все быстрее да быстрее пляшет.

Услыхал дудочку и хозяин на чердаке. Стал в своем сундуке руками да ногами шевелить, поплясывать. Да тесно ему там, все головой о крышку стучается. Возился, возился да и сорвался с перекладины вместе с сундуком. Прошиб головой крышку, выскочил из сундука и давай по чердаку вприсядку плясать! С чердака скатился, в избу ввалился. Стал там вместе с женой плясать, руками да ногами размахивать!

А Иванушка вышел на крылечко, сел на ступеньку, все играет, не умолкает.

Хозяин с хозяйкой за ним во двор выскочили и ну плясать да скакать перед крыльцом.

Устали оба, еле дышат, а остановиться не могут.

А глядя на них, и куры заплясали, и овцы, и коровы, и собака у будки.

Тут Иванушка встал с крыльца да, поигрывая, к воротам пошел. А за ним и все потянулись.



Видит хозяйка — дело плохо. Стала упрашивать Иванушку:

— Ой, батрак, перестань, не играй больше! Не выходи со двора! Не позорь перед людьми! Почестному с тобой рассчитаемся! По уговору жалованье отдадим!

— Ну нет! — говорит Иванушка. — Пусть на вас добрые люди посмотрят, пусть посмеются!

Вышел он за ворота — еще громче заиграл. А хозяин с хозяйкой со всеми коровами, овцами да курами еще быстрее заплясали. И крутятся, и вертятся, и приседают, и подпрыгивают!

Сбежалась тут вся деревня — и старые и малые, смеются, пальцами показывают...

До самого вечера играл Иванушка. Утром получил он свое жалованье и ушел к отцу, к матери. А хозяин с хозяйкой в избу спрятались. Сидят и показаться людям на глаза не смеют.



ШАБАРША



й потешить вас сказочкой? А сказочка чудесная: есть в ней дива дивные, чуда чудные, а батрак Шабарша уж как взялся за гуж, так неча сказать — на все дюж!

Пошел Шабарша по батракам жить, да година настала лихая: ни хлеба никакого, ни овощей не родилось.

Вот и думает думу хозяин, думу глубокую: как разогнать злую кручину, чем жить-поживать, откуда деньги брать?

— Эх, не тужи, хозяин! — говорит ему Шабарша. — Был бы день — хлеб да деньги будут!

И пошел Шабарша на мельничную плотину. «Авось, — думает, — рыбки поймаю; продам — ан вот и деньги! Эге, да веревочки-то нет на удочку... Постой, сейчас совью».

Выпросил у мельника горсть пеньки, сел на бережку и ну вить уду. Вил, вил, а из воды прыг на берег мальчик в черной курточке да в красной шапочке.

— Дядюшка! Что ты здесь поделываешь? — спросил он.

— А вот веревку вью.

— Зачем?

— Да хочу пруд вычищать да вас, чертей, из воды таскать.

— Э, нет! Погоди маленько, я пойду скажу дедушке.

Чертенок нырнул вглубь, а Шабарша принялся снова за работу. «Погоди, — думает, — сыграю я с вами, окаянными, шутку, принесете вы мне и злата и серебра».

И начал Шабарша копать яму; выкопал и поставил на нее свою шапку с вырезанной верхушкой.

— Шабарша, а Шабарша! Дедушка говорит, чтобы я с тобой сторговался. Что возьмешь, чтобы нас из воды не таскать?

— Да вот эту шапочку насыпьте полну злата и серебра.

Нырнул чертенок в воду; воротился назад:

— Дедушка говорит, чтобы я с тобой сперва поборолся.

— О, да где ж тебе со мною бороться! Да ты не сладишь с моим средним братом Мишкойю.

— А где твой Мишка?

— А вон, смотрит, отдыхает в яру под кустиком.



— Как же мне его вызвать?

— А ты подойди да ударь его по боку, так он и сам встанет.

Пошел чертенок в яр, нашел медведя и хватил его дубинкой по боку. Поднялся Мишка на дыбки, скрутил чертенка так, что у него все кости затрещали. Насилу вырвался из медвежьих лап, прибежал к водяному старику.

— Ну, дедушка,— сказывает он в испуге,— у Шабарши есть средний брат Мишка, схватился было со мною бороться — ажно косточки у меня затрещали! Что ж было бы, если б сам-то Шабарша стал бороться?

— Гм! Ступай, попробуй побегать с Шабаршой взапуски: кто кого обгонит?

И вот мальчик в красной шапочке воротился к Шабарше, передал ему дедушкины речи, а тот ему в ответ:

— Да куда тебе со мной взапуски бегать! Мой маленький брат Заинька — и тот тебя далеко за собой оставит!

— А где твой брат Заинька?

— Да вон — в травке лег, отдохнуть захотел. Подойди к нему поближе да тронь за ушко — вот он и побежит с тобою!

Побежал чертенок к Заиньке, тронул его за ушко; заяц так и прыснул! Чертенок было вслед за ним:

— Постой, постой, Заинька, дай с тобой поравняться... Эх, ушел!

— Ну, дедушка,— говорит водяному,— я было бросился резво бежать. Куда! И поравняться не дал; а то еще не сам Шабарша, а меньшей его брат бегал!

— Гм! — проворчал старик, нахмутив брови.— Ступай к Шабарше, и попробуйте: кто сильнее свистнет?



Пришел чертенок к Шабарше:

— Шабарша, а Шабарша! Дедушка велел попробовать: кто из нас крепче свистнет?

— Ну, свисти ты прежде.

Свистнул чертенок, да так громко, что Шабарша насили на ногах устоял, а с дерев так листья и посыпались.

— Хорошо свистишь,— говорит Шабарша,— а все не по-моему! Как я свистну — тебе на ногах не устоять, и уши твои не вынесут... Ложись ничком наземь да затыкай уши пальцами.

Лег чертенок ничком на землю и заткнул уши пальцами; Шабарша взял дубину да со всего размаху как хватит его по шее, а сам — фю-фю-фю-фю!.. — посвистывает.

— Ох, дедушка, дедушка! Да как же здорово свистнул Шабарша — ажно у меня искры из глаз посыпались; еле-еле с земли поднялся, а на шее да на пояснице, кажись, все косточки поломались!

— Ого! Не силен, знать, ты, бесенок! Пойди-тка, возьми там, в тростнике, мою железную дубинку, да попробуйте: кто из вас выше вскинет ее на воздух?

Взял чертенок дубинку, взвалил на плечо и пошел к Шабарше.

— Ну, Шабарша, дедушка велел в последний раз попробовать: кто из нас выше вскинет эту дубинку?

— Ну, кидай ты прежде, а я посмотрю.

Вскинул чертенок дубинку — высоко-высоко полетела она, словно точка в вышине чернеет! Насилу дождались, пока на землю упала...

Взял Шабарша дубинку — тяжела! Поставил ее на конец ноги, оперся ладонью и начал пристально глядеть на небо.

— Что же ты не бросаешь? Чего ждешь? — спрашивает чертенок.



— Жду, когда вон энта тучка подойдет — я на нее дубинку вскину; там сидит мой брат кузнец, ему железо на дело пригодится.

— Э, нет, Шабарша! Не бросай дубинки на тучку, а то дедушка рассердится!

Выхватил бесенок дубинку и нырнул к дедушке.

Дедушка как услышал от внука, что Шабарша чуть-чуть не закинул его дубинки, испугался не на шутку и велел таскать из омута деньги да откупаться. Чертенюк таскал, таскал деньги, много уж перетаскал — а шапка все не полна!

— Ну, дедушка, на диво у Шабарши шапочка! Все деньги в нее перетаскал, а она все еще пуста. Теперь остался твой последний сундучок.

— Неси и его скорее! Веревку-то он вьет?

— Вьет, дедушка!

— То-то!

Нечего делать, почал чертенюк заветный дедушкин сундучок, стал насыпать Шабаршову шапочку, сыпал, сыпал... насилу дополнил! С той поры, с того времени зажил батрак на славу; звали меня к нему мед-пиво пить, да я не пошел: мед, говорят, был горек, а пиво мутно. Отчего бы такая притча?



ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ



ил кузнец припеваючи, никакого лиха не знал.

— Что это, — говорит кузнец, — никакого я ли-

ха на веку своем в глаза не видал! Хоть посмотрел бы, какое там такое лихо на свете.



Вот и пошел кузнец лиха искать. Шел, шел, зашел в дремучий лес; ночь близко, а ночевать негде и есть хочется. Смотрит по сторонам и видит: неподалеку стоит большущая изба. Постучал — никто не отзывается; отворил дверь, вошел — пусто, нехорошо. Забрался кузнец на печь и лег спать не ужинавши.

Стал было уже засыпать кузнец, как дверь отворилась, и вошло в избу целое стадо баранов, а за ними Лихо — баба огромная, страшная, об одном глазе. Понюхало Лихо по сторонам и говорит:

— Э, да у меня, никак, гости; будет мне, Лиху, что позавтракать: давненько я человеческого мяса не едала.

Вздуло Лихо лучину и стащило кузнца с печи, словно ребенка малого.

— Добро пожаловать, неожиданный гость! Спасибо, что забрел; чай, ты проголодался и отощал, — и щупает Лихо кузнца, жирен ли, а у того от страха все животики подвело.

— Ну, нечего делать, давай сперва поужинаем, — говорит Лихо.

Принесло большое беремя дров, затопило печь, зарезало барана, убрало и изжарило.

Сели ужинать. Лихо по четверти барана за раз в рот кладет, а кузнецу кусок в горло не идет, даром что целый день ничего не ел. Спрашивает Лихо у кузнца:

— Кто ты таков, добрый человек?

— Кузнец.

— А что умеешь ковать?

— Да все умею.

— Скуй мне глаз!

— Изволь, — говорит кузнец, — да есть ли у те-

Лихо веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебе вковал глаз.

Лихо принесло две веревки: одну толстую, а другую потоньше. Кузнец взял веревку потоньше, связал Лихо да и говорит:

— А ну-ка, бабушка, повернись!

Повернулось Лихо и разорвало веревку.

Вот кузнец взял уже толстую веревку, скрутил бабушку хорошенько.

— А ну-ка, теперь повернись!

Повернулось Лихо и не разорвало веревок.

Тогда кузнец нашел в избе железный шкворень, разжег его в печи добела, поставил Лиху на самый глаз, на здоровый, да как ударит по шкворню молотом — так глаз только зашипел. Повернулось Лихо, разорвало все веревки, вскочило как бешеное, село на порог и крикнуло:

— Хорошо же, злодей! Теперь ты не уйдешь от меня!

Пуще прежнего испугался кузнец, сидит в углу ни жив ни мертв; так всю ночь и просидел, даром что спать хотелось. Поутру стало Лихо выпускать баранов на пашню, да все по одному: пощупает, точно ли баран, хватит за спину да и выкинет за двери. Кузнец вывернул свой тулуп шерстью вверх, надел в рукава и пошел на четвереньках. Лихо пощупало: чует — баран; схватило кузнеца за спину да и выкинуло из избы.

Вскочил кузнец, перекрестился и давай бог ноги. Прибежал домой, знакомые его спрашивают:

— Отчего это ты поседел?

— У Лиха переночевал, — говорит кузнец. — Знаю я теперь, что такое лихо: и есть хочется, да не ешь, и спать хочется, да не спишь.



ПРАВДА И КРИВДА



днажды спорила Кривда с Правдою: чем лучше жить — кривдой али правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили, спорили, никто не переспорит. Говорит Кривда:

— Пойдем к писарю, он нас рассудит!

— Пойдем,— отвечает Правда.

Вот пришли к писарю.

— Реши наш спор,— говорит Кривда,— чем лучше жить — кривдою али правдою?

Писарь спросил:

— О чем вы бьетесь?

— О ста рублях.

— Ну ты, Правда, проспорила: в наше время лучше жить кривдою.

Правда вынула из кармана сто рублей и отдала Кривде, а сама все стоит на своем, что лучше жить правдою.

— Пойдем к судье, как он решит? — говорит Кривда.— Коли по-твоему — я тебе плачу тысячу рублей, а коли по-моему — ты мне должна оба глаза отдать.

— Хорошо, пойдем.

Пришли они к судье, стали спрашивать: чем лучше жить? Судья сказал то же самое:

— В наше время лучше жить кривдою.

— Подавай-ка свои глаза! — говорит Кривда Правде; выколола у ней глаза и ушла куда знала.

Осталась Правда безглазая, пала лицом наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла

в траве. В самую полночь собрались туда черти. На́большой стал всех спрашивать: кто и что сделал? Кто говорит: я душу загубил; кто говорит: я того-то обманул; а Кривда в свой черед похвальноется:

— А я у Правды сто рублей выпорчила да глаза выколола!

— Что глаза! — говорит на́большой.— Стоит потереть тутошной травкою — глаза опять будут! Правда лежит да слушает.

Вдруг крикнули петухи, и черти разом пропали. Правда нарвала травки и давай тереть глаза: потеряла один, потеряла другой — и стала видеть по-прежнему; захватила с собой этой травки и пошла в путь-дорогу.

В это время у одного царя ослепла дочь, и сделал он клич: кто вылечит царевну, того наградит. Правда приложила ей к очам травку, потеряла и вылечила; царь обрадовался и наградил Правду.



ИВАНУШКО- ДУРАЧОК



ыл-жил старик со старухою; у них было три сына: двое умные, третий — Иванушко-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил.

В одно время наварила старуха аржаных клецок и говорит дураку:

— На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят.

Налила полный горшок и дала ему в руки; по-
брел он к братьям.

День был солнечный; только вышел Иванушко за околицу, увидел свою тень сбоку и думает:

«Что это за человек? Со мной рядом идет, ни на шаг не отстает; верно, клецок захотел?»

И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет.

— Эка ненасытная утроба! — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают:

— Ты, дурак, зачем?

— Вам обед принес.

— Где же обед? Давай живее.

— Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек, да всё и поел!

— Какой такой человек?

— Вот он! И теперь рядом стоит!

Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти; видит, что овцы разбредлись по полю, давай их ловить да глаза выдирать. Всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе, радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле.

— Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?

— Да почто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались, я и придумал: стал их ловить, в кучу собирать, глаза выдирать; во как умалялся!

— Постой, еще не так умаешься! — говорят

братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много ни мало прошло времени, послали старики Иванушка-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушко: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везет — не везет!

«А что,— думает себе Иванушко,— ведь у лошади четыре ноги, и у стола тоже четыре, так стол-от и сам добежит».

Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и выются над ним да все каркают.

«Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» — подумал дурачок. Выставил блюда с яствами наземь и начал потчевать:

— Сестрицы-голубушки! Кушайте на здоровье. А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушко перелеском; по дороге все пни обгорелые.

«Эх,— думает,— ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!»

Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушко до реки, давай лошадь поить, а она не пьет.

«Знать, без соли не хочет!» — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет.

— Что ж ты не пьешь, волчье мясо? Разве задаром я мешок соли высыпал?

Хватил ее поленом, да прямо в голову — и убил наповал. Остался у Иванушка один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет — ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! И он думает, что ложки-то говорят: «Иванушко-дурак!» — бросил их и ну топтать да приговаривать:

— Вот вам Иванушко-дурак! Вот вам Иванушко-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!

Воротился домой и говорит братьям:

— Все искупил, братики!

— Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?

— А стол-от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то пойло лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул.

— Ступай, дурак, поскорее! Собери все, что разбросал по дороге.

Иванушко пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину всяких — и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит.

— Пиво, не броди! Дурака не дразни! — говорит Иванушко.

Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушка, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать.

На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушко и ну кричать:

— Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!

— Постой, дурак, — сказал барин, — я умею и судить и рядить; вылезай из куля!

Иванушко вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли

Братья, спустили куль под лед и слушают; а в воде так и буркает.

— Знать, бурка ловит! — проговорили братья и побрели домой.

Навстречу им, откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушко, едет да прихвастывает:

— Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко — такой славный!

Завидно стало братьям, говорят дураку:

— Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...

Опустил их Иванушко-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать.

Был у Иванушка колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.



ИВАНУШКА И ДОМОВОЙ



ванушка ходил в лаптях. Заходит он в свою избу. Матери дома не было. Услыхал — кто-то в избе пыхтит. Испугался он, дверями хлопнул и побежал. У него оборка от лаптя на ноге развязалась. Прищемило ее в дверях, он и упал. И закричал:

— Батюшки! Спасите! Домовой меня держит!

Прибежали соседи, подняли Иванушку, а он чуть жив. И тут разобрали, в чем дело: испугался он лаптя на своей ноге, оборки и квашни. То-то смеху было!



ЗА ДУРНОЙ
ГОЛОВОЙ —
НОГАМ РАБОТА!



Д атопила баба печь и дыму в избу напустила — не продыхнуть. «Надо попросить у соседей решето — дым из избы вынести», — подумала баба и пошла к соседям, а дверь за собой не прикрыла.

Пришла к соседям. А те говорят:

— Нет у нас решета. Догадайхе одолжили.

Отправилась баба к Догадайхе, на край села, взяла у нее решето и пошла домой.

Вошла в избу, а дыму в ней как не бывало.

Смекнула тут баба, что, пока она ноги била, за решетом ходила, дым в дверь ушел, и закорила сама себя: «За дурной головой — ногам работа!»



ДОРОГОЙ
ОБЕД



Д рое прохожих пообедали на постоялом дворе и отправились в путь.

— А что, ребята, ведь мы, кажется, дорого за обед заплатили?

— Ну, я хоть и дорого заплатил, — сказал один, — зато недаром!

— А что?

— А разве вы не приметили? Только хозяин засмотрится, я сейчас схвачу из солоницы горсть соли, да в рот, да в рот!



БАТЮШКА,
ОТПУСТИ!



вдовел мужик, пришлось самому хлеба ставить. Вот он замесил в деже тесто и вышел куда-то. В сумерках воротился, хотел было вздуть огонь, как услышал, что кто-то пыхтит; а это хлеба кисли.

«Недавно,— думает себе,— ушел, а кто-то уж забрался в избу!» — и впотьмах наступил на чергу. Она ударила его в лоб, он закричал:

— Сделай милость, не дерись, ведь я тебе ничего не сделал! — а сам ну пятиться вон из избы.

На беду, нога разулась, и мужик при выходе прихлопнул оборку дверью и упал.

— Батюшка, отпусти! Не держи меня, право слово — ничего тебе не сделаю!



ЗАЯЦ



едный мужик шел по чистому полю, увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит:

— Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына. На те деньги куплю свинушку. Она принесет мне двенадцать поросеночков. Поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати. Я всех приколю, амбар мяса накоплю. Мясо продам, а на денежки дом заведу да сам женюсь. Жена-то родит мне двух сыновей: Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки наводить: «Эй вы, ребятки,— крикну,— Васька да Ванька! Шибко людей на работе не подгоняйте, видно, сами бедно не живали!»

Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал.



БРАТ И СЕСТРА



Вли проселком брат и сестра, стали подходить к деревне.

Брат говорит:

— Я здесь молока куплю.

А сестра:

— А я в молоко хлеба накрошу!

Брат ухватил сестру за косу и давай за нее дергать и приговаривать:

— Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!

Пришли в деревню, а молока никто им и не продал.



ГЛУПЫЙ ЖЕНИХ



Даз один жених свататься пошел. Он очень нескладно говорил. Вот сват ему и дает совет:

— Ты, брат, с невестой-то как покруглее говори.

Ну, он пришел в дом к невесте. Помолчал, помолчал, а как наелся, напился, развеселился, так невесте и говорит:

— Колесо.

Да помолчит, помолчит и опять:

— Колесо.

Ведь круглое колесо-то, а ему «покруглее» говорить велели, вот он круглое и выбрал.

Невеста увидала, что жених глуп, и не пошла за него.



ГЛУПЫЙ МУЖИК



Дил в одной деревне мужик с бабой. Всем мужик был хорош: и работающ и не ленив, да одним обижен судьбой — мало было у него ума.

Раз посылает баба мужика в лес за дровами.

— Съезди,— говорит,— наруби дров, я хоть печь истоплю да щей сварю.

Мужик запряг лошадь и поехал. Приехал в лес, взобрался на большую сосну, вынул из-за пояса топор и хочет рубить тот сук, на который сел. Случилось в эту пору проезжать мимо мужичку из соседней деревни. Взглянул он на мужика и закричал:

— Что ты, бестолковый, делаешь? Ведь убьешься!

Мужик глянул на него и сказал:

— А ты почему знаешь, что упаду? Ведь не святой! Поезжай-ка своей дорогой.

Крестьянин видит, что нечего толковать с дураком, и поехал дальше. Не успел отъехать и десятка сажень, как сук подломился, мужик упал и расшибся.

Полежал он немного, поохал, встал и пошел догонять того крестьянина, что сказал, что он упадет. Нагнал, повалился ему в ноги:

— Батюшка родимый! Вижу, что ты святой, скажи же мне теперь, когда будет конец моей жизни!

Крестьянину вздумалось посмеяться над дураком — он сказал:

— Поезжай теперь домой, прости с домашними и опять возвращайся сюда: умрешь у той сосны, которую хотел рубить на дрова.

Мужик испугался и спросил:

— А что, батюшка, если я не поеду больше в лес, то, может, и не умру?

— Нет, уж лучше послушайся меня, а не послушаешься — хуже будет.

Мужик вернулся к своей лошади. Ему уж было не до дров; сел на лошадь и поехал домой.

Баба давно дожидалась своего мужа, а когда увидела, что он приехал без дров, стала его ругать. Но он не слушал ее и рассказал, что встретил в лесу

святого человека и что тот предсказал ему скорую смерть. Жена сказала:

— Полно врать-то! Над тобой посмеялись, а ты слушаешь!

Но мужик простился со своими домашними и поехал в лес.

Приехал, слез с лошади и пошел искать ту сосну, которую хотел рубить на дрова. Долго ходил искал и вдруг запнулся, свалился. «Ну,— подумал,— теперь уж, видно, умер»,— и не смел встать.

Лошадь его постояла, постояла да и пошла домой. Мужик хоть и слышал, что лошадь уходит, но не посмел открыть глаз и встать на ноги, а лежал и не шевелился.

Начинало темнеть. Выбежала стая волков, погналась за лошастью. Мужик и тут не встал: на что ему лошадь, если умер?

Баба долго дожидалась мужа, беспокоилась, а утром объявила сельскому старосте, что муж не вернулся из лесу.

Староста собрал крестьян и пошли они искать мужика. Долго бродили по лесу, наконец один наткнулся на дурака. Собрались все около него, смотрят, думают, что он и вправду умер.

А он вдруг и говорит:

— Вам чего нужно?

Староста спрашивает:

— А ты чего тут лежишь?

— Видишь, умер; слеп, что ли?

— А если ты умер, так я воскрешу тебя! — Снял староста ремень да и давай хлестать дурака.

Мужик вскочил на ноги и стал всех обнимать, благодарить, что воскресили, а потом бегом домой.

У своей деревни видит: несут покойника на погост. Мужик говорит:

— Несите в лес, там его воскресят. Я сам вчера умер, да сегодня меня воскресили!

Отколотили его и прогнали. С тех пор и прозвали глупого мужика покойником.



КОЛИ
УТОНЕШЬ



таруха мать ругала мальчишку, чтоб он не ходил на реку купаться:

— Ну смотри, коль утонешь, так и домой не ходи!



ФОМА
И ЕРЕМА



ыло два брата, Фома да Ерема; сдумали-сгадали честные братаны рыбу ловить. Лодка была у них розна, ботник без дна; три дня тонули, а потонуть не могли, добрые люди повытащили.

Сели братаны на бережок, понюхивают табачок. Вздумали торговать: закупили холстов, съехали в Ростов и променяли холсты на свиные хвосты — и тут неудача!

Вздумали землю пахать: посеяли рожь и овес; рожь-то не выникла, а овес-то не взошел, с того они соху и борону в огонь, а сами с пашни бегом!

ПРИШЛИ
ВЯТСКИЕ
В МОСКВУ



ришли вятские в Москву. Стоят перед башней Ивана Великого и говорят:

— Как они туда затащили крест?

А другой стоит и говорит:

— Вот чудо великое! Башню Ивана Великого нагнули да крест воткнули!



ДУРАК
И БЕРЕЗА



некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, у него было три сына: двое умных, третий дурак. Помер старик. Сыновья разделили имение по жеребью. Умным досталось много всякого добра, а дураку один бык — и тот худой! Пришла ярмарка. Умные братья собираются на торг ехать. Дурак увидал и говорит:

— И я, братцы, поведу своего быка продавать.

Зацепил быка веревкою за рога и повел в город. Случилось ему идти лесом, а в лесу стояла старая, сухая береза; ветер подует — и береза заскрипит.

«Почто береза скрипит? — думает дурак. — Уж не торгует ли моего быка?»

— Ну,— говорит,— коли хочешь покупать так покупай; я не прочь продать! Бык двадцать рублей стоит; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!

Береза ничего ему не отвечает, только скрипит, а дураку чудится, что она быка в долг просит.

— Изволь, я подожду до завтра!

Привязал быка к березе, распрощался с нею и пошел домой.

Вот приехали умные братья и стали спрашивать:

— Ну что, дурак, продал быка?

— Продал.

— За дорого?

— За двадцать рублей.

— А деньги где?

— Денег еще не получал; сказано — завтра приходите.

— Эх ты, простота!

На другой день поутру встал дурак, снарядился и пошел к березе за деньгами. Приходит в лес — стоит береза, от ветра качается, а быка нету: ночью волки съели.

— Ну, земляк, подавай деньги, ты сам обещал, что сегодня заплатишь.

Ветер подул — береза заскрипела, а дурак говорит:

— Ишь ты какой неверный! Вчера сказывал: «Завтра отдам» — и нынче то же сулишь. Так и быть, подожду еще один день, а уж больше не стану — мне самому деньги надобны.

Воротился домой. Братья опять к нему пристают:

— Что, получил деньги?

— Нет, братцы! Пришлось еще денег подождать.



- Да кому ты продал?
- Сухой березе в лесу.
- Экой дурак!

На третий день взял дурак топор и отправился в лес. Приходит и требует денег. Береза скрипит да скрипит.

— Нет, земляк! Коли все будешь завтраками потчевать, так с тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо с тобой разделаюсь.

Как хватит ее топором — так щепки и посыпались во все стороны.

В той березе было дупло, а в том дупле разбойники спрятали полный котел золота. Распалось дерево надвое, и увидел дурак чистое золото; нагреб целую полу и потащил домой. Принес и показывает братьям.

— Где ты, дурак, добыл столько?

— Земляк за быка отдал; да тут еще не сполна все, чай, и половины домой не притащил. Пойдем-ка, братцы, забирать остальное.

Пошли в лес, забрали деньги и понесли домой. Сказке — конец, а мне — меду корец.



НАБИТЫЙ ДУРАК



ил-был старик со старухой, имели при себе одного сына, и то дурака. Говорит ему мать:

— Ты бы, сынок, пошел, около людей потерся да ума набрался.



— Пстой, мама; сейчас пойду.

Пошел по деревне, видит — два мужика горох молотят, сейчас подбежал к ним; то около одного потрется, то около другого.

— Не дури,— говорят ему мужики,— ступай, откуда пришел.

А он знай себе потирается.

Вот мужики рассердились и принялись его цепями потчевать — едва домой приплелся.

— Что ты, дитяtko, плачешь? — спрашивает его старуха.

Дурак рассказал ей свое горе.

— Ах, сынок, куда ты глупешенек! Ты бы сказал им: бог помочь, добрые люди! Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить! Они б тебе дали гороху; вот бы мы сварили да и поели.

На другой день идет дурак по деревне; навстречу несут покойника. Увидал и давай кричать:

— Бог помочь! Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить!

Опять его избиили; воротился он домой и стал жаловаться:

— Вот, мама, ты научила, а меня избиили!

— Ах ты, дитяtko! Ты бы сказал: «Канун да свеча!» — да снял бы шапку, начал бы слезно плакать да поклоны бить; они б тебя накормили-напоили досыта.

Пошел дурак по деревне, слышит — в одной избе шум, веселье, свадьбу празднуют; он снял шапку, а сам так и разливается, горько-горько плачет.

— Что это за невежа пришел,— говорят гости,— мы все гуляем да веселимся, а он словно по мертвому плачет!

Выскочили и порядком ему бока помяли...

КАК
ИВАН-ДУРАК
ДВЕРЬ СТЕРЕГ



или старик со старухой. Было у них три сына: двое умных, а третий — дурачок.

Стали братья с родителями собираться на работу. Иван-дурак тоже стал собираться — взял сухарей, налил воды в баклажку.

Его спрашивают:

— Ты куда собираешься?

— С вами на работу.

— Никуда ты не поедешь. Стереги хорошенько дверь, чтобы воры не зашли.

Остался дурак один дома. Поздно вечером снял он с петель дверь, взвалил ее на спину и понес.

Пришел на пашню. Братья спрашивают:

— Зачем пришел?

— Я есть захотел.

— Мы же тебе наказывали стеречь дверь.

— Да вот она!



ЛУТОНЮШКА



ил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутоню занялись чем-то на дворе, а

старуха была в избе. Стала она снимать с гряд полено, уронила его на загнетку и тут превеликим голосом закричала и завопила.

Вот старик услышал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слезы стала говорить ему:

— Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке — я бы его ведь ушибла поленом-то!

Ну, и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря:

— И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!.. Кричат оба что ни есть мочи!

Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает:

— О чем вы кричите?

Они сказали о чем:

— Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!

— Ну,— сказал Лутоня,— исполать вам!

Потом взял свою шапку в охапку и говорит:

— Прощайте! Если я найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду — и не ждите меня! — и ушел.

Шел, шел и видит: мужики на избу тащат корову.

— Зачем вы тащите корову? — спросил Лутоня.

Они сказали ему:

— Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!

— Ах, дураки набитые! — сказал Лутоня, взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове.

Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их.

— Нет,— сказал Лутоня,— у меня таких дураков еще много по белу свету!

И пошел дальше. Вот в одном селе увидел он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли ее до полусмерти.

— Что вы делаете? — спросил Лутоня.

— Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку.

— Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю.

Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтобы остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Вот идет Лутоня и видит: два мужика над бревном трудятся, что есть силы за концы тянут.

— Что это вы, братцы, делаете?

— Да вот,— говорят,— бревно коротко — вытянуть хотим.

Посмеялся Лутоня и дальше пошел.

Идет и видит: баба что-то решетом в избу носит.

— Что это ты, тетушка, решетом носишь?

— Свет, родимый, ношу, свет! — отвечает баба.— Чтобы по ночам лучины не жечь.

Посмеялся Лутоня над глупой бабой и пошел дальше.

Шел, шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидел он: хозяйка-старушка сварила саламату, поставила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной.

— Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти? — сказал Лутоня.

— Как зачем,— возразила старуха охриплым голосом,— ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана-то в погребе.

— Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда

сметану-то; у тебя дело пошло бы по масличку!

— И то, родимый!

Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся донельзя, залез на полати и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.



С ТОГО
СВЕТУ
ВЫХОДЕЦ



риходит солдат к
старухе:

— Здравствуй, бабушка!

— Кормилец, откуда ты?

— Я с того свету выходец.

— А мой сынок? В Егорьев день его хоронили. Может, видел?

— Видел, бабушка! Твой сын у бога коров па-сет, да коровушку потерял: вот бог у него двадцать пять рублей требует, а где он возьмет?

— Вот у меня,— говорит старуха,— двадцать рублей есть, а больше нет. У меня в этом сундуке много денег, да хозяина нет...

— Бабушка, бог не мужик, попросим, за пя-теркой не погонится. Давай сюда!

— Сапоги его еще возьми... снаряды все...

— Возьму, бабушка, все снесу!

И двадцать рублей денег дала. И масла пред-лагает, а он говорит:

— Там масла хватает, вот свининки нет.



— Дам окорок! Бери шпику, снеси.
Отдала все снаряды, и двадцать рублей денег,
и окорок свинины, и пошел солдат.

Приезжает хозяин. Она плачет.

— Ты чего плачешь?

— С того свету выходец был. Сынок наш стадо
коров там у бога пасет. Одну коровушку потерял,
бог ругается, двадцать пять рублей требует. А у
меня двадцать только было. Отдала я...

— У, дура, дура!

Запряг лошадку в тарантас. Взял нож с собой.

— Я догоню — луна светит. Свяжу да и уряд-
нику свезу!

Нож взял и погнался. Нагоняет солдата в лесу.

— Стой,— говорит,— солдат! Ты мою хозяйку
обманул. Я пойду лыка надеру, да тебя свяжу
и уряднику свезу. Держи лошадей!

— Иди, иди, батюшка! Я покараую.

Он ушел в лес — солдат снял котомочку, по-
ложил и поехал своим чередом. Мужик пришел —
лошадей не видать. И солдат пропал.

— Вот я дурак, прости господи! Хозяйку солдат
обманул на двадцать рублей и на снаряды, а я ло-
шадей отдал со всей рухлядью.

Идет домой, голову повесил: «Что бы сделать,
чтоб жена не ругала?»

Пришел.

— А где лошади? — спрашивает.

— А,— говорит,— я отдал. Неужели тебе ди-
тенок, а мне щенок? Я отдал лошадок. Пусть сынок
на том свете катается!..

— А вот, родительское сердце!



Я БЫ
СПРЯТАЛСЯ!



рибили одного дурня
ночью и стали на другой день смеяться.

— Ну,— говорит он,— молитесь бога, что ночь
была светлая; а то я выкинул бы вам штуку!

— Какую, скажи, пожалуй!

— Я бы спрятался!



ИЗВОЗЧИК
И ЛОШАДЬ



аз зимою ехали по
Волге-реке извозчики. Одна лошадь заартачилась
и бросилась с дороги в сторону; извозчик тотчас
погнался за нею и только хотел ударить кнутом,
как она попала в майну и пошла под лед со всем
возом.

— Ну, моли бога, что ушла,— закричал му-
жик,— а то я бы нахлестал тебе бока-то!



ПРО
НУЖДУ



ил в деревне бедный мужичок. Вот однажды работает он в мороз в худенькой своей одежонке, дрова рубит — не нагреется; лицо его от мороза разгорается. Въезжает в деревню барин, остановился около мужика:

— В какую стужу ты рубишь!

— Эх, сударь, нужда рубит!

Барин изумился, спрашивает кучера:

— А что, кучер, какая это нужда? Знаешь ли ты ее?

— Я только сейчас, сударь, слышу.

Спрашивает барин мужика:

— Какая же это, мужичок, нужда? Где она у тебя?

Мужик и говорит:

— А на что тебе, сударь?

— Да охота мне ее поглядеть.

Увидал мужик: в чистом поле на бугринке стоит былинка вся в снегу.

— А вот,— сказал мужик,— на бугре, сударь, нужда стоит! Вот она как от ветру шатается, и никто не догадается!

Барин и говорит:

— Нет ли времечка тебе ее нам указать?

— Пожалуй, можно, сударь.

Сели на тройку лошадей и поехали в чисто поле нужду глядеть. Выехали они на бугринку, а другая былинка дальше стоит. И указывает мужик рукой:

— А вот, сударь, она в стороне. Нам ехать нельзя: снег глубокий.

— Покарауль-ка,— сказал барин,— тройку лошадей, я схожу погляжу.

Барин слез и пошел, а кучер-то и говорит:

— Сударь, возьмите и меня: и мне охота поглядеть.

И полезли по снегу оба. Одну былинку пройдут, другую найдут, а еще нужду не видят. А мужичок-то был не промах, выпряг лошадей, сел на одну, а других стегнул да и полетел. Только они его и видели. Полазили по снегу два дурака, на дорожку вышли, к повозке подошли, а лошадушек след простыл. Думали, думали барин с кучером... Что делать? Лошадей-то нет, а повозку бросить жалко. Говорит барин кучеру:

— Впрягайся-ка, кучер, в корень, а я хоть в пристежку.

Кучер говорит:

— Нет, вы, барин, поисправнее, немножко по сильнее — вы в корень, а я — в пристежку.

Ну, нечего делать, запрягся барин в корень. Везут да везут, повезут да встанут. А мужик припрятал лошадей и пошел навстречу:

— Что это вы, барин, повозку на себе везете?

Барин сердито говорит:

— Уйди! Нужда везет.

— Какая же это нужда?

— Ступай в поле, вот там на бугре стоит!

А сам везет да везет. Приехал домой еле жив. Нужду увидел и тройку лошадей потерял.



СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ



усадьбе жила барыня — и до того сердитая, никому житья не было! Староста придет спросить что — она его не отпустит, пока не отхлещет. А мужикам-то житья не было никакого: драла, как собак.

Вот раз приходит солдат на побывку домой. Рассказали ему про барыню, а он и говорит: «Я ее проучу».

Настала ночь, барыня уснула. Велел солдат лошадей запрячь.

Подъехал к усадьбе, тихонько вынес барыню и отвез в избу к сапожнику. А сапожникову жену отвез в усадьбу.

Пробудилась на заре жена сапожника, видит — дом преотличный. Тотчас служанки к ней подбежали, подают умываться. Помылась — подали полотенце, вытерлась. Подают самовар. Села она чай пить.

Староста приходит к ней на цыпочках. Она взглянула на него: что за мужик?

— Тебе, — говорит, — что надо?

— Я, барыня, пришел спросить, какой наряд на сегодня дадите.

А она догадалась, как ответить:

— Нешто вы не знаете? Что вчера делали, то и сегодня делайте!

Староста вышел на кухню и говорит:

— Сегодня барыня добрая, просто отроду такая не бывала!

Живет сапожникова жена в усадьбе месяц и

другой, и так ее расхвалили крестьяне — по всей округе нет лучше барыни!

А барыня пробудилась утром у сапожника и кричит:

— Слуги!

Сапожник сидит и шьет:

— Подымайся, баба, пора печь топить!

— А ты кто такой! Подавай умываться!

— Ах ты, барыня! Сама поди по воду: солнышко давно встало.— Вскочил со стула, сдернул ремень и давай ее хлестать.— Ты нешто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и печь затоплять!

И до того хлестал ее, пока не устал. Барыня взмолилась. Побрела по воду, потом за дровами, затопила печь, кое-чего сварила.

И так жила она месяца два. За что ни возьмется, ничего у нее не выходит, все из рук валится: то щи недоварит, то воду разольет. Сапожник ее не раз колотил. И сделалась барыня добрая, работающая.

Как услышал об этом солдат, переменил ночью барыню и сапожникову жену.

Утром встает барыня тихонько, выходит из своей комнаты:

«Что это, я в старом доме? Откуда я взялась?»

Спросила служанок:

— Служанки! Как же я сюда попала?

— Ты, барыня, нигде и не бывала!

И с тех пор барыня мягкая-мягкая сделалась. А сапожникова жена стала жить по-старому.



УМНЫЙ РАБОТНИК



бедного старика было три сына.

Посылает отец старшего:

— Поди наймись в батраки, все чего-нибудь заработаешь.

Пошел старший сын в другую волость, а навстречу ему поп:

— Наймись, свет, ко мне, только, чур, уговор такой: коли хоть на день раньше срока уйдешь — не видать тебе твоего заработка, ни копейки не дам.

Молодец перечить не стал и нанялся к попу на год.

Будит поп работника до солнышка, работать заставляет дотемна, а кормит один раз в день не досыта.

От голода да от тяжелой работы парень совсем отошал — насили ноги волочит.

«Коли до срока жить — живому не быть, совсем изведусь».

Махнул рукой на заработок и с пустыми руками воротился домой.

А попу того и надо, чтобы работник до срока ушел. Все тяжелые работы справлены, и деньги целы.

На другой год пошел средний брат в работники наниматься. И таким же манером, как и старший брат, полгода у попа мучился и тоже без копейки, чуть живой домой приплелся.

На третий год настал черед младшему брату в люди идти.

Пошел он прямо к тому попу, где старшие братья горе мыкали.

— Вот и хорошо,— обрадовался поп,— я как раз работника ищу. Рядись, платой не обижу, а уговор такой: до срока проживешь — получай все сполна, что ряжено; если раньше уйдешь — пеняй на себя, копейки не заплачу.

— Ладно,— отвечает молодец.

И ударили по рукам.

На другое утро — ни свет ни заря — будит поп работника:

— Вставай, скорей запрягай, поедем за сеном на дальний покос.

Покуда работник коней запрягал, поп успел плотно позавтракать, а работнику попадья дала всего две вчерашние картофелины.

— Позавтракаешь в дороге — видишь, батюшка торопится, сердится...

Поехали. Только миновали околицу, соскочил парень с саней и закричал:

— Постой, батюшка! Я веревки забыл, сейчас сбегаяю.

Поп коня придержал, бранится.

А работник прибежал, постучался:

— Ох, матушка, батюшка велел принести каравай белого хлеба да три пирога с рыбой.

Попадья припасы завернула, подала.

Молодец прихватил в сенях веревки, воротился.

— Трогай, батюшка, веревки принес.

— Ладно, хоть недалеко отъехали,— ворчит поп.

Покуда до места добрались, сено укладывали да увязывали — времени прошло много.

Только к вечеру тронулись в обратный путь.

Поп с переднего воза кричит:

— Дорога ровная, без раскатов, я подремлю!

А ты, парень, гляди, как доедем до развилки, надо влево держать!

После того завернулся с головой в теплый дорожный тулуп и улегся спать.

Работник пирогов наелся да белого хлеба, лежит на своем возу. Доехали до развилки, и направил молодец коней не влево, как поп наказывал, а вправо. Влез на воз, посмеивается: «Прочучу долговолосого, попомнит меня».

Верст пятнадцать еще отъехали. Тут поп проснулся, огляделся — видит, едут не туда, куда надо, заругался:

— Ох, будь ты неладен! Ведь говорил — держи влево. И о чем только ты думал, куда глядел?

— Как куда глядел? Да ведь сам ты и кричал: «Держись правой руки!»

«Видно, я обмолвился», — подумал поп и говорит:

— Ну, делать нечего, надо кружным путем ехать. Тут верст через десять деревня будет, придется переночевать. Время позднее, да и есть смертельно охота, прямо терпенья нет.

— А ты, батюшка, сенца попробуй, — работник говорит, — я вот так славно подкрепился, сыт-сытехонек.

Поп надергал травы, что помягче, пожевал, пожевал, выплюнул:

— Нет, не по мне это кушанье.

Ехали еще час ли, два ли — показалась деревня.

Привернули к самой богатой избе, к лавочнику.

— Ступай, — поп говорит, — просись ночевать, у меня от голода руки-ноги трясутся.

Работник постучался:

— Добрые люди, пустите переночевать!

Вышел хозяин:

— Заезжай, заезжай, ночлега с собой не возят.

— Да я не один,— шепотом говорит молодец,— со мной батюшка нездоровый — вроде не в своем уме. Так смиренный, тихий, а как услышит, что два раза одно и то же скажут, как лютый зверь становится, на людей кидается.

— Ладно,— хозяин отвечает,— буду знать и своим закажу.

Работник коней распряг, задал корм и помог попу слезть с воза.

Зашли в избу. Хозяева с опаской поглядывают на попа, помалкивают.

Подшло время к ужину, накрыли стол.

Хозяйка промолвила:

— Садитесь, гости, с нами хлеба-соли отве-
дать.

Работник сразу за стол, а поп ждет, когда еще раз попотчуют.

Хозяева другой раз не зовут, не смеют.

Сели ужинать. Сидит поп в сторонке, злится на себя: «Надо бы сразу за стол садиться».

Так и прсидел весь ужин несолоно хлебавши.

Хозяйка убрала со стола, постелила попу с работником постель.

Молодец только голову на подушку уронил, сразу крепко уснул. И хозяева уснули.

А голодному попу не до сна.

Растолкал, разбудил работника:

— Ой, есть хочу, терпенья нет.

— А чего ужинать не стал?

— Думал, еще попотчуют.

— Приметил я,— шепчет работник,— около печки на полке горшок с кашей, поди поешь.

Поп вскочил и через минуту снова будит работника:

— Горшок с кашей нашел, а ложки нет.

Рассердился парень:



— Ну где я тебе ложку возьму! Засучи рукава и ешь рукой.

Поп от жадности сунул в горшок обе руки, а в горшке был горячий вар. Третий раз будит работника, трясет горшком:

— Ох, мбчи нет, руки горят, и вынуть не могу!

— Беда с тобой,— парень ворчит.— Гляди, у стены точильный камень. Разбей горшок, и вся недолга.

Поп изо всех сил хватил горшком, только черепки полетели. В эту же минуту кто-то истошно завопил:

— Караул, убили!

Поп кинулся вон из избы.

Вся семья всполошилась, зажгли огонь и видят: у хозяина вся голова залита варом. Стонет старик.

Сыновья хозяина приступили к работнику:

— Зачем старика изувечили?

— Кто кого изувечил? И знать не знаю, и ведавать не ведаю. А вот куда вы нездорового попа девали?

Хозяева — туда-сюда: и в сени и на сеновал. Все обыскали — нигде нет попа.

— Вот видите,— работник говорит,— хозяин-то уж очухался, а попа нет. Люди вы справные, отпустите товару из лавки на сотню рублей — замнем дело, а не то в волость поеду, придется вам в ответе быть.

Хозяева помялись, помялись, дали товару на сто рублей.

Молодец подарки прихватил, коней запряг и поехал домой.

Версту от деревни отъехал, глядь — из соломенного омета поп вылезает:

— Боялся, что хозяева тебя не выпустят.

— Хозяина-то ведь не я, а ты убил,— работник

отвечает, — тебе и в остроге сидеть. Кто меня держать станет?

— Так разве до смерти?

— А ты как думал? Сейчас за урядником поедут.

Поп руками всплеснул, трясется весь:

— Ох, горе горькое! Неужто нельзя как-нибудь уладить?

— Уладить можно, — работник говорит, — я уж просил хозяев: мол, все равно старика не оживишь.

— Ну и что?

— Да известно что: дорожатся.

— Я ничего не пожалею, все отдам, только бы замять дело!

— Просят пару коней да триста рублей денег. Ну, и мне за хлопоты хоть сотню надо.

«Слава богу, — думает поп, — дешево отделался».

Отвалил работнику четыре сотенки, отдал коней.

— Беги скорее, покуда не раздумали!

Работник отвел коней на гумно, привязал, помешкал там малое время, воротился к попу:

— Ступай домой, ничего не бойся, все дело улажено.

Поп пустился наутек, от радости ног не чувствует.

А работник привел отцу пару коней, отдал деньги.

И за себя и за братьев получил от попа сполна.



ГЛУПАЯ
БАРЫНЯ



ила-была барыня, глупая-преглупая. Что ни забьет себе в голову — умри, а исполни.

Вот задумала барыня вывести сорок цыплят, и чтобы все были черненькие.

Горничная говорит:

— Да разве это, барыня, возможно?

— Хоть и невозможно, а хочется,— отвечает барыня.

Зовет она своего кучера и приказывает:

— Садись в лукошко, выводи сорок цыплят, да чтобы были они все черненькие.

— Помилуй, барыня! — говорит кучер.— Где же это видано — человека наседкой сажать?

Барыня и слушать не хочет.

— Тебе,— говорит,— привычно на козлах сидеть, посидишь и в лукошке.


«Вот проклятые господа! — думает кучер.— Всю шею нам объели, хоть бы все околели!»

— Что ж,— говорит,— воля ваша. Только дай мне, барыня, то, что я попрошу. А нужно мне чаю, сахару, харчей побольше, тулуп, валенки и шапку.

Барыня на все согласна.

Отвели кучера в баню. Дали ему все, что просил. Посадил он наседкой курицу. Стали к нему друзья ходить, он их — чаем поить. Сидит с ними, чаек попивает, барыню душой обзывает.

Ни мало ни много времени прошло, вывела наседка цыплят, из них три черненьких.



Берет кучер черненьких пискунов в лукошко, идет к барскому окошку:

— Вот, барыня, трех уже высидел. Получай да харчей прибавляй. Сама видишь: тяжело мне их высиживать.

Барыня обрадовалась, харчей прибавила, кучера досиживать заставила.

Каждый день слуг шлет узнать, сколько еще черненьких наклюнулось.

Видит кучер: дело плохо. Говорит своим друзьям:

— Вы, ребята, зажигайте баню да меня держите. Буду я рваться, в огонь кидаться, а вы не пускайте.

Ладно, так и сделали. Баню подожгли. И барыне доложили. Загорелась, мол, баня по неизвестной причине.

Вышла барыня на крыльцо и видит: горит баня, пылает, а кучер убивается, в огонь кидается. Слуги его держат, не пускают, а он одно:

— Клу-клу!.. Клу-клу!.. Клу-клу!..

Слуги говорят:

— Ой, барыня, смотри, как он сокрушается, как его материнское сердце разрывается!

А барыня кричит:

— Держите его, покрепче держите! Цыплят теперь не спасешь, так его бы удержать — очень хороша наседка!

Не успели пожар потушить, приказывает барыня кучеру опять цыплят выводить.

А он, не будь глуп, взял валенки да тулуп — только его и видели.



КАК МУЖИК
ГУСЕЙ
ДЕЛИЛ



одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понес. Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся; только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына да две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

— Ты всему дому голова — тебе голову.

Потом отрезал задок, подает барыне.

— Тебе, — говорит, — дома сидеть, за домом смотреть — тебе задок.

Потом отрезал лапки и подает сыновьям.

— Вам, — говорит, — ножки — топтать отцовские дорожки.

А дочерям дал крылья.

— Вы, — говорит, — скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму!

И взял всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся наградил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понес к барину.

Барин говорит:

— Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два

сына, две дочки — всех шестеро. Как бы нам по-
ровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал.

Послал барин за бедным мужиком и велел делить.

Бедный мужик взял одного гуся, дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусем.

Одного дал сыновьям.

— И вас, — говорит, — трое.

Одного дал дочерям:

— И вас трое.

А себе взял двух гусей.

— Вот, — говорит, — и нас трое с гусями, всё поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику еще денег и хлеба, а богатого прогнал.

©

МУЖИК И БАРИН



ил-был мужик да баба, у них было два сына. Братьям не приходилось вместе дома жить, один брат все ходил по чужой стороне.

Вот раз собрался он на чужую сторону, надел черный армяк и черный башлык, а желтый армяк и такой же башлык взял про запас. Идет путем-дорожкой, попадаетея ему навстречу барин, едет на паре.



Приказал барин кучеру остановиться. Остановил кучер коней, подозвал барин мужика.

— А, — говорит, — добрый человек, вижу, ты на чужой стороне бывал?

— Да, точно так, — говорит, — бывал.

— И много народу видал?

— Видал порядочно.

— Скажи, пожалуйста, кто лучше — поп, или судья, или из нашего брата, барин?

Мужик думал-думал и говорит:

— Из попов так половина дураков.

— Как так?

— А потому, что иной поп служит-торопится — чего не пропоет!

— А из судей?

— Из судей две трети дураков есть.

— Почему же?

— А потому что судьи — кто их подпоит, так они по тому и судят, а кто не подпоит, так на того ровно воду льют.

— Ну, и это хорошо! А из нашего брата, из бар?

— Из вашего брата две трети дураков да треть безумников.

Барин говорит:

— Кучер, погоняй! — и поехал.

Отъехали недалеко — говорит барин кучеру:

— Кучер, а кучер, ведь он нас ни во что поставил!

— Да я давно думаю, что он вас ни во что поставил, да не смею сказать.

— Ой ты чудак! Ты бы давно сказал! Давай поворачивай коней, да спросим, почему он нас ни во что поставил.

Заворотили коней и поехали.

Завидел мужик барина, скоро снял черный ар-

мяк и черный башлык, надел желтый армяк да желтый башлык, подошел к сосне и подпер сосну плечом, а сосна та наклонилась на озимь.

Подъехал барин и спрашивает:

— Не видал ли мужичка в черном армяке да черном башлыке?

— Да,— говорит,— сейчас мимо прошел.

— Можем мы его догнать?

— Догнать-то можно, да вот дорог-то много.

— А не знаешь, которой он дорогой пошел?

— Как не знать! Я бы сразу нашел его.

— Так сделай милость, приведи его сюда.

— Мне нельзя уйти-то: сосна на озимь упадет.

— Ну мы с кучером подержим сосну.

— Давай, могу сходить. Пешком-то вот только не догнать — надо лошадь.

— Кучер, отстегни ему лошадь.

Барин взялся за сосну, а кучер отстегнул лошадь. Мужик сел на лошадь и поскакал.

Съездил в лесок — и назад скачет.

— Вот что,— говорит,— я там его догнал, посадил на лошадь, он поехал было да неладно, а как ежели мне сидеть, так он за мной не идет. Давайте другую лошадь, мы скоро приедем.

Велел барин выпрячь и другую лошадь. Сел мужик на одну, а другую в поводу рядом погнал.

Приехал в то село, из которого был барин.

Пришел к барыне и просит пять тысяч денег.

— Барыня,— говорит,— давай скорее пять тысяч, барин купил сто десятин лесу.

А та говорит:

— Давай записку.

— Какая записка?! Видишь, его кони!

Принесла барыня пять тысяч денег и отдала мужику.

Он еще у нее спросил какую-нибудь повозку.



Барыня говорит:

— У нас худых повозок нет, вон возьми ту, стеклянную.

Заложил мужик коней да и говорит:

— Эти две лошади, пожалуй, не потянут, да-
вайте еще лошадь.

— Запрягай в корень молодого сивка,— говорит
барыня.

Сел мужик в повозку и поехал домой.

А барин с кучером стояли, стояли, вот и говорит
барин кучеру:

— Не обманул ли нас мужик-от?

— А я давно думаю, что обманул, да вам не
смею сказать.

Барин и закричал:

— Ой ты фирюль! Я бы давно оставил сосну,
пускай на озимь падет. Отбегай, чтобы не задавило.

Кучер отскочил, а сосна и не думает валиться.

— Что же сосна-то не падает? Давай,— говорит
барин,— столкнем.

Толкали, толкали — не могут спихнуть.

— Давай,— говорит барин,— разбежимся да
толкнем, она и слетит.

Как ни разбегутся, кучер все раньше барина
прибежит. Говорит барин кучеру:

— Ты отойди подале, а я стану поближе, так
вместе к сосне и прибежим.

Отошел кучер подальше, стал барин поближе,
побежали к сосне. Подбегает кучер к сосне и упал,
а барин через него да лбом о сосну, лоб-от весь
и расшиб.

Встал и пошел к своей повозке. Спрашивает у
кучера:

— Что тяжелее: таранас везти или хомуты
нести?

Говорит кучер:

— Конечно, сами знаете, лошадь в тарантасе идет, так никогда не вспотеет, а под хомутом всегда мокро. Как хомут не тяжелее?!

— Так неси ты, кучер, хомуты, а я тарантас повезу: мне тяжелого не унести.

Надел кучер на обе руки по хомуту и легонько пошел, а барин тарантас потащил — потом обливается.

Отстал барин от кучера — из виду потерял, кричит:

— Подожди, подожди!

Остановился кучер — подождал барина.

Подвез барин тарантас и говорит:

— Клади-ка хомуты в тарантас да повезем вместе.

Кучер положил хомуты в тарантас, а сам сунул в колеса по толстой палке — стягу. Взялись за тарантас. Барин понатужился — не может с места сдернуть.

— Нет,— говорит,— возьми ты хомуты, а я опять тарантас повезу.

Кучер выдернул стяги, взял хомуты и пошел вперед.

Доехал барин до своего села. Выскочила барыня навстречу и говорит:

— Поздравляем вас с новой купчей!

Барин вытаращил глаза и спрашивает:

— С какой купчей?

— Да ведь вы послали мужика, он увез пять тысяч денег на ваших конях да стеклянную повозку.

Барин отдышался да и захохотал:

— Ну, хоть не одного меня обманул, а и барыню.



БАРИН И ГУСАК



ил-был барин; вышел однажды на базар и купил себе канарейку за пятьдесят рублей. Случилось быть при этом мужику; пришел мужик домой и говорит своей бабе:

— Знаешь ли что, жена?

— А что?

— Ходил я сегодня на базар; там был и барин, и купил он себе малую пташку — пятьдесят рублей заплатил. Дай-ка я понесу к нему своего гусака: не купит ли?

— Понеси!

Вот взял мужик гусака и понес к барину. Приносит:

— Купи, барин, гусака.

— А что стоит? — спросил барин.

— Сто рублей.

— Ах ты, болван!

— Да коли ты за малую пташку не пожалел пятидесяти, так за эту и сотня дешево!

Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром.

— Ну, ладно, — сказал мужик, — попомнишь ты этого гусака!

Воротился домой, снарядился плотником, взял в руки пилу и топор и опять пошел; идет мимо барского дома и кричит:

— Кому теплы сени работать?

Барин услышал, зовет его к себе:

— Да сумеешь ли ты сделать?

— Отчего не сделать; вот тут неподалечку рас-

тет теплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо.

— Ах, братец,— сказал барин,— покажи мне этот лес поскорее.

— Изволь, покажу.

Поехали они вдвоем в лес.

В лесу мужик срубил огромную сосну и стал ее пластать на две половины; расколочил дерево с одного конца и ну клин вбивать, а барин смотрел, смотрел, да спроста и положил руку в щель. Только он это сделал, как мужик вытащил клин назад и накрепко защемил ему руку. Потом взял ременную плетку и начал его дуть да приговаривать:

— Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!

Уж он его дул, дул! Вволю натешился и сказал:

— Ну, барин, бил я тебя раз, прибью и в другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей в придачу.

Сказал и ушел, а барин так и пробыл до вечера: дома-то поздно хватились его, да пока нашли, да из тисков высвободили — времени и многонько ушло!

Вот барин захворал, лежит на постели да охает; а мужик нарвал трав, цветов, обтыкался ими кругом, обрядился дохтуром и опять идет мимо барского двора и кричит:

— Кого полечить?

Барин услышал, зовет его:

— Ты что за человек?

— Я дохтур: всякую болезнь снимаю.

— Ах, братец, пожалуйста, вылечи меня!

— Отчего не вылечить? Прикажи истопить баню.

Тотчас вытопили баню.

— Ну,— говорит мужик барину,— пойдём ле-

Читаться; только никого не бери с собой в баню, бойся дурного глаза!

Пошли они вдвоем в баню; барин разделся.

— А что, сударь,— спрашивает дохтур,— стерпишь ли, коли в этаком жару начну тебя мазью пачкать?

— Нет, не стерпеть мне! — говорит барин.

— Как же быть? Не велишь связать тебя?

— Пожалуй, свяжи.

Мужик связал его бечевою, взял нагайку и давай валять на обе корки. Уж он валял, валял, а сам приговаривал:

— Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!

После, уходя, сказал:

— Ну, барин, бил я тебя два раза; прибью и в третий, коли не отдашь гусака да двух сотен рублей на придачу.

Барин еле жив из бани вылез, не захотел ожидать третьего раза и отослал мужику и гусака, и двести рублей.



БАРИН И СОБАКА



одной деревне был крестьянин, а тут недалеко жил барин в своем имении. Крестьянину случилось раз пройти мимо имения. А у барина собака была злющая. Собака накинулась на крестьянина, а он ударил собаку посохом и убил ее.

Барин подал в суд. Позвали этого крестьянина судиться с барином. И вот когда пришли на суд, судьи спрашивают барина:

— Что ты хочешь от этого мужичка, какое наказание ему дать?

— А я вот что хочу сделать — лишить его человеческого звания и голоса, и пусть он станет собакой, охраняет мое имение и живет у меня при дворе.

Ну конечно, суд это и решил. Лишили мужичка человеческого звания и заставили жить у барина, охранять барское имущество.

Мужичку пришлось прийти к барину и стать вместо собаки: лаять по ночам и охранять его имущество.

И вот в одно прекрасное время сговорился он с ворами:

— Приходите, воры, в такую-то ночь, пограбите, а там разделим.

И вот в одну ночь приехали воры. Когда барин утром встал — видит, что имущества у него увезли много. И он подает на собаку в суд, что она худо охраняла: были воры и ограбили. Когда пришли на суд, то судьи стали спрашивать барина:

— Ну, барин, скажи, лаяла ли у тебя в ту ночь собака?

— Очень хорошо лаяла, сильно лаяла в ту ночь, когда была покража.

Тогда судьи отвечают барину:

— Так что же тебе надо от собаки? Что же она могла еще сделать, раз она лишена человеческого голоса?

И решили судьи, что собака права, и дали ему право человеческим голосом опять говорить.

Тогда барин был недоволен судом и повез этого мужичка в город, на пересуд. И поехали они с ним

Г вместе. Заехали в лес. А уж было темно. Мужик и говорит барину:

— Смотри-ка, барин, медведь стоит на дороге!

— Ну, мужичок, пугай!

— Да нет, я теперь лаять не стану — я получил человечье право. Лай, барин, сам, а то медведь-то может нас съесть.

— Мужичок, полай немножко, хоть поучи меня.

Мужичок полаял немного и говорит:

— Теперь лай сам, а то медведь нас съест.

И вот барин начинает лаять. А мужик ему говорит:

— Лай, барин, лай, медведь-то ближе подошел!

А сам сидит, не смеется. И барин до того долаял, что рассвело. Мужичок и говорит:

— Стой, барин, стой, не лай! Это ведь не медведь, это нам повиделась кокура.

Тогда барин заговорил:

— А, так ты меня обманул! Теперь я тебя отдам под суд.

— Ну ладно, барин, отдавай, а я всем скажу, что ты всю ночь по-собачьи лаял.

— Послушай, мужичок, я тебя отпущу домой и дам тебе денег и корову. Иди, живи с богом, только никому не рассказывай, что я по-собачьи лаял!

И вот они вернулись домой. Барин дал мужичку корову да денег, и мужичок пошел домой.

И стал он жить, ни в чем нужды не зная с тех пор, как барина обдурил.



АФОНЬКА! ГДЕ
БЫЛ-ПОБЫВАЛ?..



Афонька! Где был-по-
бывал, как от меня бежал?

— В вашей, сударь, деревне — у мужика под
овином лежал.

— Ну, а кабы овин-то вспыхнул?

— Я б его прочь отпихнул.

— А кабы овин-то загорелся?

— Я бы, сударь, погрелся.

— Стало, ты мою деревню знаешь?

— Знаю, сударь.

— Что, богаты мои мужички?

— Богаты, сударь! У семи дворов один топор,
да и тот без топорща.

— Что ж они с ним делают?

— Да в лес ездят, дрова рубят: один-то дрова
рубит, а шестеро в кулак трубят.

— Хорош ли хлеб у нас?

— Хорош, сударь! Сноп от снопа — будет целая
верста, копна от копны — день езды.

— Где ж его склали?

— На вашем дворе, на печном столбе.

— Хорошее это дело!

— Хорошо, да не очень: ваши борзые разыгра-
лись, столб упал — хлеб в лохань попал.

— Неужто весь пропал?

— Нет, сударь! Солоду нарастили да пива
наварили.

— А много вышло?

— Много! В ложке растирали, в ковше разво-
дили, семьдесят семь бочек накатили.



- Да пьяно ли пиво?
- Вам, сударь, ковшом поднести да четвертным поленом сверху оплести, так и со двора не свести.
- Что ж ты делал, чем промышлял?
- Горохом торговал.
- Хорошо твое дело!
- Нет, сударь, хорошо, да не так.
- А как?
- Шел я мимо попова двора, выскочили собаки, я бежать — и рассыпал горох. Горох раскатился и редок уродился.
- Худо же твое дело!
- Худо, да не так!
- А как?
- Хоть редок, да стручист.
- Хорошо же твое дело!
- Хорошо, да не так!
- А как?
- Повадилась по горох попова свинья, все изрыла-перепортила.
- Худо же, Афонька, твое дело!
- Нет, сударь, худо, да не так.
- А как?
- Я свинью-то убил, ветчины насолил.
- Эй, Афонька!
- Чего извольте?
- С чем ты обоз пригнал?
- Два воза сена, сударь, да воз лошадей.
- А коня моего поил?
- Поил.
- Да что же у него губа-то суха?
- Да прорубь, сударь, высока.
- Ты б ее подрубил.
- И так коню четыре ноги отрубил.
- Ах, дурак, ты мне лошадь извел!

- Нет, я ее на Волынский двор к собакам свел.
- Ты, никак, недослышишь?
- И так коня не сыщешь.
- Жену мою видел?
- Видел.
- Что ж, хороша?
- Как пестра!
- Как?
- Словно яблочко наливное.



ЧЕГО
НА СВЕТЕ
НЕ БЫВАЕТ



ил-был барин, богатый-пребогатый. Не знал он, куда свои деньги девать. Ел-пил сладко, одевался нарядно, гостей у него каждый день столько было, что у иных по праздникам того не бывало. А все у него денег не убывало, еще прибывало.

И захотелось раз барину пошутить над мужиком-дураком себе и гостям на потеху. Призывает он самого бедного мужика из деревни и говорит ему:

— Слушай, мужик. Дам я тебе денег целую маленку, только скажи мне, чего на свете не бывает. Нынче люди до всего дошли: и на черте ездят, и по небу летают, и в Питер по проволоке лапти послать можно. Скажи же: чего на свете не бывает?

Почесал мужик затылок.

— Не знаю,— говорит,— барин, кажись, вз-

† правду все на свете бывает. Дай сроку до завтра — может, и вздумаю.

— Ну пойди подумай,— говорит барин,— а завтра приходи, ответ приноси.

Мужик до петухов не спал, все барскую загадку отгадывал. Раздумает, так и мало ли чего на свете не бывает, а и то в ум придет: «Может, это и бывает, только я не знаю. Ну да ладно, скажу наудачу, авось чего и не бывает!»

На другой день пришел он к барину.

— Ну что, мужик, теперь знаешь, чего на свете не бывает?

— Одного, барин, не бывает: топором никто не подпоясывается, ног за топорище не заткнет.

Усмехнулся барин, усмехнулись и гости; видят — мужик-то сер, да ум-то у него не волк съел. Надо маленку отмеривать. Да барин не то денег пожалел, не то хотел еще над мужиком пошутить, кто его знает, только и говорит мужику:

— Нашел, брат, что сказать. У нас подлинно этого не делают, а в чужих землях — так сплошь и рядом. Ступай с богом до завтра. Придумаешь — ответ принеси.

Продумал мужик и другую ночь. Что ни надумает, все надежда плохая на барские деньги. «Хитры немцы,— думает,— у них, может, все бывает. Ну да скажу еще что-нибудь!»

Приходит наутро к барину.

— Ну, мужик, все ли на свете бывает?

— Не все, барин: баба попом не бывает, красная девка обедни не служит.

Усмехнулись все, только барин опять ему денег не дал.

— Нет,— говорит,— это бывает; по неметчине и все так. Поди подумай последний раз. Скажешь — бери деньги, а то не прогневайся.

Плюнул с досады мужик; идучи домой, думает: «Видно, одному только не бывать, чтобы у меня деньги были!»

Все-таки через ночь опять идет к барину. «На-скажу,— думает,— ему всякой всячины, может, что и небывальщина будет».

— Ну, что хорошенького скажешь? — спрашивает барин.— Не узнал ли, чего на свете не бывает?

— Все, барин, бывает,— говорит мужик.— Думал я, что люди хоть на небо не попадают, а здесь сам побывал, теперь поверил, что и это бывает.

— Как же ты на небо попал?

— Покойница жена побывать наказывала и подводу за мной выслала: двух журавлей в разнопряжку. Повидался с ней, с ребятишками и к твоей милости воротился.

— И назад с журавлями?

— Нет, назад я соскочил.

— Как же ты, мужичок, не убился?

— А так, что по уши в землю завяз, не жестка земля попалась.

— Из земли же как вылез?

— Хе... как! А сходил домой, принес лопату, выкопался, да и вылез.

— Не видал ли ты на небе покойного барина, моего родителя?

— Как же, видел, к ручке допустить изволили.

— Ну, что он там делает? — допрашивает барин.

А мужик-то, не будь плох, догадался и говорит:

— Что покойный барин делает? Да после моих ребятишек постилки моет.

— Врешь, мужик-дурак! — закричал барин.— Того на свете не бывает, чтобы барин у холопа нянчился! Бери деньги, да не мели околесицы!

БАРИН
И СТАРОСТА



ил-был барин в городе; приехал к нему из деревни староста.

— Это ты, Василий Петров? — спрашивает барин.

— Я, батюшка-барин!

— Не привез ли ты от матушки письма?

— Письмеца нет, только одна грамотка.

— Что же в ней прописано?

— Да, вишь, прогневили господу бога, ваш перочинный ножичек изломали.

— Как же вы его изломали?

— С вашего иноходца кожу снимали; ножичек-то мал, я его и сломал.

— Да разве мой конь помер?

— Нет, подох.

— Как же он издох?

— Не он наперед подох, а ваша матушка, батюшка-барин!

— Ужли и матушка померла?

— Да как у Фомки овин горел, она в те поры сидела в каменном доме в верхнем этажу, а форточка пола была: искорка ей на ногу скакнула, барыня упала да ногу-то и свихнула.

— А ты, дурак, чего не поддержал?

— Батюшка-барин! Она хлебом-солью откормлена. В кое место падет, меня убьет!

— Ты бы таковской и был! Отчего ж у Фомки овин загорелся?

— Не он наперед загорелся, а ваша новая конюшня.



- Что от нее осталось?
- Три столба воротных да с вороного коня подуздочек.
- Как же она загорелась?
- Да не она, батюшка-барин, загорелась, а ваша новая мельница.
- Как, и новая мельница сгорела?
- Да, батюшка-барин, сгорела! Прогневили мы господа бога.
- Что ж от нее осталось?
- Вода да камень остались: камень-то начетверо разорвало, а все уцелел; да в дымном окошке кошка сидела, так у ней глаза лопнули, а сама как есть живая!
- Как же новая мельница загорелась?
- Не она, батюшка-барин, наперед загорелась, а ваша кладовая.
- Как — и кладовая?
- Да, сгорела, батюшка-барин! Прогневили мы господа бога...
- Ты старостой называешься, а собрал ли с крестьян деньги?
- Собрал, батюшка-барин, собрал.
- С кого сколько?
- С Фомки грош, с Еремки грош, а с Варфоломейка одна копейка.
- А что ж с него мало?
- Он вдовый, половина тягла платит...
- А собрал ли с крестьян муку?
- Собрал, собрал, батюшка-барин!
- Куда ж ты ее девал?
- Вам да свиньям пятьдесят четвертей: черному псу да твоему родимому отцу сорок четвертей; уткам да курам, сестрам твоим дурам, двадцать четвертей.
- Что ты, дурак, ругаешься?



- Батюшка-барин, пословица така!
- Был ли ты на рынке?
- Был, батюшка-барин, был.
- Велик ли торг?
- Я с ним не мерился.
- Силен ли он?
- Я с ним не боролся.
- Почем там мука?
- По кулям да по мешкам.
- Ты, говорят, Фомку женил?
- Женил, батюшка-барин, женил.
- А богата невеста?
- Богата, батюшка-барин, дюже богата!
- Что богатства?
- Чепчик с клиньем да колпак с рукавами, чугунна коробка, железный замок.



БАРИН
ЛАЕТ
В ЦЕРКВИ



ил барин и мужик-охотник. Барин постоянно мужиков называл: «Ну, эти дураки!» Охотник не перечил барину.

Вот однажды поехал барин в церковь, и попадаетея ему охотник, тоже в церковь шел. Барин едет, а охотник идет с коляской рядом, и говорят между собой. Охотник сказал:

— Барин, моя сучка принесла щенят. Хорошие такие: есть громко лают, а есть — негромко лают. Их у меня просят другие охотники.



Барин говорит:

— Ты там для меня, Иван, оставь хороших.

Ну, вот вошли они в церковь, стоят.

— Барин, а барин,— спрашивает охотник,— а каких тебе щенят оставить — с громким голосом?

Барин говорит:

— С громким, громким!

— А с каким громким голосом?

— А вот таким: гав-гав!

Священник рассердился:

— Выведите этого барина вон!

Мужики барина взяли под руки — вывели. Вышел и охотник, говорит:

— Ну, барин, как: мужики — дураки?

— Мужики-то — дураки, а я еще дурее.



БАРИН- СЛУГА



Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к барину: в год за сто рублей. Помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести — совсем измучил работой. Отслужил солдат год и просит расчета. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревет.

— О чем вы, сударь, плачете?

— Да денег жалко!

— Экой ты, барин! Ведь я тебе целый год прослужил. Если б ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал.



«Три дня немного», — думает барин. Пошел советоваться с барыней. Она говорит:

— Что же, отслужи три дня!

А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу, ему — не мне плохо будет». Барин согласился.

Солдат поужинал, лег спать в сарае, разулся, один сапог забросил в один угол в сено, другой — в другой угол. Поутру проснулся, кричит:

— Эй!

Помещик входит.

— Подай сапоги, я хочу одеваться!

Помещик хватъ — сапогов нету, и запорол горячку, спрашивает солдата:

— Где твои сапоги?

— Ах ты, каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно, и не чистил их!

Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет.

— Подайте палок! — закричал солдат и давай дуть помещика. До того промял, что он не рад и деньгам.

— Не хочу, — говорит, — тебе служить, возьми свои деньги.



ЧТО НА БАЗАР ВЕЗЕШЬ?



Везет бедный мужичок дрова продавать. Встречает его богатый да чванный.

— Эй, постой! Что на базар везешь?

— Солому.

— Какая солома — это дрова!

— Ну, коли сам видишь, так нечего спрашивать! Сказал бедный и поехал своей дорогой.

На другой день идет богатый да чванный по улице с приятелем.

— Так и так,— рассказывает ему,— обидел меня бедный мужичишка!

А бедный тут как тут — едет опять навстречу.

— Вот он — вчерашний мужик-то! — говорит богатый.

— Нет! — отвечает ему бедный.— Я не вчерашний: скоро сорок лет стукнет, как я живу на белом свете.



БАРИН- КУЗНЕЦ



Лозавидовал один барин кузнецу: «Живешь-живешь, еще когда-то урожай будет и денег дождешься, а кузнец молотком постучал — и с деньгами. Дай кузницу заведу!»

Завел барин кузницу; велел лакею мехи раздуть. Стоит ждет заказчиков. Едет мимо мужик, шины заказать хочет на все четыре колеса.

— Эй, стой! Заезжай сюда! — крикнул барин. Мужик подъехал.

— Чего тебе?

— Да вот, барин, шины надо на весь стан.

— Ладно, сейчас, подожди!

— А сколько будет стоить?

— Полтораста рублей надо бы взять, ну да чтобы народ привадить, возьму всего сто.

— Ладно.



Стал барин огонь раздувать, лакей — в мехи дуть.

Взял барин железо, давай его ковать, а ковать-то не умеет: ковал, ковал да и пережег железо.

— Ну,— говорит,— мужичок, не выйдет тебе не то что весь станок, а разве один шинок.

— Один так один,— согласился мужик.

Ковал, ковал барин и говорит:

— Не выйдет, мужичок, и один шинок, а выйдет ли, нет ли сошничок.

— Ну ладно, хоть сошничок,— отвечает мужик.

Постучал барин молотком, еще железа испортил много и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и сошничок, а выйдет ли, нет ли кочедычок.

— Ну хоть кочедычок!

Только у барина и на него железа не хватило: все пережег.

— Ну, мужичок,— говорит барин,— не выйдет и кочедык!

Получился у барина один «пшик»: сунул он в воду оставшийся кусочек раскаленного железа, оно и зашипело — «пшик!».



КАК БАРИН ОВЦУ КУПИЛ



ил-был мужик; имел у себя много овец. Зимним временем большущая овца объягнилась, и взял он ее со двора в избу с

ягнечком. Приходит вечер. Едет барин, попросился к нему ночевать. Подошел под окошко и спрашивает:

— Мужик, пустишь ночевать?

— А не будете ночью озоровать?

— Помилуй! Нам бы только где темну ночьку проспять.

— Заезжай, барин.

Въехал барин с кучером на двор. Кучер убирает лошадей, а барин в дом пошел. На барине был огромный волчий тулуп. Взошел в хату, богу помолился, хозяевам поклонился:

— Здорово живете, хозяин с хозяйшкой!

— Добро жаловать, господин!

Сел барин на лавочку. Овца волчий тулуп увидела и глядит на барина; сама глядит, а ногой-то топ — и раз, да и два, да и до трех. Барин говорит:

— А что, мужичок, овца ногой топает?

— Она думает, что ты волк, волчий дух чует. Она у меня волков ловит; вот нынешнюю зиму с десяток поймала.

— Ах, дорого бы за нее я дал! Не продажна ли она? Для дороги мне она хороша.

— Продажна, да дорога.

— Эх, мужичок, да не дороже денег, у барина хватит.

— Пожалуй, уважить можно.

— А сколько она стоит?

— Пятьсот рублей.

— Помилуй, много! Возьми три сотенки.

Ну, мужик согласился, продал. Барин ночь переночевал, на зорьке встал и в путь собрался; хозяину три сотенки отдал и овечку взял, посадил в санки и поехал. Едет. Идут навстречу три волка. Вот овца увидела волков, так и прыгает на санях. Барин говорит кучеру:



— Надо пускать: вишь, она как раззадорилась. Сейчас поймают.

А она боится.

Кучер и говорит:

— Постой немножечко, сударь, она раззадорится.

Сверстались волки с ними ровно. Барин выпустил овцу; овца испугалась волков, в лес полетела, коротким хвостом завертела. Как волки за ней залились, только снег раздувается, а кучер за ней собирается. Поколе лошадушек выпрягал, в погонь за овцой скакал, волки овцу поймали и шкуру с нее содрали, сами в лес убежали. Кучер подскакал — овца на боку лежит, а ее шкура содрана лежит. Подъезжает к барину. Барин его спрашивает:

— Не видал ли чего?

— Ах, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкам не поддалась.

Мужичок три сотенки получил, сидит теперь, барину сказочки рассказывает, а три сотенки в кармане лежат.



НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ



Был у одного барина холоп кабальный. Вот и вздумал этот холоп на Ивана Купалу, в самую ночь, сходить в лес, сорвать папоротник, чтобы клад достать.

Дождался он этой ночи, уложил барина спать и в одиннадцать часов пошел в лес.

Входит в лес. Раздался тут свист, шум, гам, хохот. Жутко стало, но он все ничего: хоть жутко, а идет. Глядит — черт на индейском петухе верхом едет. И это ничего: прошел холоп — слова не сказал.

И тут увидел: растет вдали цветок, сияет — точно на стебельке в огне уголек лежит.

Обрадовался холоп, бегом к цветку побежал, а черти ну его останавливать: кто за полу дернет, кто дорогу загородит, кто под ноги подкатится, чтобы он упал. Уж почти добежал холоп до цветка, но тут не вытерпел да как ругнет чертей:

— Отойдите,— говорит,— вы от меня, проклятые!

Не успел выговорить, его назад отбросило.

Делать нечего, поднялся, опять пошел, видит: на прежнем месте блестит цветок. Опять его стали останавливать, опять дергают. Он все терпит; идет и идет, не оглянется, словечка не скажет, не перекрестится, а сзади его такие-то строят чудеса, что страшно подумать!

Подошел холоп к цветку; нагнулся, ухватил его за стебелек, рванул, глядит — вместо цветка у черта рог оторвал, а цветок все растет по-прежнему и на прежнем месте. Застонал черт на весь лес.

Не вытерпел холоп да как плюнет:

— Тьфу ты!

Не успел проговорить, вдруг его опять назад отбросило. Убился больно, да делать нечего.

Он встал, опять пошел. Опять по-прежнему блестит цветок на прежнем месте. Опять его стали останавливать, дергают. Все стерпел холоп, тихонько подполз к цветку — и сорвал его!

Пустился он со цветком домой бежать и боль забыл. Уж на какие только хитрости ни поднимались черти — ничего; холоп бежит, ни на что не

Глядит — раз десять упал, пока домой прибежал.

Прибегает к дому, а из калитки барин выходит и давай ругать холопа на чем свет стоит:

— Алешка! Где ты, бездельник, был? Как ты смел без спросу уйти?

Злой был барин у холопа да и вышел с палкой. Повинился холоп.

— Виноват, — говорит, — за цветком ходил, клад достать.

Пуще прежнего барин озлился.

— Я тебе, — говорит, — дам за цветком ходить, я тебя ждал-ждал! Подай мне цветок! Клад найдем — разделим.

Холоп и тому рад, что барин хочет клад разделить с ним. Подал цветок — и вдруг провалился барин сквозь землю. Цветка не стало! Тут и петухи пропели.

Глянул холоп кругом — стоит он один; заплакал, бедняга, побрел в дом. Приходит, смотрит — а барин спит, как его уложил. Потужил, потужил холоп, да так и остался ни с чем — только лишь с синяками.



ЩУКА С ХРЕНОМ



ил барин. Поехал он в город — сел играть в карты и все проиграл: колеску, лошадей. Остался без копейки. И пошли они с лакеем домой.

Идут дорогой. Шли-шли, а идти еще далеко. Проголодались, а есть-то нечего!

— Давай,— говорит лакей,— отдохнем у речки.
Сели на берегу, а в речке щука и плеснула.
Барин и говорит:
— Эх, кабы эта щука да с хреном!
А лакей:
— Эх, кабы эта вода — да с хлебом!
— Да, неплохо бы...



МУЖИЦКИЙ КАФТАН



убит мужик дрова.
Мороз градусов тридцать пять. Так расстарался мужик, что ему стало жарко. Он снял с себя кафтан и положил на пень. И старается, рубит дрова. С него пот градом.

Едет барин на тройке. Кучеру говорит:

— Остановись!

Подзывает барин мужика, говорит:

— Мужик, что такое — мне в тулупе холодно, а ты в одной рубахе — и пот градом.

Мужик и говорит:

— Что мне твой тулуп! Вот у меня кафтан волшебный. На пне лежит, и мне отсюда жарко.

Барин говорит:

— Давай, мужик, менять на тулуп.

Мужик говорит:

— Барин, придачу надо!

Барин говорит:

— Сколько?

— Пятерочку.



Барин достает пять рублей. Мужик берет пять рублей, подает барину кафтан, у барина берет шубу. Барин надел кафтан и поехал. А мужик берет шубу и пошагал домой. Барин с версту отъехал, его так забрал мороз, что все кости стягивать стало. Он закричал на кучера:

— Гони скорей лошадей!

Кучер до тех пор гнал лошадей, приехали домой — все лошади сдохли. А барин все время ругался на мужика.

А мужик шубу понашивал да барина похвалявал.



ПЛОТНИК И КЛИН



дин плотник работал у барина. Его звали Иван. Вдруг приходит к нему барин и говорит:

— Иван, ты совсем плохо работаешь.

— Как, барин, плохо?

— Да видишь, какие щелки у тебя большие (неплотно, знаешь).

Иван усмехнулся и говорит барину:

— Э-эй, барин! Придет клин, так все замажет.

Барину интересно:

— Какой клин? А скоро ли он придет?

Иван ему и говорит:

— При вас, барин, не придет клин.

— А мне бы охота повидать его, клина этого.

— Ну, посиди, барин, может быть, подойдет, и увидишь.

Ну, барин тут ждал, ждал, а клин не приходит все. Где он тут будет при барине заклинивать? Барин и говорит:

— Я пойду схожу, Иван, домой, может быть, не скоро он придет.

Барин пошел домой. Иван и начал дырки заделывать. Заклинил, что никому не подкопаться. Барин бежит, прибегает:

— Что, клин был?

— Видишь, барин, что был, все дырки заклинил. Вы только, барин, ушли, и клин пришел.

— А жалко, что не посидел.

Вот Иван ему и рассказывает:

— Барин,— говорит,— клин плотнику товарищ. Плотник мох закладывает да клин вбивает — вот оно и чисто выходит.

Так барин ничего и не узнал. А плотник по-своему работает, как работал.

©

КАЗАК И ВЕДЬМА



Воздним вечером приехал один казак в село, остановился у крайней избы и стал проситься:

— Эй, хозяин, пусти переночевать!

— Ступай, коли смерти не боишься.

«Что за речь такая!» — думает казак, поставил коня в сарай, дал ему корму и идет в избу.

Смотрит: и мужики, и бабы, и малые ребята-



ки — все навзрыд плачут да богу молятся; помолились и стали надевать чистые рубашки.

— Чего вы плачете? — спрашивает казак.

— Да вишь, — отвечает хозяин, — в нашем селе по ночам смерть ходит, в какую избу ни заглянет — так наутро клади всех жильцов в гробá да вези на погост. Нынешнюю ночь за нами очередь.

— Э, хозяин, не бойся; бог не выдаст, свинья не съест.

Хозяева полегли спать, а казак себе на уме — и глаз не смыкает.

В самую полночь отворилось окно; у окна показалась ведьма — вся в белом, взяла кропило, просунула руку в избу и только хотела кропить — как вдруг казак размахнул своей саблей и отсек ей руку по самое плечо. Ведьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убежала прочь. А казак поднял отрубленную руку, спрятал в свою шинель, кровь замыл и лег спать.

Поутру проснулись хозяева, смотрят — все до единого живы-здоровы, и нескáзанно обрадовались.

— Хотите, — говорит казак, — я вам смерть покажу? Соберите скорей всех сотников и десятников да пойдете ее по селу искать.

Тотчас собрались все сотники и десятники и пошли по домам; там нету, здесь нету, наконец добрались до пономарской избы.

— Вся ли семья твоя здесь налицо? — спрашивает казак.

— Нет, родимый! Одна дочка больна, на печи лежит.

Казак глянул на печь, а у девки рука отсечена; тут он объявил все, как было, вынул и показал отрубленную руку.

Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить.

ВОРЫ
И СУДЬЯ



ивал-бывал Наум.

Вздумал Наум воровать идти. Пошел один; попался ему навстречу Антон.

— Ты куда, Наум?

— Взбрело мне на ум воровать идти; а ты куда, Антон?

— Я сам думаю о том!

— Ну так пойдем вместе.

Вот и пошли двое. Идет навстречу Влас:

— Ты куда, Наум?

— Да взбрело мне на ум воровать идти.

— А ты, Антон?

— Я сам думаю о том!

В свой черед и они спрашивают:

— Ну а ты куда, Влас?

— Я давно поджидаю вас!

Вот пошли все вместе и держат такой совет:

— Куда ж нам воровать идти? К попу, к купцу или — к судье? Пойдемте-ка к судье.

Пришли к судье; у него ворота заперты, а собаки злющие.

— Нет, видно, сюда не проберешься! — стали говорить Антон с Власом.

— Вот еще! — сказал Наум. — Притащите соломы, заверните меня да спустите за ограду: я вам ворота отопру.

Сказано — сделано. Завернули Наума в солому и перекинули за ограду; он покатился прямо к кладовой, достал оттуда мешок муки, насыпал в корыто, развел-замесил на крепком вине и поставил

Собакам. Собаки бросились на месиво; до того наелись, что ни одна и с места не может сойти.

Наум взял перевязал всех собак хвостами по паре и повесил на ограде, потом отворил ворота, впустил товарищей, и пошли они замки ломать да амбары обчищать. Много набрали всякого добра.

Стали добычу делить; все поделили, остается енотовая шуба, как с ней быть? Наум говорит:

— Шуба мне следует: я выдумал и собак окормить и ворота отворить.

— Нет, брат, жирно будет!

— Коли так, я пойду к судье: он горазд судить и рядить — пусть-ка нас рассудит!

Вот пошел Наум в комнаты, а Влас да Антон стали под окно слушать. У судьи совесть-то нечиста, так ночью не спится.

— Это ты, Иван? — спрашивает судья.

— Я, — отвечает вор.

— Расскажи-ка мне сказочку.

— Пожалуй, скажу: живал-бывал Наум, взбрело ему на ум воровать идти... — и начал рассказывать все дело, как было.

Дошел до того, как они трое за шубу поспорили, и говорит:

— Сам рассуди, кому шубу взять?

— Кому? Да, разумеется, Науму.

— Мне и самому то ж думается!

— Что ж дальше-то было?

— А дальше спать пора! — сказал Наум и ушел.

Приходит к своим товарищам:

— Ну что? Чай, сами слышали, кому шуба следует?

— Мы и не стоим теперь за нее, возьми себе и владей на здоровье! — отвечали Антон и Влас.

После того распрощались и пошли в разные стороны, а судья остался с пустыми амбарами и без шубы.

ЗНАХАРЬ



ил бедный да продув-
ной мужичок, по прозванию Жучок; украл у бабы холстину и спрятал в омете соломы, а сам расхвастался, что ворожить мастер. Пришла к нему баба и просит погадать. Мужик спрашивает:

— А что за работу дашь?

— Пуд муки да фунт масла.

— Ладно!

Стал гадать; погадал-погадал и сказал ей, где холст спрятан.

Дня через два, через три пропал у барина жеребец; он же, плут, его и увел да привязал в лесу к дереву. Посылает барин за этим мужиком; стал мужик гадать и говорит:

— Ступайте скорей, жеребец в лесу, к дереву привязан.

Привели жеребца из лесу; дал барин знахарю сто рублей, и пошла о нем слава по всему царству.

Вот, на беду, пропало у царя его венчальное кольцо; искали, искали — нет нигде! Послал царь за знахарем, чтобы как можно скорей во дворец его привезли. Взяли его, посадили в повозку и привезли к царю.

«Вот когда попал-то, — думает мужик, — как мне узнать, где девалось кольцо? Ну как царь опалится да туда зашлет, куда Макар и телят не гонял!»

— Здравствуй, мужичок, — говорит царь, — поворожи-ка мне; отгадаешь — деньгами награжу, а коли нет — то мой меч, твоя голова с плеч!

Тотчас приказал отвести знахарю особую комнату:



— Пускай-де целую ночь ворожит, чтоб к утру ответ был готов.

Знахарь сидит в той комнате да думает:

«Какой ответ дам я царю? Лучше дождусь глухой полночи да убегу куда глаза глядят; вот как пропоют третьи петухи, сейчас и задам тягу!»

А кольцо-то царское стащили три дворовых человека: лакей, кучер да повар.

— Что, братцы,— говорят они меж собой,— как этот ворожейка да узнает нас? Ведь тогда нам смерть неминуемая... Давайте-ка подслушивать у дверей: коли он ничего — и мы молчок; а коли узнает нас, так уж делать нечего — станем просить его, чтоб царю-то не доказывал.

Пошел лакей подслушивать; вдруг петухи запели, мужик и промолвил:

— Ну, вот! Один уже есть, остается двух ждать.

У лакея душа в пятки ушла; прибежал он к своим товарищам:

— Ах, братцы, ведь меня узнал: только я к двери, а он кричит: один уже есть, остается двух ждать!

— Постой, я пойду! — сказал кучер; пошел подслушивать.

Запели вторые петухи, а мужик:

— Ну, вот, и два есть, остается одного ждать.

— Эх, братцы, и меня узнал.

Повар говорит:

— Ну, если и меня узнает, так пойдем прямо к нему, бросимся в ноги и станем упрашивать.

Пошел подслушивать повар; третьи петухи запели, мужик перекрестился:

— Наконец-то все три есть! — да поскорей в двери — бежать хочет. А воры к нему навстречу, пали в ноги и просят и молят:

— Не погуби, не сказывай царю; вот тебе кольцо!



— Ну, так и быть, прощаю вас!

Взял мужик кольцо, поднял половицу и бросил его под пол.

Наутро царь спрашивает:

— Что, мужичок, как твои дела?

— Выворожил: кольцо твое укатилось под эту половицу.

Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградил знахаря деньгами и велел накормить-напоить его до отвала, а сам пошел в сад гулять.

Идет по дорожке, увидел жука, поднял его и воротился к знахарю:

— Ну, коли ты знахарь, так узнай, что у меня в руке?

Мужик испугался и говорит сам себе:

— Что, попался, Жучок, царю в руки!

— Так, так, твоя правда! — сказал царь, еще больше его наградил и с честью домой отпустил.



ШЕМЯКИН СУД



или два брата. Один-то был бедный, а другой богатый. Не стало у бедного брата дров. Нечем вытопить печь. Холодно в избе. Пошел он в лес, дров нарубил, а лошади нет. Как дрова привезти?

— Пойду к брату, попрошу коня.

Неласково принял его богатый брат.

— Взять коня возьми, да смотри большого возу не накладывай, а вперед на меня не надейся: се-

Годня дай да завтра дай, а потом и сам по миру ступай.

Привел бедняк коня домой и вспомнил:

— Ох, хомута-то у меня нет! Сразу не спросил, а теперь и ходить нечего — не даст брат.

Кое-как привязал покрепче дровни к хвосту братнина коня и поехал.

На обратном пути зацепились дровни за пень, а бедняк не заметил, подхлестнул коня.

Конь был горячий, рванулся и оторвал хвост.

Как увидел богатый брат, что у коня хвоста нет, заругался, закричал:

— Сгубил коня! Я этого дела так не оставлю!

И подал на бедняка в суд.

Много ли, мало ли времени прошло, вызывают братьев в город на суд.

Идут они, идут. Бедняк думает:

«Сам в суде не бывал, а пословицу слышал: слабый с сильным не борись, а бедняк с богатым не судись. Засудят меня».

Шли они как раз по мосту. Перил не было. Поскользнулся бедняк и упал с моста. А на ту пору внизу по льду ехал купец, вез старика отца к лекарю.

Бедняк упал да прямо в сани попал и ушиб старика насмерть, а сам остался жив и невредим.

Купец ухватил бедняка:

— Пойдем к судье!

И пошли в город трое: бедняк да богатый брат и купец.

Совсем бедняк пригорюнился:

«Теперь уж наверняка засудят».

Тут он увидел на дороге увесистый камень. Схватил камень, завернул в тряпку и сунул за пазуху:

«Семь бед — один ответ: коли не по мне станет судья судить да засудит, убью и судью».

Пришли к судье. К прежнему делу новое прибавилось. Стал судья судить, допрашивать.

А бедный брат поглядит на судью, вынет из-за пазухи камень в тряпке да и шепчет судье:

— Суди, судья, да поглядывай сюда.

Так раз, и другой, и третий. Судья увидал и думает: «Уж не золото ли мужик показывает?»

Еще раз взглянул — посул большой.

«Коли и серебро, денег много».

И присудил бесхвостого коня держать бедному брату до тех пор, покуда у коня хвост не отрастет.

А купцу сказал:

— За то, что этот человек убил твоего отца, пусть он сам станет на льду под тем же мостом, а ты скачи на него с моста и задави его самого насмерть, как он твоего отца задавил.

На том суд и кончился.

Богатый брат говорит:

— Ну ладно, так и быть, возьму у тебя бесхвостого коня.

— Что ты, братец,— бедняк отвечает.— Уж пусть будет, как судья присудил: подержу твоего коня до тех пор, покуда хвост не вырастет.

Стал богатый брат уговаривать:

— Дам тебе тридцать рублей, только отдай коня.

— Ну ладно, давай деньги.

Отсчитал богатый брат тридцать рублей, и на том они поладили.

Тут и купец стал просить:

— Слушай, мужичок, я тебе твою вину прощаю, все равно родителя не воротишь.

— Нет, уж пойдем, коли суд присудил, скачи на меня с моста.

— Не хочу твоей смерти, помирись со мной, а я тебе сто рублей дам,— просит купец.

Получил бедняк с купца сто рублей. И только собрался уходить, подзывает его судья:

— Ну, давай посуленное.

Вынул бедняк из-за пазухи узелок, развернул тряпицу и показал судье камень.

— Вот чего тебе показывал да приговаривал: «Суди, судья, да поглядывай сюда». Кабы ты меня засудил, так я б тебя убил.

«Вот и хорошо,— думает судья,— что судил я по этому мужику, а то бы и живу не быть».

А бедняк веселый, с песенками, домой пришел.



НА СУДЕ



ужик вывел на базар продавать быка. Подходит покупатель, сторговал у мужика быка, дал задатку, указал, куда вести его; в такой-то, дескать, дом.

Ведет мужик быка; попадаетея ему навстречу еще купец:

— Мужик, продай быка!

— Изволь, господин купец.

Сторговались, и этот дал задатку, указал, куда вести.

— Я,— говорит,— сейчас приду!

Повел мужик быка дальше. Подходит третий покупатель, и с этим сторговался, взял и у этого задаток, ведет к нему быка, а тут и прежние двое покупателей подошли: тот тащит к себе покупку, другой — к себе...

Дело добром не ладилось, пошли в суд. Покуда

просители объясняли судье свое дело, мужик стоял в прихожей.

К нему выбегает чиновник и говорит мужику:

— Если дашь мне на чай, я тебя научу, как оправдаться!

— Сделай божескую милость, батюшка, будь отцом родным — заплачу!

— Идет. Что бы тебя ни спросили, сперва отвечай: «Ну так что?», а потом: «Вот еще!»

Позвали мужика пред судью.

— Ты, мужик, вот этому купцу продал быка? — спрашивает судья.

— Ну так что? — говорит мужик.

— А деньги получал?

— Вот еще!

— А этому продавал?

— Ну так что?

— А деньги получал?

— Вот еще!

— Ну, и этому продавал?

— Ну так что?

— А деньги получал?

— Вот еще!

— Да что ты — сумасшедший, что ли?

— Ну так что?

— Пошел вон, вот я тебя в кутузку запрячу!

— Вот еще!

Только мужик за порог вышел, как чиновник догоняет его:

— Давай, мужик, обещанное, ты обещал мне на чай!

— Ну так что?

— Давай, братец!

— Вот еще!

Так и отбился этим мужик.

ПРО МЫШЬ
ЗУБАСТУЮ
ДА ПРО ВОРОБЬЯ
БОГАТОГО



Пришла старуха и стала сказывать про деревенское раздолье: про ключи студеные, про луга зеленые, про леса дремучие, про хлебы хлебистые да про ярицу яристую. Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди.

Жил-был в селе мужичок, крестьянин исправный... у кого хлеб родится сам-четверт, сам-пят, а у него нередко и сам-десять! Сожнет мужичок хлеб, свезет в овин, перечтет снопы да каждый десятый сноп к стороне отложит, примолвя: «Это на долю бедной братьи». Услыхав такие речи, воробей зачирикал во весь рот:

— Чив, чив, чив! мужичок полон овин хлеба навалил, да и на нашу братью видимо-невидимо отложил!

— Ши-шь, не кричи во весь рот,— пропищала мышь-пискунья,— не то все услышат: налетит ваша братья, крылатая стая, все по зернышку разнесет, весь закром склюет и нам ничего не покинет!

Трудновато было воробью молчать, да делать нечего: мышка больно строго ему пригрозила. Вот слетел воробей со стрехи на пол да, подсев к мышке, стал тихохонько чирикать:

— Давай-де, мышка-норышка, соъем себе по гнездышку — я под стрехой, ты в подполье — и станем жить да быть да хозяйской подачкой питаться, и будет у нас все вместе, все пополам.

Мышка согласилась. Вот и зажили они вдвоем;

живут год, живут другой, а на третий стал амбар ветшать; про новый хлеб хозяин выстроил другой амбар, а в старом зерна оставалось намале. Мышка-норышка это дело смекнула, раскинула на умах и порешила, что коли ей одной забрать все зерно, то более достанется, чем с воробьем пополам. Вот прогрызла она в половице в закроме дыру, зерно высыпалось в подполье, а воробей и не видал того, как весь хлеб ушел к мышке в нору. Стал воробей поглядывать: где зерно? Зерна не видать; он туда, сюда — нет нигде ни зерна; стал воробей к мышке в нору стучаться:

— Тук, тук, чив, чив, чив, дома ли, сударушка мышка?

А мышка в ответ:

— Чего ты тут расчирикался? Убирайся, и без тебя голова болит!

Заглянул воробей в подполье да как увидал там хлеба ворох, так пуще прежнего зачирикал:

— Ах ты, мышь подпольная, вишь, что затеяла; да где ж твоя правда? Уговор был: все поровну, все пополам, а ты это что делаешь? Взяла да и обобрала товарища!

— И-и,— пропищала мышка-норышка,— вольно тебе старое помнить, я так ничего знать не знаю и помнить не помню!

Нечего делать, стал воробей мышке кланяться, упрашивать, а она как выскочит, как начнет его щипать, только перья полетели!

Рассердился и воробей, взлетел на крышу и зачирикал так, что со всего округа воробьи слетелись, видимо-невидимо. Всю крышу обсели и ну товарищеву дело разбирать; все по ниточке разобрали и на том порешили, чтобы к звериному царю всем миром с челобитьем лететь. Снялись, полетели, только небо запестрело. Вот прилетели они к зве-

Гриному царю, зачирикали, защебетали, так что у царя Льва в ушах зазвенело, а он в ту пору прилег было отдохнуть. Зевнул Лев, потянулся да и говорит:

— Коли попусту слетелись, так убирайтесь восвояси — спать хочу; а коли дело есть до меня, то говори один, ведь петь хорошо вместе, а говорить — порознь!

Вот и выскочил воробышек, что побойчее других, и стал так сказывать дело:

— Лев-государь, вот так и так, наш брат воробей положил уговор с твоей холопкой, мышью зубастой, жить в одном амбаре, есть из одного закрома до последнего зерна; прожили они так без малого три года, а как стал хлеб к концу подходить, мышь подпольная и слукавила — прогрызла в закроме дыру и выпустила зерно к себе в подполье; брат воробей стал ее унимать, усовещивать, а она, злодейка, так его ощипала кругом, что стыдно в люди показаться; повели, царь, мышь ту казнить, а все зерно истцу воробью отдать; коли же ты, государь, нас с мышью не рассудишь, так мы полетим к своему царю с челобитной!

— И давно бы так, идите к своему Орлу! — сказал Лев, потянулся и опять заснул.

Туча тучей поднялася стая воробьиная с челобитной к Орлу на звериного царя да на его холопку-мышь. Выслушал царь Орел да как гаркнет орлиным клектом:

— Позвать сюда трубача!

А грач-трубач уж тут как тут, стоит пред Орлом тише воды ниже травы.

— Труби, трубач, великий сбор моим богатырям: беркутам, соколам, коршунам, ястребам, лебедям, гусям и всему птичьему роду, чтобы клювы точили, когти вострилы: будет-де вам пир на весь

мир. А тому ли звериному царю разлетную грамоту неси: за то-де, что ты, царь-потатчик, присяги не памятуешь, своих зверишек в страхе не держишь, наших пернатых жалоб не разбираешь, вот за то-де и подымается на тебя тьма-тьмущая, сила великая; и чтобы тебе, царю, выходить со своими зверишками на поле Арекское, к дубу Веретенскому.

Тем временем, выпавшись, проснулся Лев и, выслушав трубача-бирюча, зарычал на все свое царство звериное; сбежались барсы, волки, медведи, весь крупный и мелкий зверь, и становились они у того дуба заветного. И налетала на них туча грозная, непроносная, с вожаком своим, с царем Орлом, и бились обе рати не отдыхая три часа и три минуты, друг друга не одолевая; а как нагрянула западная сила, ночная птица, пугач да сова, тут зубастый зверь-мышь первый наутек пошел. Доложили о том докладчики звериному царю, рассердился Лев-государь на зубастую мышь:

— Ах ты, мышь, мелюзга подпольная, из-за тебя, мелкой сошки, бился я, не жалеючи себя, а ты же первая тыл показала!

Тут велел Лев отбой бить, замиренья просить; а весь награвленный хлеб присудил воробью отдать, а мышь подпольную, буде найдется, ему же, воробью, головою выдать. Мышь не нашли, сказывают: «Сбежала-де со страху за тридевять земель в тридешатое царство, не в наше государство». Воробышек разжился, и стал у него что ни день, то праздник, гостей видимо-невидимо, вся крыша вплотную засажена воробьями, и чирикают они на все село былинку про мышь подпольную, про воробья богатого да про свою удаль молодецкую.



НЕПРАВЫЙ СУД ПТИЦ



ил да был старик. Поехал об Афанасьеве дни в гости со старухой. Сели рядом, стали говорить ладом. Ехали-попоехали, по ногам дорогой. Хлесь кобылу бичом троеузлым. Проехал, знать, верст пять-шесть, оглянулся: тут и есть (еще и с места не тронулся). Дорога худая, гора крутая, телега немазаная.

Ехал-попоехал, до бору доехал. В бору стоит семь берез, восьмая сосна, виловата. На той сосне виловатой кукушица-горюшица гнездо свила и детей вывела. Откуда ни взялась скоробогатая птица, погуменная сова — серы бока, голубые глаза, портеное подоплежье, суконный воротник, нос крючком, глаза по ложке, как у сердитой кошки. Гнездо разорила, детей погубила и в землю схоронила.

Пошла кукушица, пошла горюшица с просьбой к зую праведному. Зуй праведный по песочку гуляет, чулочки обувает, сыромятные коты. Наряжает синичку-рассылочку, воробушка-десятника к царю-лебедю, филину-архиерею, коршуну-исправнику, грачу-становому, к ястребу-уряднику, к тетереву польскому — старосте мирскому.

Собрались все чиновники и начальники: царь-лебедь, гусь-губернатор, филин-архиерей, коршун-исправник, грач-становой, ястреб-урядник, тетерев польской — староста мирской, синичка-рассылочка, воробей-десятник и из уездного суда тайна полиция: сыч и сова, орел и скопа. Что есть на белом свете за скоробогатая птица, погуменная сова — серы бока, голубые глаза, портеное подопле-

чье, суконный воротник? И добрались, что ворона.



И присудили ворону наказать: привязали ко грядке ногами и начали сечи по мягким местам, по ляжкам. И ворона возмолилась:

— Кар-каратáйте, мое тело таратáйте, никаких вы свидетелей не спрошáете!

— Кто у тебя есть свидетель?

— У меня есть свидетель — воробей.

— Знаем мы твоего воробья, ябедника и клеветника и потаковщика. Крестьянин поставил нову избу,— воробей прилетит, дыр навертит; крестьянин избу затопляет, тепло в избу пропускает, а воробей на улицу выпускает... Неправильного свидетеля сказала ворона!

И ворону наказывают пуще того. И ворона возмолилась:

— Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрашаете!

— Кто у тебя есть свидетель?

— У меня есть свидетель — жолна́.

— Знаем мы твою жолну — ябедницу, клеветницу и потаковщицу. Стоит в раменье липа, годится на божий лик и на иконостас. Жолна прилетит, дыр навертит, дождь пошел, липа сгнила, не годится на иконостас — и лопаты из нее не сделати. Неправильного свидетеля опять сказала!

И пуще того ворону стегают по ляжкам и по передку. Опять ворона возмолилась:

— Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрашаете!

— Кто у тебя есть свидетель?

— У меня есть свидетель последний — дятел.

— Знаем мы твоего дятла — ябедника, клеветника и потаковщика! Крестьянин загородил новый огород,— и дятел прилетел, жердь передолбил, и две передолбил, и три передолбил: дождь пошел,

Город расселся и развалился; крестьянин скот на улицу выпускает — дятел в поле пропускает.

И ворону наказали, от грядки отвязали. Ворона крылышки разбросала, лапочки раскидала...

— Из-за кукушицы — из-за горюшицы, из-за ябедницы я, ворона-праведница... Ничем крестьянина не обижаю: поутру рано на гумнешко вылетаю, крылышками разметаю, лапочками разгребаю — тем себе и пищу добываю! Она, кукушица, она, горюшица, она, ябедница, она, клеветница! Крестьянин нажал один суслон — кукушица прилетит и тот одолбит! Больше того под ноги спустит!..

И выслушал суд воронины слова. И ворону подхватили, в красный стул посадили. Кукушицу-горюшицу, в наказание ей, в темный лес отправили на тридцать лет, а поглянется — живи весь век! И теперь кукушка в лесу проживает и гнезда не знает.



СКАЗКА
О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ,
СЫНЕ
ЩЕТИННИКОВЕ



ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко склался на дровнишки со своими маленькими ребятишками: пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро и в этом озере выпросился остаться одну ночь; от одной ночки две ночки, от двух ночек две

недели, от двух недель два месяца, от двух месяцев
два года, а от двух годов жил тридцать лет.

Стал он по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу под бока подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во един круг и стали выбирать себе судью праведную, рыбу-сом с большим усом.

— Будь ты,— говорят,— нашим судьей.

Сом послал за ершом, добрым человеком, и говорит:

— Ерш, добрый человек! Почему ты нашим озером завладел?

— Потому,— говорит,— я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело снизу и доверху, с Петрова дня и до Ильина дня, выгорело оно снизу доверху и запустело.

— Ни вовек,— говорит рыба-сом,— наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя в том свидетели, московские крепости, письменные грамоты?

— Есть у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: сорога-рыба на пожаре была, глаза запалила, и понынче у нее красны.

И послал сом-рыба за сорогой-рыбой. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых, зовут сорогу-рыбу:

— Сорога-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

Сорога-рыба, не дошедши рыбы-сом, кланялась. И говорит ей сом:

— Здравствуй, сорога-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?

— Ни вовек-то,— говорит сорога-рыба,— не гарывало наше озеро!

Говорит сом-рыба:



— Слышишь, ерш, добрый человек! Сорога-рыба в глаза обвинила.

А сорога тут же примолвила:

— Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!

Ерш не унывает, на бога уповает.

— Есть же у меня,— говорит,— в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: окунь-рыба на пожаре был, головешки носил, и понынче у него крылья красны.

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят:

— Окунь-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

И приходит окунь-рыба. Говорит ему сом-рыба:

— Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня по Ильин день?

— Ни вовек-то,— говорит,— наше озеро не гарывало! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!

Ерш не унывает, на бога уповает, говорит сом-рыбе:

— Есть же у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: рыба-щука, вдова честная, притом не мотыга, скажет истинную правду. Она на пожаре была, головешки носила, и поныне черна.

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят:

— Щука-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

Щука-рыба, не дошедши рыбы-сом, кланялась:

— Здравствуй, ваше величество!

— Здравствуй, рыба-щука, вдова честная, при-

том же ты и не мотыга! — говорит сом.— Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?

Щука-рыба отвечает:

— Ни вовек-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знает да ведает, тот всегда без хлеба обедает!

Ерш не унывает, на бога уповаает.

— Есть же,— говорит,— у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: налим-рыба на пожаре был, головешки носил, и понынче он черен.

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государские посыльщики), приходят к налим-рыбе и говорят:

— Налим-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

— Ах, братцы! Нате вам гривну за труды и на волокиту; у меня губы толстые, брюхо большое, в городе не бывал, пред судьями не стаивал, говорить не умею, кланяться, право, не могу.

Эти государские посыльщики пошли домой; тут поймали ерша и посадили его в петлю.

По ершовым-то молитвам бог дал дождь и слякоть. Ерш из петли-то да и выскочил: пошел он в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Трос-реку, из Трос-реки в Кам-реку. В Кам-реке идут щука да осетр.

— Куда вас черт понес? — говорит им ерш.

Услышали рыбаки ершов голос тонкий и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко!

Пришел Бродька — бросил ерша в лодку, пришел Петрушка — бросил ерша в плетушку.

— Наварю,— говорит,— ухи да и скушаю.

Тут и смерть ершова!

ЯМЩИК И КУПЕЦ



огатый купец часто зазывал к себе всяких людей, поил, кормил, угощал: только коли кто скажет ему противное — того непременно поколотит.

Раз зазвал он к себе ямщика. Тот отпряг лошадей, вошел в хоромы и после долгого угощения сказал:

— Довольно, хозяин! Мне пора ехать.

Купец давай его бить, так что ямщик едва вырвался и стал запрягать лошадей. Купец за ним. Ямщик нарочно начал дугу вкладывать кольцом назад. Купец закричал:

— Не так вкладываешь!

А ямщик давай его бить да приговаривать:

— Не твое дело указывать! Не твое дело указывать!



КЛАД



некоем царстве жил-был старик со старухою в великой бедности. Ни много ни мало прошло времени — померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная.

Пошел старик по соседям да по знакомым, просит, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу; только и соседи и знакомые, знаячи его великую

бедность, все начисто отказали. Пошел старик к попу; а у них на селе был поп куда жадный, несовестливый.

— Потрудишься, — говорит, — батюшка, старуху похоронить.

— А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперед!

— Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю — с лихвой заплачу, право слово, заплачу!

Поп не захотел и речей стариковых слушать:

— Коли нет денег, не смей и ходить сюда!

«Что делать, — думает старик, — пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху».

Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и стал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся. Копал, копал и выкопал котелок, глянул — а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе господи! Будет на что и похоронить и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой.

Ну, с деньгами знакомое дело — все пошло как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли, и гроб смастерили; старик послал невестку купить кушаньев и закусок разных — всего, как должно быть на поминках, а сам взял червонец в руку и потащился опять к попу.

Только в двери, а поп на него:

— Сказано тебе толком, старый, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!

— Не сердчай, батюшка! — просит его старик. — Вот тебе золотой — похорони мою старуху, век не забуду твоей милости!



Поп взял деньги и не знает, как старика принять-то, где посадить, какими речами умилишь:

— Ну, старичок, будь в надежде, все будет сделано.

Старик поклонился и пошел домой, а поп с попадьею стал про него разговаривать:

— Вишь, говорят: беден, беден! А он золотой отвалил. Много на своем веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал...

Собрался поп со всем причетом и похоронил старуху как следует.

После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу. Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось: и кушанья, и закуски разные — всего вдоволь! Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается.

Отобедали гости и стали по своим домам расходиться; вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать, и только вышли на двор, поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать:

— Послушай, свет! Покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха — все равно как перед богом, так и передо мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты мужик скудный, а теперь, на́ поди, откуда что взялось! Покайся-ка, свет! Чью загубил ты душу, кого обобрал?

— Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам в руки дался!

И рассказал, как все дело было.

Как услышал эти речи поп, ажно затрясся от жадности; воротился домой, ничего не делает — и день и ночь думает: «Такой ледащий мужичишка и получил этакую силу денег. Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?»

Сказал про то попадьё; стали вдвоем совет держать и присоветали.

— Слушай, матка! Ведь у нас козел есть?

— Есть.

— Ну ладно! Дождемся ночи и обработаем дело, как надо.

Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру — со всем, и с рогами и с бородой; тотчас натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадьё:

— Бери, матка, иглу с ниткою,крепи кругом шкуру, чтоб не свалилась.

Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою.

Вот в самую глухую полночь пошел поп прямо к стариковой избе, подошел под окно и ну стучать да царапать. Старик услышал шум, вскочил и спрашивает:

— Кто там?

— Черт...

— Наше место свято! — завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать.

— Слушай, старик! — говорит поп. — От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами, не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал — думал: немного возьмешь на похороны, а ты все целиком и заgrabил!

Глянул старик в окно — торчат козлиные рога с бороною: как есть нечистый! «Ну его совсем и с деньгами-то! — думает старик. — Наперед того без денег жил и опосля без них проживу!»

Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил наземь, а сам в избу поскорее. Поп подхватил котел с деньгами и припустился домой.

Воротился.



— Ну,— говорит,— деньги в наших руках! На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал.

Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать — как польется кровь, как заорет он:

— Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!

Начнет она пороть в ином месте — то же самое! Кругом к телу приросла козлиная шкура.

Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли — нет, ничего не помогло: так и осталась на попе козлиная шкура.



ЧЕРТ И МУЖИК



В некотором царстве, в некотором государстве было озеро. Берега у этого озера были высокие, обрывистые. Повадился ходить на берег черт. И ходил каждую ночь. Как только настанет полночь, выходит из воды косматый, седой старик, сядет на берег и закричит:

— Год года хуже! Год года хуже!

Надоело это мужику — он жил недалеко от берега. Припас мужик березовую дубину и стал ждать.

Вот наступила полночь, выходит из воды черт. Сел на берег, поджал ноги под себя и ну кричать:

— Год года хуже! Год года хуже!

А мужик подкрался сзади да как тятнет дуби-

ной черта по затылку, тот только и крикнул:

— Хуже не будет!

И скрылся в воде.

Больше с той поры черт не выходил на берег.



ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА



говорит поп в церкви
дьякону:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

— Старуха идет, крынку масла несет! — отвечает дьякон.

А дьячок поет:

— Подай, господи!

Поп опять:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

— Старуха идет, ржи мешок несет! — отвечал дьякон.

Дьячок опять поет:

— Подай, господи!

Поп опять говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

— Идет мужик, несет дубину на поповскую спину! — отвечает дьякон.

Тут поп и дьякон как запоют:

— Тебе, господи!

ПОП И БАТРАК



отребовался одному попу батрак. Но так как поп был очень скупой и все искал, чтобы кто к нему пошел как можно подешевле, то никто к нему не нанимался.

Вот раз приходит к нему мужик-шутник и просит сена для лошади.

А поп ему говорит:

— Ты такой здоровый, молодой, а ходишь собираешь. Наймись-ка, свет, ко мне в работники.

— Можно. А сколько дашь?

— Буду платить смотря по твоей работе.

И сказал мужику цену. А как был тогда сенокос, то поп накормил его и повел в луга указывать свой покос. Работник осмотрелся, а когда поп ушел, лег на траву и проспал весь день до вечера.

Каждый день мужик-шутник ходил на покос, и поп всегда давал ему с собой хлеба и сала. И вот раз батрак говорит:

— Больше я у тебя работать не буду, давай мне расчет. Траву я у тебя всю скошил до единой травинки.

Дал ему поп всего несколько копеек. Работник остался недоволен и говорит:

— Прибавь еще хоть кусок сала.

Но поп ему отказал наотрез:

— Я и то тебе переплатил, дал больше обещанного.

— Ну, раз ты мне не дашь сала,— сказал работник,— так пусть вся твоя травонька обратно встанет как некошенная!

И уехал. А поп пошел на луга, посмотрел и удивился:

«Этот батрак не простой, а колдун: в самом деле стоит трава как некошенная».



ФОМКА-
ШУТ



ил-был Фомка-шут,
умел шутить шутки хитрые.

Раз идет Фомка дорогою; повстречался ему поп:

— Здравствуй, Фомка!

— Здравствуй, батюшка!

— Пошути мне!

— Ах, батюшка, рад бы, да шутки дома забыл.

— Сбегай, пожалуйста!

— Далеко бежать-то!

— Возьми, свет, мою лошадь.

— Давай, батюшка!

Сел и поехал к попадье:

— Матушка, подавай семьсот рублей: батюшка купил семь сел, семь деревень; меня послал за деньгами, вот свою лошадь дал.

Попадья дала ему семьсот рублей; Фомка-шут взял деньги и поехал на болото: утопил лошадь в болоте, отрезал у ней хвост и воткнул в тину.

Приходит к попу:

— Ну, батюшка, верно, ты свою кобылу недели две не поил?

— А что?

— Да то — как поехал я мимо воды, кинулась

Она со всех ног в болото, да там и завязла!
— Что делать! Пойдем вытаскивать.
Пришли к болоту — один хвост торчит.
— Лезь, батюшка, в воду!
— Полезай лучше ты, Фомка!
Фомка полез.

Вот шут ухватился за один конец хвоста, а поп за другой; тянут в разные стороны. Вот тянули, тянули, Фомка взял да и выпустил хвост из рук — поп так и ударился оземь.

— Нет,— говорит Фомка,— видно, совсем пропала лошадь! Теперь уж не вытащишь — хвост оборвали!

Поп потужил-потужил и пошел домой.

Попадья встречает:

— Что, батька, купил семь сел, семь деревень?

— Каких, свет?

— Как же, Фомка-шут от тебя приезжал да семьсот рублей денег взял!

— Ах он вор этакой! Нечего сказать: славную сшутил шутку!



ТОПАНЬЕ И ЛЯГАНЬЕ



В одном приходе не было попа. Собрались миряне попа выбирать. Выбирают из мужиков, а тут пришел мужичок Пахом. Все миряне:

— Ну, Пахом, быть тебе попом!

— Ну что ж, быть так быть.



И выбрали Пахома. Он говорит:

— Ну, миряне, слушайте, православные! Сегодня суббота, а завтра воскресенье. Приходите к службе.

— Слушаем, батюшка!

В воскресенье отправились к обедне миряне. Пришли в церковь. Народу много собралось — надо послушать, как новый поп будет обедню служить. И поп пришел. Вошел в алтарь, надел ризу, вышел из царских ворот и говорит:

— Слушайте, миряне. Что делает поп, то и приход!

Миряне отвечают:

— Слушаем, батюшка!

Вот дьячок подает попу кадило, а в кадиле углей много, так и горит. Взял он кадило и начал махать. Махал, махал, уголек каленый выскочил из кадила да прямо ему в голенище. И пошел поп стучать ногами. Он топчет, и миряне все топчут ногами. Уголек дальше забирается. Ничего нельзя сделать! Поп хлоп наземь, ноги кверху и лягает ногами. И все миряне хлопнулись наземь и залягались.

Один мужичок вышел из церкви, а другой идет в церковь и спрашивает:

— Али уже прошла служба?

— Нет, не прошла. Топанье-то прошло, а теперь ляганье!



ПОП И ДЬЯКОН



или-были поп да дьякон. Приход бедный был, не во что ни обуться, ни одеться, и в изголовье положить нечего. Вот и придумали они, как на сапожишки разжиться. Дьякон говорит:

— Давай-ка, поп, я буду воровать, а ты будешь воровать.

Поп спрашивает:

— Чего будешь воровать?

— Лошадей! Буду их прятать. Ты будешь деньги брать — про лошадей рассказывать.

Вот дьякон пошел ночью, тройку увел и в овраг свел.

— Ну, поп, я тройку увел и в овраг свел. Пришлю к тебе мужиков, ты будешь гадать, по черной книге читать, по сотне рублей денег брать. Чур, деньги пополам!

Вот дьякон увидал мужиков, у которых лошадей украл, и сказал им:

— Идите к попу: он вам про лошадей погадает.

Мужики обрадовались, скорехонько к попу собрались.

— Ох ты, батюшка, отец духовный, ты видишь свет: не знаешь ли, где наших лошадей след?

— Ничего, друзья, не знаю, разве в черну книгу погадаю — все узнаю. Придите наутро.

Пришли они наутро, сказал поп:

— Ну, мужички, ваши лошади в лесу: дорогу только я вам не скажу, дайте сотенку рублей!

— Сотенку дадим, только путь-дорогу расскажи, до коней доведи.

Мужики сотенку вынимали, алчному попу в руки давали. Сотенку поп взял, про лошадей им рассказал:

— Идите в поле, лошади в рву стоят, аржану соломушку едят.

Мужики в поле пошли и лошадушек нашли.

Назавтра праздник — воскресенье, к обеденке — дон-дон! Вот пришли добрые люди к обеденке, стали молиться. Обеденка отошла, дьякон лист бумаги берет, нову проповедь читает:

— А послушайте, миряне, что я вам буду читать! У нас приход-от бе-е-дный, корми-и-ться нам не-че-м; дьякон соби-рал-ся лошадей во-ро-вать, а попу-то велел во-ро-жить. Слышите ли, миряне? Свел дьякон трой-ку ло-ша-де-ей, отвел в о-враг, по-пу-то ска-за-ал; он в черной книге у-зна-ал, а с мужиков сотню рублей взял и про лошадей рассказал...

А поп-то и говорит:

— Сказал ду-р-а-ак, ду-р-а-ак дьякон, не во все люди бя-кай, знай ты да я! И обедня, братие, вся-я!



СТАРУХИНА МОЛИТВА



дна старуха скупа была, а у нее была икона большая, и старуха каждый день этой иконе молилась. А слуга был парень молодой, он возьми да и стань за эту икону.



Старуха встала утром и молится:

— Пресвята ты богородица, сохрани и помилуй!
А парень говорит:

— Не помилую, зачем худо слугу кормишь.

Старуха опять молится:

— Очисти мою душу грешную!

Слуга говорит:

— Очищу, очищу.

— И мужа очисти!

— Очищу, очищу.

— И зятя моего очисти!

— Успею, так и того очищу.

Старуха ушла, слуга старухины деньги, сколько было, взял и у мужа взял, а зять в другом доме был, к тому и не сходил. Старуха спохватилась — денег нет:

— Ах, это, верно, меня господь очистил, ему, доброхоту, занадобилось!

А слугу стала кормить хорошо.

Слуга и хорошей пищи добился, и деньги взял.



НЕГРАМОТНАЯ ДЕРЕВНЯ



Деревня была неграмотна; поп неграмотный, дьякон неграмотный, да и дьячок неграмотный. А церковь была, приход служили. Прознал архиерей, поехал любопытствовать. Приехал к попу, поп и побежал к дьякону:

— Вот беда! Архиерей приехал, как мы служить станем?



А дьякон сказал:

— А как-нибудь, сваракосим как-нибудь.

Поп говорит:

— Ты то пой, что я буду.

Дьячок говорит:

— Мне уж надо свое петъ на клиросе, не с вами!

Поп говорит:

— Что знаешь, то и валяй!

Затем к обедне зазвонили, поп стал собираться и говорит архиерею:

— Владыка, благослови!

— Бог тебя благословит, поди служи.

Поп пришел в церковь, надел ризу. Архиерей пришел, в алтарь стал.

— Ну, начинай, служи!

Поп запел — голос громкий:

— О-о-о! Из-за острова Кельястрова
Выбегала лодочка осиновая,
Нос-корма раскрашенная,
На середке гребцы-молодцы,
Тура-мара и пара.

Дьякон тоже запел:

— О-о-о! Из-за острова Кельястрова
Выбегала лодочка осиновая...

А дьячок на клиросе:

— Вдоль по травке да вдоль по муравке,
По лазоревым цветочкам...

Архиерей вышел да рукой махнул:

— Служите как служили!

Да и уехал прочь.

ПОП
ПАХОМ



Приходит мужичок в одно селенье и видит — толпа, и спрашивает:

— Что это у вас за толпа?

— А нет,— говорят,— у нас в приходе попа! Был отец Пахом, да унесло прахом.

— Так я,— говорит,— братцы, Пахом!

— Коли ты Пахом, так будь же у нас попом!

Приняли в священники. Служил пятнадцать лет у них. Он был неграмотный; за молебны, за обедни брал дорого. Из мирян один подал прошение преосвященному за то, что дорого берет: за молебны двадцать пять рублей. Архиерей в объезд приезжает в приход, заставляет его обедню служить. Начинает:

— Благословен бог наш...

Доходит дело до евангелия, он нараспев и станет:

— Шел мимо этого места, и увидел я народу толпа, и спросил: «Что же, братцы, у вас за толпа?» — «А вот у нас — толпа, нет у нас в приходе попа. Был отец Пахом, да унесло прахом». — «Так я, братцы, Пахом». — «Если ты Пахом, так будь же у нас попом!» Служил у них пятнадцать лет, ну и накопил денег три тысячи рублей. Первая тысяча архиерею, вторая тысяча мне, а третья тысяча певчим.

А певчие:

— Слава тебе, господи, слава тебе!

Евангелие кончено. Преосвященный и говорит:

— Я, миряне, не нахожу в священнике дурного ничего, может он служить до смерти, покуда в силе!

ПОПОВСКИЕ УВЕРТКИ



днажды были именины у одного богатого человека, и среди гостей был священник. А дело было в великий пост. Подали хорошо зажаренного поросенка. Хозяева говорят полу:

— Уж извините, батюшка! Вы ведь поросенка-то не будете есть!

Поглядел он на поросенка — вкусно! Поправил он рукава рясы, поднял руку с крестом и перекрестил поросенка, говоря:

— Господи, господи! Обрати порося в карася! — и стал есть.



КОБЫЛЬЕ ЯЙЦО



ыл у попа работник. Ходил он в лес дрова рубить. Нашел гриб-дождевик, принес домой и показывает попу. Поп спрашивает:

- Что такое?
- Это, батька, кобылье яйцо!
- Какое такое кобылье яйцо?
- А из этого яйца можно выпарить жеребенка.
- Как же его выпарить?



— А как курица на яйцах сидит: четыре недели надо сидеть на нем.

И посадил попа на печь.

Время уже доходит — четыре недели. А работник и подумывает: «Что сделать?» Знает, что из дождевика жеребенок не будет.

Пошел он в лес и поймал как-то зайца. Залез на печь к попу и говорит:

— Батька, поворотись-ко: наверное, скоро выйдет жеребенок!

Поп пошевелился — дождевик лопнул. А он в то время зайца и отпустил (поп не видел), а дверь была отперта: заяц прямо и побежал на улицу. Они оба за ним — ловить его. Поймать не могли: заяц так заяц.

Поп и говорит:

— Ох, работник! Наверно, хороший жеребенок был: задни ноги у него длинные!

— Да, батька,— говорит,— наверное, хороший!



АРХИЕРЕЙ



огатый поп заспорил с бедным попом об одном селе. Стали они жаловаться преосвященному. Вызвал он к себе бедного и богатого. Они приходят к нему. Архиерей и говорит:

— Из попов-то есть дураки! Нашли о чем спорить!

Спрашивает у богатого:

— Какой час?

Тот вытаскивает часы из кармана. Архиерей



говорит:
— Двадцать лет ты учен, а оказываешься дураком! Должен был посмотреть на сегодняшнее число и это время, что нужно начинать петь, что в какой час поется: глас первый или глас восьмой! Ну-ка ты,— говорит архиерей бедному попу,— отвечай, голубчик, когда умеешь с богатыми судиться!

— Говорите, ваше преосвященство!

— А что сегодня бог делает?

— А мне сказали, что его дома нет,— я был у него!

— А где же он сегодня?

— Поехал в степь!

— Зачем?

— Пеньку скупать!

— На что ж ему пенька?

— А кнут вить!

— На что?

— А вас бить, зачем небыли спрашивать!

— Молодец! — сказал архиерей.— Село остается за тобой!



ДВЕ СТАРУХИ И АРХИЕРЕЙ



риезжает в один приход архиерей, а в деревне, где был приход, жили две старухи. Они никогда не видали архиерея. Старухи говорят своим сыновьям:

— Надо сходить в церковь и увидеть архиерея.



Сыновья стали учить своих матерей, как подойти старухам под благословение.

— Нужно правую руку положить на левую и подойти к нему, а он положит на ваши руки свою, тогда целуйте руку.

Вот пошли эти старухи. Подходят к церкви, увидали — стоит карета. Они думали, что там архиерей сидит. А архиерей был в церкви, а в карете у него осталась любимая собака. Старухи стали между собой толковать: «Заглянуть в карету или ждать выхода?» И решили заглянуть. Одна из них говорит:

— Я карету отворю, а ты правую руку на левую положи, подойди ближе к двери и подставляй; а когда архиерей положит правую руку, ты тогда целуй его руку.

Одна старуха отворяет, а другая сложила свои руки, и подошла к дверцам кареты, и просунула их туда.

Собака увидела старуху со сложенными руками, подумала, что лапку просит. Собака дала лапку — положила старухе на ладонь. Старуха поцеловала лапку, стала придерживать дверцу, чтобы другая старушка подошла. Та тоже сложила так руки, просунула в карету, — собака и ей положила лапку на ладонь, и она поцеловала лапку. И веселые пошли домой.

Когда пришли домой, то сыновья стали спрашивать старух: видели они архиерея? А старушки говорят:

— Да, видели.

— Ну, какой он?

— Ой, батюшки! — говорят старухи. — Весь в нашего барбоса.

СТАРИННЫЙ ПОП



идят раз старик со старухой на печке и разговаривают:

— Хорошо бы, старик, как бы ты попом был, а я попадъей, житье-то хорошее бы было.

— Вот еще что вздумала, какой я поп, когда и грамоте не знаю, служить не умею?

— Велика грамота нужна, а служить-то научишься,— говорит старуха.

— Полно, старуха, пустяки-то выдумывать!

— Да я ли своего старика попом не сделаю, завтра же к архиерею пойду.

Наутро старуха собралась и отправилась в город.

Приходит к архиерею:

— Ваше преосвященство! Сделай моего старика попом!

— Да знает ли твой старик грамоте?

— Да если бы грамоту знал, так просто бы было и дело сделать, а вот теперь-то надо горю пособить.

— Да что, бабка, поповская степень ученая, да и учиться-то много надо. Нет уж, воля твоя, не могу.

— Ну, не можешь сделать старика попом, и ладно, а я этого дела еще не брошу, схожу к митрополиту, а он старика моего еще архиереем делает.

Подумал архиерей, что есть и грамотные-то у него попы, да тоже едва с делом справляются, а старик, может, и проживет недолго; да если один

Поп и неграмотный будет в его епархии, это ничего; и говорит старухе:

— Иди, бабушка, домой. Пошлю указ и сделаю старика попом.

Пришла старуха домой, а прошло немного времени — и указ пришел, и стал старик попом.

Приходит воскресенье, служить надо, а старик еще не научился служить. Собралось народу в церковь много. Выходит он с книгой и говорит:

— Православные! Знаете ли божье слово?

— Знаем, батюшка, знаем! — кричит народ.

— А знаете, так и читать нечего.

Тут и служба окончилась.

На другое воскресенье опять вышел с книгой и спрашивает:

— Православные! Знаете ли божье слово?

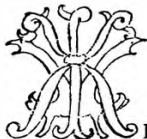
Крестьяне согласились сказать, что не знают.

— Не знаем, батюшка, не знаем! — кричат все.

— А не знаете, так и заводить нечего; я стар, а читать надо много, все равно не успею.



ПОХОРОНЫ КОЗЛА



или старик со старухой: не было у них ни одного детища, только и был, что козел: тут все и животы. Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним.

Вот однажды случилось идти старику в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям и травку щиплет; щипал, щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю; начал рыться и вырыл котелок с золотом.

Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему и увидал золото; несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик,— говорит старуха,— это нам бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха! — отвечал ей старик.— Эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым; теперича нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор стали они жалеть и беречь козла пуще себя, стали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя. Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе поживают, никакого горя не знают.

Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухою, что делать:

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и перед людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою. У меня на дому случилось большое не-

счастье: козел помер. Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе!

— Ах ты окаянный, что выдумал — вонючего козла хоронить!

— Да ведь этот козел, батюшка, был совсем православный, он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старый хрыч,— сказал поп,— я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя уж давно помер.

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтобы приготовился; сейчас козла хоронить пойдем.

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знавали моего козла, он-то и помер.

Как зачал дьякон хлестать его с уха на ухо!

— Не бей меня, отец дьякон! — говорит старик.— Ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал, тебе сто рублей отказал за погребение.

— Эка ты стар и глуп! — сказал дьякон.— Что же ты давно не известил меня о его преславной кончине; ступай скорее к дьячку: пушай прозвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай прозвони по козловой душе.

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать.

Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй, ведь козел-то был пра-

вославный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал!

— Что ж ты до этих пор копаешься! Надобно было пораньше сказать мне: следовало бы давно уж прозвонить!

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и начали похороны отправлять; положили козла в гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что-де поп козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом:

— Как вы смели похоронить козла?! Ах вы безбожники!

— Да ведь этот козел,— говорит старик,— совсем был не такой, как другие козлы: он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупый старик! Я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.



ЧЕРТ- ЗАИМОДАВЕЦ



В мужика случилась беда, а на беду надо денег. Между тем денег нет; где их взять? Надумался мужик идти к черту про-

Исать денег займы. Приходит он к нему и говорит:

— Дай, черт, займы денег.

— На что тебе?

— На беду.

— Много ли?

— Тысячу.

— Когда отдашь?

— Завтра.

— Изволь,— сказал черт и отсчитал ему тысячу.

На другой день пошел он к мужику за долгом. Мужик говорит ему:

— Приходи завтра.

На третий день он пришел. Мужик опять велел прийти завтра. Так ходил он сряду несколько дней. Мужик снова говорит ему:

— Чем тебе часто ходить ко мне, то я вывешу на воротах моих доску и напишу на ней, когда тебе приходиться за долгом.

— Ладно,— ответил черт и ушел.

Мужик написал на доске: «Приходи завтра» — и повесил ее к воротам. Черт раз пришел, два пришел — на воротах все одна надпись.

«Дай,— говорит он сам с собой,— не пойду завтра к мужику!»

И не пошел.

На третий день идет к нему и видит на воротах другую надпись: «Вчера приходи».

— Эко мне не повезло! — сказал черт. — Не мог вчера я прийти... Видно, пропали мои денежки!



КАК ПОП
РАБОТНИЦУ
НАНИМАЛ



Итье у меня тебе, дев-
ка, будет лехкое, — не столько работать, сколько
отдыхать будешь!

Утром станешь, как подобат, — до свету. Избу
вымоешь, двор уберешь, коров подоишь, на поско-
тину выпустишь, в хлеву приберешься и —
спи-отдыхай!

Завтрак состряпашь, самовар согрешь, нас с
матушкой завтраком накормишь —
спи-отдыхай!

В поле поработаешь али в огороде пополешь,
коли зимой — за дровами али за сеном съездишь
и —

спи-отдыхай!

Обед сваришь, пирогов напечешь — мы с ма-
тушкой обедать сядем, а ты —
спи-отдыхай!

После обеда посуду вымоешь, избу приберешь
и —

спи-отдыхай!

Коли время подходяче — в лес по ягоду, по
грибы сходишь али матушка в город спосылат, дак
сбегашь. До городу рукой подать, и восьми верст
не будет, а потом —

спи-отдыхай!

Из городу прибежишь, самовар поставишь. Мы
с матушкой чай станем пить, а ты —

спи-отдыхай!

Вечером коров встретишь, подоишь, попоишь,
корм задашь и —



спи-отдыхай!

Ужну сваришь, мы с матушкой съедим, а ты — спи-отдыхай!

Воды наносишь, дров наколешь — ето к завтраму, и —

спи-отдыхай!

Постели наладишь, нас с матушкой спать повалишь. А ты, девка, день-деньской проспийшь-протдыхашь — во што ночь-то будешь спать?

Ночью попрядешь, поткешь, повышивашь, пошьешь и опять —

спи-отдыхай!

Ну, под утро белье постирашь, которо надо — поштопашь да зашьешь и —

спи-отдыхай!

Да ведь, девка, не даром. Деньги платить буду. Кажной год по рублю! Сама подумай. Сто годов — сто рублев. Богатейкой станешь!



БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ



или в одном монастыре триста монахов да игумен. Монастырь был богатый, доходов много. И живут монахи припеваючи. Пьют, едят сладко, спят долго, а работы нет никакой.

Прослышал про беззаботное монастырское житье царь Петр Великий и задумался: «Как так? Весь наш народ и сам я все в трудах да в заботах, отдохнуть некогда. Ни днем, ни ночью покоя нет,

а тут триста человек живут, как сыр в масле катаются. Пьют, едят сладко, спят долго. Ни заботы, ни работы не знают. Совсем ожирели на легких хлебах».

И послал царь в тот монастырь гонца:

— Поезжай, скажи игумну: приказал-де царь сосчитать звезды на небе и узнать, глубока ли земля, да пусть тот игумен узнает, о чем я думаю, что у меня, у царя, на уме. Сроку дай три дня. На четвертый день пусть сам игумен с ответом ко мне придет. Коли не исполнит приказания, всех монахов и самого игумна велю на работу отправить, а монастырь закрыть.

Получил игумен беззаботного монастыря царский приказ и затужил, запечалился:

— Ох, беда пришла неминучая!

И рассказал монахам все как есть. Монахи головы повесили. Думали, думали, ничего придумать не могли.

А в ту пору зашел в монастырь отставной солдат и спрашивает:

— Чего, старцы, горюете? Жили всегда без нужды, без печали, а теперь головы повесили.

Монахи ему отвечают:

— Ох, солдат, не знаешь нашего горя великого! Велел царь три загадки отгадать и через три дня игумну с ответом во дворец прийти.

— Какие такие загадки царь загадал? — спрашивает солдат.

— Надо сосчитать, сколько есть звезд на небе, узнать, глубока ли земля, и сказать, что у царя на уме, о чем он думает.

Выслушал солдат и говорит:

— Знал бы я, как царю ответ держать, как был бы на вашем месте.

Монахи побежали к игумну:



— Вот солдат берется загадки отгадать и царю ответ дать.

Просит игумен солдата:

— Бери, служивый, чего хочешь, только пособи нашему горю, научи, как царю отвечать!

А солдат и говорит:

— Ничего мне не надо. Давай твою одежду, я вместо тебя к царю пойду.

Обрадовался игумен, и все монахи повеселели:

— Ну, слава богу, та беда миновала! Как гора с плеч долой!

Стали солдата угощать:

— Пей, ешь, чего только душа пожелает.

И сами себя не забывали — так наугощались, что сутки после отлеживались. А тут пришла пора и к царю идти. Переоделся солдат в игуменскую одежду и пошел во дворец.

Спрашивает царь:

— Ну как, отгадал ли мои загадки?

— Отгадал, ваше царское величество.

— Сколько звезд насчитал на небе? — спрашивает царь.

— Семьсот сорок две тысячи четыреста восемьдесят девять звезд.

— Правду говоришь?

— Я, царское величество, сосчитал правильно, а коли не веришь, сосчитай сам, проверь.

Царь усмехнулся и спрашивает:

— Ну ладно. А велика ли земная глубина?

— Земная глубина крепко велика.

— А ты как узнал?

— Да вот, мой батюшка ушел в землю, скоро будет тридцать лет, и до сей поры назад не воротился,— значит, крепко велика земная глубина.

— Ну, а теперь скажи,— спрашивает царь,— о чем я думаю? Что у меня, у царя, на уме?

— Ты, царское величество, сейчас думаешь: «Молодец игумен — сумел он мне ответ дать!»

Царь похвалил:

— Правда твоя! Молодец игумен, все мои загадки отгадал!

А солдат говорит:

— Вот тут-то ты и дал маху, ваше царское величество.

— Как так? — нахмурился царь.

— Да вот так: принял ты меня, своего отставного солдата, за игумна.

Удивился царь, стал спрашивать и узнал, кто ему загадки отгадал. Солдат всю правду рассказал.

Царь посмеялся и велел солдата наградить, а игумна да монахов приказал на работу послать.



ДОБРЫЙ ПОП



ил-был поп. Нанял себе работника, привел его домой.

— Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставлю.

Пожил работник с неделю, настал сенокос.

— Ну, свет,— говорит поп,— бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено.

— Хорошо, батюшка.

Дождались они утра, встали рано. Поп и говорит попадье:

— Давай-ка нам, матка, завтракать, мы пойдем на поле косить сено.

Попадья собрала на стол. Сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, мы и пообедаем за один раз и будем косить до самого полдника без роздыха.

— Как вам угодно, батюшка, пожалуй, и пообедаем.

— Подавай, матка, на стол обедать,— приказал поп жене.

Она подала им и обедать. Они по ложке, по другой хлебнули — и сыты.

Поп говорит работнику:

— Давай, свет, за одним столом и пополуднуем и будем косить до самого ужина.

— Как вам угодно, батюшка, полудновать так полудновать!

Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой — и сыты.

— За равно, свет,— говорит поп работнику,— давай заодно и поужинаем и заночуем на поле — завтра раньше на работу поспеем.

— Давай, батюшка.

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола.

Работник схватил свой армяк и собирается вон.

— Куда ты, свет? — спрашивает поп.

— Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться.

Пошел в сарай и проспал до света.

С тех пор перестал поп угощать работника за один раз завтраком, обедом, полдником и ужином.



КАК ДЪЯКОНА
МЕДОМ
УГОЩАЛИ



старое время жил да был мужичок. У мужичка была пчела. В той же деревне жил дьякон, больно до меда лаком.

Вот родился у дьякона сын. Пришел он мужичка просить кумом быть — захотелось это ему попробовать медку.

Ребенка окрестили, мужик кумом стал.

На другой день приходит к мужичку дьякон и просит для крестника меду. Мужичок ему дал.

Не прошло и недели, а дьякон опять за медом. Как ему отказать?..

Стал дьякон весь мед у мужичка забирать, только успевай наливать. Придет и говорит:

— Кум, а кум! Твой крестник просит меду. Еще и выговорить не может, а уже кричит «ме» да «ме».

Не стало терпения у мужичка, решил он проучить жадного дьякона.

— Ладно,— говорит,— дам тебе меду. Только сам за ним ступай; сколько хочешь, столько и набирай.

Обрадовался дьякон. «Вот,— думает,— теперь я поем вволю медку!»

Приводит его мужичок к дубку. А на том дубку было осиное гнездо. Приставил мужичок лестницу и говорит:

— Полезай, кум дьякон, угощайся. Вон улей у меня наверху. Только не ругай мою пчелу, а то она от этого злой становится.

Залез дьякон на дуб, а мужичок взял лестницу

Да и прибрал. Осы налетели, со всех сторон дьякона облепили. Стали его жалить. Он только отмахивается да приговаривает:

— Ну вас, пчелки, к богу в рай!..

А они еще пуще жалят.

Не вытерпел дьякон, кличет кума:

— Кум, подай ту...

С перепугу забыл, как лестница называется.

Подает ему мужик лопату.

Дьякон еще громче кричит:

— Кум, не это, а то!

Вынес ему мужик долото.

А осы дьякона всё жалят и жалят.

Кричит он:

— Кум! Больше терпеть нет силы!..

Подает ему мужик вилы.

Не выдержал дьякон, с дуба сорвался. Вниз летел, за сучки цеплялся.

— Ой, какие злые пчелы! — говорит.— Какой плохой мед!..

С тех пор зарекся за даровым медом ходить.



МУЖИК И ПОП



ел мужик дорогой.
Догоняет батюшку.

— Здравствуй,— говорит,— батюшка!

— Здравствуй,— говорит,— свет! Куда идешь, мужичок?

— А иду, батюшка, в деревню Хмельное.



— А зачем, мужичок?

— Да там, батюшка, сказывают, лошадка продажная есть.

— А у тебя что, лошадки-то не было?

— Да была — волк съел.

— Вот это плохо, — батюшка сказал.

Вот идут — находят они кошель на дороге.

— Вот, батюшка, видно, бедный мужик потерял кошель.

Подходят они к этому кошелю. Батюшка и говорит:

— Что, разделим напополам?

Мужик и говорит:

— А что ж, батюшка, разделить можно, если там кусок хлеба есть.

Они развязывают кошель. Там жареный поросенок. Батюшке этот поросенок понравился, он и говорит мужику:

— Мужик!

— А что, батюшка?

— Да этого поросенка не стоит нам делить.

— Да как же, батюшка? Кто первый увидал, тому поросенка?

А батюшка мужику:

— Нам придется ночевать почти что в лесу. Мы этого поросенка не будем делить, а ляжем спать. Кому лучший сон приснится, тому и поросенок будет.

Они обночевались. Расстлали огонек и ложатся спать. Ну, мужик, как по привычке ходить, так он не очень и устал, а батюшка утомился, заснул... Мужик видит, что батюшка спит уже, достает кошель, вынимает поросенка и начал есть. Съел и ложится спать.

— Ладно, — говорит, — сон снился, не снился, а мне легче будет спать.



Мужик и спит спокойно. Вот наутро встают. Батюшка и говорит:

— Мужик, Расскажи-ка, что тебе снилось сегодня?

— Не знаю, батюшка. А вы раньше расскажите, что вам снилось, а потом и я расскажу.

Вот батюшка:

— Ну, я расскажу свой сон.

Мужик и смеется:

— Так, верно, батюшка, и поросенок будет твой?

Батюшка:

— Да, да! Чей будет лучше сон, того и поросенок.

— Ну Расскажи, батюшка.

Вот батюшка начинает:

— Я вот, мужичок, сплю. Передо мною оказалась лестница по самые небеса. Вот я по этой лестнице полез да полез и на самое небо влез. А там бог угощается курятиной, гусятиной, поросятиной, и я наелся до горла.

— У вас, батюшка, сон хороший,— мужик рассказывает.— Я тоже,— говорит,— проснулся, вижу, что ты полез по лестнице. Я след за тобой тихонько. Тебя бог позвал, стал угощать. Я глядел, глядел, а мне даже не кивнул. Я скорей с лестницы спустился, достал кошель да и поросенка съел.

Батюшка и крикнул:

— Да я ж там не был!

— Был, не был, а поросенка уже нет, батюшка!

Батюшка не поверил; открывает кошель — в кошеле пусто.



ПОП
НА ПРАЗДНИКЕ



ыл у нас в Шуньге жадный поп. В праздник пошел с крестом по избам. Войдет, побрызжет святой водой по углам — и давай ему то-сё.

Вот вошел, сам на стол поглядывает:

— Бла-а-гослови бог! (А хорош ли пирог?)

Благословляет, сует крест — кому в глаз, кому в лоб. А сам ногою топ-топ. К столу, значит, ближе.

— Православные, живите дру-ужно! (А к киселю молока нужно.)

— Во имя отца и сына, и святого духа! (А в рыбнике запеклась муха.)

— Бойтесь греха и ада-а! (Покормить попа надо.)

Да и насядет. Только скулы потрескивают. Рыбник — так с костями, кисель — с блюда слизом. Наестся так — едва дышит.

— Мир дому сему, отныне и до века-а! (Накормили человека.)

Да в новую избу.



ДВА
ВОРА



ыли два вора. Один
говорит:

— Трудно мне, вору, жить!

Но второй не согласился:

— А я легко проживаю. Дела хватает — и всего у меня вдоволь... Вот,— говорит,— поедет в собор архиерей. Давай будто поспорили: ты говори — «шесть пальцев на ноге», а я — «пять». И будто сто рублей залог у нас... А там не зевай!

Пошли они и стали на дороге к собору.

Тот вор, что хвалился легкой жизнью, говорит:

— Едет владыка!

Подъехала коляска. Вор встал на колени. Архиерей глянул на него, остановил коляску. Вор говорит:

— Преосвященный владыко! Вот я с этим купцом (показал на товарища) на сто рублей поспорил. Если моя правда, то я сто рублей свои ворочу назад и его сто рублей возьму, а если его правда — он возьмет. Он говорит — «шесть пальцев на ноге», а я — «пять».

Архиерей не долго думал, говорит:

— Твой выигрыш! У меня пять пальцев на ноге!

— Разреши, владыко, здесь сосчитать при нем.

— А можно, можно...

Вор сдернул сапог с ноги архиерея и отсчитывает:

— Раз, два, три, четыре, пять... Мой выигрыш!

А второй вор ухватился за другой сапог.

— А там шесть,— говорит,— снимай и этот!



Сдернул второй сапог:

— Раз, два, три, четыре, пять... твой выигрыш!
И с сапогами бежать!

Архиерей скок с коляски в одних чулках да в грязь. Но разве воров нагонишь?!



ПРО
ОДНОГО
СОЛДАТА



рослужил солдат у царя три года, и царь за службу дал ему три копейки. Ну, он и пошел домой. Идет, а по дороге попадается мышь:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, мышь!

— Где, солдат, был?

— Служил.

— Много ли царь за службу денег дал?

— Три копейки!

— Дай мне одну копейку, я тебе, может, пригожусь.

«Ну,— подумал солдат,— не было денег, да и тут не деньги!»

Взял и отдал мышке копейку. И пошел дальше.

Идет, попадается ему жук:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, жук!

— Где, солдат, был?

— Служил.

— Много ли царь за службу денег дал?



— Дал три копейки, да я отдал мышке одну копейку, осталось две!

— Дай мне копейку, я тебе, может, тоже пригожусь.

Отдал солдат копейку и пошел дальше. Идет, попадаетея рак:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, рак!

— Где, солдат, был?

— Служил.

— Много ли царь за службу денег дал?

— Дал три копейки, а я мышке отдал копейку, жуку — копейку, еще осталась одна.

— Дай мне тоже копейку, я тебе тоже, может, пригожусь!

Отдал и эту копейку, пошел без денег. И как раз пришлось солдату идти через Питер и с Васильевского острова по мосту переезжать Неву. Это как раз к Зимнему дворцу мост-то подходит. А на мосту народу — протолкнуться некуда, не то чтобы солдату пройти. Солдат спрашивает у народа:

— Что такое тут делается?

А ему отвечают:

— Вот что, солдат. У царя дочь положила зарок: кто рассмешит ее, за того и замуж выйти. Видишь, она сидит на балконе, а на площади по-всякому стараются, как бы рассмешить царевну, но придумать ничего не могут!

Ну, делать нечего, мостом идти нельзя, пошел солдат позади перил. Но шинель-то у него была рваная, как-то за гайку дыркой задел, и сдернуло его с моста в Неву. Вдруг, откуда ни возьмись, — мышь, жук, рак, солдата из Невы вытащили, и как раз против Зимнего дворца, где стояла царевна на балконе. Вот мышь разувает его, жук портянки выжимает, а рак вилки свои расставил да на сол-

нышке портянки и сушит. День-то был хороший!

А царевна на балконе увидела, рассмеялась и в ладони захлопала:

— Ой, как хорошо за солдатом ухаживают!

Ну, солдата сейчас же забрали, привели к царю, царь и говорит:

— Так вот что, солдат, царское слово назад не берется, и дочернин зарок я должен исполнить, выдать за тебя замуж дочку!

Ну, недолго думавши, честным пирком да за свадебку.

Да недолго солдату пришлось жить у царя, захотелось ему домой. Царь и говорит ему:

— Чтобы тебе, зять, пешком не идти, дам тебе я лошадь!

И дал он ледяную кобылу, гороховую плетку, синий кафтан да красную шапку. Вот солдат сел на кобылу и поехал домой.

Ну, на такой кобыле круто не поедешь. Ехал он целую зиму до Пудожа, весной остановился на Филимонихе. День-то был веселый, жаркий, заснул солдат, ледяная кобыла и растаяла, а гороховую плетку сороки да вороны расклевали; остался у него синь кафтан да красная шапка, и пошел солдат на Заречье пешком. Идет он по деревне Истоминой, а ребята и кричат:

— У Федьки синь кафтан!

А ему почудилось «скинь кафтан». Солдат кафтан снял да и повесил на кол и пошел дальше. Идет по деревне Сениной, а ребята кричат:

— У Федьки красная шапка!

А солдату почудилось «крадена шапка». Он и ее на кол повесил. Перешел через деревню, а тут хлебные зароды, ворона сидит и каркает:

— Бурлак идет! Бурлак идет!

А сорока на колу кричит:



— Чики, чики из Питера, чики, чики из Питера!
Дошел солдат до дому, петух у крыльца кричит:
— Без денег, без денег!
Заходит в сени, а курица на сарае сидит кричит:
— Как это так? Как это так? Как это так?
Зашел в избу, а кошка с печи спрыгнула и кричит:
— Профурал, профурал, профурал!
Вот так ничего у солдата и не осталось.



СОЛДАТ НА ИСПОВЕДИ



ил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет срамить:

— Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится!

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился.

— Послушай,— говорит ему,— откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

— Помилуй, батюшка, где я больше возьму? Что есть, то и даю!

— Ты про этакий случай хоть укради что да

продай, а священнику принеси что подобает: заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все тебе грехи отпустит.

И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди:

— И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?» Глядит, а около клироса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка.

— Дай-ка,— говорит сам себе,— попробую эту шапку утащить!

Унес шапку и потихоньку вышел из церкви, да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

— Ну что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка.

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник.

Поп взял этот гривенник и говорит:

— Ну, бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю!

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедовать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к клиросу взять свою шапку, а шапки-то нету; так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?

— Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.



- А из которого места ты ее стащил?
— Да в нашей церкви висела она на поповской палке у самого клироса.
— Ах ты, такой-сякой! Как смел ты воровать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!
— Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили.



КАШИЦА ИЗ ТОПОРА



ришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке:

— Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А старуха в ответ:

— Вот там на гвоздике повесь!

— Аль ты совсем глуха, что не чуешь?

— Где хошь, там и заночуешь!

— Ах ты старая ведьма! Я те глухоту-то вылечу! — И полез было с кулаками.— Подавай на стол!

— Да нечего, родимый!

— Вари кашицу!

— Да не из чего, родимый!

— Давай топор, я из топора сварю!

«Что за диво! — думает баба.— Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит!»

Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил-варил, попробовал и говорит:

— Всем бы кашаца взяла, только б малую то-
лику круп подсыпать!

Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, по-
пробовал и говорит:

— Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!

Баба принесла ему масла. Солдат сварил ка-
шицу:

— Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли да
принимайся за ложку: станем кашацу есть!

Похлебали вдвоем кашацу.

Старуха спрашивает:

— Служивый! Когда ж топор будем есть?

— Да, вишь, он не уварился,— отвечал сол-
дат,— где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю!

Тотчас припрятал топор в ранец, распростился
с хозяйкою и пошел в иную деревню.

Вот так-то солдат и кашацы поел и топор унес!



СОЛДАТ И ЧЕРТ



тоял солдат на часах,
и захотелось ему на родине побывать.

— Хоть бы,— говорит,— черт меня туда снес!

А он тут как тут.

— Ты,— говорит,— меня звал?

— Звал.

— Изволь,— говорит,— давай в обмен душу!

— А как же я службу брошу, как с часов
сойду?

— Да я за тебя постою.



Решили так, что солдат год на родине проживет, а черт это время прослужит на службе.

— Ну, скидавай!

Солдат все с себя скинул и не успел опомниться, как дома очутился.

А черт на часах стоит. Подходит генерал и видит, что все у него по форме, одно нет: не крест-накрест ремни на груди, и все на одном плече.

— Это что?

Черт — и так и сяк, не может надеть. Тот его — в зубы, а после — порку. И пороли черта каждый день. Так хороший солдат всем, а ремни все на одном плече.

— Что с этим солдатом,— говорит начальство,— сделалось? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало в исправности.

Пороли черта весь год.

Изошел год, приходит солдат сменять черта. Тот и про душу забыл: как завидел, все с себя долой.

— Ну вас,— говорит,— с вашей и службой-то солдатской! Как это вы терпите?

И убежал.



СОЛДАТСКАЯ ШКОЛА



Вел солдат из деревни в город на службу и остановился ночевать у одной старухи. Много он насаждал ей всякого вздора, а та, известное дело, в лесу родилась, пню молилась,

дальше поскотины не бывала и ничего не видала, слушает развесья уши, всему верит и дивится.

— Где же вас, служивый, учат так мудрости? — наконец спрашивает старуха солдата.

— У нас, бабушка, в полку есть такая школа, где не только человека, но и скотину выучат так, что и не узнаешь, как есть человеком сделают!

— Вот бы мне, родимый, своего бычка отдать в вашу школу!

— И то дело! Собирайся и веди его в город; не бойся — я его пристрою к делу, спасибо скажешь!

Старуха бычка на веревочку и повела в город. Пришли с солдатом в казармы.

— Вот, бабушка, и школа наша! — говорит солдат. — Оставь бычка да денег дай на корм и за ученье!

Старуха раскошелилась, дала денег, оставила бычка и ушла домой. А солдаты бычка на бойню — и зарезали, мясо съели, шкуру продали и деньги пропили. Прошло времени около года. Вот старуха опять бредет в город; пришла в казармы и спрашивает про бычка: что он, каково учится, здоров ли?

— Эх, бабушка, — отвечают ей солдаты, — ты опоздала, твой бычок уж давно выучился и в купцы произведен; вон дом-то каменный — это его; сходи повидай, может, и признает тебя или ты его!

Старуха пришла к каменному дому и спрашивает у дворника:

— Не здесь ли, почтенный, бычок живет?

— Бычков? Купец Бычков? Здесь, бабушка, здесь; коли дело есть, заходи в дом!

Старуха зашла в дом; вышел к ней хозяин и спрашивает:

— Чего тебе надобно, бабушка?



Старуха смотрит на Бычкова и глазам не верит: как есть человек!

— Ах ты мой батюшка! Скотинушка благословенная! — вымолвила наконец старуха и принялась Бычкова гладить и ласкать, приговаривая: — Вишь ты как выправился, и не узнать, что скотина... Прусь! Прусь!.. Пойдем-ка в деревню!

И старуха хотела уже на Бычкова накинуть обротку, чтобы вести в деревню, но тот ее оттолкнул и прогнал от себя.



СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА



Нли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых. Попросили они попить да поесть, а старуха отзывается:

— Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня ничего нету.

А у ней в печи был вареный петух — в горшке, под сковородой. Солдаты это дело смекнули; один — вороватый был! — вышел на двор, раздергал воз со снопами, воротился в избу и говорит:

— Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест.

Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, наместо его положили туда ошмёток, а петуха в суму спрятали. Пришла старуха:

— Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пу-

стили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!

Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили:

— Дай же, бабушка, поесть нам!

— Возьмите, детоньки, кваску да хлебца; будет с вас!

И вздумала старуха похвалиться, что провела их, и загадала им загадку:

— А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне, ныне в Пенском, Черепенском, под Сквородным, здравствует ли Курухан Куруханович?

— Нет, бабушка!

— А кто же, детоньки, вместо его?

— Да Липан Липанович.

— А где же Курухан Куруханович?

— Да в Сумин город переведен, бабушка.

После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, просит есть у старухи, а она ему:

— Поди-ка, сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитятко, заганула загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то.

— Да какую ты, матушка, заганула им загадку?

— А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сквородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отганули. «Нет,— бают,— бабушка!» — «Где же он, родимые?» — «Да в Сумин город переведен». А того и не знают, что у меня в горшке-то есть!

Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила.

— Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!

— То-то, матушка! Солдата не проведешь, он — человек бывалый.

СОЛДАТ И ПЕЛЬМЕНИ



сел солдат со службы домой. Дорогой выпросился ночевать.

Вечером хозяева стали пельмени стряпать. Старик хозяин сидит на лавке. Сел солдат рядом и завел разговор:

— Видно, поедем, дедушка?

— Поедим, да не все! — отвечает старик.

— А ты разве не хочешь? — спрашивает солдат.

Сели хозяева ужинать, посадили за стол и солдата. Они делят пельмени вилкой надвое, обмакивают в уксус и едят, закусывают хлебом. А солдат вилкой пельмень ткнет — и в рот.

Не вытерпел старик:

— Ты, солдат, двой!

Солдат будто не понял: давай по два пельменя поддевать на вилку. Старик говорит:

— Ешь по-старому!



СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ



оворил барин с солдатом, стал солдат хвалить свою шинель:

— Когда мне нужно спать, постелю я шинель,

и в головах положу шинель, и покроюсь шинелью.

Стал барин просить солдата продать ему шинель. Вот они за двадцать пять рублей сторговались. Пришел барин домой и говорит жене:

— Какую я вещь-то купил! Теперь не нужно мне ни перины, ни подушек, ни одеяла: постелю шинель, и в головах положу шинель, и оденусь шинелью.

Жена стала его бранить:

— Ну как же ты будешь спать?

И точно, барин постелил шинель, а в головах положить и одеться нечем, да и лежать-то ему жестко.

Пошел барин к полковому командиру жаловаться на солдата. Командир велел позвать солдата. Привели солдата.

— Что же ты, брат,— говорит командир,— обманул барина?

— Никак нет, ваше благородие,— отвечает солдат.

Взял солдат шинель, расстелил, голову положил на рукав и накрылся полою.

— Куда как хорошо,— говорит,— на шинели после походу спится!

Полковой командир похвалил солдата и дал ему еще на чарочку. А барину сказал:

— Кто поработает да устанет, тот и на камне спит, а кто ничего не делает, тот и на перине не уснет!



СОЛДАТ И САЛО



априметил солдат, что у хозяина в сенях висело под коньком пуда два свиного сала в мешке: прорыл ночью крышу, стал отвязывать мешок, да как-то осклизнулся и упал вместе с салом в сени.

Хозяин услышал шум и вышел с огнем:

— Что тебе нужно?

— Не надо ли тебе сала? — спрашивает солдат.

— Нет, у меня своего много!

— Ну так потрудись, навали мне мешок на спину.

Хозяин навалил ему мешок на спину, и солдат ушел.



БАБА И ДВА СОЛДАТА



овезла баба в город кринку масла продавать; время-то шло к масленой. Нагоняют ее два солдата: один позади остался, а другой вперед забежал и просит бабу:

— Эй, тетка, подпояшь меня, пожалуйста.

Баба слезла с воза и принялась подпоясывать.

— Да покрепче подтяни!

Баба подтянула покрепче.



— Нет, это туго; ослабь маленько.

Отпустила послабже.

— Уж это больно слабо будет: закрепи потуже.

Пока завязывала баба пояс то крепче, то слабже, другой солдат успел утащить кринку с маслом и убрался себе подобру-поздорову.

— Ну, спасибо тебе, тетка! Подпоясала ты меня на всю масленицу,— говорит солдат.

— На здоровье, служба!

Приехала баба в город, хватъ — а масла как не бывало!



СОЛДАТСКАЯ КОЛЯДА



упил мужик гуся к празднику и повесил в снях. Проведали про то двое солдат; один взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошел в избу:

— Здорово, хозяин!

— Здорово, служба!

— Благослови колядовать!

— Колядуй, добрый человек!

Солдат начал:

— А в лесе, в лесе

Солдат на стреси;

Стреху продрал,

Гуся забрал.

Святой вечер!

А хозяину и невдогад, что солдат прямо в глаза ему смеется.



— Спасибо тебе, служивый! Я,— говорит,— та-
кой коляды отроду не слыхивал.

— Ничего, хозяин, завтра сам ее увидишь.

Наутро полезла хозяйка за гусем, а гусем и не
пахнет давно!



ТИНИ-ТИНИ,
ПОТЯГИВАЙ...



ело было весною.
Вынесли бабы холсты белить.

— Ну,— говорят,— теперь надо смотреть да
смотреть, как бы кто холстов не украл!

— У меня все будет цело! — стала похваляться
одна старушка.— Кто к моим холстам только руку
протянет, тот с места не встанет!

Похвальные речи всегда гнилы; старуха-то вы-
давала себя за колдунью, а какая колдунья!

Вот разостлала она по полю холсты и уселась
сторожить. Проходили мимо двое солдат и взду-
мали поживиться чужим добром.

— Слушай, товарищ! — говорит один.— Ты за-
лезь в кусты, да смотри не зевай, а я пойду, стану
с бабой лясы точить.

Сказано — сделано.

Подошел солдат к старухе:

— Здравствуй, бабушка!

— Здорово, батюшка! Куда тебя господь несет?

— Иду к начальству за тем, за сем, больше не-
зачем.

— И-и, родимый, служба-то ваша куда мудрена!

— А я, бабушка, к тебе с запросом: вижу, ты — человек бывалый! Разреши-ка наш солдатский спор. Товарищи мои говорят, что в вашей стороне совсем не так звонят, как у нас; а я говорю, что все равно.

— Вестимо, все равно; небось и у вас колокола-то медные!

— То-то! Прозвони-ка, бабушка, по-вашему.

— По-нашему: тинь-тинь-тинь! дон-дон! тинь-тинь-тинь! дон-дон!

— Не много разницы! А у нас, бабушка, звонят пореже.

Солдат махнул товарищу рукою и зазвонил:

— Тини-тини, потягивай, тини-тини, потягивай!

Старуха и рот разинула; пока она слушала, другой солдат стянул холст — и был таков!

— Ну, служивый, — говорит старуха, а сама так и заливается со смеху, — звоны-то ваши куда чудны! Досыта насмеешься!

— А вот ужо — еще не так посмеешься! Прощай, бабушка!

— С богом, родимый!

Вечером стали бабы холсты считать: у старухи нет одного.

Правду сказал солдат.



ПРИВЫЧКИ



...хали три молодых парня по реке в легоньком стружке. У одного была привычка утирать под носом указательным паль-

цем, у другого — постоянно зачесывать волосы рукою, а у третьего почесывать бока.

Разговорились они между собой. Тот, который утирал под носом пальцем, сказал:

— Братцы! Не худо бы нам отстать от своих привычек!

Другие согласились с ним.

Посидели так какое-то время, а у каждого рука так и чешется: у одного тянется к носу, у другого — к голове, у третьего — к бокам.

Тут увидели, что к ним подплывает лодка.

Первый парень крепился, крепился, да и сказал, подтирая под носом:

— А воно наши-то едут, воно!

Другой, зачесывая волосы, крикнул:

— Сюда, наши! Сюда, наши!

А третий привскочил радостный и, почесывая бока, сказал:

— Наши едут, скоро будут!



ЧТО
ДАЛЬШЕ
СЛЫШНО



ил вдовый крестьянин, было у него три сына, и все были женаты. Все было хорошо, да одно неладно: невестки между собой жили недружно, постоянно ругались, а все из-за того, что каждая из них хотела большухой быть. Все были исправны, и каждая из них могла быть большухой.

Наскучили старику перекоры невесток; однажды он призвал сыновей и говорит им:

— У невесток каждый день споры, дым коромыслом. Надо это прикончить. Я надумал задать им загадку; которая отгадает, та пусть и большухой будет. Только чтобы после этого уж спору не было; если они будут согласны, то и делу конец.

Призвали невесток, и те на это согласились.

Поздно вечером старик и говорит невесткам:

— Вы согласились отгадать загадку, так вот на целую ночь вам загадка, отгадайте: «Что дальше слышно?» Завтра рано спрошу у вас, и которая отгадает, та и будет большухой.

Утром старик позвал сыновей с невестками и спрашивает у старшей:

— Что, отгадала ли?

— Петуха голос, когда он весной поет на заре, дальше всего слышно.

— Да, петуха далеко слышно,— говорит старик.— Ну, а ты? — спрашивает он у средней.

— Когда весной собака лает на заре, то гораздо дальше петуха слышно.

— Да,— говорит старик,— пожалуй, собаку и дальше слышно. Ну, а ты что скажешь, меньшая невестка?

— Хлеб да соль дальше всего слышно.

— Да,— говорит старик,— хлеб да соль за тыщи верст слышно! Будь же ты большухой.



ПРО
МУЖИКА-БЕДНЯКА
И ТОПОР



днажды мужик пошел в лес дрова рубить, подошел к озеру, сел на берег и нечаянно уронил топор в воду. Сидит он и плачет. Вдруг из воды выходит черт и спрашивает:

— Чего, мужик, плачешь?

— Топор утопил.

Ушел черт в воду и через недолгое время приносит мужику серебряный топор и спрашивает:

— Твой топор?

— Нет,— отвечает мужик,— не мой.

Черт снова ушел в воду и снова приносит ему топор — теперь золотой. И спрашивает:

— Твой топор?

— Нет,— отвечает мужик,— не мой.

В третий раз черт вынес мужику его собственный топор. И спрашивает:

— Твой топор?

— Мой, мой!

Тогда черт подарил мужику все три топора, и пошел мужик домой с радостью.

Пришел он домой и рассказал все мужикам.

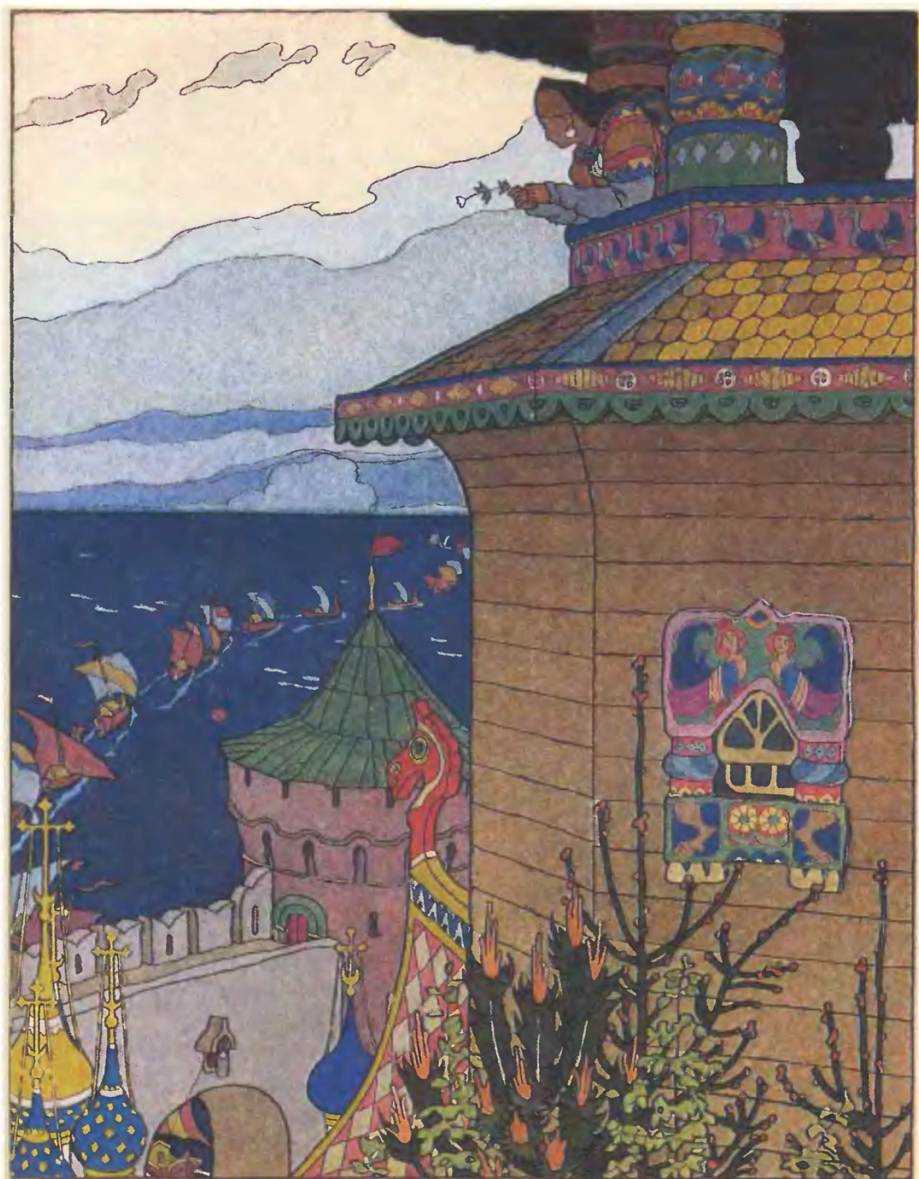
Тогда одному богатому мужику тоже захотелось получить золотой и серебряный топоры.

Пришел он к озеру, бросил свой топор в воду, сидит и горюет.

Выходит из воды черт, спрашивает:

— Что ты горюешь?

— Да топор потопил.



И. БИЛИБИНЪ.



Ушел черт, потом приносит ему серебряный топор и спрашивает:

— Твой топор?

— Мой, мой, чур, мой! — закричал мужик.

А черт ушел с топором и больше не вышел из воды.

Так богатый мужик и остался без топора.



РАЗГОВОР



овстречались под вечер два приятеля. Один другого и спрашивает:

— Чего сегодня делал?

— Рукавицы искал.

— Нашел?

— Нашел.

— Где ж они были?

— Да за поясом. А ты куда шагаешь?

— За семь верст.

— Киселя хлебать?

— Нет, комара искать.

— Это которого ж комара?

— Да того, который за нос укусить меня хочет.

— Да он же при тебе!

— Где это при мне?

— Да на носу у тебя!



НЕ ЛЮБО —
НЕ СЛУШАЙ



или два брата умных, а третий дурак. Вот однажды поехали они в лес по дрова, и захотелось им там пообедать; насыпали они круп в горшок, налили воды, а огня нет.

Неподалеку был пчельник. Вот большой брат и говорит:

— Пойти мне за огнем на пчельник.

Приходит и говорит старику:

— Дедушка, дай мне огоньку.

А дед говорит:

— Сыграй прежде песенку мне.

— Да я, дедушка, не умею.

— Ну, попляши.

— Я, дедушка, не горазд.

— А, не горазд, так нет тебе и огня!

И приходит этот большой брат без огня к своим братьям.

Тут средний брат говорит:

— Экой ты, брат! Не принес нам огню! Да-ка я пойду,— и пошел.

Пришел на пчельник и кричит:

— Дедушка, пожалуй мне огоньку!

— Ну-ка, свет, сыграй мне песенку!

— Я не умею.

— Ну, сказку скажи.

— Да я, дедушка, ничего не умею.

Приходит и этот брат без огня к своим братьям.

Дурак посмотрел на своих братьев:

— Эх вы, умные братцы, не взяли вы огня! — и пошел сам.



Приходит и говорит:

— Дедушка, нет ли у тебя огоньку?

А дед говорит:

— Попляши прежде!

— Я не умею.

— Ну, сказку скажи.

— Вот это так мое дело, — сказал дурак и присел на лежачий плетень. — Да смотри, — прибавил дурак, — садись-ка насупротив меня, слушай, да не перебивай.

Вот старик сел напротив его. Дурак откашлялся и начал:

— Ну, слушай же, дед!

— Слушаю, свет!

— Была у меня, дедушка, пегонья лошаденка; я на ней ездил в лес сечь дрова. Вот однажды сидел я на ней верхом, а топор у меня был за поясом; лошадь-то бежит — трюк, трюк, а топор-то ей по спине — стук, стук; вот стучал, стучал, да и отсек ей зад. Ну, слушаешь, дед?

— Слушаю, свет!

— Вот я на передке этом еще три года ездил, да потом как-то нечаянно в лугах увидел задок моей лошади: ходит он и траву щиплет. Я взял поймал его и пришил к передку, пришил да еще три года ездил. Слушаешь, дед?

— Слушаю, свет!

— Ездил, ездил, приехал я в лес и увидел тут высокий дуб; начал по нем лезть и залез на небо. Вот увидел я там, что скотина дешева, только комары да мухи дороги, взял и слез на землю, наловил я мух и комаров два куля, взвалил их на спину и вскарабкался опять на небо.

Сложил кули и стал раздавать людям: отдаю я муху с комаренком, а беру с них на обмен корову с теленком — и набрал столько скотины, что и

Сметы нет. Вот и погнал я скотину, пригнал я к тому месту, где взлезал,— хватился: дуб-то подсекли. Тут я пригорюнился и думал, как мне с неба слезть, и вздумал наконец сделать веревку до земли: для этого перерезал я всю скотину, сделал долгий ремень и начал спускаться. Вот спускался, спускался, и не хватило у меня ремней вышиною поболее твоего шалаша, дедушка, а спрыгнуть побоялся. Слушаешь, дед?

— Слушаю, свет!

— Вот мужик, на мое счастье, веет овес: полова-то летит вверх, а я хватаю да веревку мотаю. Вдруг поднялся сильный ветер и начал меня качать туда и сюда, то в Москву, то в Питер; оторвалась у меня веревка из половы, и забросило меня ветром в тину. Весь я ушел в тину, одна голова лишь осталась; вылезть мне хочется, а нельзя. На моей голове свила утка гнездо. Вот повадился бирюк ходить на болото и есть яйца. Я кое-как вытянул из тины руку и ухватился за хвост бирюку — стоял он подле меня,— ухватился и закричал громко: тю-лю-лю-лю! Он меня и вытащил из тины. Слушаешь, дед?

— Слушаю, свет!

Видит дурак, что дело-то плохо: сказка вся, а дед сдержал свое слово, не перебивал его; и начал дурак иную побаску:

— Мой дедушка на твоём дедушке верхом ежжал...

— Нет, мой на твоём ежжал верхом! — перебил старик.

Дурак тому и рад, взял огня и пришел к своим братьям.

Тут разложили они огонь, поставили горшок с крупами на таган и начали варить кашу.

Когда каша сварится, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.

РЕПА
И МЕД



днажды говорила о себе репа:

— Я, репа, с медом хороша!

— Поди прочь, хвастунья! — отвечал ей мед. — Я и без тебя хорош.



МУЖИК
НА НЕБЕ



устил мужик петуха в подвал; петух там нашел горошинку и стал кур скликать. Мужик услышал про находку, вынул петуха, а горошинку полил водою.

Вот она и начала расти; росла — выросла до полу. Мужик пол прорубил, горошинка опять начала расти; росла, росла — доросла до потолка.

Мужик потолок прорубил, горошинка опять росла, росла — доросла до крыши.

Мужик и крышу разобрал, стала горошинка еще выше расти; росла, росла — доросла до небушка.

Вот мужик и говорит жене:

— Жена, а жена! Полезу я на небушко, посмотрю, что там деется? Кажись, там и сахару и меду — всего вдоволь!

— Полезай, коли хочешь.



Мужик и полез на небушко, лез, лез, насилиу влез. Входит в хоромы: везде такое загляденье, что он чуть было глаз не проглядел!

Среди хором стоит печка, в печке и гусятины, и поросятины, и пирогов — видимо-невидимо! Одно слово сказать — чего только душа хочет, все есть!

Сторожит ту печку коза о семи глазах. Мужик догадался, что надобно делать, и стал про себя приговаривать:

— Засни, глазок, засни, глазок!

Один глаз у козы заснул. Мужик стал приговаривать погромче:

— Засни, другой, засни, другой!

И другой глаз заснул.

Так все шесть глаз у козы заснули, а седьмого глаза, который был у козы на спине, мужик не приметил и не заговорил.

Недолго он думал, полез в печку, напился, наелся, насахарился; вылез оттуда и лег на лавочку отдохнуть.

Пришел хозяин, а коза про все ему и рассказала: вишь, она все-то видела седьмым глазком. Хозяин осердился, кликнул своих слуг, и прогнали мужика взашей.

Побрел он к тому самому месту; где была горошинка: глянул — нет горошинки. Что будешь делать? Начал собирать паутину, что летает летом по воздуху; собрал паутину и свил веревочку; зацепил эту веревочку за край неба и стал спускаться. Спускался, спускался, хватать — веревочка вся, а до земли еще далеко-далеко; он перекрестился — и бух!

Летел, летел и упал в болото.

Долго ли, коротко ли сидел он в болоте (а сидел он в болоте по самую шею), только вздумалось утке

на его голове гнездо свить; свила гнездо и положила яйца. Мужик ухитрился, подкараулил утку и поймал ее за хвост. Утка билась, билась и вытащила-таки мужика из болота.

Он взял и утку и яйца, принес домой и рассказал про все жене.

Не то чудо из чудес,
Что мужик упал с небес;
А то чудо из чудес,
Как он туда залез!



МОРОКА



В некотором царстве, в некотором государстве жил-был матрос; служил верно, вел себя честно, потому и начальство его знало. Отпросился он раз с корабля походить по городу, надел свой парусинник и пошел в трактир. Уж рублей на десять забрал, а все не унимается: то того, то другого спрашивает.

— Послушай, служба,— говорит ему половой,— забираешь ты много, а есть ли у тебя чем рассчитаться?

— Эх, братец, о деньгах, что ли, сомневаешься? Да у меня денег куры не клюют.

Тотчас вынул из кармана золотой, бросил на стол и говорит:

— На, получай!

Половой взял золотой, высчитал все, как следует, и приносит сдачу; а матрос ему:



— Что там за сдача, братец! Возьми себе.

На другой день опять отпросился матрос, зашел в тот же трактир и прогулял еще золотой; на третий день тоже, и стал он ходить туда, почитай, каждый день и все платит золотыми, а сдачи не берет, дарит половому. Стал замечать за ним сам трактирщик, и пришло ему в сумнение:

— Что бы это значило? Матросишка — так себе, а поди как сорит деньгами! Полную шкатулку золота натаскал!. Жалованье мне их известно, небось — не раскутишься! Верно, он где ни на есть казну обобрал; надо начальству про то донести; не ровен час — еще в такую беду попадешь, что после и не разделаешься, а пожалуй, и в Сибирь угодишь.

Вот и доложил трактирщик офицеру, а тот довел до самого генерала. Генерал потребовал к себе матроса.

— Признавайся,— говорит,— по совести, отколь золото брал?

— Да этого золота во всякой помойной яме много!

— Что ты врешь!

— Никак нет, ваше превосходительство! Не я вру, а трактирщик: пусть покажет он то золото, что от меня получил.

Сейчас принесли шкатулку, открыли, а она полнехонька костяшек.

— Как же, братец: ты платил золотом, а очутились костяшки? Покажи, как ты сделал это?

— Ах, ваше превосходительство! Ведь нам смерть приходит...

Глядят, а в окна и в двери так вода и хлынула — все выше да выше, уж под горло подступает.

— Господи! Что же теперь делать? Куда деваться? — спрашивает с испугу генерал.

А матрос в ответ:

— Коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, так полезайте за мною в трубу.

Вот и полезли, взобрались на крышу, стоят и смотрят во все стороны: целый город затопило! Такое наводнение, что в низких местах совсем домов не видать; а вода прибывает да прибывает.

— Ну, братец,— говорит генерал,— верно, и нам с тобой не уцелеть!

— Не знаю; что будет — то будет!

«Смерть моя приходит!» — думает генерал, стоит сам не свой...

Вдруг откуда ни взялся — плывет мимо ялик, зацепился за крышу и остановился на том месте.

— Ваше превосходительство,— говорит матрос,— садитесь скорее в ялик, да поплывем; может, и уцелеем, авось вода сбудет.

Сели оба в ялик, и понесло их ветром по воде; день плывут, и другой плывут, а на третий стала вода сбывать, и так скоро — куда только она делась? Кругом сухо стало.

Вышли они из ялика, спросили у добрых людей, как слывет та сторона и далеко ль занесло их? А занесло-то их за тридевять земель, в тридесятое царство: народ все чужой, незнаемый. Как тут быть, как попасть в свою землю? Денег при себе ни гроша не имеют, подняться не на что. Матрос говорит:

— Надо наняться в работники да зашибить деньжонок; без того и думать нечего — домой не воротиться.

— Хорошо тебе, братец! Ты давно к работе привычен, а мне каково? Сам знаешь, что я генерал, работать не умею.

— Ничего, я такую работу найду, что и уменья не надо.

Побрели в деревню и стали в пастухи нани-

матрсы; общество согласилось и порядило их на целое лето: матрос пошел за старшего пастуха, а генерал за подпаска. Так-таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; после того сб-брали с мужиков деньги и стали делиться.

Матрос разделил деньги поровну: сколько себе, столько и генералу. Вот генерал видит, что матрос равняет его с собою, стал на это обижаться и говорит:

— Что ж ты меня с собою равняешь? Ведь я — генерал, а ты — все-таки простой матрос!

— Как бы не так! Мне бы разделить на трое: две части себе взять, а с вас и одной довольно: ведь я настоящим пастухом был, а вы — подпаском.

Генерал осерчал и принялся всячески ругать матроса; а матрос крепился, крепился, размахнул рукой, как толкнет его в бок:

— Очнитесь, ваше превосходительство!

Генерал очнулся, смотрит — все по-старому: как был в своей комнате, так и не выходил из ней! Не захотел он больше судить матроса, отпустил его от себя; так трактирщик ни при чем и остался.



БОЛЬШОЙ
ДОМ
ИЗ ОДНОГО
КИРПИЧКА



ил я с дедушкой, а
батяка мой тогда еще не родился: по тому са́мому,
как начался свет,— было мне семь лет.

Жили мы куда богато! Был у нас большой дом из одного кирпичика — глазом не окинешь, а взглянуть не на что; светом обгорожен, небом покрыт.

Лошадей было много: шесть кошек езжалых, двенадцать котов стоялых; один жеребец бойкий — кот сибирский был на цепь прикован возле печки к столбу.

Земли у нас с дедом было видимо-невидимо: пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы отдавали.

Родилось хлеба много; стали убирать — девать некуда. Дед был умен, а я догадлив: складили скирду на печном столбу; велика скирда — глазом не окинешь, хоть взглянуть не на что!

И завелись в ней мыши, стали хлеб точить; жеребец наш бойкий — кот сибирский прыг на столб — мышей не изловил, скирду в лохань уронил. Дед голосом завыл, а я заголосил:

— Чем теперь кормиться-то будем?

Только дед был умен, а я догадлив: вытащили хлеб из лохани, пересушили и обмолотили.

Время было к празднику, стали мы солод готовить да пиво варить; как в ложке затерли, в корце развели — вышло пива с целую бочку. Что гостей-то к нам привалило — и в дом и на двор, по улице пройти нельзя от народу!..

После того смотрю я — дров в дому ни полена, а топить надобно. Была у нас лошадь серая: упряжь чудесная, да запрячь не во что.

— Ступай,— говорит мне дедушка,— запрягай лошадь, поезжай в лес за дровами.

Я надел кафтанишко худенький, заткнул топор за пояс, сел верхом и поехал в путь. Еду рысью скорою, а топор тяп да ляп и перерубил мою лошадь пополам. Оглянулся назад — ан на одном передке еду: задок далеко отстал. Я кликать, я

звать — прибежал задок. Что долго думать, составил обе половинки, смазал глиною, дал шпоры под бока — и откуда прыть взялась!

Приехал в лес, нарубил дров, наклак большущий воз и привязал веревкою за хвост. Как крикну — лошадь сгорячахватила, по уши в грязь угодила.

Я за дедом; тот был умен, а я догадлив: взялись оба за хвост и ну тянуть; тащили, тащили, да шкуру долой и стащили! Дед голосом завыл, я заголосил.

Не на чем было ехать; приходим домой и горюем. Только глядь в окно — а лошадь наша стоит у ворот, сама пришла. Дед засмеялся, я захохотал: лошадь-то дома, а шкура в барышах досталась.



ШЕСТЬ
БРАТЬЕВ —
ВСЕ АГАФОНЫ



ак у нас на селе заспорил Лука с Петром, сомутилася вода с песком, у невестки с золовками был бой большой: на том на бою кашу-горюху поранили, киселя-горюна во полон полонили, репу с морковью подкопом взяли, капусту под меч приклонили. А я на бой не поспел, на лавочке просидел.

В то время жили мы шесть братьев — все Агафоны, батюшка был Тарас, а матушка — не помню, как звалась; да что до названья? Пусть будет Маланья. Я-то родом был меньшей, да разумом большой.

Вот поехали люди землю пахать, а мы, шесть

братьев, руками махать. Люди-то думают: мы пашем да на лошадей руками машем, а мы промеж себя управляемся. А батюшка навязал на кнут зерно гречихи, махнул раз-другой и забросил далеко.

Уродилась у нас гречиха предобрая. Люди вышли в поле жать, а мы в бороздах лежать; до обеда пролежали, после обеда проспали. и наставили много хлеба: скирда от скирды, как от Казани до Москвы. Стали молотить — вышла целая горсть гречихи.

На другой год батюшка спрашивает:

— Сынки мои возлюбленные, где нам нынче гречиху сеять?

Я — брат меньшей, да разумом большой, говорю батюшке:

— Посеем на печке, потому что земля та порожняя, все равно круглый год гуляет!

Посеяли на печке, а изба у нас была большая: на первом венце порог, на другом потолок, окна и двери буравом наворачены. Хоть сидеть в избе нельзя, да глядеть гожа.

Батюшка был тогда больно заботлив, рано утром вставал — чуть заря занимается, и все на улицу глазел. Мороз-то и заберись к нам в окно да на печку — вся гречиха позябла. Вот шесть братьев стали горевать: как гречиху с печи собирать?

А я — родом хоть меньшей, да разумом большой.

— Надобно, — говорю, — гречиху скосить, в омет свозить.

— Где же нам омет метать?

— Как — где? На печном столбе: место порожнее.

Сметали большой омет.

Была у нас в дому кошка лыса: почуй она, что в гречихе крыса, бросилась ловить и прямо-таки

о печной столб лбом пришлась; омет упал да в лохань попал. Шесть братьев горевать: как из лохани омет убирать? На ту пору пришла кобыла сера, омет из лохани съела; стала вон из избы бежать, да в дверях и завязла. Задние ноги в избе, а передние на улице. Зачала она скакать, избу по улице таскать; а мы сидим да глядим: что-то будет! Кобыла вырвалась, я сейчас в гриву ей вцепился, верхом на нее ввалился и поехал в кабак. Разгулялся добрый молодец; попалось мне в глаза у целовальника ружье славное.

— Что,— спрашиваю,— заветное аль продажное?

— Продажное.

Ну, хоть полтину и заплатил, да ружье купил.

Поехал в дубовую рощу за дичью; гляжу: сидит тетерев на дубу. Я прицелился, а кремня-то нет! Коли в город за кремнем ехать, будет десять верст — далеко; пожалуй, птица улетит.

Думаючи этак сам с собою, задел невзначай полушубком за дубовый сук; кобыла моя рванула с испугу да как треснет меня башкой о дерево — так искры из глаз и посыпались!

Одна искра упала на полку, ружье выстрелило и убило тетерева; тетерев вниз упал да на зайца попал; а заяц сгоряча вскочил, да что про меня дичины набил!

Тут я обозом в Саратов отправился; торговал-продавал, на пятьсот рублей дичины сбывал.

На те деньги я женился, взял себе славную хозяйку. Не надо покупать ни дров, ни лучины; живу себе без кручины.



СТОИТ РЕКА —
ВСЯ ИЗ МОЛОКА,
БЕРЕГА —
ИЗ КИСЕЛЯ



родился я ни мал, ни велик — всего-то с игольное ушко. Пошел я в лес, самое дремучее дерево рубить — крапиву. Раз тятнул — дерево качается, в другой тятнул — ничего не слышно, в третий тятнул — выскочил кусок мне, добру мóлодцу, в лобок. Тут я, добрый молодец, трои сутки пролежал; никто меня не знал, не видал, только знала-видала меня рогатая скотина — таракан да жужелица.

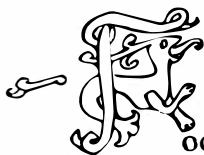
Встал я, добрый молодец, отряхнулся, на все четыре стороны оглянулся, побрел по берегу. По берегу все не нашему. Стоит река — вся из молока, берега—из киселя. Вот я, добрый молодец, киселя наелся, молока нахлебался...

Пошел я по берегу, по берегу все не нашему; стоит церковь — из пирогов складена, оладьями повершена, блином накрыта.

Вступил я на паперть, вижу двери — калачом двери заперты. Тут я, добрый молодец, догадался, калач переломил да съел. Вошел я в церковь, в ней все не по-нашему: паникадило-то репяное, свечи морковные, образа пряничные. Выскочил поп, толоконный лоб, присел — я его и съел.

Пошел я по берегу, по берегу все не нашему: ходит тут бык печеный, в боку нож точеный. Кому надо закусить, изволь резать да кроить.

ГОСУДАРЬ
СИДОР КАРПОВИЧ



Государь ты наш Сидор Карпович, много ли тебе от роду лет?

— Семьдесят, бабушка, семьдесят, Пахомовна!

— Государь ты наш Сидор Карпович, когда ты умирать будешь?

— В среду, бабушка, в среду, Пахомовна!

— Государь ты наш Сидор Карпович, когда ж тебя хоронить будут?

— В пятницу, бабушка, в пятницу, Пахомовна!

— Государь ты наш Сидор Карпович, чем тебя поминать будут?

— Блинами, бабушка, блинами, Пахомовна!

— Государь ты наш Сидор Карпович, во что после тебя позвонить будет?

— В сковороду, бабушка, в сковороду, Пахомовна!

— Государь ты наш Сидор Карпович, много ли у тебя детушек?

— Семеро, бабушка, семеро, Пахомовна!

— Государь ты наш Сидор Карпович, чем после тебя поить-кормить будет?

— По миру, бабушка, по миру, Пахомовна!

— Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — зима студена!

— В лапотках, бабушка, в лапотках, Пахомовна!

— Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — собаки съедят!

— С палочкой, бабушка, с палочкой, Пахомовна!

— Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — не во что милостыню класть!

— В сумочку, бабушка, в сумочку, Пахомовна!



КАК
ДЕЛА
В РОСТОВЕ?



рат, здорово!

— Брату челом!

— Ты, брат, отколе?

— Я из Ростова.

— А что, говорят, в Ростове-то архиерей женится?

— Вчерась я пошел, сегодня пришел; случилось мне мимо ростовского архиерейского дома идти: стоят кареты смазаны, свиньи запряжены, хвосты подвязаны. Засвистали, поскакали, не знаю куда.

— А что, говорят, в Ростове бабы-то пшеницу на печке посеяли?

— Вчерась я пошел, сегодня пришел; случилось мне мимо ростовских печей идти — жнут бабы пшеницу.

— А что, говорят, в Ростове-то озеро сгорело?

— Случилось мне мимо Ростовского озера идти: щука да караси по лугам, язи да окунье по елям, а плавают ершишко-голышка, глазоньки покраснели, перышки подгорели.



ЧИСТОТА,
БЛАГОДАТЬ
И КРАСОТА



ел солдат домой на побывку и забрел к одному мужику ночь ночевать:

— Здравствуй, хозяин! Накорми и обогрей прохожего!

— Ну что ж, садись за стол, гость будешь!

Солдат снял тесак да ранец и уселся за стол; а хозяин и говорит:

— Отгадай, служба, загадку; не отгадаешь — оплеуха тебе!

— Изволь, сказывай загадку.

— А что значит чистота?

Солдат подумал-подумал и вымолвил:

— Хлеб чист, значит, он и чистота.

Мужик хлоп его по щеке.

— Что ж ты дерешься? Нас бьют да вину сказывают.

— Чистота, брат, кошка: завсегда умывается!

А что значит благодать?

Солдат опять подумал-подумал и говорит:

— Знамое дело, хлеб — благодать!

Мужик хлоп его в другой раз:

— Врешь, брат, служба! Благодать — вода. Ну, вот тебе последняя загадка: что такое красота?

Солдат опять свое:

— Хлеб,— говорит,— красота!

— Врешь, служба; красота — огонь; вот тебе и еще оплеуха! Теперь полно, давай ужинать.

Солдат ест да про себя думает:

«Сроду таких оплеух не видал, и на службе

царской того не было; постой же, я тебе и сам удружу, будешь меня помнить!»

Поужинали и легли спать. Солдат выждал ни много ни мало времечка; видит, что хозяева заснули, слез с полатей, поймал кошку, навязал ей на хвост пакли, паклю-то зажег да кошку на чердак погнал: бросилась она туда со всех четырех ног и заронила огонь в солому; вмиг загорелась изба.

Солдат наскоро оделся, подошел к хозяину и давай в спину толкать.

— Что ты, служивый?

— Прощай, хозяин! Иду в поход.

— Ступай с богом!

— Да вот тебе на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати! Отгадывай! — сказал солдат и пошел со двора.

Пока мужик ломал себе голову, что бы такое значили солдатские речи, загорелся потолок.

— Воды! Воды! — кричит хозяин, а воды-то в доме ни капли нет. Так все и пропало.

«Ну, правду солдат загадал: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати!»

Отольются кошке мышинные слезки!



ЛГАЛО И ПОДЛЫГАЛО



ыли такие два лгуна — Лгало и Подлыгало. Один лжет, другой подлыгает. Так только и жили. Работать не любили, а

враньем деньги добывали. Пойдут в деревню, один в одну избу, а другой в другую...

Зашли раз Лгало да Подлыгало в деревню, один в одной избе остановился, другой — в другой, будто рассердились дорогой. Вошел Лгало в избу. А изба у мужика новая. Лгало избу хвалит, а хозяин рад.

— Да,— говорит,— изба добрая, такого лесу теперь нигде не найдешь!

— Нет! — говорит Лгало.— Можно найти!

— А я говорю: «Нет».

— А я говорю: «Да».

— Давай спорить на сто рублей, что нет!

— Давай!

Поспорили.

— Шел раз я,— говорит Лгало,— по деревне, и везли там одно бревно — от пасхи до рождества везли, а только корень вывезли. Всея деревней молебен служили — ни пройти, ни проехать было! Вот это так дерево!

— Да ты лжешь,— говорит мужик.

— Коли мне не веришь, так позовем моего товарища. Хоть он на меня и сердит, а солгать не даст!

— А где он?

— Да вон в той избе!

Позвали Подлыгалу:

— Правда ль, твой товарищ про дерево рассказывал, будто с рождества до пасхи только корень вывезли?

— Нет, что не видал, то не видал, и лгать не буду! А вот дом видать видывал, с одного дерева выстроен. Как зашел я, вижу избу, ходил-ходил — заблудился. Насилу люди вывели...

Видит мужик, что не лгал Лгало, и проиграл сто рублей.

Лгало и Подлыгало разделили деньги поровну

и в другую деревню пошли. Один в одну избу, другой в другую, будто сердиты друг на друга.

Стали Лгалу ужином кормить, щей налили. Лгало капусту похваливает. А хозяин и рад.

— Да, такой капусты во всем свете нет. Таких кочанов отродясь не видывал никто.

— Ну, я-то поболее видывал,— подраздоривает мужика Лгало.

— Где?

— Давай спорить на сто рублей?

— Давай!

Поспорили и деньги на стол выложили.

— Шел я раз по полю,— врет Лгало.— И в поле рос кочан. Как зашла туча, как пошел дождь, так целый полк солдат под кочаном спрятался. Вот это кочан!

— Да ты лжешь!

— А коли не веришь, так позовем моего товарища! Хоть он на меня и сердит, а только солгать не даст!

Пришел Подлыгало.

— Правда ль, твой товарищ кочан такой видывал, что целый полк спрятался?

— Нет,— говорит Подлыгало,— что не видал, то не видал, и лгать не стану! А видел, как кочан с земли тащили. Запрягли двенадцать лошадей, и то еле-еле вытащили...

Видит мужик, что проиграл, и отдал сто рублей.

Лгало да Подлыгало разделили деньги поровну и в другую деревню пошли. Лгало в одну избу, Подлыгало — в другую, будто сердиты друг на друга. Лгалу обедом кормят, гороху дают. Лгало горох похваливает. А хозяин рад.

— А только это не горох! Вот я видывал горох так горох. Одна стеблина с дуб толщиной, а струг в небо уперся.



— Да ты лжешь!
— Зачем лгать; не веришь, давай спорить на сто рублей!

— Давай!

Поспорили. И деньги на стол выложили.

— Позовем моего товарища, он не даст соврать, хоть и сердит на меня.

Позвали Подлыгалу:

— Правда ль, твой товарищ видел горох в дуб толщиной, а струг в небо узирается?

— Нет, что не видал, то не видал, и лгать не стану! А вот видел, как горошком улицу мостили, а в гороховине через реку двадцать человек зараз переплывали!

Видит мужик, что проиграл, и отдал сто рублей. Разделили Лгало да Подлыгало деньги поровну и пошли далее...



МЕНА



ил мужик с бабою; была у них пара волов, а телеги не было. Куда ни соберутся ехать — бежит мужик по деревне искать телеги, и уж худо-худо раз пять брал он телегу у каждого хозяина! До того дошло дело, что перестали давать ему; куда ни сунется, всякий срамит его:

— Какой ты мужик! Пару волов имеешь, а телеги не справишь!

Соберется мужик в дорогу, а ехать не на чем; посуетится-посуетится, да так дома и останется.

— Послушай, муженек, — сказывает жена, — поведи волов на ярмарку, продай да за эти деньги купи телегу; пускай у нас своя будет! Тогда и к нам станут ходить люди да просить телеги, а мы никому не дадим!

Мужик послушал жену, встал поутру рано, взял пару волов и повел в город. Стал приближаться к городу, глядь — везет старик на ярмарку новые телеги; подбежал к нему:

— Здорово, земляк! Продаешь телеги?

— Продаю.

— Знаешь ли, что я тебе скажу?

— Как скажешь, так и буду знать.

— А вот что: сделай милость, дай мне телегу, а себе возьми пару волов.

Старик видит, что мена-то выгодная: пара волов худо стоит полтора ста рублей, а телега всего навсего — двадцать, и говорит:

— Изволь, брат! Выбирай любую.

Мужик выбрал себе самую большую телегу и отдал за нее пару волов. Старик радехонек, поскорей в город; на уме одно держит: как бы этот дурак не одумался да не отобрал назад своих волов. А мужик стоит на дороге да думает:

«Слава богу, теперь есть телега! Только как ее домой дотащить? Ведь волов нету, приходится на себе везти».

Взял веревку, привязал к телеге и давай тащить; тащил, тащил, с полверсты сделал, устал: пот так и льет с лица, а рубаху хоть выжми! Остановился, сел отдохнуть и призадумался: до двора далеко, верст с пятнадцать будет! Как теперь с телегой быть?

Увидал пастуха — гонит две козы на ярмарку, и закричал ему:

— Здорово, земляк! Куда коз гонишь?



— В город продавать.

— Чем продавать, променяй-ка лучше мне одну козу вот на эту телегу; вишь, совсем новая!

Пастух усмехнулся:

— Как бы, брат, не промахнуться? А то маху дашь, после не поправишься; да, пожалуй, куда кривая не вывезет! Выбирай себе любую.

Мужик отдал телегу, взял козу и повел ее домой.

Шел, шел, версты две отхватил, и встречается ему разносчик: на спине коробка, за поясом целая связка кошельков прицеплена. Засмотрелся мужик на те кошельки, крепко понравились:

— Послушай, земляк! Куда несешь кошельки?

— В город продавать.

— Променяй мне один на козу.

— Изволь, брат!

Взял мужик кошелек, положил за голенище и пошел домой.

Шел, шел; на пути речка; сел на перевоз и перебрался на другую сторону. Стали перевозчики спрашивать деньги, а у него нет ни гроша, и заплатить нечем.

— Тащите, братцы, армяк с плеч, коли денег нет! — говорят перевозчики.

— Пойдите, армяк самому надобен; а есть у меня кошелек новый, возьмите его за работу.

Вынул кошелек и отдал; перевозчики отпустили его.

Поплелся мужик домой. «Вот, — думает, — ни за что ни про что загубил пару волов!» Смотрит: сидят на дороге обозники да варят кашицу.

— Здравствуйте, земляки!

— Здравствуй, добрый человек!

— Хлеб-соль вашей милости!

— Спасибо.

— Славная у вас кашлица! Пустите, братцы, похлебать маленько: крепко есть хочется.

— Да ты откуда? — спрашивает хозяин обоза.

— А я ходил на ярмарку, пару волов водил продавать.

— Ишь какой! Пару волов продал, а попросайничаешь...

— Эх,— вздохнул мужик,— когда бы знали да ведали мсе горе!

— Какое?

— А вот послушайте! — и рассказал все, как было.

Хозяин обоза засмеялся и говорит мужику:

— Ну, брат, теперь ты к своей хозяйке лучше и не показывайся, а то беда будет.

— Нет, ничего не будет, слова худого не скажет!

— Ну, нет, мужик! Если за это да не обругает тебя хозяйка, так вот двенадцать телег с солью — все отдам тебе, и с волами!

— Хорошо!

Пошли в деревню. Добрались до двора. Хозяин обоза стал в снях и слушает, а мужик вошел в избу:

— Здравствуй, жена!

— Здравствуй, муженек! Что ж, променял волов?

— Променял.

— Где же телега?

— За козу отдал.

— А коза где?

— За кошелек пошла.

— А кошелек где?

— За перевоз взяли.

— Ну, хорошо, что сам-то назад воротился!

Раздевайся скорей да садись за стол, пообедай; чай, давно проголодался? О волах не кручинься: нет волов — и заботы у нас не будет!

Мужик сел за стол и кричит:

— Эй, хозяин! Ступай в избу, ну что — слышал? Правда моя!

— Правда, земляк,— сказал обозник,— забирай все двенадцать телег — и с солью и с волами.

Вот так-то и разбогател мужик и стал себе жить-поживать да добра наживать.



ХУДАЯ ЖЕНА



Датюшка, жениться хочу, матушка, жениться хочу! — говорил добрый мблodeц.

— Женись, дитятко!

И женился, выбрал себе худую жену: понравилась сатана лучше ясного соколá, и пенять не на кого, сам себе виноват! Живет с нею и кулаком слезы утирает.

Пошел раз на сходку, где судят да рядят; постоял там и воротился домой.

— Где был,— спросила жена,— что слышал?

— Да говорят: новый царь настал, новый указ наслал, чтоб жены мужьями повелевали.

Он думал пошутить, а она запомнила.

— Ступай,— говорит,— на речку рубахи мыть, да возьми веник — избу подмети, да сядь к люльке — дитя качай, да щи, кашу свари, пироги замеси!

Муж хотел было молвить: «Что ты, баба! Мужичкое ли это дело?» Да как взглянул на нее — холодом облило, язык к горлу пристал. Потащил белье, замесил пироги, в избе прибрал — и ничем не угодил.

Прошел год и другой; наскучила добру молодцу такая жизнь, да что делать? С горя выгадал выгадку. Была в лесу яма глубокая, конца-дна не видать; взял он — заклал ее сверху палочками, затрусил соломкою; приходит к жене и рассказывает:

— Ты не знаешь, жена, как в лесу-то клад есть — и звенит, и гремит, и золотом рассыпается, а в руки никак не дается; я подошел было к нему, нос с носом стоял, дак мне не дался — посылай, говорит, жену!

— Ну, пойдём, пойдём!

Пошли в лес.

— Тише! Тут провальная земля, отсюда клад выйдет.

— Ах ты, дурень мужик! Всего боишься. Вот как я-то прыгну!

Прыгнула на солому и провалилась в яму.

— Ну, ступай! — молвил муж. — Я теперь отдохну.

Отдыхал он месяц и другой, а там и скучно стало без жены. Выйдет в лес, выйдет в поле, подойдет к речке — все об ней думает:

«Может, стала она и тиха и смирна; дай-ка выну опять!»

Навязал коробью, опустил под землю; слышит — села, тянет вверх, вот и близко... глядит, ан в коробье чертенок сидит! Мужик испугался, чуть веревки из рук не выпустил.

Взмолился чертенок, закричал ему вслух:

— Вынь меня, мужичок! Твоя жена всех нас замучила, загоняла. Повелишь что творить, стану

Тебе вечно служить; вот хоть сейчас побегу в боярские хоромы, мигом заварю кашу, буду днем и ночью стучать да бояр выживать, а ты скажись знахарем, приди, закричи на меня — я выскочу и уйду. Ну, ты и греби деньги лопатою!

Мужик вытащил коробью; чертенок выпрыгнул, отряхнулся — и поминай как звали!

В тот же день в боярском доме все пошло наизворот. Стали искать доку: добрый молодец вызвался докою, выгнал черта и получил плату хорошую.

Скоро пронесся слух, что у князя во дворце, в высоком тереме завелись домовые и не дают княжнам покою. Из конца в конец разослали по всей земле гонцов звать-собирать знахарей. Со всех царств собрали — нет проку, домовые стучат и гремят.

Пришел и наш дока, узнал старого знакомого, стал на чертенка и кричать и плевать; чертенок и не думает бежать, полюбилося ему в княжем терему жить.

— Погоди ж, когда так! — закричал дока. — Эй, жена! Поди сюда.

Тут чертенок не высидел и со всех ног махнул из-за печки вон.

Доке честь, доке слава, дока деньги гребет; но недаром говорят, что и в самом раю тошно жить одному.

Сгрустнулось добру молодцу, и пошел опять жену искать. Навязал коробью и опустил в яму: баба села, он и потащил ее кверху.

Вот уж близко! Баба вверх подымается, а сама зубом скрипит да кулаками грозит. Со страстей затряслись у мужа руки, сорвалась коробья — и загремела жена по-прежнему вниз, в яму.

БАРСКИЕ
ГУСИ



одного мужика была жена сварлива и упряма: уж что, бывало, захочет, дак муж дай ей, и уж непременно муж соглашайся с ней. Да больно она льстива была на чужую скотину: как, бывало, зайдет на двор чужая скотина, дак уж муж и говори, что это ее. Страшно надоела жена мужу.

Вот однажды и зашли к ней на двор барские гуси. Жена спрашивает:

— Муж, чьи это гуси?

— Барские.

— Как — барские!

Вспылила со злости, пала на пол.

— Я умру,— говорит,— сказывай: чьи гуси?

— Барские.

Жена охает, стонет. Муж наклонился к ней:

— Что ты стонешь?

— Да чьи гуси?

— Барские.

— Ну, умираю, беги скорей за попом.

Вот муж послал за попом; уж и поп едет.

— Ну,— говорит муж,— вот и священник едет.

Жена спрашивает:

— Чьи гуси?

— Барские.

— Ну, пускай священник идет, умираю!

Вот исповедали ее, приобщили, поп ушел. Муж опять:

— Что с тобой, жена?

— Чьи гуси?



— Барские.

— Ну, совсем умираю, готовь домовище!

Изготовили домовище. Муж подошел:

— Ну, жена, уж и домовище готово.

— А чьи гуси?

— Барские.

— Ну, совсем умерла, клади в домовище.

Положили в домовище и послали за попом.

Муж наклонился к жене, шепчет:

— Уж домовище поднимают, нести хотят отпевать в церковь.

А она шепчет:

— Чьи гуси?

— Барские.

— Ну, несите!

Вот вынесли домовище, поставили в церкви, отпели панихиду.

Муж подходит прощаться.

— Уж и панихиду,— говорит,— отпели; выносить хотят на кладбище.

Жена шепчет:

— Чьи гуси?

— Барские.

— Несите на кладбище!

Вот и вынесли; подняли домовище опущать в могилу, муж нагинается к ней:

— Ну, жена, уж тебя в могилу опущают и землей тотчас засыплют.

А она шепчет:

— Чьи гуси?

— Барские.

— Ну, опущайте и засыпайте!

Домовище опустили и засыпали землю. Так уходили бабу барские гуси!



ЗАВЕЩАНИЕ



ил-был мужик. Умирает у него отец и говорит:

— Ты, мой сын, живи так: чтобы ты никому не кланялся, а тебе бы все кланялись, и калачи бы ел с медом!

Умер отец. А этот мужик живет год — прожил сто рублей: никому не кланялся и все калачи ел с медом. Живет другой — прожил другую сотню. На третий год прожил третью сотню. И думает: «Что же это? Сотни у меня не прибавляются, а все убавляются!»

Приходит, рассказывает дяде. Дядя ему и сказал:

— Эх, ты! Выезжай-ко ты раньше всех на пашню, никому и не будешь кланяться, а тебе все будут кланяться. А приезжай домой поздно, тебе калач-то будет казаться с медом.



ЖЕНА-СПОРЩИЦА



была у одного мужа жена, да только такая задорная, что все ему наперекор говорила...

Надоела жена мужу, вот он и стал думать, как бы от нее отделаться. Идут они раз к реке, а вместо

Моста на плотине лежит перекладина. «Постой,— думает он,— вот теперь-то я ее изведу».

Как стала она переходить по перекладине, он и говорит:

— Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь!

— Так вот же нарочно буду!

Тряслась, тряслась да и бултых в воду!

Жалко ему стало жены; вот он влез в воду, стал ее искать и идет по воде вверх по течению.

— Что ты тут ищешь? — говорят ему прохожие мужики.

— А вот жена утонула, вон с этой перекладины упала.

— Дурак, дурак! Ты бы шел вниз по реке, а не в гору; ее теперь, чай, снесло.

— Эх, братцы, молчите; она все делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды.



БРИТО — СТРИЖЕНО



ужик обрил бороду
и говорит:

— Смотри, жена, как я чисто выбрился.

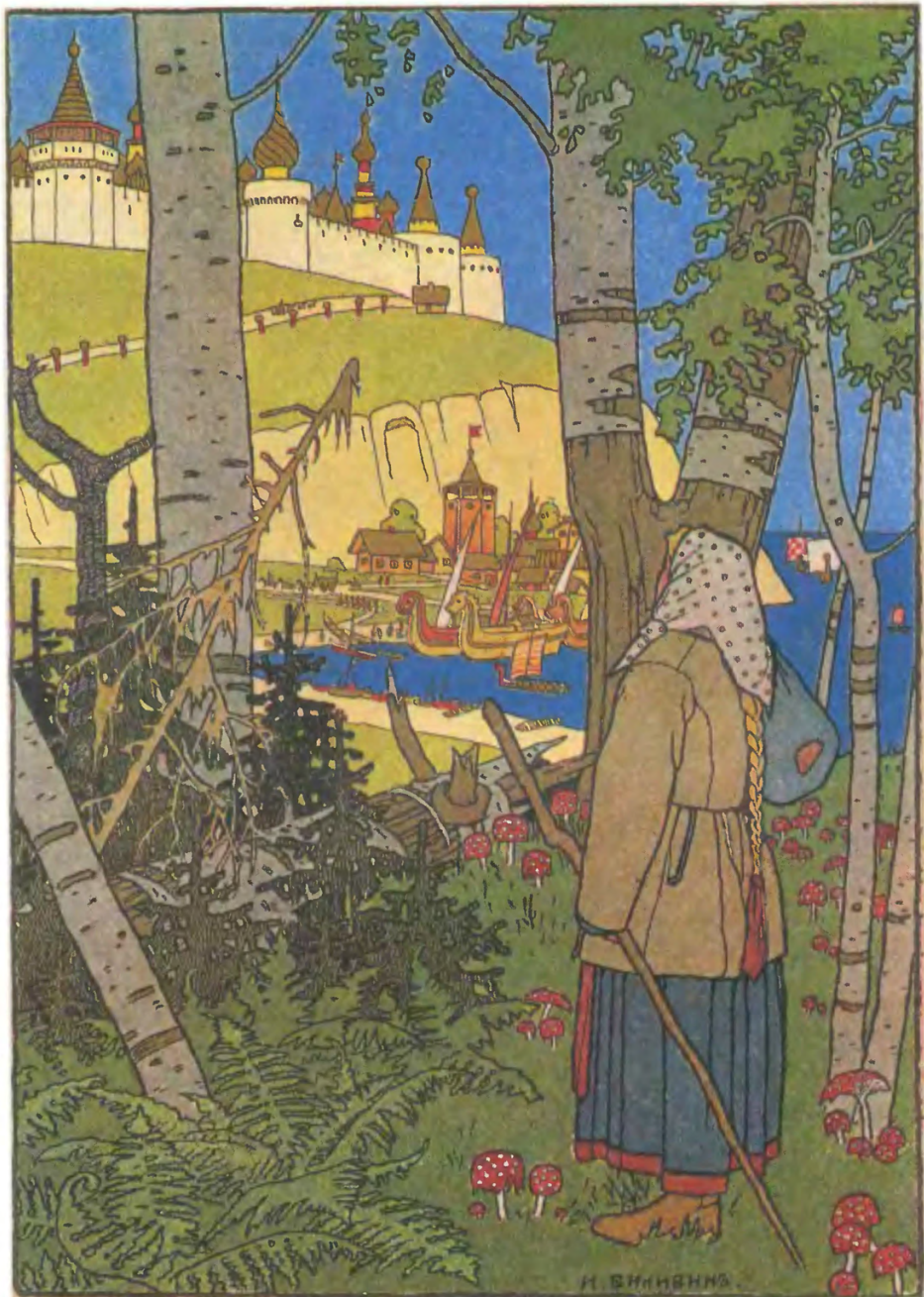
— Да разве это брито? Это так только — стрижено!

— Говори: брито.

— Нет, стрижено!

— Говори: брито.

— Нет, стрижено.



Н. ВИНЧЕНА







Муж сказал:

— Говори: брито, не то утоплю!

— Что хочешь делай, а стрижено!

Повел ее топить:

— Говори: брито!

— Нет, стрижено!

Ввел ее в глубину по самую шею и толкает, скажи да скажи: брито!

Жена и говорить не может, подняла руку из воды и двумя пальцами показывает, что стрижено.



ЖЕНА- ДОКАЗЧИЦА



ил-был старик со старухой. Не умела старуха языка держать на привязи: бывало, что ни услышит от мужа — сейчас вся деревня узнает...

Вот одна пошел старик в лес за дровами; ступил в одном месте ногою — нога провалилась.

— Что за притча! Дай-ка я стану рыть, — может, на мое счастье, что и найдется.

Взялся за лопату; копнул раз, другой, третий — и вырыл котел, полнехонек золота.

— Слава богу! Только как домой взять? От жены не укроешься, она всему свету разблаговестит; еще беды наживешь!

Подумал-подумал, зарыл котел в землю и пошел в город, купил щуку да живого зайца, щуку повесил на дерево — на самую верхушку, а зайца посадил в морду.



Приходит в избу:

— Ну, жена, какое мне счастье бог послал, только тебе сказать-то нельзя: пожалуй, всем разболтаешь!

— Скажи, старичок,— пристаёт баба,— право слово — никому не заикнусь; хочешь — побожусь, образ сниму да поцелую.

— Вот что, старуха: нашел я в лесу полдн котел золота.

— Экой ты! Пойдем поскорее, домой унесем...

— Смотри же, старая! Никому не сказывай, не то беду наживем.

— Небось, ты только не сказывай, а я не скажу!

Повел мужик бабу, дошел до того места, где щука на дереве висит, остановился, поднял вверх голову и смотрит.

— Ну, что глазеешь? Пойдем скорее!

— Да разве не видишь? Глянь, щука на дереве выросла!

— Ой ли! Полезай за нею: ужотка на ужин зажарим.

Старик слазил на дерево и достал щуку.

Пошли дальше. Шли, шли:

— Дай, старая, к реке сбегая, в морды по-смотрю.

Заглянул в морду и давай жену звать:

— Глянь-ка, заяц в морду попал!

— А коли попал, бери его поскорей — к празднику на обед пригодится.

Взял старик зайца и привел старуху в лес; отрыли вдвоем котел с золотом и потащили домой.

Дело было к вечеру; совсем потемнело.

— Старик, а старик! — говорит баба.— Никак, овцы ревут?

— Какие овцы! То нашего барина черти дерут. Шли, шли, старуха опять говорит:

— Старик, а старик! Никак, коровы ревут?
— Какие коровы! То нашего барина черти дерут.

Шли, шли; стали к деревне подходить, старуха старику говорит:

— Никак, волки ревут?

— Какие волки! То нашего барина черти дерут.

Разбогател старик со старухою. Вздурилась старуха пуще прежнего, пошла каждый день гостей зазывать да такие пиры подымать, что муж хоть из дому беги. Совсем от рук отбилась и слушаться перестала. Ругается:

— Постой! Узнаешь меня. Ты хочешь все золото себе забрать; нет, врешь! Я тебя упеку, в Сибири места не сыщешь! Сейчас пойду к барину!

Побежала к барину, завывала-заплакала:

— Так и так,— говорит,— нашел муж полон котел золота и с той самой поры начал крепко вином зашибать. Я было его уговаривать, а он меня колотить: таскал, таскал за косу, еле из рук вырвалась! Прибежала к вашей милости мое горе объявить, на негодного мужа челом бить: отберите у него все золото, чтоб работал, а не пьянствовал!

Барин позвал несколько дворовых людей и пошел к старику. Приходит в избу и закричал на него:

— Ах ты, мошенник этакий! Нашел на моей земле целый котел золота — сколько времени прошло, а мне до сих пор не доложил! Начал пьянствовать, разбойничать да жену тиранить! Подавай сейчас золото...

— Смилуйся, боярин,— отвечает старик,— я знать не знаю, ведать не ведаю: никакого золота не находил.

— Врешь ты, бесстыжие твои глаза! — напустилась на него старуха.— Пойдемте, барин, за мною; я покажу, где деньги спрятаны.



Приводит к сундуку, подняла крышку — нет ничего, пустехонек.

— Ах он, плут! Пока я ходила, в иное место перепрятал.

Тут барин пристал к старику:

— Покажи золото!

— Да где ж мне его взять? Извольте про все доподлинно допросить мою старуху.

— Ну, голубушка, расскажи мне толком, хорошенько: где и в какое время найден котел с золотом?

— Да вот, барин,— начала старуха,— шли мы лесом — еще в те поры щуку на дереве поймали...

— Опомнись,— говорит старик,— ведь ты заговариваешься!

— Нет, я не заговариваюсь, а правду сказываю, еще тут же мы зайца из морды вынули...

— Ну, пошла! Чай, теперь сам, барин, слышишь! Ну как можно, чтобы звери в реке водились, а рыба в лесу на дереве плодилась?

— Так, по-твоему, того не было? А помнишь, как мы назад шли, я сказала: «Никак, овцы режут?» А ты отвечал: «То не овцы режут, то нашего барина черти дерут!»

— С ума спятила.

— Я опять сказала: «Никак, коровы режут?» А ты: «Какие коровы! То нашего барина черти дерут». А как стали подъезжать к деревне, мне почудилось, что волки режут, а ты сказал: «Какие волки! То нашего барина черти дерут...»

Барин слушал, слушал, осерчал и ну толкать в шею старуху.



ВЕЩИЙ
ДУБ



дному доброму старичку досталась молодая жена — плутоватая баба. Он ей слово, она ему в ответ:

— Нет тебе, старый лежебок, ни пить, ни есть, ни белой рубахи надеть!

А не стерпишь — слово вымолвишь: заругается! Вот и придумал он жену выучить. Сходил в лес, принес вязанку дров и рассказывает:

— Диво дивное на свете деется: в лесу старый дуб все мне, что было, сказал и, что будет — угадал!

— Ох, и я побегу! Ведь ты знаешь, старик: у нас куры мрут, у нас скот не стоит... Пойду, авось скажет что.

— Ну, иди скорей, пока дуб говорит; а когда замолчит, слова не допросишься.

Пока жена собиралась, старик зашел вперед, влез в дубовое дупло и поджидает ее.

Пришла баба, перед дубом повалилася, замоллилася, завыла:

— Дуб дубовистый, дедушка речистый, как мне быть? Не хочу старого любить, хочу мужа ослепить; научи, чем полечить?

А дуб в ответ:

— Незачем лечить, зелья попусту губить, начни масленей кормить. Сжарь курочку под сметанкою, не скупись: пусть он ест — сама за стол не садись. Свари кашу молочную, да больше маслом полей: пускай ест — не жалеи! Напеки блинцов; попроси, поклонись, чтоб их в масло макал да побольше

съедал — и делается твой старик слепее кур слепых.

Пришла жена домой, муж на печке кряхтит.

— Эх ты, старенький мой, ай опять что болит, ай опять захирел? Хочешь: курочку убью, аль блинцов напеку, кашку маслом полью? Хочешь, что ль?

— Съел бы, а где взять?

— Не твоя печаль! Хоть ты и журишь меня, а все тебя жалко!.. На, старинушка, ешь, кушай, пей — не жалеи!

— Садись и ты со мною.

— Э, нет, зачем? Мне б только тебя напитать! Сама я там-сям перекушу — и сыта. Ешь, голубчик, помасленей ешь!

— Ох, постой, жена! Дай водицы хлебнуть.

— Да вода на столе.

— Где на столе? Я не вижу.

— Перед тобою стоит!

— Да где же? Что-то в глазах темно стало.

— Ну, полезай на печку.

— Укажи-ка, где печь? Я и печь не найду.

— Вот она, полезай скорее.

Старик сбирается головой в печь лезть.

— Да что с тобой? Ослеп, что ли?

— Ох, согрешил я, жена! Сладко съел, вот божий день и потемнел для меня. Ох-хо!

— Экое горе! Ну, лежи пока; я пойду, кое-что принесу.

Побежала, полетела, собрала гостей, и пошел пир горой. Старик всех гостей взашею прогнал, и жене досталось.



КАК МУЖ
ОТУЧИЛ ЖЕНУ
ОТ СКАЗОК



ил себе дворник. Была у него жена, которая страсть как любила сказки, и запретила она пускать к себе в постояльщики тех, кто не умел сказки сказывать. Мужу это не нравилось, он и думает: «Как бы мне жену отучить от сказок!»

Вот однажды в зимнюю пору, поздно ночью, идет себе старичок, весь иззяб, и просится переночевать. Муж выбегает к нему.

— А что,— говорит,— умеешь ты сказки сказывать? Жена не велит пущать никого, кто не умеет сказки сказывать.

Мужик видит — дело плохо, от холода чуть не мерзнет.

— Умею,— говорит.

— А долго будешь сказывать?

— Да всю ночь.

Ну, вот хорошо. Впустили мужика. Муж говорит:

— Ну, жена, вот мужик посулился всю ночь сказывать сказки, да только с тем, чтоб поперечки ему не делать и не перебивать.

Мужик говорит:

— Да, поперечки не делать, а то сказывать не буду.

Вот поужинали, легли спать; мужик и начал:

— Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду; летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...



И пошел твердить все одно и то же:

— Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...

Хозяйка слушала, слушала, да и говорит:

— Что ж это за сказка, все одно и то же твердит!

— Так для чего же ты меня перебиваешь? Ведь я говорил, чтобы мне поперечки не делать; ведь это так уж сказка сказывается вначале, а там пойдет другое.

Вот муж услышал, а ему то и нужно было, вскочил с лавки:

— Тебе сказано, чтоб ты не поперечила! И сказку не дала кончить!

Уж он ругал-ругал жену. Зареклась она с тех пор сказки слушать.



МОТОВИЛО



или муж с женой.

А жена была ленивая. Ей ничего не хотелось делать, и до того дошло у них, что у мужа даже рубашки не было. Муж и говорит:

— Жена, что же ты не прядешь?

— У меня мотовила нет; поди в лес, сруби дерево, сделай мне мотовило, и я стану прясть!

Муж взял топор и пошел в лес. А она ему сказала, где и какое дерево срубить, сама же по другой дороге побежала, нашла пустое дупло рядом с тем деревом и села в него.



Муж приходит, начинает рубить дерево, а она из дупла и говорит:

— Мужик, не делай мотовила: жена умрет!

Жалко мужику, что жена умрет, он и не стал делать мотовила. А она вперед его успела прибежать домой и легла на печку. Он приходит.

— Муж, что же ты мотовила не сделал?

— Да вот, так и так!

— То-то и дело!

Только через некоторое время мужик опять пошел мотовило делать. А она снова прибежала к дереву другой дорогой и то же прокричала. Так он и в этот раз не сделал мотовила.

И в третий раз то же. Но в четвертый он взял да и срубил дерево.

— Пусть, — говорит, — жена умрет, а сделаю мотовило!

Сделал мотовило, приносит домой, а жена раньше его домой прибежала и легла на печку. Муж и говорит:

— Вот тебе, жена, мотовило!

— Ну, как же я буду прясть? Ведь как сяду, так и умру!

Вот берет она лен — и садится прясть; напряла нитку, другую, а третью начала прясть — и стала у нее рука опускаться, а потом и сама повалилась; упала и захрипела — начала умирать. Муж и догадался, что она привередничает:

— Жена, не умирай! Я тебя воскрешу!

А она ему ничего не отвечает — дух стал хватываться.

— Жена, никак, ты умираешь?

Как взял муж плеть — как она вскочит да бежать. Куда и лень подевалась!

И стали они хорошо жить.

НЕУМЕЛАЯ ЖЕНА



Мужик стащил из лавки куль пшеничной муки. Захотелось к празднику гостей позвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку да и задумался.

— Жена! — говорит он своей бабе.— Муки-то я украл, да боюсь — узнают! Спросят: отколь ты взял такую белую муку?

— Не кручинься, мой кормилец! Я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных!



ДОГАДА



Была в лесу глупая деревня. Люди в глуши жили, широкого места никогда не видали, так уж... Был один поумнее, Догадой звали, так и тот глуп. Вот эти мужики собрались в лес на охоту и видят: в снегу дыра, а из дыры пар идет... Что такое? Стали думать, часа два думали.

— Надо Догаду спросить.

— Ну, Догада, он знает, он понимает.

И пошли все к Догаде. Приходят и говорят:

— Догада! Были мы в лесу, видели дыру, а из дыры пар идет. Что такое? Советовались, ничего не усоветовали. Скажи, пожалуйста.

А Догада на тот час с женой обедал и говорит:
— Так нельзя сказать, надо посмотреть. Вот
ужо пообедаю, пойдем все в лес.

Пообедал Догада, пошли все в лес. Догада
видит: в снегу дыра, а из дыры пар идет. Что такое?
Стал думать. Часа два думал. Ничего не придумал
и говорит:

— Так нельзя сказать, надо посмотреть. Вот что:
берите меня за ноги да суйте в дыру. Да держи-
те крепко. А как если что будет, так обратно воло-
ките.

Мужики взяли Догаду за ноги и сунули в дыру...
А там было логово! Медведь был! Он и тяпнул
Догаду за голову.

Догада ногами дергает... А те держат крепко.
Все думают: «Было что али не было?» Часа два
думали, а потом говорят:

— Что Догада сам смотрит, а нам не показы-
вает! Тащите его назад!

И вытащили одно туловище, без головы. И за-
спорили: одни говорят, что и ранее такой был, а
иные — нет, с головой!

Спорили-спорили — доспориться не могли.
Говорят:

— Надо к Догадихе пойти...

— Ну, Догадиха мужа знает. Догадиха пони-
мает. Догадиха скажет.

К Догадихе пришли и туловище приволокли.

— Скажи, пожалуйста, Догадиха, как Догада
ранее — с головой был или без головы?

А Догадиха на ответ:

— Да как обедали, бороденка болталась. А бы-
ла голова, нет, — не припомню. Мне ведь ни к чему!



БЕСПАМЯТНЫЙ

ЗЯТЬ



Пришел зять к теще в гости. Теща угостила его киселем.

Зять съел кисель и спрашивает:

— Это что за кушанье?

— Кисель.

Зятю кисель очень пришелся по вкусу; думает он: «Дома непременно заставлю жену сварить, только бы не забыть, как зовется».

Вот пошел он домой и твердит про себя: «Кисель, кисель, кисель!»

Случилась на дороге канава. Хотел зятек перескочить через нее, да поскользнулся и упал. Встал — и забыл, что ел у тещи. Думал, думал — никак не может вспомнить.

Едет мимо барин на шестерке и видит: мужик бродит в канаве.

Остановился и спрашивает:

— Что потерял, мужичок?

— Сто рублей.

— Кучер, поди поищи, — говорит барин, — а найдешь — разделим пополам.

Кучер подошел к канаве и говорит:

— Вишь как взболтал грязь-то в канаве, словно кисель!..

— Нашел, нашел! — закричал зять, выскочил из канавы и со всех ног пустился домой, а сам все кричит: — Кисель, кисель!



БЕЗЗАБОТНАЯ ЖЕНА



или-были муж с женой. Жена была баба ленивая и беззаботная, да к тому же еще и большая лакомка: все проела на орешках да на пряничках, так что наконец осталась в одной рубахе, и то в худой — изорванной.

Вот подходит большой праздник, а у бабы нечего и надеть, кроме этой рубахи. И говорит она мужу:

— Сходи-ка, муж, на рынок да купи мне к празднику рубаху.

Муж пошел на рынок, увидел, что продают гуся, и купил его вместо рубахи.

Приходит домой, жена его и спрашивает:

— Купил мне рубаху?

— Купил,— отвечает муж,— да только гуська.

А жена недослышала и говорит:

— Ну и узка, да изношу!

Сняла с себя изорванную рубаху и бросила в печку.

А потом и спрашивает:

— Где же рубаха? Дай я надену.

— Да ведь я сказал, что купил гуська, а не рубаху.

Так и осталась баба без рубахи, нагишом.



ГОРШОК



или-были мужик да баба. Оба были такие ленивые... Так и норвят дело на чужие плечи столкнуть, самим бы только не делать... И дверь-то в избу никогда на крюк не закладывали: утром-де вставай да руки протягивай, да опять крюк скидывай... И так проживем.

Вот раз баба и свари каши. А уж и каша сварилась! Румяна да рассыпчата, крупина от крупины так и отваливается. Вынула баба кашу из печи, на стол поставила, маслицем сдобрила. Съели кашу и ложки облизали... Глядь, а в горшке-то сбоку да на доньшке приварилась каша, мыть горшок надобно. Вот баба и говорит:

— Ну, мужик, я свое дело сделала — кашу сварила, а горшок тебе мыть!

— Да полно тебе! Мужиково ли дело горшки мыть! И сама вымоешь.

— А и не подумаю!

— И я не стану.

— А не станешь — пусть так стоит!

Сказала баба, сунула горшок на шесток, а сама на лавку.

Стоит горшок немытый.

— Баба, а баба! Надобно горшок-то вымыть!

— Сказано — твое дело, ты и мой!

— Ну вот что, баба! Уговор дороже денег: кто завтра первый встанет да перво слово скажет, тому и горшок мыть.

— Ладно, лезь на печь, там видно будет.

Улеглись. Мужик на печи, баба на лавке. Пришла темна ноченька, потом утро настало.

Утром-то никто и не встает. Ни тот, ни другой и не шелохнутся — не хотят горшка мыть.

Бабе надо коровушку поить, доить да в стадо гнать, а она с лавки-то и не подымается.

Соседки уже коровушек прогнали.

— Что это Маланьи-то не видать? Уж все ли поздорову?

— Да, бывает, позапозднилась. Обрато пойдём — не встретим ли...

И обратно идут — нет Маланьи.

— Да нет уж! Видно, что приключилось!

Соседка и сунься в избу. Хватя! — и дверь не заложена. Неладно что-то. Вошла, огляделась.

— Маланья, матушка!

А баба-то лежит на лавке, во все глаза глядит, сама не шелохнется.

— Почто коровушку-то не прогоняла? Ай нездоровилось?

Молчит баба.

— Да что с тобой приключилось-то? Почто молчишь?

Молчит баба, ни слова не говорит.

— Господи помилуй! Да где у тебя мужик-то?.. Василий, а Василий!

Глянула на печь, а Василий там лежит, глаза открыты — и не ворохнется.

— Что у тебя с женой-то? Ай попритчилось?

Молчит мужик, что воды в рот набрал. Всполюшилась соседка:

— Пойти сказать бабам!

Побежала по деревне:

— Ой, бабоньки! Неладно ведь у Маланьи с Василием: лежат — пластом — одна на лавке, другой на печи. Глазеньками глядят, а словечушка не молвят. Уж не порча ли напущена?

Прибежали бабы, причитают около них:

— Матушки! Да что это с вами подеялось-то?..
Маланьюшка! Васильюшка! Да почто молчите-то?
Молчат оба что убитые.

— Да бегите, бабы, за попом! Дело-то совсем
неладно выходит.

Сбегали. Пришел поп.

— Вот, батюшка, лежат оба — не шелохнутся;
глазоньки открыты, а словечушка не молвят. У ж не
попорчены ли?

Поп бороду расправил — да к печке:

— Василий, раб божий! Что приключилось-то?
Молчит мужик.

Поп — к лавке:

— Раба божия! Что с мужем-то?

Молчит баба.

Соседки поговорили, поговорили — да и вон из
избы. Дело не стоит: кому печку топить, кому ребят
кормить, у кого цыплята, у кого поросята.

Поп и говорит:

— Ну, православные, уж так-то оставить их
боязно, посидите кто-нибудь.

Той некогда, другой некогда.

— Да вот,— говорит,— бабка-то Степанида
пусть посидит, у нее не ребята плачут — одна
живет.

А бабка Степанида поклонилась и говорит:

— Да нет, батюшка, даром никто работать не
станет! А положи жалованье, так посижу.

— Да какое же тебе жалованье положить? —
спрашивает поп да повел глазами-то по избе. А у
двери висит на стенке рваная Маланьина кацавейка,
вата клоками болтается.— Да вот,— говорит поп,—
возьми кацавейку-то. Плоха, плоха, а все годится
хоть ноги прикрыть.

Только это он проговорил, а баба-то, как ошпа-
рена, скок с лавки, середь избы стала, руки в боки.

— Это что же такое? — говорит. — Мое-то добро отдавать? Сама еще поношу да из своих рученок кому хочу, тому отдам!

Ошалели все. А мужик-то этак тихонько ноги с печи спустил, склонился да и говорит:

— Ну вот, баба, ты перво слово молвила — тебе и горшок мыть.



БРЫСЬ,
ОКАЯННАЯ,
БРЫСЬ!



В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижимистый! Как сядет за стол, нарежет хлеба, сидит да на снох посматривает: то на ту, то на другую, а сам ничего не ест. Вот, глядя на него, и снохи тоже поглазеют-поглазеют, да и ползут вон из-за стола голодные. А старик после, только что уйдут они по работам, втихомолку наестся, напьется и разляжется на печи сытехонек.

Вот одна отпросилась меньшая сноха и пошла к своему отцу, к матери и стала жаловаться на свекра:

— Такой-де лютый, ненавистный! Жить нельзя! Совсем есть не дает, все ругается: ненаеды вы такие!

— Хорошо, — говорит ей отец, — я приду к вам в гости, сам посмотрю ваши порядки.

И погода денек-другой пришел он к старику вечером:

— Здорово, сват!



— Здорово!
— Я к тебе в гости; рад ли мне?
— Рад не рад, делать нечего; садись, так и гость будешь!

— Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?

— Ништо, живет себе!

— Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет.

Сели за стол; старик нарезал хлеба, сам не ест — сидит, все на снох глядит.

— Эх, сват! — говорит гость. — Это не по-нашему: у нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал — и то поел. Ну вы, бабы молодые, больше хлеба ешьте, здоровее будете!

После ужина стали спать укладываться.

— Ты, сват, где ляжешь? — спрашивает хозяин.

— Я лягу на кутничке.

— Что ты! Я тут всегда сплю, — говорит старик.

Вишь, в куте у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко; ночью, как заснут в избе, он украдкою встанет и наестся вдоволь. Сват это дело заприметил.

— Как хочешь, — говорит, — а я лягу на кутничке.

Вот улеглись все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в заловок — скрип! А гость еще с вечера припас про него большой ременный кнут; как вытянет свата раз, другой, третий — сам бьет да приговаривает:

— Брысь, окаянная, брысь!

Пришлось старику не евши спать. Вот так-то прогостил сват у свата целых три дня и заставил на́долго себя помнить.

Проводил его старик, и с тех пор полно — перестал у снох во рту куски считать.

ЛЕНИВАЯ
АРИНА



ил-был мужик Иван да жена Арина. Послал он ее в поле рожь жать.

Вот Арина пришла на полосу, выжала такое местечко, чтоб можно было одной улечься; улеглась, выпалась хорошоохонько и отправилась домой, будто и впрямь потрудилась-поработала.

— Что, жена,— спрашивает муж,— много ли сегодня выжала?

— Слава тебе господи, одно местечко выжала.

«Ну, это хорошо! — думает мужик.— Одна полоса, значит, покончена».

На другой день опять пошла Арина в поле, выжала местечко и проспала до вечера; и на третий день — то же самое, и на четвертый — то же самое; так всю неделю и проволочила.

Пора, думает мужик, за снопами в поле ехать.

Приезжает — а рожь стоит вся нежатая; кое-где, кое-где выжато местечками, да и то такими, что только человеку улечься. Стал жену искать и видит: лежит она на одном местечке да так-то храпит!

Мужик сейчас домой, захватил ножницы, воротился на жниву, остриг свою бабу наголо; сделал все это и воротился на деревню.

Вот Арина спала, спала, да, наконец, и проснулась; хватилась рукой за голову и говорит сама себе:

— Чтой-то попритчилось! Кажись, я — Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залает, так я, значит,— не Арина.



Пришла на деревню прямо к своей избе и спрашивает под окошком:

— Что, ваша Арина дома?

Муж смекнул и говорит ей:

— Дома!

Тут вылезла из-под ворот собака, не признала хозяйки и бросилась на нее словно на чужую; так за полы и хватает. Арина бегом да бегом, как бы только живой от своего дома уйти!

И пошла она бродить по полю. Мужик сжался, простил ее, и с той поры стала Арина жать бесхитростно.



КАК СТАРИК ДОМОВНИЧАЛ



дин старик все ругал свою жену:


— Вот,— говорит,— я пашу, у меня работа тяжелая, а ты дома сидишь, ничего не делаешь.

А она говорит:

— Ну что ж, давай поменяемся: я пахать поеду, а ты дома оставайся, тут дела немного, ты и отдохнешь.

Так и сделали: она в поле поехала, а старика дома оставила. А дела дала ему совсем мало: хлебы испечь, масло сбить да клушку с цыплятами покартаулить. Вот и все, всего три дела.

Остался старик дома. Хочется ему поскорее все дела переделать. Вот он всех цыплят на одну ниточку к клушке привязал, чтобы коршун не утащил, хлебы замесил, печку истопил, посадил в



печку хлеба, а сам сел масло сбивать. Бьет он масло, услышал — клушка кричит. Он выбежал, видит — понес коршун всех цыплят вместе с клушкой. Они все на одной ниточке привязаны, ну, коршун всех и потащил. Старик думает: «Он далеко не улетит, ему тяжело, где-нибудь сядет». И вот он пахталку на спину привязал и побежал за коршуном. Думал так: «Пока я бегаю, масло-то и собьется. Два дела сделаю: и коршуна догоню, и масло собью».

Бегал старик за коршуном, бегал, споткнулся да упал, пахталка разбилась, сметана по земле потекла. И цыплят не отнял, и сметану пролил. Вот тебе и два дела! Ну, что же делать? Надо идти домой.

Пришел старик домой. Надо хлеба вынимать. Заглянул в печку, а хлеба-то в уголь сгорели. Нахозяйничал старик: цыплят у него коршун утащил, сметану пролил, хлеба сгорели. Плохое дело. Жена приедет — что ей сказать? И надумал старик: «Хоть цыплят до нее высижу, поменьше ругаться будет». Положил он яиц в кошелку, залез в подпечку и сел цыплят высиживать.

Вот приехала старикова жена с поля, стала лошадь выпрягать, сама думает: «Что же старик плохо встречает? Хоть бы лошадь выпряг». Прибрала она лошадь, идет в избу. Старика нет, а под печкой клушка клохчет. Она поглядела, а там не клушка, а старик. Она его вытащила, стала спрашивать:

— Давай сказывай, что ты дома делал?

Стал старик рассказывать. И тут уж старикова жена увидала, что у ее старика ничего с домашними делами не получается.

И все у них пошло, как и прежде: старик пашет, а старуха дома со всеми делами управляет. Только с тех пор перестал старик жену за безделье ругать.

ЛЕНЬ
ДА ОТЕТЬ



или-были Лень да
Отеть.

Про Лень все знают: кто от других слышал, кто встречался, кто знает и дружбу ведет. Лень — она прилипчива: в ногах путается, руки связывает, а если голову обхватит — спать повалит.

Отеть Лени ленивее была.

День был легкий, солнышко пригревало, ветерком обдувало.

Лежали под яблоней Лень да Отеть. Яблоки спелые, румянятся и над самыми головами висят.

Лень и говорит:

— Кабы яблоко упало да мне в рот, я бы съела.

Отеть говорит:

— Лень, как тебе говорить-то не лень?

Упали яблоки Лени и Отети в рот. Лень стала зубами двигать тихо, с передышкой, а съела-таки яблоко.

Отеть говорит:

— Лень, как тебе зубами-то двигать не лень?

Надвинулась темная туча, молния ударила в яблоню. Загорела яблоня большим огнем. Жарко стало.

Лень и говорит:

— Отеть, шевелимся от огня; как жар не будет доставать, будет только тепло доходить, мы и остановимся.

Стала Лень чуть шевелить себя, далеконько шевелилась.

Отеть говорит:

— Лень, как тебе себя шевелить-то не лень?
Так Отеть голодом да огнем себя извела.

Стали люди учиться, хоть и с леностью, а учиться. Стали работать уметь, хоть и с ленью, а работать. Меньше стали драку заводить из-за каждого куска, лоскутка.

А как лень изживем — счастливо заживем.



ТРИ КАЛАЧА
И ОДНА
БАРАНКА



дному мужику хотелось есть. Он купил калач и съел — ему все еще хотелось есть. Купил другой калач и съел — ему все еще хотелось есть. Он купил третий калач и съел — ему все еще хотелось есть. Потом он купил баранок и, когда съел одну, стал сыт.

Тогда мужик ударил себя по голове и сказал:
— Экой я дурак! Что ж я напрасно съел столько калачей. Мне бы надо сначала съесть одну баранку.



НАГОВОРНАЯ ВОДИЦА



или-были муж с женой. Смолоду они жили всем на загляденье, а под старость — словно их кто подменил. Только спустит утром старик ноги с печки, как уж и пошла промеж ним и старухой перебранка. Он старухе слово, а она ему два, он ей два, а она ему пять, он пять, а она десять. И такой вихорь завьется промеж них, хоть из избы вон беги.

А разбираться начнут — виноватого нет.

— Да с чего б это у нас, старуха, а? — скажет старик.

— Да все ты, старый, ты все!..

— Да полно! Я ли? Не ты ли? С долгим-то языком!..

— Не я, да ты!

— Ты, да не я!

И снова здорово: опять ссора промеж них за-теялась. Вот раз слушала их соседка и говорит:

— Маремьянушка, что это у тебя со старым-то всё нелады да нелады. Сходила б ты на край села к бобылке. Бобылка на водицу шепчет... Людям помогает, авось и тебе поможет.

«А и впрямь,— подумала старуха,— схожу к бобылке...»

Пришла к бобылке,— постучала в окошко. Та вышла.

— Что,— спрашивает,— старушечка, тебе надобно?

— Да вот,— отвечает бабка,— пошли у нас нелады со стариком.

— А подожди,— говорит бобылка,— немного. И сама — в дом.

Вынесла старухе воды в деревянном ковше да при ней же на ту воду пошептала. Потом перелила ее в стеклянную посудину, подает и говорит:

— Как домой придешь да как зашумит у тебя старик-то, так ты водицы-то и хлебни; да не плюнь, не глотни, а держи во рту-то, пока он не угомонится... Все ладно и будет!

Поклонилась старуха бобылке, взяла посудину с водой — и домой. И только ногу за порог занесла, как старик на нее и напустился:

— Ох уж мне эти бабы-стрекотухи! Как пойдут, так словно провалятся! Давным-давно самовар пора ставить, а ты думать забыла! И где это ты запропала?..

Отхлебнула старуха из стеклянной посуды, да не плюнула, не проглотила, а, как велела бобылка, держит во рту.

А старик видит, что она не отвечает, и сам замолчал. Обрадовалась старуха: «А и впрямь, видеть, что водица эта наговорная целебная!»

Поставила посудину с водой, а сама — за самовар да и загреми трубой.

Услышал это старик:

— Эка нескладна-неладна! Не тем концом руки, видать, воткнуты!

А старуха хотела было ему ответить, да вспомнила наказ бобылки — и опять за водицу! Хлебнула и держит во рту.

Видит старик, что старуха ни словечка ему супротивного не говорит, дался диву и... замолчал.

И пошло промеж них с той поры все как по-писаному: снова, как в молодые годы, людям на загляденье. Потому, как только начнет старик шуметь, старуха сейчас — за наговорную водицу!

Вот она, сила-то, в ней какая!

КУДА, МИЛЕНЬКИЙ,
СНАРЯЖАЕШЬСЯ?



уда, миленький, снаряжаешься?

- Не скажу.
- Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?
- В город на ярманку.
- Миленький, возьми меня с собой!
- Не возьму.
- Возьми, мой дорогой, меня с собой.
- Садись на самый краешек.
- Что у тебя, миленький, в возу?
- Не скажу.
- Что, мой дорогой, в возу?
- Яблоки.
- Дай мне, миленький, яблочко.
- Не дам.
- Дай, дорогой, яблочко.
- Возьми одно — с бочком, да не ройся!



РЫБАЦКАЯ
И ОХОТНИЧЬЯ
БАЙКИ



стретились рыбак и охотник и разговорились.

- Раз,— говорит рыбак,— у меня клюнула щу-

ка. Я ее тащить, а она такая сильная да большая, — думаю, ее мне в лодку не втащить. Взял топор, тукнул — и разрубил пополам. Голова ушла, а хвост остался. Ну, взял хвост, принес домой... А на следующий год на этом же самом месте закинул блесну — опять эта щука схватила, без хвоста.

— Бывает... А вот у меня была собака. Пойду на охоту, она заметит зайца, сделает стойку и поднимет лапу: один заяц, значит! А попадутся два зайца — две лапы поднимет; три зайца — три лапы, а на одной стоит.

— Ну, а — четыре зайца?

— Четыре? Тогда она четыре лапы поднимает.

— А на чем же, — спрашивает рыбак, — она стоит?

— Как на чем?.. На хвосте!



ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ



или-были два братца, два братца — кулик да журавль. Накосили они стожок сенца, поставили среди польца. Не сказать ли сказку опять с конца?

* * *

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец; тут и сказке конец.



* * *

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с начала?

* * *

— Сказать ли тебе сказку про белого бычка?

— Скажи.

— Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?

— Скажи.

— Ты скажи, да я скажи, да чего у нас будет, да докуль это будет! Сказать ли тебе сказку про белого бычка?

* * *

— Рассказать ли тебе докучную сказочку?

— Расскажи.

— Ты говоришь: расскажи, я говорю: расскажи; рассказать ли тебе докучную сказочку?

— Не надо.

— Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо; рассказать ли тебе докучную сказочку?.. и т. д.



Малоупотребительные и местные слова

Ажно — даже.

Али, аль — или.

Алтáрь — главная часть церкви.

Алтáйн — в старину монета стоимостью в три копейки.

Амунџия — военная одежда, форма.

Ан — а, ну.

Аржанóй — ржаной.

Артéль — здесь: коллектив; делать что-либо артелью — объединив усилия.

Архиерéй — высший духовный чин.

Афанáсьев день — день 18 января (здесь и далее по старому стилю); в этот день обычно морозы.

Бáять — говорить, рассказывать.

Берёзовая баня — наказание березовыми розгами.

Берёмя — ноша, охапка, сколько можно обхватить руками.

Бирюк — волк.

Бирюч — глашатай, объявлял указы на улицах и площадях.

Большуха — старшая в доме, хозяйка.

Боровѣнка, боровѣина — сухое, песчаное место, суходол, пригорье.

Бóтник — небольшая долбленая лодка.

Брус — здесь: средняя балка, бревно.

Бурав — сверло, инструмент для проверчивания отверстий.



Вата́житься — знаться, общаться, дружить, вести знакомство.
Вене́ц (у избяного сруба) — один ряд соединенных между собой бревен.

Веретенó, веретёшечко, веретёнышко — стержень для навивания нити.

Верста́ — старинная мера длины, чуть больше километра.

Ве́ршник — посыльный, верховой.

Вершо́к — старинная мера длины, равна 4,4 см.

Вечёрня — вечерняя церковная служба.

Вжи́ве нет — нет в живых.

Вилова́тая (сосна) — развиллистая, с развиллиной.

В ко́рень (запрячь) — о лошади в оглоблях в отличие от пристяжки.

Волоки́та — здесь: беспокойство по судебным делам.

Вóлость — административный центр в сельской местности.

Вольи́нский двор.— **Двор** — в старину здание или заведение с особым назначением: монетный, посольский и др. На Вольинском дворе обрабатывали кожи, делали кожаные мехи с дудками; здесь: иронически о яме, куда сваливали падший скот.

Враз — все вместе, разом, одновременно.

В ра́мню, в ра́мне.— **Рамене́** — лес рядом с полями, пашней, дорогой.

В споре дело — дело спорится, идет.

В сугóн — в погоню.

Вчистую́ — об окончательной отставке, уволен совсем.

Вы́кинуть (о ржи) — взойти, дать ростки.

Вы́парить — здесь: высидеть.

Вы́рыснуть — ехать рысью.

Вы́сить — возвышать, высоко подвешивать.

Гауптва́хта — военное караульное помещение.

Гвоздь — деревянная затычка в бочке.

Гнус — таежная мошка.

Годи́на — здесь: время, час.

Го́жа — годится.

Го́лик — березовый веник без листьев.

Го́ль — оборванцы, нищие.

Го́разд — умеет.

Го́рнишна — горничная, служанка.

Гра́мотка — письмецо.

Гребё́лька — узкая плотина на реке.

Гривна́ — денежная единица в Древней Руси — серебряный слиток весом около фунта.

Гря́дка — перекладина в избе; полка.

Гумно́ — место, где молотят, а также — сарай для сжатого хлеба.



Дво́ить — делить надвое.

Де́вушка-поко́вка — служанка, в обязанности которой входили уборка покоя — комнаты и прислуживание госпоже.

Де́жа — посуда.

Дергу́н — птица дергач, коростель.

Деся́тник — ответственное лицо от десяти дворов; старший в рабочей артели.

Де́яться — здесь: происходить, свершаться.

До́браться — здесь: доискаться, установить.

Домови́ще — гроб.

До́нце — дощечка у прялки, на нее садится пряжа.

До́слева — до сих пор.

До́спеть — сработать, добыть, доставить.

До́сюль — доселе, в давние времена.

До́хтур — доктор.

До́вни — сани для возки дров, леса и тяжестей.

До́мное (об окошке) — дымник, отверстие для выхода дыма в полке, стене.

Его́рьев день — день 23 апреля, с этого дня выгоняют скотину в поле, начинают пахоту и другие работы.

Епанча́ — старинный длинный плащ-накидка.

Жерновцы́ — небольшая меленка: два камня, между которыми зерно смальвается в муку.

Живо́ты — здесь: достаток, богатство, имущество.

Забрíть лоб — остричь волосы у новобранца, рекрута.

Зага́нуть — загадать.

Загнётка — место перед топкой, куда сгребают жар — угли.

За́годя — заранее.

Задо́лить (о сне) — здесь: осилить, сморить.

За́лог — здесь: ставка в споре.

Заповё́довать — приказывать, наказывать, велеть.

Запустѝшить — опустошить.

За́рѝд — скирда продольной кладки.

Заспа́ть — придавить во сне.

Заста́вка — запрудный заслон, щит, которым задерживают воду.

Ива́н Купа́ла, Ива́нов день — день 24 июня, народный крестьянский праздник; в этот день собирали травы, прыгали через костры, купались; в ночь на Купалу будто бы расцветает папоротник, и им открывают клады.

Игу́мен — настоятель монастыря, старший над монахами.

Идучи — идя.

Ильи́н день — день 20 июля, народный крестьянский праздник в честь Ильи-пророка; поспешую к этому дню рожь начинают жать.

Инда — даже, так что, что даже.



Иноходец — конь, бегающий иноходью: заносит обе ноги одного бока вместе.

Ископытъ — земля из-под копыта бегущего коня.

Исповедь — признание в чем-либо; на исповеди священник выслушивал признание верующего в совершенных «грехах».

Исполать вам! — Хвала, слава вам!

Ихний — их.

Кадило — сосуд для окуривания ладаном.

Калика перехожая — странник, от слова «калига» — название обуви странника.

Калиновые мосты — мощенная калиной — хворостом — дорога по болоту; просто — мосты.

Канун — мед и пиво, приготавливаемые к церковному празднику.

Кар-каратайте. — *Кар* — звукоподражание вороньему крику; *каратайте* — вероятно, от слова «карать».

Кашница — суп с крупой; кушанье из толокна на кипяченой воде.

Квашня — деревянная кадка для теста.

Клеть — кладовая; сарай.

Кленье — части одежды.

Клирос — место для певчих в церкви, на возвышении, слева и справа от царских врат (см.).

Ключ — родник.

Кожух, кожуха — овчинная шуба.

Кокбра — сухое дерево, вырванное с корнем; *кокбрина* — коряга.

Кокбишник — женский головной убор в виде округлого щитка.

Колбда — павшее толстое дерево, а также толстый обрубок.

Колбодочка — обструганный короткий деревянный брусок.

Колпак земли греческой — головной убор странника по святым местам в Византии («земля греческая») и других странах.

Конёк — здесь: крыша над сенями.

Копари — землекопы.

Корёц — ковш.

Корить — укорять, упрекать, ставить в вину, бранить.

Кробья — сундук, ящик, большая корзина.

Косарь — большой нож; обломок косы.

Косая сажень — древнерусская мера длины, расстояние от пальцев ноги до конца пальцев вытянутой руки по диагонали, равна 216 см.

Коты — полусапожки, ботинки, башмаки.

Кочедычок, кочедык — лапотное шило.

Кочеток — петух.

Красный стул — почетное место в суде, сиденье со спинкой или без него, обитое, резное.

Кремень — камень, из которого высекают искру.

Кропачишко — от слова «кропотать», у которого был разный смысл — суетиться, браниться, заботиться; здесь (о Ерше): забияка, суетливый и драчливый.



Крѳсна — домашний ткацкий станок.

Кругище — почти отвесная круча.

Круго — быстро.

Кудель — пучок льна или шерсти, приготовленный для пряжи.

Кут — угол в доме; в куте против печи хранили еду.

Кутник, кутничек — лавка около печи, у входной двери.

Кутья — ячменная или пшеничная каша с изюмом, еда на поминках.

Лабаз — амбар.

Ладнь — ток, ровное, очищенное от травы место, где молотят.

Лощина — ложбина, низменность.

Лубяной — от слова «луб» — плотная часть липового подкорья; из луба делали короба, крыши и пр.

Лыгать — уклоняться от дела, празднично проводить время.

Майна — полынья.

Маленка — мера для измерения сыпучих тел; считали ее равной 16 кг овса, 24 кг ржи и 32 кг пшеницы.

Матереть — входить в возраст, становиться сильным.

Матерый — в возрасте, большой, огромный, здоровый, тучный.

Мёд стоялый — старинный напиток из меда с водою, приправленный пряностями; *стоялый* — старый, выдержанный.

Мера — то же, что маленка.

Мерёжка — сеть; здесь: паутина.

Мир — община.

Миряне — живущие миром крестьяне.

Молёбен — краткая церковная служба.

Моль — мелкая рыба.

Морда — рыболовная снасть, плетеная верша.

Московские крепости — в Древней Руси судебный документ, выданный властями на право владения собственностью.

Мотовило — мотальное приспособление, палка, на которую наматывается пряжа.

Мотыга — ручное земледельческое орудие, служит для прополки, рыхления, окучивания и пр.

Музыка — здесь: музыкальные инструменты.

Набольший — самый большой, старший.

На весь стан — на все колеса.

Насадить (о лошади) — здесь: загнать лошадь.

Назанный (со словами: отец, брат и пр.) — неродной, приемный.

Наместо — вместо.

Наполдень — на юг.

Нагакать — здесь: научить, посоветовать, настроить.

Немцы — чужестранцы.

Не покинет — здесь: не оставит.



Неря́шиться — ходить неряхой, одеваться неряшливо, небрежно.

Не спра́шите — не спрашиваете.

Нётель, нётелка — молодая, нетелившаяся корова.

Нови́на — еще не паханная земля; здесь: вырубленное место.

Обво́ды — здесь: каемки, украшения у одежды.

Обе́дня — церковная служба, совершаемая утром или в первую половину дня.

Обка́титься — облить себя водой.

Обночева́ться — приготовиться ко сну.

Обо́рка, обо́ра — веревка, тесьма, ею обвязывали онучи и привязывали лапти.

Обро́тка, оброть — узда без удил и с одним поводом для привязи; здесь: веревка.

Общество — здесь: мир (см.).

Овчи́на — овчинная шкура.

Однова́ — один раз, только раз.

Одолби́ть — здесь: склевать.

Око́лица — изгородь вокруг селения, округа.

Окб́нища — рама, оконный переплет.

Оме́т — большой ворох, стог сена или соломы.

Опалі́ться — разгневаться, подвергнуть каре.

Опа́ра — тесто в квашне, заправленное дрожжами или закваской.

Опра́вить — оправдать.

Опри́чь — кроме, помимо.

Ора́ть — пахать.

Оста́тний — последний.

Остов — костяк, скелет.

Отеть — крайняя степень лени.

Отжи́ть — здесь: отогнать, отвадить, прогнать.

От па́схи до рождества́ — от весны до зимы.

Ошме́ток — сношенный, стоптанный лапоть.

Па́дла — падаль.

Па́лица — тяжелая дубина, в старину — боевое оружие.

Панихи́да — здесь: отпевание умершего.

Па́перть — площадка перед входом в церковь.

Паруси́нник — матросский плащ, парусиновая одежда.

Па́хталка — кадушка для сбивания масла, маслобойка.

Перст — палец.

Петро́в день — 29 июня.

Плаче́я — плакальщица, ее нанимали оплакивать покойника.

Плету́шка — небольшая ручная корзина.

Побата́литься (от слова «баталия» — сражение, бой) — воевать, сражаться.

Побели́ть и в тру́бы поката́ть (о холсте) — холстины выбеливали на солнце, а затем скатывали.



Пове́ршигь — поставить, установить сверху; *повершигь дело* — свершить.

Повбѣй — прием новорожденного.

Подпахать — подмести, убрать.

Подузбочек — недоуздок, узда без удила.

Показаться — здесь: понравиться.

Покѣнуть — здесь: оставить.

Покѣй — комната, горница, палата.

Пола́ (о форточке) — открыта.

Полая вода́ — весенняя, разлившаяся после вскрытия реки.

Поленѣца — богатырка.

Поло́ва — отвеянная лузга, мякина.

Полово́й — слуга в гостинице, трактире.

Поло́н — плен.

Полоня́нка — пленница.

Полно́прица — длина пути около двадцати верст.

Польско́й (о тетереве) — обитающий в поле.

Пономарский (о доме) — принадлежащий пономарю, церковному служке.

Понѣне — по сей день, по настоящее время.

Понятѣй — лицо, привлекаемое властями при обыске и других действиях для засвидетельствования фактов.

Попрѣтчиться — здесь: случиться, произойти.

Порѣи́ть — здесь: убить.

Порте́ное подо́плече́. — *Порте́ное* — портяное, холщовое; *подо́плече́* — подкладка у рубахи, от плеч по спине и груди.

Пору́ха — урон.

Пору́шить — разрушить.

Пору́чу напусти́ть — наслать болезнь посредством наговора и магических действий.

Поряди́гь — взять работника на известных условиях (см. *ряди́ться*).

Поско́тина — выгон, место, где пасут скот.

По́сох — длинная трость.

Постѣлка — здесь: пеленка.

Постѣйщик — ночлежник, временно проживающий у хозяина дома.

Посу́л — обещание; здесь: взятка, подарок.

По́тничек — войлок под седлом.

Похѣтник — похититель, вор.

Поча́ть — начать.

Правѣльное перѣ — крайнее в крыле, особого вида.

Прельца́ть — увлекать, манить; здесь: хитрить, обмануть.

Прикорна́ть — погубить.

Приня́ть закон — жениться.

Притира́ться — здесь: натираться разными мазями, надушиться благовониями.

Прѣтча — здесь: непонятное, труднообъяснимое явление.



- Приход служить* — служба в церковной округе.
Прихожәне — люди одного церковного прихода.
Причитывать — говорить заговорные слова.
Провáлище — вход в подземелье.
Промáйчить — здесь: прожить.
Прóмысел — здесь: добыча.
Просв́ира — хлебцы особой формы, которым духовенство придавало священное значение.
Просв́ирня — женщина при церкви, пекла просвиры.
Прóстенъ — количество пряжи, выпрядываемой на одно веретено.
Прост́ины — прощанье.
Проф́урать — здесь: раскидать по дороге, утратить, растерять.
Прыск (лошадиный) — мах, скок.
Пряжón (от «пряжить») — жарить в масле) — жарен.
Пуд — старая мера веса — 16 кг.
Пьяна́ (о козе) — напоена.
- Разблáговестить* — сообщить, сказать.
Расстлáть огонёк — разложить костер, огонек.
Рассб́лочка — посылная.
Рев́ут (об овцах) — блеют, кричат.
Рёкрут — взятый по набору на военную службу, новобранец.
Рíза — верхнее облачение священника во время службы.
Рóзна (о лодке) — худая, со щелями.
Рука́ мёртвая. — существовало поверье, что рука от мертвеца наводит на спящих непробудный сон.
Рухлядь — здесь: тарантас и пр.
Рушник — полотенце.
Ры́бник — пирог с запеченной рыбой.
Ря́да — договор, условие.
Ряди́ться — уговариваться.
Ряди́ть — здесь: судить, выносить решение.
- Сáжень* — древнерусская мера длины, расстояние размаха рук от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой.
Саламáта — жидкий кисель, мучная кашка.
Сара́цинский — восточный, азиатский вообще.
Свара́косить — солгать, выдумать, сделать как попало.
Свеж́ина — свежее мясо.
Сверста́ться — здесь: поравняться.
Св́агон — обряды, предшествующие свадьбе: сватовство, смотрины, рукобитье и пр.
Седáло — насест, жердь, на которой ночует домашняя птица.
Седок — ездок, путник.
Сквозь строй прогу́ляться — быть подвергнутым наказанию: наказуемого вели сквозь строй солдат, и каждый бил его палкой.
Скелáть (лучину) — колоть.



Скирд, *скирдá* — долгая большая кладь сена или хлеба.

Скопá — хищная птица, орлик.

Скрýчить — затянуть веревку, скрутить ношу.

Слízом — подлизав дочиста.

Словесá — слова; здесь: речь.

Слúжба — здесь: богослужение.

Смéта — счет.

Снаря́ды — одежда.

Снохá — жена сына.

Собóровать — свершать церковный обряд помазания особым маслом.

Сбóд — бродильный продукт из проросших смолотых хлебных зерен.

Сорóга — рыба плотва.

Сóрок сорокóв. — В старину считали сороками: первое сорок, второе сорок и пр.

Сóтник — казачий чин, предводитель сотни.

Сошничóк — сошник, наконечник сохи или плуга, подрезающий пласт земли.

Србичное врéмя — определенное время, положенное по сроку.

Срядítься — собраться, одеться.

Становище — приют, стан в лесу, а также бухта, пристань.

Стеж́и — здесь: хлесткие удары.

Сточítь — изгрызть.

Стояро́стское — прямо растущее, стоящее стоймя.

Строева́я оде́жда — форма, форменная одежда.

Стружо́к — струг, лодка, челн.

Стру́к — стручок.

Ступá — тихая поступь, шаг.

Сумне́ние — сомнение.

Супро́тив — против.

Сусéк — ларь, в котором хранится мука или зерно.

Сычéное (о яблоке) — моченое; в сладком сиропе.

Тага́н — железный обруч на ножках, под ним разводят огонь.

Таратаи́те — вероятно, от слова «таратайка» в значении плетка; *таратаи́ть* — следовательно, бить.

Теребе́нь — постоянный посетитель кабака, завсегдатай.

Тесáк — палаш, короткая сабля.

Тóкмо — только.

Тóржище — торг, рынок.

Торовáтый — щедрый.

Точítь (о хлебе) — поедать.

Тупи́ца — затупленный топор, служит для колки льда, для рубки костей.

Ту́гошний — здешний, местный.

Тьма — здесь: множество.

Тя́гло — подать, оброк.



Убра́ться — нарядиться.

Ужна — вечерний стол, ужин.

Ужо́ — потом.

Ужо́тко — от «ужо», в скором времени, потом.

Узде́чка набо́рная — узда с медными бляхами разного вида.

Уро́чный (день) — условленный, определенный.

Уря́дник — нижний чин в полиции.

Устье, у́стье — наружное отверстие в русской печи.

Утресь — в прошедшее утро.

Ухва́т — палка с металлической рогаткой для подхватывания горшков, чугунов, которые ставят в печь.

Фунт — старинная мера веса, чуть больше 400 г.

Хлеб да соль — здесь: гостеприимство.

Хле́бы — питание, сытость.

Холсти́на — холст.

Хоро́мы — строение, палаты, большой дом.

Ца́рские воро́та, врата́ — средние двери в церковном иконостасе.

Целова́льник — трактирщик, содержатель кабака.

Цеп — орудие молотьбы, палка с лопастью.

Челобитье́ — здесь: поклон, обращение, просьба.

Чёрная (о рубахе) — грубая, будничная, рабочая.

Шабёр — сосед.

Шесто́к — площадка перед топкой у русской печи.

Шипо́к — шина, железный обруч на колесе.

Ширинка — полотенце.

Шкво́рень — шворень, болт, стержень, на нем ходит передок повозки.

Ялик — небольшое гребное судно.

Яломок — войлочный колпак.

Ярица — яровое, овес, ячмень или рожь; *яристая* — спелая, сильная.

Яру́га — крутой овраг.

Содержание

<i>В. П. Аникин.</i> Всемирная сказка	3
<i>В. П. Аникин.</i> Русская фольклорная сказка	11
Присказка	19
Морской царь и Василиса Премудрая. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	21
Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. (В обработке А. Н. Толстого)	31
Иван — коровий сын. (В обработке А. Н. Толстого)	51
Иван-царевич и серый волк. (В обработке А. Н. Толстого).	61
Финист — ясный сокол. (Из сборника «Сказки» А. Н. Корольковой)	70
Царевна-лягушка. (В обработке А. Н. Толстого)	79
Баба-яга. (В обработке М. А. Булатова)	86
Сказка о молодильных яблоках и живой воде. (В обработке А. Н. Толстого)	91
Деревянный орел. (В обработке Н. П. Колпаковой)	107
Летучий корабль. (В обработке М. А. Булатова)	114
Медное, серебряное и золотое царства. (В обработке И. В. Карнауховой)	125
Сивка-бурка. (В обработке А. Н. Толстого)	135
Хрустальная гора. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	141
Притворная болезнь. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	144

Марья Моревна. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	149
Чудесная рубашка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	161
Волшебное кольцо. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	167
Ведьма и Солнцева сестра. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	183
Гуси-лебеди. (В обработке А. Н. Толстого)	187
Терёшечка. (В обработке А. Н. Толстого)	191
Морозко. (В обработке А. Н. Толстого)	195
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка. (В обработке А. Н. Толстого)	199
Дочь и падчерица. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)	202
Арьсь-поле. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	205
Хаврошечка. (В обработке А. Н. Толстого)	206
Чивы, чивы, чивычок... (В обработке А. Н. Толстого)	210
Кривая уточка. (В обработке А. Н. Толстого)	212
Чернушка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	213
Девушка в колодеце. (Из сборника И. В. Карнауховой)	215
Козел. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	218
Белая уточка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	221
Волшебная дудочка. (В пересказе А. Н. Нечаева)	225
Иван-царевич и Белый Полянин. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина).	229
Королевич и его дядька. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	237
Булат-молодец. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	244
Окаменелое царство. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	255
Во лбу солнце, на затылке месяц, по бокам звезды. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	258
Скорый гонец. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	262
Царевна-змея. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	270
Заколдованная королева. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	275
Вещий сон. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	283

Птичий язык. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	294
Вещий мальчик. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	297
Соль. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	301
Два Ивана — солдатских сына. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	306
Семь Симеонов. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	321
Никита Кожемяка. (В пересказе К. Д. Ушинского)	327
Фома Беренников. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	329
Петр Великий и кузнец. (Из сборника «Сказки Ф. П. Господарева»)	333
Петр I и мужик. (В пересказе Л. Н. Толстого)	335
Хитрая наука. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	336
Скатерть, баранчик и сума. (В пересказе М. А. Булатова)	343
Про глупого змея и умного солдата. (В пересказе М. А. Булатова)	348
Мальчик с пальчик. (В обработке А. Н. Толстого)	353
Солнце, Месяц и Ворон Воронович. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	355
Глиняный парень. (В обработке А. Н. Толстого)	358
Кузьма Скоробогатый. (В обработке А. Н. Толстого)	359
Снегурушка и лиса. (В обработке А. Н. Толстого)	365
Лисичка-сестричка и волк. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)	367
Лиса и заяц. (В обработке А. Н. Толстого)	370
Лиса и кувшин. (В пересказе К. Д. Ушинского)	373
Лиса и журавль. (В обработке А. Н. Толстого)	—
Как лиса училась летать. (В обработке А. Н. Толстого)	375
Лиса и рак. (В обработке А. Н. Толстого)	376
Петушок — золотой гребешок. (В обработке А. Н. Толстого)	—
Лиса и тетерев. (В пересказе Л. Н. Толстого)	380
Лиса-исповедница. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	381
Лиса и дрозд. (В обработке А. Н. Толстого)	382
Кот и лиса. (В обработке А. Н. Толстого)	385
Лиса и козел. (В пересказе К. Д. Ушинского)	389
Медведь и лиса. (В обработке А. Н. Толстого)	390
Звери в яме. (В обработке А. Н. Толстого)	392
Зимовье зверей. (В обработке А. Н. Толстого)	396
Лиса-странница. (Из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии», в обработке В. П. Аникина)	400
У страха глаза велики (Из сборника М. М. Серовой)	401

Хитрый козел. (Из сборника В. Н. Серебренникова, в обработке В. П. Аникина)	402
Глупый волк (В обработке А. Н. Толстого)	403
Как волк стал птичкой. (Из сборника «Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века)», в пересказе В. П. Аникина)	405
Волк, перепелка и дергун. (Из сборника Т. М. Акимовой, в обработке В. П. Аникина)	406
Как лиса шила волку шубу. (Из сборника Н. К. Митропольской)	407
Овца, лиса и волк. (В обработке А. Н. Толстого)	408
Волк и козлята. (В обработке А. Н. Толстого)	409
Коза-дереза. (В обработке А. Н. Толстого)	412
Нет козы с орехами. (В обработке А. Н. Толстого)	416
Где, коза, была? (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	418
Заяц-хваста. (В обработке А. Н. Толстого)	419
Зайцы и лягушки. (В пересказе Л. Н. Толстого)	420
Байка про тетерева. (В обработке А. Н. Толстого)	—
Журавль и цапля. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)	421
Ворона и рак. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)	422
Бобовое зернышко. (В обработке А. Н. Толстого)	423
Кочеток и курочка. (В обработке А. Н. Толстого)	425
Курочка, мышка и тетерев. (Из сборника Н. К. Митропольской)	426
Старик и волк. (В обработке А. Н. Толстого)	427
Кот — серый лоб, козел да баран. (В обработке А. Н. Толстого)	429
Лиса-плачя. (В обработке А. Н. Толстого)	433
Мужик и медведь. (В обработке А. Н. Толстого)	434
Бабка и медведь. (Из сборника И. В. Карнауховой, в пересказе В. П. Аникина)	436
Медведь — липовая нога. (В обработке А. Н. Толстого)	437
Маша и медведь. (В пересказе М. А. Булатова)	439
Петушок — золотой гребешок и жерновцы. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)	442
Как старуха нашла лапоть. (В обработке А. Н. Толстого)	445
Лев, щука и человек. (В обработке А. Н. Толстого)	448
Война грибов. (В обработке А. Н. Толстого)	450
Мизгирь. (В обработке А. Н. Толстого)	451
О щуке зубастой. (В обработке А. Н. Толстого)	452
Репа. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	453
О Ваське-Муське. (Из сборника «Перстенок — двенадцать ставешков»)	454
Пузырь, соломинка и лапоть. (В обработке А. Н. Толстого)	455

Теремок. (В обработке А. Н. Толстого)	456
Колобок. (В обработке А. Н. Толстого)	458
Репка. (В обработке А. Н. Толстого)	461
Яичко. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)	462
По щучьему веленью. (В обработке А. Н. Толстого)	464
Дочь-семилетка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)	472
Мудрые ответы. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)	476
Царь, старик и бояре. (Из сборника Н. Е. Ончукова, в обработке В. П. Аникина)	478
Посуленная половина. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	479
Неразгаданная загадка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	480
Мудрая дева. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	482
Царица-гуслияр. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	484
Пастушья дудочка. (В пересказе М. А. Булатова)	487
Шабарша. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	492
Лихо одноглазое. (В пересказе К. Д. Ушинского)	496
Правда и Кривда. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	499
Иванушко-дурочок. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	500
Иванушка и домовой. (Из сборника Б. и Ю. Соколовых)	504
За дурной головой — ногам работа! (В пересказе И. В. Воробьевой)	505
Дорогой обед. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	—
Батюшка, отпусти! (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	506
Заяц. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	—
Брат и сестра. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	507
Глупый жених. (Из сборника И. В. Карнауховой)	508
Глупый мужик. (Из сборника Н. А. Иваницкого)	—
Коли утонешь. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	511
Фома и Ерема. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	—
Пришли вятские в Москву. (Из сборника Д. М. Молдавского «Русская сатирическая сказка»)	512

Дурак и береза. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)	—
Набитый дурак. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	514
Как Иван-дурак дверь стерег. (Из сборника В. Н. Серебренникова, в обработке В. П. Аникина)	516
Лутонюшка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» и сборника А. М. Смирнова)	—
С того свету выходец. (Из сборника «Господин Леший, господин Барин и мы с Мужиком»)	519
Я бы спрятался! (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	521
Извозчик и лошадь. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	—
Про нужду. (Из сборника Д. Н. Садовникова)	522
Сердитая барыня. (Из сборника Б. и Ю. Соколовых)	524
Умный работник. (В пересказе А. Н. Нечаева)	526
Глупая барыня. (В обработке М. М. Сергеенко)	532
Как мужик гусей делил. (В пересказе Л. Н. Толстого)	534
Мужик и барин. (Из сборника Н. А. Иваницкого, в обработке В. П. Аникина)	535
Барин и гусак. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	540
Барин и собака. (Из сборника «Сказки Карельского Беломорья»)	542
Афонька! Где был-побывал?.. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	545
Чего на свете не бывает. (Из сборника «Народные сказки Костромской губернии»)	547
Барин и староста. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	550
Барин лает в церкви. (Из сборника Д. М. Молдавского «Русская сатирическая сказка»)	552
Барин-слуга. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Заветные сказки»)	553
Что на базар везешь? (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	554
Барин-кузнец. (Из сборника Д. Н. Садовникова)	555
Как барин овцу купил. (Из сборника Д. Н. Садовникова)	556
Ночь на Ивана Купалу. (Из сборника И. А. Худякова, в обработке В. П. Аникина)	558
Щука с хреном. (Из сборника «Господин Леший, господин Барин и мы с Мужиком», в пересказе В. П. Аникина)	560
Мужицкий кафтан. (Из сборника В. С. Бахтина и П. Г. Ширяевой)	561
Плотник и клин. (Из сборника «Сказки Ф. П. Господарева», в обработке В. П. Аникина)	562
Казак и ведьма. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	563

Воры и судья. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	565
Знахарь. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	567
Шемякин суд. (В пересказе А. Н. Нечаева)	569
На суде. (Из сборника А. М. Смирнова)	572
Про мышь зубастую да про воробья богатого. (В пересказе В. И. Даля)	574
Неправый суд птиц. (Из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии»)	578
Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	580
Ямщик и купец. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	584
Клад. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	—
Черт и мужик. (Из сборника В. Н. Серебренникова)	588
Церковная служба. (Из сборника Н. Е. Ончукова)	589
Поп и батрак. (Из сборника «Сказки И. Ф. Ковалева»)	590
Фомка-шут. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	591
Топанье и ляганье. (Из сборника Б. и Ю. Соколовых)	592
Поп и дьякон. (Из сборника Д. Н. Садовникова)	594
Старухина молитва. (Из сборника Н. Е. Ончукова, в обработке В. П. Аникина)	595
Неграмотная деревня. (Из сборника Н. Е. Ончукова)	596
Поп Пахом. (Из сборника Б. и Ю. Соколовых)	598
Поповские увертки. (Из сборника М. В. Красноженовой, в обработке В. П. Аникина)	599
Кобылье яйцо. (Из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии»)	—
Архиерей. (Из сборника А. М. Смирнова, в обработке В. П. Аникина)	600
Две старухи и архиерей. (Из сборника «Сказки Магая (Е. И. Соколовникова)», в обработке В. П. Аникина)	601
Старинный поп. (Из сборника Н. Е. Ончукова)	603
Похороны козла. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Заветные сказки»)	604
Черт-заимодавец. (Из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии»)	607
Как поп работницу нанимал. (В пересказе С. Г. Писахова)	609
Беззаботный монастырь. (В пересказе А. Н. Нечаева)	610
Добрый поп. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Заветные сказки»)	613
Как дьякона медом угощали. (В обработке М. М. Сергеенко)	615
Мужик и поп. (Из сборника «Сказки Ф. П. Господарева»)	616
Поп на празднике. (Из сборника И. В. Карнауховой, в обработке В. П. Аникина)	619

Два вора. (Из сборника Д. М. Молдавского «Русская сатирическая сказка», в пересказе В. П. Аникина)	620
Про одного солдата. (Из сборника «Перстенок — двенадцать ставешков»)	621
Солдат на исповеди. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Заветные сказки»)	624
Кашица из топора. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	626
Солдат и черт. (Из сборника Д. Н. Садовникова)	627
Солдатская школа. (Из сборника А. М. Смирнова)	628
Солдатская загадка. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	630
Солдат и пельмени. (Из сборника В. Н. Серебrenникова)	632
Солдатская шинель. (Из сборника А. М. Смирнова)	—
Солдат и сало. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	634
Баба и два солдата. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	—
Солдатская коляда. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	635
Тини-тини, потягивай... (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	636
Привычки. (Из сборника Н. А. Иваницкого, в обработке В. П. Аникина)	637
Что дальше слышно. (Из сборника Н. Е. Ончукова)	638
Про мужика-бедняка и топор. (Из сборника Д. М. Молдавского «Русские сатирические сказки»)	640
Разговор. (В пересказе И. В. Воробьевой)	641
Не люблю — не слушай. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	642
Репа и мед. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	645
Мужик на небе. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	—
Морока. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	647
Большой дом из одного кирпичика. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	650
Шесть братьев — все Агафоны. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	652
Стоит река — вся из молока, берега — из киселя. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	655
Государь Сидор Карпович. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	656
Как дела в Ростове? (Из сборника Н. А. Иваницкого)	657
Чистота, благодать и красота. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	658
Лгало и Подлыгало. (Из сборника Д. М. Молдавского «Русские сатирические сказки», в обработке В. П. Аникина)	659

Мена. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	662
Худая жена. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	666
Барские гуси. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	669
Завещание. (Из сборника И. А. Худякова)	671
Жена-спорщица. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	—
Брито — стрижено. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	672
Жена-доказчица. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	673
Вещий дуб. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	677
Как муж отучил жену от сказок. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	679
Мотовило. (Из сборника И. А. Худякова)	680
Неумелая жена. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	682
Догада. (Из сборника О. Э. Озаровской «Пятиречье»)	—
Беспамятный зять. (Из сборника Н. А. Иваницкого)	684
Беззаботная жена. (Из сборника Н. А. Иваницкого)	685
Горшок. (Из сборника М. М. Серовой)	686
Брысь, окаянная, брысь! (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	689
Ленивая Арина. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	691
Как старик домовничал. (Из сборника А. П. Анисимовой)	692
Лень да Отеть. (В пересказе С. Г. Писахова)	694
Три калача и одна баранка. (В пересказе Л. Н. Толстого)	695
Наговорная водица. (Из сборника М. М. Серовой, в обработке И. В. Воробьевой)	696
Куда, миленький, снаряжаешься? (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в обработке В. П. Аникина)	698
Рыбацкая и охотничья байки. (В пересказе В. П. Аникина)	—
Докучные сказки. (Из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»)	699
Малоупотребительные и местные слова	701

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА
В 10 ТОМАХ

(том I)

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Ответственный редактор

Н. В. Белякова.

Художественный редактор

В. А. Тогобицкий.

Технический редактор

Л. В. Гришина.

Корректоры

Е. В. Куликова, Е. А. Сукьян.

ИБ № 9240

Сдано в набор 30.12.86. Подписано к печати 03.07.87. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 42,9. Усл. кр.-отт. 46,79. Уч.-изд. л. 28,57+9 вкл.=29,46. Тираж 403 000 экз. (2-й завод 203 001—403 000 экз.). Заказ № 5076. Цена 1 р. 70 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Производственное объединение «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

P89 Русские народные сказки/Сост., вступит. ст. и примеч. В. П. Аникина; Ил. И. Билибина.— М.: Дет. лит., 1987.—719 с., ил.— (Сказки народов мира в 10 томах, т. I).

В пер.: 1 р. 70 к.

В сборник входят русские народные сказки: волшебные, бытовые, сатирические, о животных.

Р 480300000—412
М101(03)87 Подписн. изд. .

РФ

